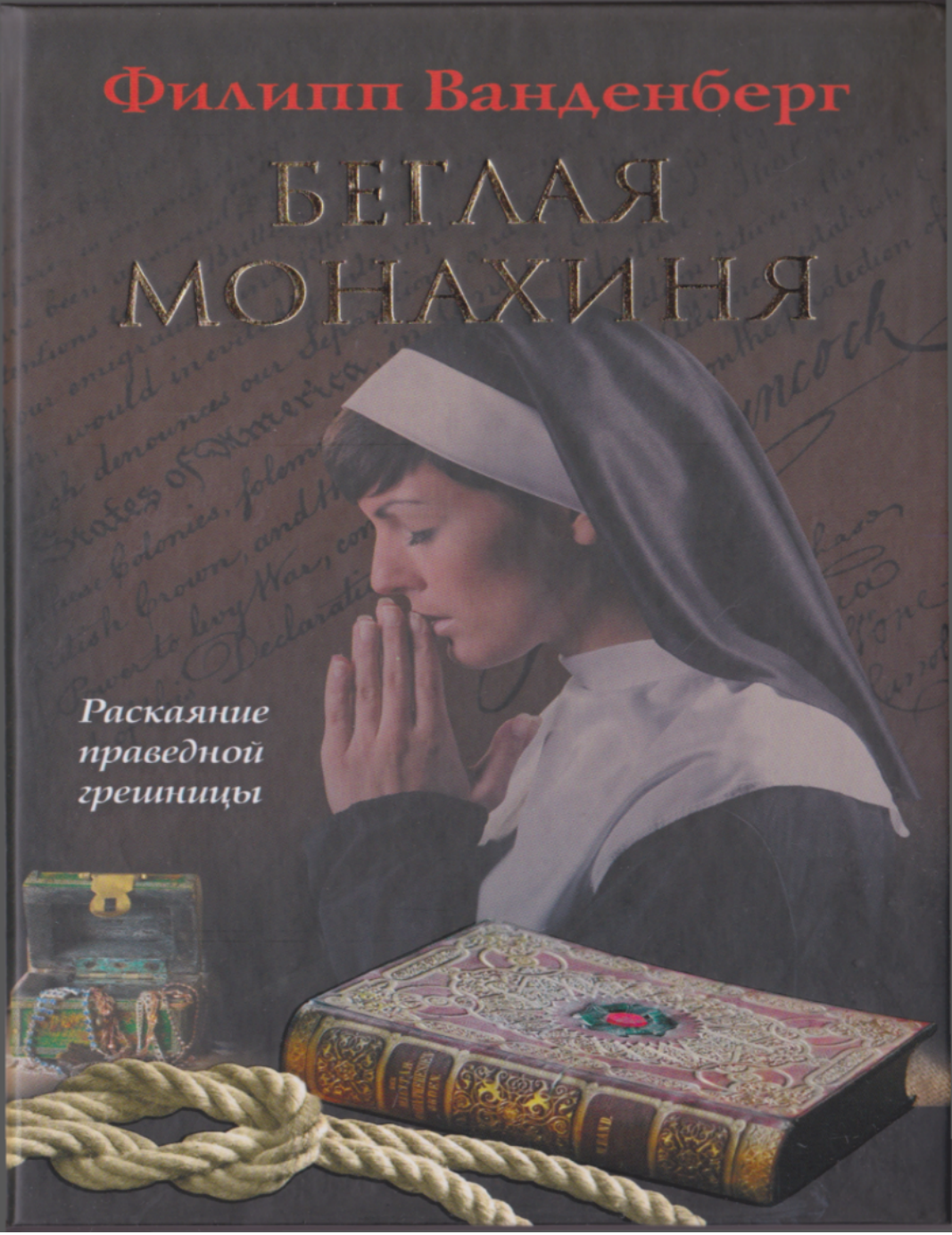
Филипп Ванденберг

БЕГЛАЯ МОНАХИНЯ

Раскаяние праведной грешницы



SHOUT
SHARE
IT

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Эпилог
- Исторические факты
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

Филипп Ванденберг
БЕГЛАЯ МОНАХИНЯ
БЕГЛАЯ

МОНАХИНЯ

Исторический роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Филипп Ванденберг — один из самых известных немецких писателей современности. Каждая его книга несет в себе потенциальную сенсацию! Ведь автор не боится выдвигать самые невероятные исторические гипотезы и уверенно их обосновывает. Более 30 книг Ванденберга стали бестселлерами во многих странах мира, общий тираж их давно перешел рубеж в 25 миллионов экземпляров. И тем не менее поклонники его творчества с нетерпением ждут появления на полках магазинов очередной книги со знакомым именем на корешке. Итак, вы держите в руках новинку...

Магдалена Вельзевул — юная девушка, заточенная в женский монастырь суровыми родителями. Не выдержав затхлой атмосферы интриг и разврата, она совершает побег и оказывается на улице без гроша в кармане. Так начинаются невероятные приключения «Беглой монахини».

Несмотря на строгое воспитание, Магдалена быстро перевоплощается в актрису бродячей труппы, легко находит общий язык с людьми. А люди ей встречаются разные. Кому-то она будет безразлична, кто-то захочет ее жестоко обмануть и даже убить, и лишь немногие станут для девушки верными друзьями и надежными защитниками.

Вслед за первой любовью в жизнь Магдалены приходит страшная тайна. Девушка почти случайно становится хранительницей древних знаний, переданных ей знаменитым на всю страну канатоходцем за несколько мгновений до его трагической гибели.

За обладание этим секретом одни готовы отдать «полцарства», а другие — сжать ее горло до характерного хруста.

Сможет ли Магдалена подобрать ключи к загадке и выйти из этой смертельной игры, где на кону не только человеческие жизни, но и власть над миром? Какие знаменитые имена скрываются за мрачной вывеской тайного общества?

События «Беглой монахини» разворачиваются в Германии во времена крестьянских бунтов 1525 года. Вымышленные персонажи и события настолько органично сочетаются с историческими, что по прочтении романа хочется воскликнуть: «Да, это было на самом деле!»

Надеемся, что книга подарит немало приятных минут всем тем, кто неравнодушен к средневековью с его хищными и всемогущими церковниками, тайными обществами, утерянными фолиантами и несметными сокровищами тамплиеров...

A12

Пролог

Зовут меня Гильдебранд фон Альдерслебен, имя свое я получил по названию деревушки во Франконии, где и был произведен на свет почти полвека тому назад. Некоторые считают меня дворянином, а я всего лишь странствующий певец, шут, если угодно, человек вне закона, любой ландскнехт может отправить меня на тот свет, и ничего ему за это не будет.

Врожденная скромность не позволяет мне величать себя миннезингером[1], наподобие Рейнмара фон Хагенау или Нейдхарта фон Ройенталя, тем паче Освальда фон Волькенштейна, того самого, что, будучи одноглазым, вроде злополучного великана-циклопа Полифема, слагал стихи, которые и сегодня трогают людей до слез, и сочинял песни, которые исполнял в присутствии прекрасных дам. Его уж сто лет как нет в живых, и он был одним из лучших миннезингеров.

Что уж говорить о принадлежавшем к рыцарскому сословию Вальтере фон дер Фогельвейде, который был на короткой ноге с королями и императорами и своими любовными песнями приводил в неописуемый восторг всех женщин. Нисколько не сомневаюсь, что его стихами будут восхищаться, когда никто уже и не вспомнит, где Вальтер родился и где почил.

И меня, Гильдебранда-сказителя, ждет такая же участь. Но это отнюдь не нагоняет на меня тоску, совсем даже наоборот. В конце концов, я неплохо живу, рассказывая свои истории, которые пережил сам или услышал от других.

Народ жаждет занимательных историй еще больше, чем напыщенного миннезанга[2]. Не зря же Библия стала книгой книг. Только попы и их ханжи-прислужники полагают, что все дело в посулах вечной жизни. Ничего подобного. Успех Библии зиждется на бесчисленных историях, повествующих о ревности и братоубийстве, супружеской измене и любовных утехах. Даже перед колдовством Библия не останавливается, хотя Папа Римский заклеймил его как безбожие и, стало быть, самый тяжкий грех. Если б мне было суждено когда-нибудь повстречаться с понтификом, я бы задал ему один простой вопрос: а как он относится к умению Господа ходить по воде? Что это, если не колдовство?

Что до меня, то мне с моими рассказами ни с кем считаться не надо. Меня не волнуют никакие законы — ни природы, ни морали, поскольку я рассказываю истории из жизни. А у жизни свои собственные законы. Законы, которые кому-нибудь да

обязательно не нравятся. Законы — такая же сомнительная штука, как обещание вечного блаженства, ведь никто еще не привел доказательств его существования. Посудите сами: правила, определяющие ход жизни на одном берегу реки, на другом или, скажем, за горой уже не действуют, там их даже высмеивают, ибо в тех местах совсем другие законы, над которыми мы, в свою очередь, потешаемся.

Я, Гильдебранд-сказитель, не боюсь рассказывать истории о колдунах и ведьмах. Даже дьявол, про которого многие утверждают, что его вовсе нет, в то время как иные одержимы им, играет в моих байках отнюдь не последнюю роль. Встречаются сограждане, считающие, что все это плод моей фантазии, точно так же, как стихи величайшего из сказителей по имени Гомер, которому все мы в подметки не годимся. Впрочем, пусть у каждого будет на этот счет свое мнение.

Хотя должен признаться, что и я рассказывал о странах, столь же чужих мне, как вновь открытые земли по другую сторону большого океана, где ни разу не ступала моя нога. Но разве в этом дело? Если мне удается оживить незнакомую страну в воображении человека, я считаю свою цель достигнутой. Тогда уже совершенно неважно, какие цветы цветут на лугах — простая смолевка или диковинные, которые ни одна душа не видела и не знает их названия. Для сказителя важно другое: кто кого повстречал на этом лугу — рыцарь своего заклятого врага, разбойник кутилу, юноша свою возлюбленную или похотливый монах робкую деву.

За свою жизнь, полную захватывающих приключений, я познакомился с множеством людей, заслуживающих того, чтобы рассказать о них. То и дело на моем пути попадались женщины, для которых я становился объектом вожделения, и наоборот. Но мой образ жизни — сегодня здесь, завтра там — не позволял уделить им больше времени. Что прискорбно — с печалью и сожалением заключаю я сегодня. Но в конце моей насыщенной событиями жизни я осознал: бродячий сказитель, вагант и шут не может странствовать с подругой. В сказителе живет тоска мужчины по женщине. И это вожделение, сладострастие, ненасытность — называйте как хотите — красной нитью проходит через все байки, сохранившиеся в моей памяти.

К самым трогательным и волнующим относится следующая история. Кстати, это единственное повествование, которое я запечатлел на бумаге, — долгая была канитель. Ибо насколько легко и стремительно мысли слетают с моего языка, настолько же тяжело мне дается в немоте записывать их неловкой рукой. Язык дан человеку с рождения, навыки письма ему еще суждено

усвоить.

А потому простите, если я порой вульгарен и пишу, как говорю. За этим не кроется никакого умысла. Высокопарные словеса — удел Лютера, мятежного монаха из Виттенберга. Но и тот нередко впадает в банальность. Я пишу, как Бог на душу положит и как принято в среде, в которой вращалась героиня моего повествования.

Так что не ждите от меня рассказов, дурманящих, словно волшебные цветы. Уж больно жизнь у нас приземленная — в особенности у прекрасной Магдалены. Ее истории любви и пагубной страсти, счастья и страдания, добродетели и порока, набожности и безбожия хватило бы на три жизни; и все же это одна-единственная жизнь, о которой я и собираюсь вам поведать.

Глава 1

В полночь в дормитории, монастырской спальне, оглушительно зазвенел колокольчик, созывая монахинь к заутрене, первой службе нового дня. От двери вытянутого в длину общего спального зала раздался сухой, хрипловатый голос аббатисы:

— Поднимайте свои грешные тела и славьте Господа! Марш отсюда!

Семьдесят монахинь и послушниц сонно пробормотали «Благодарение Господу!» и выбрались из своих грубо сколоченных, покрытых соломенными тюфяками сучковатых ящиков, которые служили им кроватями. Вдоль каждой стены стояло соответственно по тридцать пять ящиков, обращенных изножьем друг к другу, так что оставался лишь узкий проход между рядами. Справа от каждой кровати стоял стул, куда на ночь складывалось монашеское одеяние.

Магдалена, получившая четыре года назад при поступлении в монастырь орденское имя Летиция, откинула колючее покрывало и в оцепенении присела на краю кровати. Через грубую длинную холщовую рубаху, которую она, как и все остальные монахини, не снимала ни днем, ни ночью, в ноги больно врезалась необструганная древесина. Магдалена замерла на секунду, бросив взгляд на маленькое незастекленное оконце на противоположной стороне. Она поежилась. В лицо ударила затхлая ледяная струя воздуха. Лишь в самые трескучие морозы окна затыкались мешками с сеном.

Среди всех самоистязаний, которые орден цистерцианцев[3] налагал на монахинь, это казалось Магдалене самым непостижимым: она никак не могла взять в толк, почему дрожащая от холода монахиня будет ближе к Богу, нежели спящая в теплой постели. Впрочем, загадка нашла вразумительное объяснение уже через несколько ночей, проведенных в общей спальне, когда Магдалена — она не поверила своим ушам — поздней ночью услышала неподобающие звуки. Неподобающие потому, что иначе чем недвусмысленным свидетельством чувственного наслаждения их истолковать было нельзя, а это явно противоречило обету целомудрия цистерцианок.

Вскоре Магдалена четко усвоила, что в женском монастыре, как и в нормальной жизни, имели место и вражда, и любовь. Что касалось любовных отношений, то они были такой же тайной за

семью печатями, как «Откровение» святого Иоанна Богослова. Сравнение отнюдь не беспочвенное, поскольку и то и другое давало массу возможностей для толкования.

Безусловный факт — это то, что официально монахини жили в своем монастыре Зелигенпфортен (что означало «Врата блаженства»), расположенном в долине реки Майн, в смирении и целомудрии, строго по заветам святого Бенедикта.

Втайне же, преимущественно по ночам, они давали волю своим чувствам и телесным потребностям.

Аббатиса Зелигенпфортен, рослая, мужеподобная и весьма просвещенная особа, подозревая, что творится по ночам и монашеском дормитории, попыталась пресечь недозволенные вольности. Понаслышке, а может и на собственном опыте, она твердо знала, что холодная постель — надежное средство подавления половых инстинктов. По меньшей мере раз в неделю, вооружившись фонарем, она устраивала контрольный обход длиннющего зала, стараясь ничем не выдавать себя. До сих пор, однако, ей не удалось сделать ни одного открытия, нарушающего устав святого Бенедикта.

Причина могла крыться отчасти в свете фонаря, уже издалека возвещающем о ее появлении, а может и в позвякивании четок, которые она, продев под черным наплечником белого монашеского одеяния, оборачивала вокруг тела. Тогда в дормитории, словно у сурков в горах, раздавался тихий свист, и тут же воцарялся благоговейный покой.

До поры до времени Магдалена была избавлена от попыток сближения со стороны сестер-монахинь. Не то чтобы она была безобразна или как-то иначе обделена природой, совсем наоборот. Создатель наградил ее красиво сложенной фигурой и бюстом, который не удавалось скрыть даже под строгим монашеским одеянием. Причина, скорее, была в другом. Несмотря на низкое происхождение и всего двадцать два года от роду, Магдалена казалась неприступной, от нее так и веяло благородством и достоинством.

Однако этой ночью — у Магдалены еще звучали в голове монотонные распевы повечерия, молитвы, завершившей день, — она вдруг услышала тихие шаги у изножья своей постели. В чем не было ничего удивительного, если вспомнить описанные нравы.

Крайне удивили Магдалену, впрочем, спустя всего несколько мгновений чьи-то руки, нежно ощупывавшие ее тело. Ее словно парализовало. Сначала — потому что она решила, что грезит; а потом, когда она очнулась, — потому что не знала, как на это реагировать.

В беспросветной темноте дормитория Магдалена не могла

видеть, от кого исходили отнюдь не неприятные прикосновения, она даже была вынуждена признаться себе, что сейчас происходило нечто, о чем она втайне иногда мечтала. Она не раз грезила наяву, пытаясь представить себе, как страстные мужские руки ласкают ее девичье тело. В какой-то миг все показалось настолько реальным, что она забыла, кто она и где она. Магдалене чудилось, что она сходит с ума от желания, и у нее вырвался сладострастный стон — такой же, какие она часто слышала здесь бессонными ночами.

Когда же незнакомые руки скользнули меж ее бедер и кровь запылала в жилах, когда ее охватило смятение и она не знала, как себя вести, девушка почти бессознательно разрубила темноту левой рукой. Послышался хлопок и тут же подавленный вскрик. Затем — удаляющиеся тихие шаги.

И вот ошалевшая от происшедшего Магдалена сидела на жестком краю кровати, пытаясь привести в порядок свои сумбурные мысли. Вокруг по-прежнему царила непроглядная тьма, явь и сон путались в мозгу.

Накинув на себя одежду и втиснув остриженную голову в накрахмаленный чепец, она смущенно окинула глазами зал. Магдалена инстинктивно почувствовала, что на нее устремлены взгляды всех насельниц. В душевном смятении она заняла свое место в колонне по двое, выстроившейся в узком проходе. Наконец полуночная процессия направилась в церковь. Им предстояло спуститься по узкой винтовой лестнице, миновать крытую галерею и попасть на противоположную сторону к стрельчатой двери, ведущей на хоры.

Во время заутрени с ее многократными монотонными повторами Магдалена судорожно пыталась вытеснить из своей памяти ночные события. Она была словно в дурмане, но не как обычно — от ладана и запаха горящих свечей, всегда приводивших ее в упоение, — а от всепоглощающих чувств, овладевших ею.

Но чем дольше тянулись речитативы заутрени, тем больше Магдаленой овладевали сомнения, не приснилось ли ей все пережитое, не было ли это плодом ее грез и фантазий. Быть может, целомудрие и девственность сыграли с ней шутку, нарисовав в ее воображении картины того, от чего она отреклась, уйдя в монастырь? Или, может, это было искушение дьявола, принимающего разные обличья и подстерегающего каждого? Сам Господь Иисус Христос не был тут исключением, и Его искушали.

По окончании молитвы монахини в том же порядке, как и пришли, отправились назад в спальный зал, чтобы прибрать свои кровати. Почти с отвращением взирала Магдалена на место

своего грехопадения.

По канонам ордена святого Бенедикта, до восхода солнца не разрешалось произносить вслух ни ***единого*** слова. Однако взгляды, которыми обменивались монахини, были куда красноречивее слов. Магдалена пыталась украдкой перехватить хотя бы один из этих взглядов, который мог бы указать на виновницу ночного события. Однако напрасно.

Еще до рассвета монахини встречались в трапезной за утренним супом. Трапезная, располагавшаяся двумя этажами ниже дормитория, имела те же размеры, что и спальный зал. Правда, окна здесь были побольше, к тому же в них были вставлены круглые стекла с утолщением посередине. Столы стояли двумя длинными рядами вдоль стен и лишь в конце соединялись широким столом, за которым имела обыкновение восседать аббатиса.

Ей полагался также один-единственный стул с высокой спинкой, подчеркивавший ее значимость, лишенный, однако, какого бы то ни было украшения и резьбы. Простые монахини сидели вчетвером на деревянной лавке.

Хотя на дворе было уже почти лето, окна еще ни разу не открывались, поэтому от старых стен по-прежнему веяло студеной зимней сыростью. Когда две монахини внесли деревянный чан с утренним супом, представлявшим из себя жидкую кашицу из молока, воды и перловки, и поставили его на табурет посредине трапезной, он дымился, как лениво струящаяся река в осеннем тумане.

Невзирая на монастырское раболепие и смирение, монахини сгрудились вокруг дымящегося чана, из которого одна из них — они делали это по очереди, меняясь каждый день, — деревянным черпаком разливала утренний супчик. Столовую посуду, грубую глиняную миску, монахини берегли как зеницу ока, потому что новую взамен старой, совсем уже истончившейся, давали лишь раз в году, на Сретенье. Той, которая разбивала или повреждала свою миску, все оставшееся время приходилось довольствоваться черепком.

При раздаче еды было строжайше запрещено требовать большую или меньшую порцию. К счастью, Создатель сделал глаза красноречивыми, так что Магдалена опустила взгляд, давая понять, что не испытывает голода. Мысли о ночном происшествии неожиданно вызвали у нее отвращение к еде.

В это утро разливать суп должна была Хильдегунда. От почти полувекового монастырского воздержания черты лица этой невысокой полноватой монахини приобрели угрюмое выражение, а характер стал злобным. Несмотря на знак Магдалены, она с

нескрываемым злорадством плеснула полный до верха черпак утреннего супа в ее миску, словно бросив ей в лицо: «На, жри!», — и прошипела при этом:

— Аббатиса желает с тобой поговорить!

Магдалена на секунду застыла и взглянула в черствое лицо Хильдегунды, но на нем не отразилось никаких чувств, и она уже повернулась к следующей монахине. Магдалене бросилось в глаза, что аббатиса не вышла к утренней трапезе. Такое случалось нечасто, собственно, лишь тогда, когда тяжелая болезнь приковывала ее к постели. Тем загадочнее казалось то, что аббатиса вызывала ее в свое отсутствие.

Магдалена с омерзением, не мигая смотрела на серую массу в своей миске. Чем дольше она медлила, тем гуще становилась скользкая пленка, влажной паутиной покрывавшая суп. Магдалене становилось все противнее.

От сидевшей слева монахини не укрылось происходящее, она ткнула ее локтем в бок, и Магдалена начала лихорадочно мешать свой суп. Но как она ни старалась, ее отвращение только увеличивалось, и от одной мысли, что ей придется есть это варево, ее начало мутить.

При этом Магдалена отнюдь не была разборчивой в еде, как иная монахиня благородных кровей. Их тошнило одну за другой, когда во время поста в монастырском меню появлялись запеченные лягушки и жареные улитки. Земноводные и рептилии не считались скоромным и поэтому не подпадали под запрет.

Монастырская заповедь, однако, гласила, что всякая еда, положенная в тарелку, должна быть съедена, даже если желудок выворачивало наизнанку. Сейчас это грозило Магдалене.

Ее заминка не осталась незамеченной и другими монахинями. Мысль, что Магдалена могла обнаружить в утреннем супчике яд или что-то гадкое, что порой случалось, заставила всех остановиться и вопросительно поглядеть на сестер. Неожиданно монахини неподвижно замерли над своими мисками, и в воздухе повисла мертвая тишина.

Хильдегунда, сама родом из крестьян, бывшая грубой и несдержанной, бросила черпак в чан с супом и, зловеще прищурившись, пристально посмотрела на монахинь. Ее боялись именно из-за ее непредсказуемости. Никто не знал, что она сделает в следующий момент, и нередко она раздавала тумаки своими костистыми руками.

Неожиданно тишину разорвал ее надтреснутый голос, эхом отразившийся от голых стен:

Твари безбожные! Паразиты в саду Господнем! Всех вас пора выгнать из монастырской обители. Чтоб вы там дерьмо от коз да

овец жрали!

Только она замолкла, как Клементия, четырнадцатилетняя послушница, резко склонилась к столу, и из ее рта низвергся рвотный фонтан, такой же серый, как только что съеденный суп, отчего образовалась лужа, по форме очень похожая на человеческие почки.

Памятуя предостережение аббатисы о том, что лишь зло бесконтрольно покидает тело человека, монахини истошно завопили и бросились к дверям, словно за ними гнались черти. Насколько позволяли их развевающиеся одежды, они помчались вниз по узкой каменной лестнице: одни — в монастырскую церковь помолиться, другие — к крытой галерее вокруг монастыря, чтобы вдохнуть холодного утреннего воздуха.

Таким путем Магдалена избежала схожей участи с послушницей, поскольку бежавшие монахини в панике побросали свои миски, и ей представилась возможность незаметно разлить свой омерзительный суп в две соседние посудины.

Ломая себе голову, с чего бы это аббатиса вызвала ее к себе, Магдалена спустилась на первый этаж, где напротив входа располагалась резиденция настоятельницы монастыря. Со времени вступления Магдалены в орден ей ни разу не довелось побывать в этом помещении, поразившем ее тогда своими огромными размерами и мрачностью. Она всегда старалась избегать жесткого, пронизывающего взгляда этой суровой женщины и смиренно опускала глаза, если их пути пересекались.

Магдалена робко постучалась в тяжелую дверь из темного дуба и вошла, не дожидаясь ответа. В рассеянном сумеречном свете, проникающем сквозь окно, выходившее на галерею, аббатиса была едва различима. Она сидела, подавшись вперед и застыв, словно статуя, за узким столом без украшений, глаза ее были прищурены, губы поджаты, руки с переплетенными пальцами вытянуты вперед.

Вы звали меня, достопочтенная матушка, — произнесла Магдалена после мучительной паузы.

Кивнув, аббатиса вышла из оцепенения и легким движением руки указала монахине на узкий стул. Магдалена, будучи в крайнем смущении, покорно присела на краешек.

Наконец аббатиса поднялась, опершись локтями. Неожиданно Магдалена увидела у нее синяк под глазом, и ее обуял страх. Когда настоятельница с угрожающим видом обошла вокруг стола и встала у нее за спиной, в сердце девушки закрались недобрые предчувствия. Однако то, что последовало за этим, чрезвычайно поразило ее: Магдалена вдруг почувствовала, как две руки начали мять ее груди. Поначалу, осознавая свою полную беспомощность,

она не противилась. Но понемногу рассудок вернулся к ней, и, услышав похотливое похрюкивание аббатисы, Магдалена тихонько пискнула:

— То, что вы творите, неправедно перед лицом Господа!

Однако старуха не отпускала ее и лишь бросила сдавленным голосом:

— Господь и тебя сотворил. Не может быть неправедным прикосновение к творению Господа.

Магдалена вскочила так резко, что настоятельница закачалась и чуть не повалилась на пол. Короткой заминки девушке хватило для бегства. На лестнице, которая вела на чердак, в гардеробную, у нее на пути вдруг выросли две монахини. Одна из них, зад которой больше напоминал круп лошади, а ноги — колонны монастырской церкви, держала в руках свою посуду. Вторая, на добрую голову выше Магдалены, не дав ей опомниться, сорвала с нее чепец. Обе принялись охаживать Магдалену кулаками.

— Мы у тебя отобьем охоту сливать свой суп в наши миски! — прошипела великанша и вытряхнула содержимое посудины на бритую голову девушки.

Магдалена истошно завопила и начала плеваться, после яростного сопротивления ей все же удалось вырваться в гардеробную. Обессиленная и безутешная, она опустилась на сундук. Закрыв лицо руками, дала волю слезам и в отчаянной ярости решила уйти из монастыря при первой же возможности. Во всяком случае, еще до принятия пострига, которое ей предстояло через несколько дней.

Эта мысль вызвала у нее панику. Легко сказать — уйти из монастыря. Куда ей податься? Об отце и брате, которые сдали ее сюда четыре года назад, потому что в ленном поместье ей не было места, она с тех пор ничего не слышала. Оба, что отец, что брат, прощаясь, недвусмысленно дали понять, что расстаются с ней навсегда. Потомки женского пола в земельном владении были нежелательны.

Магдалена не удивилась бы, если бы отец плеткой прогнал ее со двора, явись она к нему после побега из монастыря. И все же она была полна решимости совершить этот побег.

В монастыре она многому научилась, умела читать и писать и даже изучала латынь. Она с воодушевлением пополняла свои знания в библиотеке под надзором одной ученой цистерцианки и весьма преуспела в учении.

Когда смотрительница гардеробной отдала Богу душу, аббатиса взялась найти ей преемницу и назначила на это место Магдалену, нисколько не заботясь о ее пригодности и

склонностях.

Гардеробная под кровельными балками, куда ретировалась Магдалена, служила складом светской одежды, которую сдавали послушницы, поступая в монастырь и получая взамен монастырское платье. Орденские одеяния всех размеров в большом количестве лежали в грубо сколоченных шкафах. Светские платья хранились в сундуках и ящиках и могли составить достойное приданое королевской дочери, ведь многие монахини монастыря Зелигенпфортен были дворянских кровей.

В поисках своего деревенского платья, в котором она прибыла в монастырь и которое с тех пор никогда не видела, Магдалена наткнулась на дорогую одежду из бархата, отороченную мехом и отделанную пуговицами из слоновой кости, шелковые шали и тончайшие накидки; вся эта роскошь одурманила ее, словно фимиам во время богослужения. Не в последнюю очередь этому способствовал резкий запах лаванды, высушенными пучками которой были проложены

платья, дабы оберегать одежду от моли и прочих паразитов.

И тут вдруг Магдалене пришла в голову греховная мысль бежать, облачившись в какой-нибудь из этих богатых нарядов, — по-видимому, черт выскользнул из платья, чтобы вве-сти ее в искушение. Так она хотя бы вынесет на себе ценность, которую в случае крайней нужды можно будет обратить в деньги. Ведь никаких средств для существования у нее не было. У монахинь, правда, были в ходу монеты, но, чтобы заполучить их, надо было испытывать пылкую страсть к собственному полу или оказывать иные услуги, которые Магдалена напрочь отвергала.

В дорожном сундуке с железными ручками и выцветшим гербом спереди Магдалена обнаружила платье нежно-зеленого цвета изящного фасона; подобное могла бы носить дочь богатого сукнодела или жена городского главы. К платью нашелся и уложенный в крупную складку чепчик, который скрыл бы ее наголо обритую голову. Магдалена свернула платье и чепчик в узелок и положила обратно в сундук, намереваясь тщательнее обдумать план побега и дождаться, когда утихнет дождь, который вот уже несколько дней проливали мрачные тучи, нависшие над долиной Майна. Однако судьба распорядилась иначе.

Когда на следующее утро Хильдегунда, разливая утренний суп, закатила глаза и вновь велела ей явиться к аббатисе, всем своим видом показывая, что ее нравственность глубоко оскорблена, Магдалена почуяла неладное. Несомненно, ее вчерашнее поведение повлечет за собой какое-нибудь наказание вроде мытья отхожих мест или, что еще хуже, заключения в темный погреб без всякой еды.

А потому она, не раздумывая, мгновенно приняла решение. Как только монахини после утреннего супа отправились из трапезной в спальный зал двумя этажами выше, Магдалена проскользнула в гардеробную, вынула свой узелок из сундука и, выйдя на лестницу, выбросила его в окно. Шедший несколько дней подряд монотонный дождь наконец перестал, и она восприняла это как знак свыше.

Монахини еще не закончили свою работу в дормитории, и Магдалена смогла незаметно спуститься вниз. Еще не рассвело, и никого в этот ранний час не было на воротах, поэтому ей удалось тайком юркнуть в калитку и, пригнувшись, осторожно пробраться вдоль монастырской стены. Вскоре она нашла то место, куда сбросила узелок с одеждой.

Проворно раздевшись, Магдалена переоделась в благородное платье и, чтобы выиграть время у возможных преследователей, сразу помчалась к реке. Добежав до берега Майна, девушка швырнула свою старую одежду в медленно струящиеся воды. В порыве минутной меланхолии она проследила взглядом за уплывающим вниз по реке монастырским одеянием, словно прощалась со всей своей предшествующей жизнью. Четыре долгих года эта одежда стесняла ее, подавляла и приковывала к жизни, к которой она поначалу вовсе не испытывала отвращения. Но с годами все оказалось иллюзией, постепенно превратившейся в кошмар.

Магдалена неспроста выбросила монастырскую одежду в реку. Майн, как никакая другая река, текущая по холмистой местности, делает множество изгибов. В одной из таких излучин узелок с цистерцианским платьем наверняка прибьет волной к берегу. Сам собой напросится вывод, что монахиня добровольно ушла из жизни, — достаточное основание прекратить ее поиски.

Какое-то время узелок мотался вблизи от берега, наконец, подхваченный свежим порывом ветра, раздулся, как живот утопленника, и его отнесло на середину реки, где он вскоре исчез из поля зрения девушки.

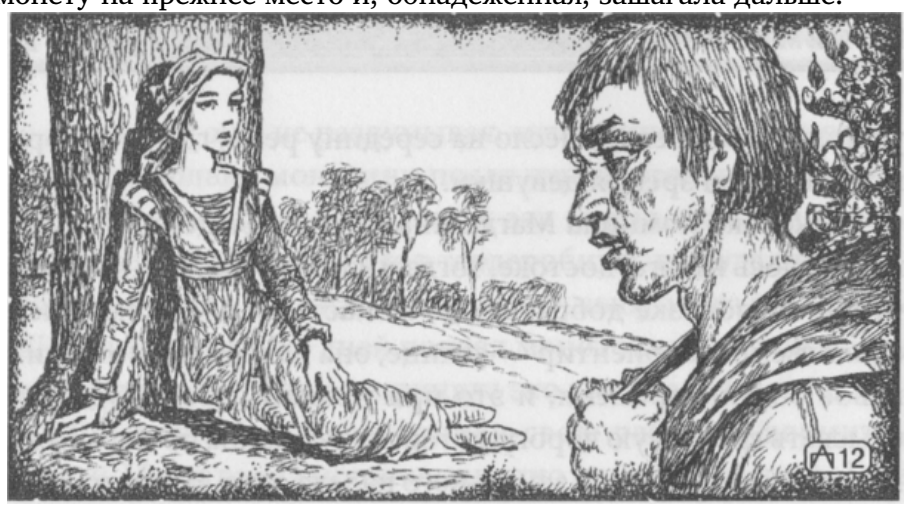
Насколько помнила Магдалена, ленное владение ее отца находилось на юго-востоке, тогда им понадобилось два дня, чтобы на повозке добраться до монастыря. Пешком, имея единственный ориентир — солнце, она наверняка потратит вдвое больше времени, и это при условии, что ей удастся отыскать грунтовую дорогу, которая проходила по лесу всего в нескольких милях от земельного надела отца. Никаких указателей там не было, лишь тут и там зарубка на буке или какая-нибудь отметина на камне — загадочные знаки бродячих артистов и цыган, понятные только им самим. Мягкая лесная почва, усыпанная

влажной листвой, от которой исходил прелый запах, отнюдь не способствовала быстрому продвижению. К тому же подол платья намок и становился все тяжелее и тяжелее.

Дорогу перегородило поваленное дерево, и Магдалена присела немного отдохнуть. Подперев голову руками, она уставилась невидящим взглядом в подлесок, и по ее лицу потекли крупные слезы. Она сама не знала, в чем причина ее уныния. Наверное, это был страх перед неизвестностью, тяжким грузом лежавший у нее на душе.

Прежде чем продолжить путь, Магдалена подняла юбки, собираясь выжать мокрую кайму платья. Неожиданно она сделала странное открытие, нащупав нечто круглое, шириной в два пальца, спрятанное в ткани, — это могла быть пуговица или гемма. Снедаемая любопытством, девушка двумя руками переместила таинственную находку к тому месту, где шов подпушки поддался, и ей удалось извлечь на свет блестящий золотой дукат — невиданное богатство!

Когда и каким образом ценный предмет попал за кайму чужого платья — об этом Магдалена не задумывалась. Она сунула монету на прежнее место и, обнадеженная, зашагала дальше.



Глава 2

Через семь дней с полным ощущением, что она не раз ходила по кругу, Магдалена вышла из пропитанного сыростью букового леса. Перед ней простиралась широкая долина. Над лугами стремительно неслись низкие темные облака. И там, где долина вновь забирала вверх, раскинулась большая усадьба, в которой Магдалена провела свое детство. Все четыре года, прожитые в монастыре, перед ее мысленным взором неизменно стояла одна и та же картина: горделивый господский дом с хозяйственными постройками по обеим сторонам.

Подобрав двумя руками тяжелые от дождя юбки, Магдалена привычно сбежала вниз с холма, как когда-то в детстве. Прыжком перемахнула через речушку, делившую долину на две неравные части, и, запыхавшись, остановилась. Как отнесутся отец и брат к ее внезапному появлению?

В глубокой задумчивости Магдалена дошла до двора. Дверь в дом была заперта. Девушка постучала, раз, потом еще. Наконец дверь приоткрылась и из щели на нее настороженно уставились глаза незнакомой женщины.

— Я Магдалена. А мой отец дома?

Женщина молча разглядывала ее. Она была примерно такого же возраста, как и Магдалена.

— Отца твоего мы два года назад снесли на кладбище, — наконец буркнула незнакомка.

— Он умер? — У Магдалены комок застрял в горле.

— Обоих деревом придавило.

— Обоих?

— Отца и сына — Гебхарда, моего мужа. Я вдова Гебхарда.

— Жена моего брата Гебхарда, — пробормотала себе под нос Магдалена. Новость обрушилась на нее так внезапно, что она даже не успела опечалиться.

— Я знаю, — продолжала чужая женщина, и голос ее звучал недобро, — у вас были не самые лучшие отношения. Но плохо Гебхард о тебе никогда не отзывался. Я думала, ты монашка и живешь в монастыре.

— Жила еще совсем недавно. Я убежала...

— Ах, вот оно что, и теперь ты решила, что найдешь у меня приют? Ну уж нет!

— Только на несколько дней, пока не улучшится погода и я не решу, куда мне податься. Господь воздаст тебе!

— Оставь свою глупую болтовню о Боге! Где он был, когда

мой муж и свекор отправились на тот свет? Какой тяжкий грех я совершила, что он так покарал меня? А теперь проваливай! — Дверь с грохотом захлопнулась, и Магдалена услышала, как изнутри задвинули засов.

Она стояла как громом пораженная, не в силах осмыслить услышанное. Потом на нее навалилась гнетущая тоска, ей казалось, что она летит в пропасть. Наконец Магдалена повернулась и побежала что есть сил, лишь бы поскорее скрыться отсюда, подальше от родных мест, с которыми было связано столько трогательных воспоминаний.

Магдалена пересекла речку и одним махом взлетела на холм, словно за ней неслась свора собак. Наверху, на опушке леса, она в полном изнеможении прислонилась к гладкому стволу бука и сползла на сырую землю. Охватив колени руками, зарылась лицом в юбки и заплакала.

Бог ведает, сколько времени она провела в этой застывшей позе. Треск веток вернул ее к действительности. Магдалена подняла глаза и увидела перед собой высоченную фигуру — это был мужчина исполинского роста с деревянными заплечными носилками, груженными хворостом. Магдалена вскочила и боязливо отпрянула назад. Сборщик хвороста энергично затряс головой и поднял руки, как бы говоря: не бойся, я ничего тебе не сделаю.

Магдалена остановилась, потом внимательно посмотрела на незнакомца. Наконец подошла к мужчине и неуверенно спросила:

— А ты случайно не Мельхиор?

Великан радостно затряс головой, и на его мрачном лице засияла восторженная улыбка. Под грузом высоко нагроможденных веток носилки закачались, исполин потерял равновесие и упал навзничь в траву. Увидев, как он беспомощно барахтается на земле, словно перевернутая черепаха, и при этом хихикает от удовольствия, Магдалена не удержалась и тоже расхохоталась. Она смеялась громко и от души. Ей вдруг пришла в голову мысль, что так весело она не смеялась уже несколько лет.

Она тут же вспомнила, как они когда-то бесились с глухонемым батраком на лугу, как, вооружившись палками и сетями, охотились на ласок и кроликов, чаще всего, впрочем, оставаясь без всякой добычи.

— Мельхиор, милый Мельхиор! — приговаривала Магдалена, помогая слуге подняться на ноги.

Выпрямившись во весь свой рост, он театрально сложил руки как для молитвы и указательным пальцем правой руки показал на запад.

Магдалена сразу поняла его.

— Ты спрашиваешь, почему я не в монастыре Зелигенпфортен?

Мельхиор кивнул.

— Я просто не выдержала больше и удрала оттуда. Думала, что смогу пожить пару деньков у отца и брата. И вот теперь узнала, что обоих уже нет в живых. А вдова моего братца прогнала меня со двора.

Чтобы парень лучше понимал ее, Магдалена использовала оттопыренные большой и указательный пальцы — некоторые жесты языка немых еще сохранились у нее в памяти.

Мельхиор пощупал мокрое насквозь платье Магдалены и знаками дал ей понять, что она должна следовать за ним, если не хочет заболеть и умереть.

— Но ведь вдова меня прогнала! — напомнила Магдалена.

Слуга пренебрежительно махнул рукой, что должно было

означать: предоставь дело мне! И добавил, используя другой жест: «Пошли!»

Заглушив зародившиеся было в душе сомнения, Магдалена последовала за глухонемым на другой берег речки. Уже смеркалось, и тишина, опустившаяся на широкую долину, заставила девушку замолчать.

Магдалена и Мельхиор осторожно приблизились к сараю, расположенному справа от господского дома. Батрак сделал де-пушке знак подождать снаружи и вести себя тихо, затем крепким ударом ноги открыл деревянные ворота и исчез внутри.

Через неплотно притворенную дверь потянуло теплым воздухом. Запах был кисло-сладкий, так пахнет сено после грозы. Магдалена вдруг почувствовала неодолимое желание хотя бы ***одну*** ночь провести в сухом месте. Она мерзла в своей насквозь промокшей одежде. После бесконечного ожидания — во всяком случае, так ей показалось — Мельхиор просунул голову в щель и, приложив палец к губам, подал знак идти за ним.

Серединный проход сарая, шириной как раз с двустворчатые ворота, был заставлен, насколько можно было различить в темноте, множеством телег с высокими колесами и разным деревянным инструментом вроде борон и плугов, пройти через которые было не так-то просто. Мощные балки с обеих сторон поддерживали чердачное перекрытие. Перед одной из балок Мельхиор остановился. Как ветви мощной ели, справа и слева из балки торчали колья толщиной с большой палец, образуя подобие лестницы.

Мельхиор полез первым. Примерно на середине он остановился и посмотрел вниз, издав при этом гортанный звук.

Магдалена сразу поняла, что он хотел сказать: «Лезь! Делай, как я!»

В детстве для нее не существовало чересчур высоких деревьев, чересчур широких ручьев и чересчур глубоких прудов. Она ничего не боялась. Но это было очень давно. Сейчас ее сковывали страх и усталость от семидневной дороги. Она помедлила, борясь с желанием убежать. Но тело вдруг вспомнило пронизывающий холод и мокрый мох, которые ожидали ее ночью в лесу, и она поставила ногу на первую перекладину. Еще ребенком она усвоила, что, собирая яблоки, нельзя глядеть вниз, и так, осторожно перебирая руками, залезла на самый верх сеновала, откуда Мельхиор протянул ей руку.

Площадка под чердачными балками была выстлана сеном и производила впечатление уже обжитого ночного ложа. Из дальнего угла в нос ударило ужасное зловоние. Через щели между черепицей проникал скудный свет. Мельхиор с довольным видом кивнул ей, потом с кошачьей ловкостью слез вниз и снова исчез.

Со двора доносился собачий лай, а из хлева напротив слышалось мычание голодных коров. Магдалена закрыла глаза. Впервые после своего бегства из монастыря она почувствовала себя в безопасности. Ей не нужно было прислушиваться к каждому звуку. Девушка задремала, и в воображении ожили воспоминания детства, когда она одна-одинешенька бродила по окрестным лесам в поисках грибов, ягод и лечеб-ных трав. Ей попадались как ядовитые, так и вкусные, ароматные. Именно Мельхиор научил ее тогда разбираться в лесных богатствах и отличать съедобное от несъедобного.

Однажды поздней осенью она вдруг столкнулась в лесу с бородатым мужчиной в поношенной монашеской одежде, с грубым мешком за плечами. Он приветливо улыбался ей. Она хотела убежать, но взгляд мужчины парализовал ее. Она словно окаменела, а монах жестами объяснил ей, что он странник и что он заблудился. Тогда она привела его домой. И отец ее тоже был заворожен молчаливым незнакомцем.

Вскоре вернулся Мельхиор с корзиной и мигающим фонарем, которые он прицепил на пояс, чтобы освободить руки. Поставленный на пол фонарь отбрасывал длинные тени на балки. Из корзины Мельхиор извлек спрятанную под шкурой краюху хлеба, наполовину обугленную, какую обычно давали слугам, кусок ароматной солонины, две редьки и пузатый глиняный кувшин с водой.

Магдалена вдруг почувствовала, что голодна. Не слишком избалованная скупой монастырской едой, она целую неделю

прожила на подножном корму и не чувствовала голода. Сейчас же голод стал нестерпимым. Она с жадностью вырвала из рук батрака хлеб и мясо и проглотила все с прожорливостью дикого зверя. Утолив первый голод, она застыдилась и молча посмотрела на Мельхиора, прося прощения за свою несдержанность. Но парень прекрасно понял ее, какие уж тут извинения!

Заметив, что Магдалена дрожит от холода, Мельхиор, пригнувшись, притащил ворох сена и разложил перед ней.

Потом показал знаками, чтобы она сняла мокрое платье, он посушит его на сене, а она может прикрыться шкурой.

Не испытывая ни капли смущения, Магдалена сняла с себя одежду. Мельхиор накинул ей на плечи шкуру и набросал вокруг сена, чтобы защитить от вечерней прохлады. В детстве она нередко пряталась летом в сене, спасаясь от пресле-

Магдалена растерянно и беспомощно посмотрела на Мельхиора.

— О Боже, — прошептала она. — О Боже!

Оба вновь надолго умолкли.

Хотя у нее на языке вертелись тысячи вопросов, Магдалена не посмела задать ни один из них. А Мельхиор был настолько потрясен случившимся, что опять замолчал.

Окончательно рассвело, и занялся день. Тяжело вздохнув, Мельхиор поднялся и молча протянул Магдалене руку, приглашая продолжить путь. Милю или две они прошли рядом, не произнеся ни слова, пока наконец Мельхиор, не поднимая головы и запинаясь, не заговорил. Иногда у него заплетался язык, и он с трудом подыскивал слова или начинал фразу заново.

Вот что поведал Мельхиор своей спутнице. Он не хочет больше возвращаться в поместье вдовы. Конечно, его обвинят в поджоге, поскольку после смерти ее отца и брата у него появилось много врагов. И в первую очередь его невзлюбила вдова. Она уже не раз грозилась прогнать его со двора. И если она, Магдалена, не против, он готов сопровождать и охранять ее на пути в новое будущее.

Магдалена покачала головой.

— Мельхиор, как ты себе это представляешь? Я сама понятия не имею, что со мной будет дальше. Убегая из монастыря, я рассчитывала на помощь своего отца. Теперь же, когда оказалось, что он умер, у меня остается лишь ***одна*** возможность: вернуться в Зелигенпфортен и весь свой век прожить в монастыре.

— Тогда я провожу тебя до монастыря, — ответил Мельхиор. — А потом наймусь на какую-нибудь речную баржу, из тех, что спускаются вниз по Майну до Майнца, а потом идут по Рейну в Голландию.

— Ну хорошо. — Магдалена кивнула.

Они бодро шли вдоль речки, в основном молча, пересекли поток воды и редкую рощицу, каких много в тех краях, и зашагали дальше по бескрайним лугам, где, куда ни посмотри, нет дорог, даже тропинки не сыщешь.

Изнемогая от изнурительной ходьбы, Магдалена спросила:

— А куда мы, собственно, идем? Я больше не могу.

— В Оксенфурт, — бросил в ответ Мельхиор, не обращая внимания на усталость спутницы.

— И откуда ты знаешь, что нам надо в Оксенфурт?

Мельхиор показал пальцем на струящийся водный поток:

— Речка впадает в Майн у Оксенфурта. Нам нельзя терять времени. Когда стемнеет, городские ворота закроются. Пошли!

— Я правда больше не могу, — заныла Магдалена. Подол ее длинного платья вновь намок от сырой травы, утяжеляя каждый шаг. Мельхиор молча обернулся, протянул ей руку и потащил за собой, как упирающегося теленка.

Наконец лес расступился, и речка, часами лениво перекатывавшая свои воды с камня на камень, резво зажурчала и заплескалась, словно почувствовав близкую цель. Повернув голову в сторону долины, Мельхиор будто сказал: «Справились!»

Магдалена с облегчением вздохнула. Вид городка, крыши и башенки которого скрывались за мощными городскими стенами, придал ей новых сил, она подобрала юбки и побежала вниз с горы. Теперь уже ***она*** призывала Мельхиора последовать ее примеру и ускорить шаг.

Вниз по течению, на западе, солнце уже исчезло за горизонтом, и стража у городских ворот поторапливала чужаков, завидев их еще издалека. При этом они стучали рукоятками своих алебард о тяжелые железные ворота, оглашая грохотом окрестности. Из последних сил Магдалена и Мельхиор все же успели проскочить в город.

Рыночная площадь Оксенфурта, вдоль которой теснился ряд горделивых фахверковых домов, была усеяна снующей из стороны в сторону людской толпой. Невероятное собы-тие взбудоражило этим вечером всех горожан: бродячие цирковые артисты разбили лагерь за ратушей и объявили, что помимо огромного количества разных аттракционов сам Великий Рудольфо с наступлением темноты взойдет по пеньковому канату на верхнюю надвратную башню — без балансира, держа лишь по зажженному факелу в каждой руке.

— Боюсь, — неожиданно подал голос Мельхиор, пока они протискивались сквозь толпу людей, — боюсь, нам придется заночевать где-нибудь под открытым небом. Денег у нас с тобой

нет, да и собственности, даже самой маленькой, которую мы могли бы заложить, чтобы оплатить комнату на постоялом дворе, тоже никакой.

Магдалена, шедшая позади Мельхиора, который, размахивая руками, прокладывал им путь, ничего не ответила, и он уже было подумал, что она в общем гомоне не расслышала его слова, как вдруг девушка коснулась его плеча. Мельхиор обернулся.

С лукавой улыбкой Магдалена указывала пальчиком на кованую железную решетку с выкрашенным в красный цвет быком посередине, что висела над входом в дом. То был цеховой знак владельца «Красного быка». Недаром город назывался Оксенфурт — «Бычий брод».

— Я же сказал, что у нас нет ни крейцера, чтобы оплатить счет! — Мельхиор бросил укоризненный взгляд на Магдалену.

Однако девушка стояла на своем и даже подтолкнула Мельхиора к входу в трактир «Красный бык».

— Что ты придумала? — спросил явно озадаченный Мельхиор, когда они переступили порог трактира. Общий зал был почти пуст, если не считать одного-единственного пьяницу, сидевшего в полумраке за пустым столом и вперившего отсутствующий взгляд в деревянный кубок.

За стойкой, на которой стояли бочка вина и стеклянный баллон водки, появилось пропитое, освещенное пламенем свечи лицо хозяина, мужчины плотного телосложения. На его голове красовался черный колпак в складку, а сам он был одет в камзол того же цвета, контрастировавший с его необычно светлым цветом кожи.

— Эй, это вы хозяин «Красного быка»? — бойко спросила Магдалена.

— Именно он и есть, юная дама! — столь же бойко ответил трактирщик, немного сбитый с толку тем, что разговор вела женщина, в то время как дюжий парень робко оставался на заднем плане.

— Тогда у вас наверняка найдется для нас комната на одну ночь. Или даже на две?..

— Магдалена, — зашипел Мельхиор, — ты помнишь, что я тебе сказал?

— Все в порядке, — бросила в ответ Магдалена, пока хозяин внимательно, с головы до ног изучал сначала ее, а потом Мельхиора.

— Шесть пфеннигов за комнату на одну ночь, — ответил наконец старик и добавил, прищурив глаза: — Надеюсь, вы сможете заплатить?

Мельхиор придвинулся к Магдалене и попытался увести ее из

трактира. Но девушка вырвалась, сделала шаг к старику и подняла подол своего длинного платья. Ловкими пальцами она повозилась в подкладке, пока шов не лопнул, и извлекла оттуда золотую монету. Положив ее на стойку, Магдалена с некоторым вызовом в голосе произнесла:

— Надеюсь, я ответила на ваш вопрос?

Вытаращив глаза, старик и Мельхиор склонились над поблескивающей золотой монетой: это был золотой флорентийский гульден!

— За эти деньги вы можете оставаться в моем доме столько, сколько ваша душа пожелает. — Трактирщик расплылся в улыбке, в то время как Мельхиор поедал Магдалену вопрошающим взглядом. — Если угодно, моя жена приготовит вам поесть. Вы наверняка проголодались после долгого пути. Откуда вы прибыли, позвольте спросить?

— Из Саксонии, — опередил Мельхиор Магдалену, надеясь своей ложью запутать их следы. Магдалена с улыбкой спрятала золотой в подол своего платья.

Позже, когда они сидели за столом, воздавая должное свиным ножкам и кровяной колбасе, вонючему сыру с резким запахом и хлебу грубого помола, и запивали все это майнским вином из глиняных кружек, Мельхиор смущенно поинтересовался:

— Что ж ты мне не сказала, что у тебя с собой такое богатство?

— А что бы от этого изменилось? — пожала плечами Магдалена. — У меня до сих пор в голове не укладывается, что ты снова заговорил.

Мельхиор растерянно молчал. Однако от Магдалены не укрылось, что у него дрожали руки. Во время еды он чуть было не подавился. Сейчас Мельхиор, этот высокий и крепкий парень, походил скорее на робкого и стеснительного школяра.

— Мне очень жаль, — попробовала разрядить ситуацию Магдалена, — я не хотела наседать на тебя. Давай лучше пойдем на площадь и посмотрим на артистов, развеемся!

Выйдя из трактира на улицу, они сразу погрузились в шум и мельтешение черни, обожавшей такие развлечения. Впрочем, даже чинные горожане радовались выступлению барабанщиков, трубачей и воплям зазывал. Один глашатай пытался перекричать другого, доказывая, что его аттракцион — величайший спектакль после того, как Иисус полтора тысячелетия тому назад пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч человек.

Тут и там раздавался женский визг — это свиньи, собаки, кошки и мальчишки терлись в толчее у них под ногами и

забирались к ним под юбки, когда искали остатки пищи и отходов, кучами лежавших на площади. Сильно воняло мочой, поскольку ни женщины, ни мужчины не находили ничего зазорного в том, чтобы справить нужду тут же. Вино и водка, которыми маркитантки за один пфенниг потчевали всех желающих из бочонков, делали свое дело.

Почтенные горожане, одетые получше, ходили в сопровождении лакеев, жердями прокладывавших дорогу своим господам и смачно при этом ругавшихся, — к неудовольствию простых людей, отвечавших толстосумам громкими злобными выкриками.

Когда циркачи наводняли город, в нем воцарялся самый настоящий произвол. Шуты были вне закона, преступление, совершенное против них, никем не каралось. В такой вечер, как сегодня, все было дозволено, и можно было не опасаться строгого правосудия.

Магдалена еще никогда не бывала на подобных зрелищах. Да и когда и где она могла на них попасть? В детские годы она ни разу не покидала двор поместья, а в монастырском

затворничестве любой вид народных увеселений считался предосудительным. Бродячие цирковые артисты держались подальше от любых монастырей, понимая, что на них могут спустить собак.

Широко раскрытыми глазами Магдалена следила за трюками ловкого жонглера, который, стоя на винной бочке, подбрасывал в воздух обручи, подхватывал их, не давая упасть на землю, и снова бросал вверх. Неподалеку соорудил себе помост знахарь. Возвышаясь над ротозеями, он на чужом, едва ли кому-нибудь понятном наречии превозносил чудесные эликсиры, редкие травы с магическим целебным действием и змеевидные засушенные корни, которые, как он утверждал каркающим голосом, даже столетним старцам возвращали мужскую силу. Забавный человечек был одет во псе черное, а из-под его широкого плаща до колен торчали гонкие ножки в чулках. Он бойко вышагивал по своему помосту то в одну, то в другую сторону, очень напоминая аиста, горделиво переступающего по пойменному лугу. Сходство усиливалось вороньим клювом на его носу, вроде тех, что носили врачи, сражавшиеся с чумой, чтобы не подпускать к себе слишком близко больных. Дабы оживить свою торговлю, шарлатан время от времени швырял в публику маленькие мешочки с сушеными травами.

— Арника — добрый помощник женщин! Золототысячник — незаменим при простуде! Алтей — оттягивает подагру из коленок! И, наконец, вероника — уничтожает шрамы на коже, как

мартовское солнце последний снег!

Зеваки устраивали потасовку из-за каждого мешочка, прилетевшего в толпу, и Магдалена потянула за собой Мельхиора к подмосткам сцены, сооруженным из деревянных ящиков. Закрытый красный занавес на криво натянутой веревке скрывал какую-то тайну и сенсацию. Пестро наряженный зазывала с беленым известью лицом, в остроконечной шапке обещал за пару пфеннигов позволить взглянуть на великана из Равенны, пьющего во время дождя из водосточного желоба, а также на человеческих монстров с огромными головами и на животных-уродцев вроде коровы с одним телом и двумя головами.

Кроме этих чудес зазывала обещал показать карлицу, да не просто карлицу, а карлу-королеву, женщину, наделенную от природы четырьмя футами роста и двадцатью пятью фунтами живого веса. Но то, что природа недодала ей в росте, она с лихвой возместила очарованием и красивой фигурой. В чем зрители представления смогут убедиться собственными глазами, когда ее очарование, карла-королева, за занавесом сбросит свою одежду. При этих словах зазывала так дико вращал глазами, что они, словно спелые сливы, выступали из орбит.

В мгновение ока перед красным занавесом образовалась людская толпа. Каждый хотел первым взглянуть на чудеса и уродства.

Магдалена почувствовала страшную усталость, Мельхиор тоже не походил на человека, готового ринуться в гущу ротозеев. Тут Магдалена кивнула в сторону верхней надвратной башни. От тяжелого циркового фургончика, железные колеса которого были зафиксированы на мостовой, под углом к окну башни тянулся канат, на котором через равные промежутки висели мерцающие фонари, придававшие всему действу живописный вид. Порывы ветра заставляли их кружиться в танце, словно светлячков июльской ночью.

— Я хочу посмотреть, как Великий Рудольфо пройдет по канату! — восторженно воскликнула Магдалена. От ее усталости не осталось и следа.

Мельхиор не разделял ее восторга, однако сдался под напором девушки.

Вокруг циркового фургончика, к которому был прикреплен трос, царило большое оживление. В статном мужчине в белой одежде можно было без труда узнать Великого Рудольфо. На нем была блуза с широкими рукавами и тонкое трико до колен, выгодно подчеркивающее его мужское достоинство. Шелковые чулки обтягивали крепкие икры, а на ногах была мягкая белая обувь, похоже, вообще не имевшая твердой подошвы.

Великий Рудольфо был крайне раздражен, поскольку канат, по которому он собирался балансировать к острию башни, трепыхался на вечернем ветру, как верхушки деревьев в осеннюю непогоду. Несколько мужчин безуспешно пытались его натянуть потуже, чтобы как следует зафиксировать.

Подгоняя себя громким «Раз-два, взяли!», они изо всех сил дергали и тащили канат, но ничего не получалось.

Магдалена бросила на Мельхиора взгляд, явно говорящий: «Им не хватает такого силача, как ты!» Парень прекрасно понял, что она имела в виду, и не успела Магдалена высказать свою мысль вслух, как он уже встал в один ряд с другими и стал тянуть канат изо всех сил, пока тот не поддался и Рудольфо не удалось заново его закрепить.

Окружающие одобрительно захлопали в ладоши, а Великий Рудольфо подошел к Мельхиору и от всей души поблагодарил его. Звучащее на итальянский манер имя канатоходца не могло скрыть его франкского происхождения.

— Ты, наверное, первый силач в этом городе! — со смехом сказал Рудольфо, хлопнув по плечу Мельхиора, значительно превосходившего его в росте.

Мельхиор чувствовал себя польщенным. Он с трудом подбирал слова.

— Сегодня, может, только, — наконец произнес он. — Я тут проездом, в «Красном быке» остановился.

— Как бы то ни было, дружище, ты меня очень выручил. Не уходи. Может, опрокинем после представления по кружке.

Мельхиор пожал плечами, но, прежде чем он успел ответить, Великий Рудольфо уже исчез в своем фургончике.

Магдалена наблюдала всю сцену, стоя в нескольких шагах, и приглашение канатоходца не прошло мимо ее ушей. При одной мысли, что придется выйти из толпы и бражничать с Великим Рудольфо, ей стало не по себе. Она потянула Мельхиора за рукав и шепнула ему на ухо:

— Давай уйдем. Ни к чему нам сейчас давать какие-либо объяснения, откуда мы да куда путь держим. Циркачам никогда нельзя верить!

— Ты права, — согласился Мельхиор, и они, протиснувшись сквозь давку, вернулись в трактир «Красный бык». Трактирщик был в полном одиночестве.

— Да, я знавал лучшие времена, — криво усмехнулся он, глядя на пустующий зал. Потом протянул Мельхиору фонарь и пожелал им спокойной ночи.

Лестница на верхний этаж под скатом крыши скрипела под каждым шагом, как старая телега, доверху нагруженная сеном. Со

стен обсыпалась штукатурка; отведенная им комната тоже видала виды. Два круглых окна с выпуклыми стеклами выходили во двор. Под окнами стояла кровать, пред-ставлявшая из себя квадратный деревянный ящик почти вровень с полом. В ящике лежали два тюфяка, набитые соломой, которая торчала в разные стороны, и покрытые сверху шкурой. Рядом с ложем с обеих сторон стояло по стулу. Больше ничего из обстановки не было.

Мельхиор поставил фонарь на стул и бросил на Магдалену взгляд, смысл которого она не поняла. Что касается спального места, то оба были не слишком избалованы и ко всему привыкли. Окна были со стеклами, тюфяки сухие, мышей или крыс вроде не наблюдалось, во всяком случае, на первый взгляд. Чего еще желать?

Недолго думая, Магдалена начала раздеваться. То, что Мельхиор при этом смотрел на нее, нисколько не смущало девушку. Годы, проведенные в монастыре, притупили ее интерес к другому полу. Мужчины не притягивали ее. Да, в мыслях она страшилась того мига, когда перед ней когда-нибудь предстанет мужчина с недвусмысленным намерением. Мельхиора она могла уж точно не бояться. В детстве они часто купались с ним в речке нагишом, и для обоих это была самая естественная вещь на свете. Почему что-то должно было измениться?

При виде мигающей лампы в памяти вдруг всплыли события прошлой ночи, и у нее задрожали руки. Смочив слюной большой и указательный пальцы, она потушила свет и легла на правую часть кровати. Мельхиор молча, не раздеваясь — видимо, чтобы быть готовым ночью в любой момент отразить атаку врага, — последовал ее примеру.

«Интересно, о чем сейчас думает Мельхиор?» — пронеслось в голове у Магдалены. Издалека в темную каморку проникал уличный шум — там горланили, орали, хлопали в ладоши. Сморенная приятной усталостью, она уже почти засыпала, когда рядом вдруг раздался голос Мельхиора.

— Ты меня не спросила, почему я вновь заговорил, — сказал он.

Магдалена моментально проснулась. Что она должна ответить? Как реагировать? Выдержав паузу, она произнесла в темноту:

— Я боялась, что мой вопрос будет тебе неприятен.

После этого в комнате снова надолго повисло молчание.

Тишина казалась бесконечной, пока у Магдалены не лопнуло терпение, и она спросила:

— И как ты думаешь, почему к тебе вернулась речь?

Мельхиор явно ждал этого вопроса.

— Сначала ты должна узнать, почему я ***потерял*** речь, — ответил он, не в силах справиться с волнением.

— Ты расскажешь мне?

Похоже, ему был нужен разбег для длинного объяснения, ибо Мельхиор приступил к рассказу не сразу — сначала медленно, а затем все живее и живее, так что речь его стала более уверенной. При этом он говорил как бы отстраненно, будто рассказывал чью-то чужую историю, а не вспоминал свою собственную.

— Моя мать была белошвейкой. Женщина очень талантливая и ослепительная красавица. Никто, включая ее саму, не мог предположить, что именно эти качества станут причиной ее трагической судьбы. Ловкость ее пальцев и прекрасный вкус, с которым она шила тонкое белье, уже в молодые годы обеспечили ее богатыми клиентами. Дворяне заказывали моей матери нательное белье, и даже епископ Регенсбургский шил у нее стихари с роскошной отделкой из дорогих кружев. Именно последний воздавал должное не только швейному искусству своей портнихи, но и ее длинным рыжим волосам и пышным грудям, которым бы позавидовала любая кормилица.

Однажды, когда она принесла епископу заказанное церковное облачение, тот без обиняков спросил ее, не хотела бы она услужить ему, — именно так он и выразился, добавив при этом, что вреда ей ни в коем случае не нанесет. Будучи юной и неопытной, мать почувствовала себя польщенной, а перспектива выгодно заработать на любви и тот факт, что епископ был видным мужчиной приятной наружности, окончательно рассеяли ее сомнения.

От тебя наверняка не укрылось, что все наши духовные сановники, вопреки законам Церкви, содержат наложниц. Многие умудряются иметь даже несколько связей, чем и похваляются между собой. В отличие от них епископ Регенсбургский оказался человеком чести и совести. Во всяком случае, как утверждала мать, второй у него не было, никто не оспаривал у нее епископское ложе...

Магдалена взволнованно перебила Мельхиора:

— Мне кажется, я уже знаю, что произойдет дальше!

— Ты права, — продолжил Мельхиор свой рассказ. — Плодом этой тайной любви стал я.

— Ты сын настоящего епископа!

— Я этого не отрицаю.

— Но...

— Никаких «но»! Это всего лишь предыстория того, что я хочу рассказать на самом деле.

— Тогда продолжай, Мельхиор! Епископ с тобой дурно

обошелся?

— Отнюдь, — возразил Мельхиор. — До моего четырнадцатилетия он заботился — хотя и в полной тайне — о своей содержанке и обо мне. Он определил меня к бенедиктинцам в расположенный поблизости монастырь Меттен и дал мне строгое воспитание. Я научился читать и писать, немножко освоил латынь и должен был, вероятно, стать монахом ордена святого Бенедикта. Но тут произошло непредвиденное.

В епископальной резиденции участились кражи, таинственным образом оттуда исчезали золотые кубки и ценные книги, картины и драгоценная посуда. Подозрение давно уже пало на Иоганна Вайтпрехта, приват-секретаря его преосвященства, но никто не мог поймать его с поличным. Пока однажды заезжий торговец картинами не предложил епископу купить полотно с изображением Мадонны кисти Яна ван Эйка[4], пропавшее из резиденции два или три года тому назад. Торговец забыл, что когда-то именно здесь купил картину. Он опознал Вайтпрехта как продавца, которому заплатил пятьдесят золотых гульденов.

Епископ прогнал к черту Иоганна Вайтпрехта. Но тот пошел не к черту, а к епископу Вюрцбургскому, постоянно враждовавшему со своим регенсбургским собратом. В обмен на хорошую должность Вайтпрехт пообещал майнцскому преосвященству снабдить его чрезвычайно пикантными сведениями о его дунайском недруге. За тридцать сребреников Вайтпрехт выдал имя любовницы регенсбургца.

Когда новость долетела до Регенсбурга, епископ, мне противно называть его отцом, повел себя как последний негодяй. В день Воскресения он, чтобы оправдаться, провозгласил с амвона, что моя мать, белошвейка, коварным образом околдовала его и с помощью магии принудила к сожительству. Низкий слуга Господень клялся, что он никогда и ни за что не опустился бы до такого разврата добровольно. Любые попытки использовать человеческую импульсивность суть не что иное, как наущение дьявола.

Случайно оказалось (лично я не верю ни в какой случай), что два монаха-доминиканца, горячие приверженцы инквизиции, были в то время в Регенсбурге. Мою мать тут же арестовали, обвинили в колдовстве и приговорили к сожжению на костре между молитвами «Ангел Господень» и полуденной.

Магдалена вскочила с постели и как безумная вперила взгляд в темноту каморки.

— Боже мой! — лепетала она, не в силах произнести ничего другого. — Боже мой!

Похоже, своим рассказом Мельхиор освобождался от давно преследовавших его наваждений. Поток его красноречия было уже не остановить:

— Странствующий проповедник, попросившийся переночевать в нашем монастыре, принес весть о страшном приговоре. Он не знал имени осужденной колдуньи, но я не сомневался, что речь могла идти только о моей матери. Ничего никому не сказав, я убежал из монастыря бенедиктинцев и отправился в Регенсбург. Мне повезло, на берегу реки попался лодочник, тащивший вверх по Дунаю свою лодку с грузом с помощью двух крепких рабочих лошадок. Он пытался справиться со своей задачей в одиночку, без помощника, и ему стоило огромных усилий удерживать свое плоскодонное судно на достаточном расстоянии от берега. Мне к упрашивать его не пришлось, чтобы он взял меня с собой. Если я стану за руль, сказал он, у него найдется для меня в Регенсбурге даже кое-какая мелочь. В результате я добрался до Регенсбурга за пару дней. Лучше бы я никогда не приезжал туда.

У городских стен вокруг дымящегося костра толпились сотни людей. Подойдя ближе, я услышал выкрики: «Гори, гори, чертова потаскуха!» А рядом орали: «Доминиканцев на костер! Долой инквизицию!»

Я спросил старуху, которая шла мне навстречу, бормоча себе под нос молитвы, что происходит. «Чертова блудница околдовала епископа», — прохрипела она и тут же снова погрузилась в свои монотонные причитания. Мне стало ясно, что я опоздал.

Сам не знаю, какие дьявольские силы подгоняли меня, когда я протискивался сквозь исступленную толпу в передний ряд. Что я, собственно говоря, хотел увидеть? Как горела моя мать? Публика тем временем разделилась на две партии. Сторонники приговора инквизиции принялись дубасить своих противников, осуждавших позорный вердикт, а с ним и всю инквизицию. Мне тоже досталась пара тумаков, уж не знаю, с чьей стороны, но самый страшный удар настиг меня, когда порыв ветра отнес в сторону облако густого едкого дыма, до тех пор милосердно скрывавшее костер и жертву.

Толпа взвыла сотнями глоток. Лишь я оставался нем. На возвышении, посередине тлеющего штабеля дров, стояла моя мать, привязанная к столбу. Мешкообразная власяница, в которой ее отправили в последний путь, черными лохмотьями свисала с ее тела. Голова была запрокинута, а длинные волосы полыхали, как вспыхнувший стог сена. Я онемел от ужаса, в горле застрял ком. Перед глазами стояло ее искаженное страданием лицо с широко раскрытым ртом, словно исторгающим вопль боли. На самом деле

она уже давно была без чувств.

Все это я видел собственными глазами, но мозг мой отказывался верить, хотя в голове постоянно стучало: все, что ты видишь, — это не дурной сон, все происходящее — страшная реальность. Черни тоже понадобилось время, чтобы переварить увиденное. Сильный порыв ветра на какое-то время заставил всех замолчать, и было слышно лишь потрескивание огня. А затем из задних рядов снова раздались выкрики: «Гори, гори, чертова потаскуха!», тут же перекрытые воплями противников: «Долой инквизицию!»

Ветер тем временем еще сильнее раздул костер. Желтовато-коричневый чад окутал кошмарное действо плотной завесой. Мне самому захотелось присоединиться к крикам против доминиканцев, но с моих губ слетело лишь: «Долой...» А потом меня вдруг хватил удар, будто разряд молнии ударил в мою голову. Мне казалось, что у меня внутри все пылает. Тело вдруг застыло, и последняя моя мысль была: «Если тебя сейчас кто-нибудь толкнет, ты рассыплешься на сотни осколков, как глиняный кувшин, упавший на землю». Больше я ничего не помню.

Очнулся я, лежа в пыли в сторонке, когда сердобольная тетка, дородная матрона, плеснула мне в лицо водой и справилась о моем здоровье. Я растерянно огляделся. Неподалеку я увидел догоревший костер, вернее, то, что пощадили языки пламени. Едкий смрад, висевший в воздухе, разогнал большинство зевак. Некоторые, довольно осклабившись, пританцовывали вокруг кучи обугленных поленьев и курившейся золы.

Я хотел ответить на вопрос толстой тетушки. Собирался с казать, что у меня все в порядке, но мне еще нужно немного времени, чтобы полностью прийти в себя. Хотел поблагодарить ее, но у меня ничего не получалось. Я понапрасну раскрывал рот, безуспешно пытаясь выдавить из себя хотя бы слово, глубоко втягивал воздух, словно беря разгон. Но оставался нем как рыба. Делая одну за другой безуспешные попытки что-нибудь произнести, я, казалось, сходил с ума.

В этот момент мне в голову пришли мрачные мысли. А что, если моя мать все же была одержима бесом и теперь он поселился во ***мне?*** Ты не можешь себе вообразить, каково это, когда ты ясно мыслишь, но не в состоянии произнести ни слова вслух.

Я вскочил, отряхнул пыль со своей одежды и помчался прочь, как будто за мной гнались черти. Я несся по каменному мосту в северном направлении, сам не зная, куда мне надо. Лишь бы подальше от места страшных событий.

И только вечером, когда мои легкие были словно обожжены,

а каждый шаг отзывался резью в боку, я рухнул на лесной опушке в мох. Три недели я блуждал по холмам и долинам Штайгервальда и знаками просил работы у крестьян. Но большинство прогоняло меня, не понимая или опасаясь, что я одержим злым духом.

Все эти три недели я питался подаяниями или тем, что можно было найти в лесу в летнюю пору, пока наконец не вышел к подворью твоего отца. Он давно подыскивал себе работника, которому не надо платить. Конец истории ты знаешь...

Магдалена с глубоким волнением слушала рассказ Мельхиора, тыльной стороной ладоней вытирая слезы.

— Теперь мне ясно, почему ты замолчал, — проговорила она, тихонько всхлипнув. — Но эти мысли об одержимости выкинь из головы. То, что с тобой произошло, любого могло лишить дара речи.

— Так или иначе, но с тех пор я избегал встречи с огнем в любом виде. Бегал от него, как черт от ладана. Если бы я мог предположить, что именно огню суждено избавить меня от немоты, я бы в первый же Иванов день стал прыгать через костер с мальчишками. Кстати, именно в эти годы я осознал, сколько ненужного и глупого говорят люди, вместо того чтобы держать язык за зубами. Ты меня еще слушаешь?

По ровному дыханию девушки Мельхиор понял, что она заснула. Он вовсе не обиделся, потому что и сам ужасно хотел спать, и через несколько минут тоже погрузился в глубокий сон.

Сквозь крошечные оконца каморки уже проникали первые лучи солнца, когда Магдалена и Мельхиор были разбужены громкими бесцеремонными звуками. Тяжело шагая, кто-то поднимался вверх по лестнице. Перед их дверью шаги стихли, послышался таинственный шепот, и не успели постояльцы по-настоящему проснуться, как дверь комнаты распахнулась и четверо мужчин в угрожающих позах столпились вокруг кровати.

Магдалена надела на голову чепец и натянула до подбородка овечью шкуру, служившую им одеялом. В одном из четырех непрошеных гостей она узнала хозяина «Красного быка».

— Что за наглость? — осадила она старика.

А Мельхиор буркнул хриплым голосом:

— Проваливайте отсюда!

В ответ один из вошедших представился начальником тюрьмы и указал на двух стражей порядка, сопровождавших сто. Затем он обратился к хозяину трактира:

Это и есть та женщина, которая вытащила из своей юбки золотой флорентийский гульден?

Хозяин утвердительно кивнул и скромно потупил взор.

— Назови свое имя, возраст и происхождение, — велел начальник, повернувшись к Магдалене.

Магдалена бросила на юношу взгляд, молящий о помощи. Но Мельхиор тоже был в смятении и не знал, как им действовать в новой ситуации.

В надежде разрядить обстановку Магдалена твердо произнесла:

— Меня зовут Магдалена Вельзевул, мне двадцать два года, и я родная дочь ленника Гебхарда Вельзевула, у которого в двух днях езды отсюда имеется ленное поместье.

— А он? — Чиновник ткнул сжатым кулаком с вытянутым большим пальцем в сторону Мельхиора.

— Я сопровождаю Магдалену в Вюрцбург, — опередил ее с ответом Мельхиор.

— Надо же! — ухмыльнулся начальник. — А ночью, значит, спишь с ней?

Мельхиор поднялся, подошел вплотную к чиновнику, выше которого был на целую голову, и поинтересовался:

— А с какого боку вас это могло бы касаться? И если Магдалена вытаскивает из своей одежды золотой гульден, то я в этом не вижу никакого преступного деяния, кроме того, что уважаемый хозяин постоялого двора возводит напраслину на своих постояльцев, обвиняя их в краже. Ведь вы поэтому здесь, не так ли?

— Угадал, чужак! Но если ты сможешь объяснить мне, откуда у вас золото, вам обоим нечего бояться.

Магдалена и Мельхиор украдкой посмотрели друг на друга. Одна ложь цеплялась за другую — еще немного, и они

окончательно запутаются. Поэтому они предпочли хранить молчание.

Однако это еще больше взбесило начальника тюрьмы.

Прекрасно, если не желаете говорить, я посажу вас и башню. Пока не вспомните, откуда взялись деньги. Надевай платье, — велел он Магдалене, — и собирайте ваши вещи!

— У них и вещичек-то нет! — подал голос хозяин. — Только то, что на себе.

Пока Магдалена одевалась, начальник со своими солдатами не спускали с нее глаз.

— Золото в карманах, и ни узелка поклажи. — Он покачал головой. — Думаю, у нас сегодня хороший улов. Вперед!

Вцепившись с двух сторон в арестованных, стражники препроводили их в тюрьму, приземистое трехэтажное строение с зарешеченными окнами невдалеке от городской стены, для чего им пришлось пересечь большую площадь.

Подгоняя пинками и тычками, солдаты затащили их по узкой лестнице на верхний этаж, отперли дверь камеры и впихнули внутрь. Вновь прибывшие были встречены шумом и громким улюлюканьем.

В маленькой мрачной камере, выстланной соломой, без всякого намека на мебель, уже слонялись без дела пять или шесть заключенных обоих полов. Через крошечное оконце под самым потолком свет почти не просачивался. Стоял чудовищный смрад, источником которого была стоявшая в углу старая бочка для отправления нужды.

Дверь с грохотом захлопнулась. Шум утих, и обитатели камеры, четверо мужчин и две женщины, недоверчиво вытаращились на новеньких. Парень с одутловатым лицом, длинными сальными прядями и ввалившимся ртом, в котором отсутствовали передние зубы, с коварной ухмылкой подошел к Магдалене. Скорчив физиономию в отвратительной гримасе, он пощупал ткань ее платья и объявил во всеуслышание:

Кто это к нам пожаловал? Да нам благородных людей в гнездышко положили! — И сделал вид, будто хочет залезть ей под юбку.

Не успел беззубый опомниться, как перед ним вырос Мельхиор. Сжав ему горло обеими руками, он так придавил его к стене, что покрасневший как рак парень начал судорожно хватать ртом воздух и грозил вот-вот задохнуться. Не доводя до этого, Мельхиор разжал руки, и тот беззвучно сполз по стенке.

Магдалене уже не в первый раз закралась в голову мучительная мысль: не лучше ли было остаться в монастыре Зелигенпфортен и не стоит ли ей с покаянием вернуться туда? Она нашла местечко на соломе и с отвращением наблюдала за черными тараканами, искавшими укрытия на голом полу.

— Представляю, о чем ты сейчас думаешь, — тихо произнес Мельхиор, опускаясь рядом на солому.

Магдалена молча кивнула.

Зверская реакция Мельхиора нагнала страху на остальных обитателей камеры. Они робко отводили глаза и переговаривались шепотом, изредка поглядывая на Магдалену и Мельхиора, которые сидели на соломе, прижавшись друг к другу спинами.

Когда в камере уже стояла кромешная тьма, за дверью послышались шаги. Дверь распахнулась, и в проеме появился начальник тюрьмы с фонарем. Его сопровождал неизвестный человек.

Магдалена почуяла недоброе, у Мельхиора тоже появилось зловещее предчувствие. Особенно когда начальник посветил ему

в лицо фонарем и спросил своего спутника:

— Вы этого имели в виду?

Ослепленный светом, Мельхиор не смог узнать второго мужчину. И лишь услышал его голос:

— Да, это он!

— А женщина рядом с ним? — снова спросил начальник. Магдалена отчаянно прижалась к Мельхиору. — На постоялом дворе они делили ***одно*** ложе, — добавил он.

Незнакомец проворчал что-то неразборчивое, а затем, немного подумав, произнес:

— Тогда отдай мне обоих. Я ручаюсь за них. Тебе достаточно моего слова?

Мельхиор поднял взгляд: это был Великий Рудольфо. Прежде чем Мельхиор успел что-то сказать, Рудольфо поднял сразу обе руки, словно говоря: «Будет лучше, если ты помолчишь!»

Мельхиор промолчал, не ответив и на немой вопрос Магдалены.

Глава 3

Как и все чудеса, неожиданное освобождение из оксенфуртской темницы имело простое объяснение. Несколько недель тому назад на пути к Боденскому озеру цирковая труппа лишилась своего обозного по имени Вигоберт, который отвечал за транспортировку всего снаряжения и реквизита, а в первую очередь за натягивание каната, на котором балансировал Великий Рудольфо. На крутой дороге недалеко от Меерсбурга Вигоберт, подкладывал под колеса тормозные башмаки, угодил под собственный фургончик. Он умер в тот же день.

Когда Мельхиор накануне вечером помог Великому Рудольфо натянуть канат, сила и рост незнакомца, ни в чем не уступавшего Вигоберту, произвели на канатоходца огромное впечатление. К тому же внешний вид парня позволял сделать вывод, что дела его обстоят не лучшим образом и он вряд ли откажется присоединиться к труппе бродячих артистов. Правда, Рудольфо никак не мог предположить, что Мельхиор, будучи в обществе женщины, ни при каких условиях не согласится расстаться с ней.

И вот оба стояли перед Великим Рудольфо у его весьма обшарпанного вагончика. Предложение циркача пришлось Мельхиору как нельзя более кстати, но о том, чтобы бросить Магдалену одну на произвол судьбы, не могло быть и речи. Мельхиор отступил на шаг назад и изобразил нечто вроде поклона, Магдалена сделала то же самое. Собственно, Мельхиор хотел поблагодарить избавителя за то, что тот вызволил их из тюрьмы, но не успел этого сделать. Рудольфо порывисто схватил обоих за рукава, и все трое зашушукались.

— Советую тебе еще разок как следует все обдумать! — прошипел Рудольфо, поджав губы. В его голосе вдруг появились угрожающие нотки, а взгляд стал сверлящим. Он добавил чуть любезнее: — Я прекрасно понимаю, что тебе не хочется расставаться с женщиной. Но мы и ей подыщем работу.

От Магдалены не укрылось, что в течение всех переговоров Великий Рудольфо не удостоил ее ни единым взглядом. Даже сейчас, когда речь шла непосредственно о ней. Однако годы, проведенные в монастыре, научили ее, что за кажущимся равнодушием чаще скрываются не столько гордыня и надменность, сколько смущение и даже застенчивость.

— Что ты на это скажешь?

Погруженная в свои мысли, Магдалена не сразу услышала вопрос Мельхиора. Она пожала плечами и выдвинула вперед

нижнюю губу, словно показывая, как тяжело ей дается решение. На самом деле она уже давно все для себя решила. Перспектива отправиться вместе с циркачами в странствие по городам и весям после нескольких лет затворничества в монастыре показалась ей освобождением, настоящим избавлением. Разве она не мечтала иногда во время бесконечных монотонных молитв с четками вырваться и увидеть хотя бы небольшую часть этого мира?

— Почему бы нам не попробовать, — ответила она, все еще пытаясь скрыть свой восторг.

Ну вот, видишь! — с удовлетворением воскликнул Рудольфо. — Пойдем со мной, я представлю вас другим артистам, прежде чем мы отправимся в Вюрцбург. Ах да, — Рудольфо вытащил из кармана флорентийский гульден, который управитель забрал у Магдалены, и протянул ей, — с золотом надо обращаться поосторожнее. Золото открывает двери всем, в том числе зависти и подозрительности. Кстати, ваш счет и "Красном быке» я оплатил.

Вот это ты напрасно сделал! — возмутился Мельхиор. — Ты же не знал, договоримся мы или нет.

Великий Рудольфо расхохотался. Он смеялся так громко,

ч го его хохот эхом отражался от голых деревянных стен циркового вагончика.

- Еще как знал! Запомните: если Великий Рудольфо вобьет себе что-нибудь в голову, он это сделает!

На Рыночной улице постепенно становилось оживленнее. Циркачи были заняты сборами к отъезду, и Рудольфо собрал свою труппу. Некоторых из них — знахаря с выбеленным известкой лицом, громогласного рыночного зазывалу Константина Форхенборна, ловкого жонглера, великана из Равенны и королеву-карлицу — они уже видели накануне. Однако при дневном свете и без своих причудливых костюмов эти люди смотрелись совсем иначе.

В труппу еще входили гадалка, темпераментная женщина неброской красоты, и женщина-змея, умевшая гнуть свое изящное тело, как зеленую ивовую ветвь. Но в первую очередь там была настоящая индианка с черными волосами и красной кожей, которую она к каждому вечернему представлению подкрашивала смесью из свекольного сока и бычьей крови. Таким образом ей удавалось преподносить себя на представлениях цирка Великого Рудольфо в качестве трофея Христофора Колумба, который якобы привез ее из своей третьей морской экспедиции в Новый свет. Едва ли кто-нибудь из зевак, плативших деньги, подозревал, что ее звали

Гильтруда и что она родом из Рудных гор. Не стоило

забывать и четырех ломовых извозчиков, неотесанных парней, воспитанности от которых, впрочем, никто и не требовал.

Все они встретили новичков не то чтобы неприветливо, но с неприкрытой сдержанностью, поскольку считали Магдалену и Мельхиора парой. Особенно внятно свое недовольство выразил Мегистос, так звали сутулого знахаря. С лицемерной вежливостью он осведомился у Рудольфо, не претендуют ли новенькие на отдельный вагончик. Рудольфо горячо заверил всю компанию, что Магдалена и Мельхиор вовсе не муж и жена, что они вообще не пара и лишь случай свел их вместе. Все в это поверили и успокоились — во всяком случае, сделали вид.

Около полудня фургоны были нагружены, лошади и волы запряжены. Колонна пестро раскрашенных цирковых вагончиков и воловьи повозки со снаряжением тронулись в сторону городских ворот. Магдалене и Мельхиору нашлось место в повозке, ехавшей вслед за возглавляющим караван фургоном Великого Рудольфо. Изношенный полотняный тент, дугообразно натянутый над повозкой, который первоначально предназначался для защиты от солнца и дождя, оказался весьма кстати. Ибо те же зеваки, которые накануне восторженно аплодировали артистам, забрасывали их сейчас конским навозом и зловонным козьим пометом, сопровождая это издевательскими выкриками, вроде: «Верните наше белье, которое вы стянули с веревок!» Или: «Верните невинность нашим дочерям!»

— Не обращай внимания! — заметил жонглер, представившийся как Бенжамино и севший рядом с Магдаленой. — Таков уж наш, циркачей, удел: вчера возвышаемы, сегодня презираемы.

Магдалена вымученно улыбнулась. Судя по выговору, жонглер действительно мог быть родом из Италии.

— Давно ты этим занимаешься? — полюбопытствовала она, чтобы завязать разговор.

Жонглер молитвенно сложил руки и театрально воздел их к небу.

Meledetto! Ужасно! — воскликнул он и закатил глаза. — С тех пор как начал ходить! Давненько это было. До двенадцати лет мне приходилось помогать моим родителям, которые были жонглерами и выступали на ярмарках. Но потом настали плохие времена, и они продали меня Великому Рудольфо. Вот я и странствую вместе с ним. Мне грех жаловаться.

Похоже, Бенжамино и вправду не роптал на судьбу.

— А ты? — спросил он, не глядя на Магдалену, ибо вагончик как раз тряхнуло на очередном ухабе. — Ядвига, польская женщина-змея, утверждает, что ты сбежала из монастыря.

— Откуда она это знает, ваша польская женщина-змея? — раздраженно произнесла Магдалена и с кислой миной поправила свой чепец.

— Ядвига говорит, что у тебя нет волос на голове, как и положено монашкам, потому-то ты всегда носишь этот чепчик.

Магдалена метнула пристыженный взгляд на Мельхиора, сидевшего справа от нее. От своего ежика на голове она страдала больше, чем от голода и жажды, которые преследовали ее от самого побега из Зелигенпфортен.

— Ты можешь смело сказать правду, — проворчал Мельхиор, не принимавший участия в разговоре. — В конце концов, ты не сделала ничего дурного.

— Извини, я не хотел быть навязчивым, — перебил его Бенжамино. — Даже если Ядвига права, что ж тут такого? Нынче монахи и монашки тысячами бегут из монастырей, потому как осознали, что посулы вечного блаженства — не более чем дешевое обещание без всякой гарантии. Спроси меня — ни за что не поверю, что Бог создал человека и его природу, чтобы потом оторвать их одного от другого и, больше того, даже запретить человеку поступать согласно своей натуре. Проклятие! Зачем же Бог создал людские инстинкты, если следовать им запрещено? Ведь если Он одарил нас,

артистов, способностью удивлять и смешить людей, значит, у нас должно быть право удовлетворять все эти потребности?

Магдалена меньше всего ожидала услышать от итальянца такие слова. Поэтому она с легкостью, не задумываясь, ответила:

— Да, я удрала из монастыря Зелигенпфортен. Но я не нарушала обет. Я сбежала за несколько дней до монашеского пострига. Между прочим, у меня были и другие на то причины, кроме тех, что ты назвал.

— Да ладно, — кивнул Бенжамино, — ты не обязана оправдываться! — После чего он погрузился в долгое молчание.

Изнурительный путь вел через лиственные леса, то в гору, то под гору, иногда дорога становилась настолько плохой, что им приходилось вылезать и толкать фургончики и повозки. Навстречу им то и дело попадались наводящие ужас шайки крестьян. Одичавшие мужчины, числом обычно от пяти до двадцати, имели весьма жалкий вид: изодранная в лохмотья одежда, кровоточащие раны, некоторые с изуродованными руками и обрубленными ногами, замененными на деревянные чурбаны. Их возмущение было направлено не только против аристократии, в первую очередь они боролись с духовенством и засильем Церкви в светской жизни. С помощью грубой силы они пытались добиться отмены крепостной зависимости и десятины.

Однако их бунты были заведомо обречены на поражение.

На полпути, в гуще букового леса, такая банда напала на цирковой обоз. Магдалена теснее прижалась к Мельхиору, не выказывавшему ни малейшего признака страха. Он шепнул Магдалене в ухо:

— Не бойся! Они нам ничего не сделают, они знают, что мы на их стороне.

И в самом деле, вскоре после того как несколько мужиков схватили под уздцы лошадей и остановили фургончики артистов, предводитель свистнул дважды, и все опустили оружие — пики и косы, ножи и топоры.

Мельхиор выпрыгнул из фургончика и с невозмутимым видом подошел к предводителю.

— Скажи своим людям, что мы бродячие артисты. А артисты всегда на вашей стороне!

— Знаю, знаю, — проворчал вожак, — вы — труппа Великого Рудольфо. Извини моих людей за несдержанность. Но в наше неспокойное время каждый встречный для нас поначалу враг. Ведь вы Рудольфо?

Услышав свое имя, Рудольфо высунул голову из повозки.

— ***Я*** — Великий Рудольфо! — Канатоходец прыжком выскочил из своей пестрой кибитки и огляделся с видом триумфатора.

— Рудольфо, Великий Рудольфо! — восхищенно выдохнули вооруженные крестьяне.

Мгновение Рудольфо наслаждался неожиданным успехом. Потом вполне серьезно заметил:

— Здорово они вас отделали! — Он подошел к молодому парню, с головы до ног перемазанному кровью. Его правая рука, а вернее, то, что от нее осталось после боя, была вправлена в трубку, сложенную из двух черепиц, связанных бечевкой, и оттуда на землю капала кровь.

— Ему еще и шестнадцати нет, — пояснил предводитель, поймав взгляд Рудольфо. — Но самое ужасное то, что все было напрасно!

Рудольфо неожиданно рявкнул, да так, что его крик эхом разнесся по лесу:

— Где этот чертов знахарь?

Тот вышел из-за повозки, ссутулившись, отчего его горб стал еще более заметен, и осмотрел обрубок руки мальчика. Он и не пытался скрыть, с каким отвращением выполнял свою миссию.

— Я же не военный лекарь, — бросил он, не поднимая глаз.

— Но мальчишка не выживет в таком состоянии!

— Да уж, это точно.

— Ну и?.. — Рудольфо рассвирепел, циркачи никогда не видели его в таком гневе. — Что ты за убогое создание! Каждый вечер поучаешь народ на рыночных площадях, заверяя, что от любой болезни существует травка, что ты способен вернуть столетним старцам мужскую силу, с помощью вероники избавить от чесотки, а обреченного на смерть с легкостью бросаешь на произвол судьбы. Ты настоящий шарлатан, а не знахарь!

Тем временем вся труппа кольцом окружила несчастного парня, знахаря, Рудольфо и предводителя повстанцев. Словно неожиданно озаренный духом христианского милосердия, знахарь деловито хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Принесите мои сундуки и ящики из фургона! Нельзя терять ни минуты!

Кучера, принявшие близко к сердцу судьбу мальчика, мигом выгрузили знахарские инструменты на землю, и лекарь принялся обрабатывать рану. Он окунул бесформенный корень, похожий очертаниями на фигуру толстухи, в пузырек с мутной таинственной жидкостью и осторожно прижал корешок к открытой ране. Парень вскрикнул от боли и воздел обрубок руки к небу, взывая о помощи. Когда он опустил руку, боль утихла и кровь была остановлена.

Пока знахарь молча обрабатывал рану настойкой и смешивал из дюжины разных колбочек напиток, который должен был влить в парня новую жизненную силу, предводитель, обращаясь к Рудольфо, начал свой рассказ:

— Долгое время они смертельно ненавидели друг друга — господа архиепископы и епископы, благородные каноники, маркграфы и весь этот дворянский сброд. Но когда все обернулось против нас, крестьян, они вдруг тесно сплотились. Как скот гнали нас перед собой, безжалостно вырезали и истребляли. «Колите их, режьте их!» — кричали они с ненавистью. У меня до сих пор стоит в ушах их боевой клич. Позавчера нас разбили союзные князья. Те крохи, что уцелели, вроде нас, разбежались во все стороны. Теперь прячутся в лесах или нападают на своих же, на крестьян, которые отказываются давать им еду из страха перед местью союзных князей.

Изнуренные и ослабленные, мужчины лежали на земле. Когда Рудольфо призвал свою труппу поделиться с ними съестными припасами, которые они везли в повозке с ларями, крестьяне набросились на пищу, как изголодавшие дикие звери, дрались за куски побольше, дубася друг друга, пока предводитель не привел их в чувство громким «Эй, вы!».

— И что же будет дальше? — осторожно осведомился Рудольфо у вожака, руководствуясь при этом своими

собственными интересами. Ему пришла в голову мысль, что появление артистов, пожалуй, не совсем уместно в этих краях и было бы лучше объехать Вюрцбург стороной.

— А что может быть дальше? — саркастически рассмеялся вожак. — После проигранной битвы дела наши будут еще хуже, чем раньше. Что же до города Вюрцбурга и его восставших жителей, то епископ выставил им до завтрашнего утра ультиматум: они должны сдать все оружие, с каждого крестьянского двора выплатить его светлости возмещение убытков, присягнуть на верность сеньору, осудить предводителей восстания и открыть городские ворота союзным князьям.

— Ну и как, они сделают это?

Вожак пожал плечами.

— А что им остается? Если жители Вюрцбурга не подчинятся требованиям, люди епископа, как поговаривают, грозятся поджечь поля и виноградники, а всех горожан, достигших тринадцати лет, отправить на тот свет.

У Магдалены, слушавшей слова предводителя, дрожали губы. Мельхиор, взяв девушку за руку, попробовал ее успокоить:

— Артисты не считаются сторонниками повстанцев, так что нам нечего опасаться. Ты можешь не волноваться.

Знахарь между тем закончил лечение раненого мальчика и принялся убирать свои инструменты в ящики и сундуки. Тут из леса с западной стороны послышался конский топот. Болотистая лесная почва приглушала ритмичный цокот копыт, делая его похожим на удары в литавры. Вожак с открытым ртом вслушивался в приближающийся шум.

— Люди союзных князей! — выпалил он. В тот же миг повстанцы вскочили с земли и бросились бежать на восток. Последним ковылял бедолага, опиравшийся на кривую палку, а с ним парень, которого лечил знахарь.

Не успели они скрыться в чаще, как на поляне появился стройный всадник на вороном коне, за ним следовал тучный наездник, по черно-белому одеянию которого нетрудно было узнать каноника. Всадник на всем скаку осадил лошадь, так что та вздыбилась, несколько раз перебрав в воздухе передними ногами, прежде чем остановиться возле Великого Рудольфо. Каноник проделал то же самое, хотя и не столь лихо.

Пока около десятка всадников выезжали на поляну, первый спрыгнул с лошади и подошел к Рудольфо:

— Кто ты? Назови свое имя.

— Я — Великий Рудольфо. — В голосе канатоходца прозвучало некоторое высокомерие, и Магдалена в предчувствии бурной грозы втянула голову в плечи. Особенно когда Рудольфо

продолжил: — Я — король бродячих артистов. А вы кто такой?

— Я — Георг Трухзес фон Вальдбург, которого еще называют главнокомандующим его императорского величества, князя-архиепископа Вюрцбургского, архиепископа Майнцского, архиепископа Трирского, курфюрста Пфальцского и герцога Баварского.

— Очень приятно. — Рудольфо как ни в чем не бывало кивнул ему. — Вы, конечно, слышали обо мне?

— Что-то не припоминаю, — хмыкнул Трухзес, слегка раздраженный невозмутимостью циркача, и продолжил: — Но, может быть, тебе доводилось слышать о крестьянском палаче?

Окружавшие их всадники осклабились.

— Должен, в свою очередь, разочаровать вас, ваша милость. Трухзес, как вы изволили именовать себя, не каждый день встречается на пути бродячего артиста.

Тут уже зафыркали циркачи, сгрудившиеся на безопасном расстоянии и робко наблюдавшие за разговором.

Главнокомандующему его величества показалось, что беседа выходит из-под контроля. Так или иначе, но он не привык, чтобы с ним разговаривали на равных, да еще с изрядной долей иронии, поэтому он резко бросил:

— Кто-нибудь может мне объяснить, почему он осмеливается называть себя королем шутов, к тому же ***Великим*** Рудольфо? По-моему, не ***так*** уж он и велик!

— Не ростом! Тут вы совершенно правы, ваша милость. Но что касается моего умения, еще никому не удавалось превзойти меня и мое искусство.

— А в чем состоит твое искусство, циркач?

— Я легко поднимаюсь по канату на самые высокие церковные башни. Это под силу лишь одному человеку во всем мире, Великому Рудольфо! — Правой рукой канатоходец прочертил в воздухе элегантную дугу, словно ожидая бурных оваций.

— А остальная публика? — Георг фон Вальдбург пренебрежительно махнул в сторону артистов и внимательно осмотрел каждого в отдельности. Его взгляд задержался на Магдалене.

Магдалена опустила глаза, не в силах выдержать пронзительный взгляд высокопоставленной особы. Грузный каноник, скорее равнодушно наблюдавший за разговором, подошел к Трухзесу и что-то зашептал ему на ухо.

— Так отвечай же на мой вопрос! — прикрикнул тот на Великого Рудольфо.

— Ну, в общем, так, — обстоятельно начал Рудольфо, — мы

дивим публику разного рода кунштюками, смешим фокусами, словом, удовлетворяем любопытство людей, их страсть к сенсациям. Но, пожалуй, это не самое правильное в эти горестные дни.

— Что ты несешь, шут, — возмутился Трухзес фон Вальдбург. — Именно в плохие времена народ нужно отвлекать, так что вы появились как раз кстати.

Однако Рудольфо решительно воспротивился этой точке зрения:

— Ваша милость, возможно, народ нуждается в том, чтобы его отвлекли от забот и нужд. Но в тяжелые времена у людей нет лишних монет, чтобы с легкостью бросать их в шляпу циркача. Нет, мы двинемся на запад, в Брабант, где правят Габсбурги и где годами царит мир.

— Габсбурги от вас не убегут, — горячился Георг фон Вальдбург. — А что касается монет в ваших шапках, то вы, шуты, в накладе не останетесь, если порадуете горожан Вюрцбурга своим искусством. Скажем, десять гульденов в день и по два гроша на питание каждому.

Великий Рудольфо сморщил лоб, как бы обдумывая предложение. За десять гульденов можно было купить чистокровную лошадь лучшей породы! Тем более что на всем протяжении вниз по Майну до Майнца выступать артистам все равно было негде.

— Я не хочу на тебя, конечно, давить, — добавил Трухзес. И не успел Рудольфо заверить, что согласен с предложенной суммой, как главнокомандующий изрек: — Скажем, пятьдесят гульденов за три дня. Соглашайся!

Увидев, как каноник закатил глаза, будто отрешенный столпник, Рудольфо молниеносно схватил руку Вальдбурга и пожал ее.

— Договорились, ваша милость! Мы вас не разочаруем.

— Надеюсь, артист! — воскликнул тот, взмыв на своего горячего жеребца и пришпорив его. — Завтра около десяти утра городские ворота будут открыты для вас! — И, подбадривая лошадей криками, кавалькада исчезла за деревьями.

— Ловкий переговорщик этот Рудольфо, — шепнул Мельхиор Магдалене, все еще судорожно сжимавшей его руку.

— Я ужасно боялась, — тихо ответила Магдалена.

Между тем на поляну опустился вечер, и Великий Рудольфо отдал приказ разбить лагерь прямо тут. В мгновение ока повозки и фургоны были составлены в каре, защищающее лошадей и волов. Между деревьями возничие натянули тент, а землю выстлали соломой, которую возили в своей повозке. Все это было

проделано так слаженно и быстро, что Магдалена не могла опомниться от удивления. Чтобы не стоять в бездействии, она спросила первого попавшегося, чем могла бы быть полезна. Им оказался великан из Равенны, якобы пивший из водосточной трубы.

— Ах ты, Боже мой, малышка! — расплылся тот в широкой улыбке. Магдалену покоробило, что он назвал ее малышкой. Хотя, конечно, если сравнить его и ее рост, она выглядела рядом с ним просто ребенком. И все же его обращение показалось ей неуместным, и она передразнила его:

— Ах ты, Боже мой, великан!

Тот сразу понял намек Магдалены и примирительным тоном сказал:

— Я не имел в виду ничего плохого, но я ведь даже не знаю, как тебя зовут.

— Магдалена, — представилась она.

— Леонгард Куенрат, — ответил великан.

— А ты в самом деле родом из Равенны?

— Чушь собачья. Моя люлька стоит в Штрасбурге.

— Большая, должно быть, люлька.

— Ничего подобного. До семи лет я был не выше сверстников. Но, свалившись однажды с осла, я вдруг начал расти, как ива у ручья. Нас, детей, было семеро, и мать ругала меня, что я объедаю семью. Отец мой, мельник, лупил меня, потому что я воровал у него муку и выменивал на хлеб. Тогда я сказал себе, что хуже мне нигде не будет, и сбежал, попав прямо в руки Великому Рудольфо. Он объявил, что давно ищет такого, как я. Он-то и нарек меня великаном из Равенны. Сказал, что это звучит куда экзотичнее, чем Леонгард Куенрат. С тех пор я великан по профессии, меня никто не бьет и мне не надо страдать от голода. Пока, во всяком случае. — Подмигнув, он добавил: — Тебе ведь нравятся высокие, сильные мужчины?

— Ты имеешь в виду Мельхиора? — рассмеялась Магдалена. — Мы случайно вместе. Больше здесь нечего обсуждать.

Мельхиор тем временем разжился в продуктовом вагончике хлебом и кислой капустой из бочки.

— Не слишком жирно, но вполне сносно, — заметил он, отдавая Магдалене половину. К еде полагалась вода из огромной бочки, занимавшей половину площади четырехколесной фуры. Вторая бочка, стоявшая там же, была якобы наполнена вином. По крайней мере, так утверждал великан из Равенны. Но, просвещал он, вино выдают только по особым случаям, чаще всего, когда Великий Рудольфо совершал очередное бравурное восхождение по канату.

Стояли дни, предшествующие началу лета, и, хотя солнце показывалось редко, ночь, как и все предыдущие, была теплой, быть может, оттого что климат по течению Майна был мягче, чем в других немецких землях.

По примеру артистов Магдалена с Мельхиором накидали себе соломы и обустроили ночное ложе. Магдалена уже собралась, не раздеваясь, улечься спать, как вдруг наступающую тишину на поляне разрезал хриплый голос знахаря:

— Магдалена, тебя зовет Рудольфо!

Рудольфо имел обыкновение ночевать в своем обособленно стоящем вагончике из гладко выструганных досок с козлами для кучера, расписанном синими и красными красками. Вагончик был овеян тайной, и не без причины, поскольку Рудольфо никому из труппы не разрешал переступать его порог, кроме знахаря, а тот, и так немногословный, категорически отказывался рассказывать, что там внутри. Иногда артисты даже спрашивали друг друга, а странствует ли Рудольфо вообще с ними? Может, вагончик ездит пустой?

Обо всем этом Магдалена не имела ни малейшего понятия. И все же чувствовала некоторое замешательство, преодолевая в сумерках пять ступенек откинутой деревянной лестницы и нажимая на дверную ручку. Дверь оказалась заперта. Наконец щеколда была отодвинута, дверь раскрылась внутрь, и перед ней предстал в знакомом уже обличье Рудольфо — в белом шелковом трико и белой рубашке с широкими рукавами. Не произнося ни слова, он жестом пригласил ее войти.

У Магдалены не было времени рассмотреть внутреннее убранство узкого вагончика. С правой стороны, напротив единственного окошечка на продольной стене, мигала коптилка. Проходя мимо, Магдалена отбросила огромную тень на противоположную сторону. По бокам штабелями были сложены книги и пергаментные свитки, напоминая кладку городской стены. Между ними громоздились какие-то странные инструменты непонятного предназначения. На полу стояли два ларя и ящики разного размера. Ни стола, ни шкафа. Не считая воткнутого в угол заброшенного двуногого стула, заваленного книгами, мебели не было.

Рудольфо пригласил ее присесть на один из ящиков, а сам уселся на ларь напротив, видимо, чтобы выглядеть повыше.

— Ты, наверное, уже думала, чем могла бы заняться в труппе, — без обиняков начал Рудольфо.

— Ах, конечно, — поторопилась ответить Магдалена, хотя это отнюдь не соответствовало действительности. Первый день, проведенный среди циркачей, был настолько волнительным, что

ей было не до того.

Что бы она могла делать? Танцевать на канате? На это у нее не было ни храбрости, ни умения. Женщина на проволоке? Такого еще никогда не было. Это потрясло бы христианскую западную Европу!

— Я училась читать, писать и шить, — ответила она после небольшой паузы. Это было правдой. В монастыре она с особой тщательностью следила за состоянием монашеской одежды. — Ведь артистам нужны красивые костюмы. Я могла бы содержать их в порядке.

Рудольфо был явно озадачен таким предложением.

— Мне нравится ход твоих мыслей. Но ты, вероятно, уже заметила, что у каждого из нас не ***одна*** обязанность. Жонглер — наш повар, великан из Равенны ухаживает за животными, королева карликов занимается бельем и костюмами, зазывала, не жалея сил, клянчит подаяния, а также еду для людей и зверей у попов и членов городского совета, когда грозы, ливни или суровая зима препятствуют нам в проведении представлений.

Об этом Магдалена вообще не задумывалась. Как и все на свете, по-видимому, жизнь бродячих артистов имела две стороны.

— Поэтому, — продолжил Рудольфо, — я придумал для тебя особое задание. Нашей компании давно нужны необычные аттракционы. Теленок о двух головах едва ли выманит кого-нибудь из-за печи. По непонятным причинам таких в последнее время появляется на свет все больше и больше в одной только Франконии. Королева карликов тоже не одна такая. С низовьев Дуная в наши края переселилось целое племя лилипутов, несколько сотен низкорослых людей, которые за звонкую монету выставляют себя напоказ...

— Зато ты единственный в своем роде, Великий Рудольфо, — перебила Магдалена канатоходца. — Плебс приходит, чтобы увидеть тебя. А не только чтобы поглазеть на женщину трех футов росту!

— Нет, ты этого не понимаешь, — покачал головой Рудольфо. — Мы, бродячие артисты, живем разнообразием, тем, что представляем публике другой мир, который простирается за горизонт собственной жизни. Одному, каким бы зрелищным и необычным ни было его искусство, это не под силу. Но чем многообразнее и оригинальнее мы выступаем, тем с большей готовностью народ дает себя обдурить. Циркачи — это настоящие соблазнители...

— Ну и что же ты придумал для меня? — разволновалась Магдалена.

— Ты будешь выступать в команде. Будешь изображать

женщину, которую заживо похоронили, и она семь дней пролежала под землей.

Магдалена опешила.

— Но меня никогда не хоронили заживо. Это был бы обман, Великий Рудольфо!

— Разве все мы, артисты, не обманщики? — лукаво ухмыльнулся канатоходец. — Мы дурачим людей, показывая то, чего не существует на самом деле. Королева карликов — никакая не королева, а жалкое низкорослое создание. Великан из Равенны — вовсе не великан от рождения, он вытянулся вследствие несчастного случая. И то, что он перебрал в росте, он не добрал в уме. Жонглер бросает в воздух одновременно пять мячей и ловит их, при этом морочит всем голову, что он чародей, хотя на самом деле это не магия, а только тренировка и еще раз тренировка.

— А ты, Великий Рудольфо? Когда ты восходишь на самые высокие башни — это тоже обман?

— Да, и ничего другого.

— Не понимаю.

— Тебе это и не надо, — отрезал канатоходец. — Я просто хочу сказать, что не надо терзаться сомнениями и угрызениями совести. Наверняка ты слышала о жене плотника, которая в прошлом году семь дней пролежала в гробу под землей, потому что ее сочли мертвой. Лишь на восьмой день могильщики услышали ее стук. Когда гроб выкопали и открыли, ее лицо было пепельно-серым и она лишилась всех волос. Они были рассыпаны в гробу. Но она была жива. Случай этот привлек к себе всеобщее внимание, в том числе во Франции и Нидерландах. Даже Папа Римский заинтересовался им.

Магдалена провела рукой по своей голове. О Господи, она забыла надеть свой чепчик, который до сих пор избавлял ее от ненужных объяснений. Она застыдилась и предпочла бы провалиться сквозь землю.

— Теперь ты наверняка ждешь объяснений, куда делись мои роскошные волосы, — нерешительно промямлила она.

— Да где ж им быть, — самодовольно улыбнулся Рудольфо. — Разумеется, в каком-нибудь монастыре.

— И ты не хочешь узнать, почему и отчего?

— А, ерунда! Это твое личное дело, ты не обязана отчитываться.

Ох, непросто было разгадать этого Рудольфо, еще сложнее увидеть его насквозь. Похоже, он все умел, все знал и всего хотел. Даже невозможного. Его требование выставить себя напоказ как заживо погребенную, с лысым черепом, наверное, еще и в саване, показалось ей абсолютно неприемлемым. Хотя Магдалена и

подозревала, что возражать ему бесполезно, она все же спросила:

— А если я не исполню твое желание? Если откажусь выступать живым трупом?

Рудольфо удивленно поднял брови, округлив их в дуги, и невозмутимо ответил:

— Тогда в нашей труппе будет один лишний едок.

Магдалена поняла, что он имел в виду. Конечно, ей было ясно, что Великий Рудольфо не позволит торговаться с собой.

— Дай мне день на раздумья, — произнесла она наконец.

— Хоть два. Но потом ты должна принять решение. — Не с казав больше ни слова, он открыл дверь вагончика и недвусмысленным жестом выпроводил ее наружу.

Даже в темноте, рассеять которую было не под силу скрытой за облаками луне, Магдалена ощущала прикованные к себе взгляды артистов. Хотя различить отдельные лица было невозможно, она чувствовала, с какой завистью смотрят на нее знахарь, жонглер, рыночный зазывала, великан и гадалка, и слышала их хихиканье. Теперь было ясно, почему Великий Рудольфо, которому сопутствовала слава сердцееда и дамского угодника, взял Магдалену в труппу.

Отыскав во мраке под тентом Мельхиора, Магдалена, не раздеваясь, легла рядом. Шепотом она рассказала ему, что пережила в вагончике канатоходца и какую участь уготовил ей Рудольфо. А потом побожилась, что ни за что на свете не исполнит его требований. Даже если он прогонит ее.

Мельхиор, не найдя в планируемом одурачивании ничего плохого и унизительного, горячо заверил в этом Магдалену. Подумав, он даже предположил, что Рудольфо больше заинтересован в ней самой, а не в ее трюке. Может, и вовсе канатоходец использовал его, Мельхиора, услуги в качестве предлога, чтобы подобраться поближе к Магдалене.

Тут Магдалена бурно запротестовала. Рудольфо скорее вел себя по отношению к ней высокомерно и уж точно не двусмысленно. Хотя у нее не было опыта в любовных аферах, но она бы догадалась о его намерении. Ее наголо обритый череп едва ли мог бы разбудить интерес мужчины. Нет, она считает Рудольфо прожженным и довольно бесцеремонным бродячим актером, который ни перед чем не остановится. А от возражения Мельхиора, что Рудольфо — величайший канатоходец Божьей милостью, Магдалена отмахнулась, заметив, что, вероятно, и за этим кроется всего лишь большое надувательство.

На этом оба заснули.

A12

Глава 4

Следующее утро было благосклоннее к ним. Согревающие лучи солнечными зайчиками проникали через тент и будили спящих артистов. Магдалена, в прошлом привыкшая к раннему подъему, натянула на голову свой чепчик и стряхнула с платья росу, образовавшуюся в ночной прохладе.

Отправившись в лес по срочной нужде, Магдалена наткнулась на гадалку Ксеранту, неожиданно вынырнувшую из подлеска. На голове у той, как всегда, красовалась золотая диадема. Уперев руки в бока, женщина грозно встала на пути девушки.

— Ах ты, облезлая кошка! — в ярости набросилась она на Магдалену. — Не по зубам тебе Великий Рудольфо! Так что руки прочь от него!

Обвинение было таким неожиданным, что Магдалена в первый момент не могла вымолвить и слова. Наконец она взяла в толк, чего хотела от нее Ксеранта.

— Не бойся, — самоуверенно парировала она, — я не возьму то, что принадлежит тебе. Только подозреваю, что Великому Рудольфо от тебя ничего не надо, ни мизинчика. — Магдалена была поражена, как это она набралась смелости высказать в лицо гадалке все, что она о ней думает.

Такой отпор взбесил Ксеранту. Она сделала шаг вперед, скрестила руки на огромной, обвисшей груди и остановилась в угрожающей позе.

— У меня за спиной хоть и побольше годков, зато есть еще полосы на голове! — При этом она попыталась сорвать чепчик с головы Магдалены.

Та отбила нападение и, размахнувшись, залепила Ксеранте пощечину. Такой наглости гадалка никак не ожидала. Доли секунды она решала, защищаться ей и дать сдачи или все же отступить. Но, увидев, что Магдалена приближается к ней, растопырив пальцы и плотно сжав губы, она предпочла ретироваться. На безопасном расстоянии гадалка обернулась и крикнула:

— Ты еще об этом пожалеешь!

Вернувшись, Магдалена застала труппу за сборами. Она рассказала Мельхиору о встрече с гадалкой, чем скорее развеселила друга, и он заметил:

— Теперь у тебя, по крайней мере, появился враг в труппе. И боюсь, — задумчиво добавил он, — Ксеранта будет не единственной.

Пока они устраивались в фургончике, к Магдалене подошла королева карликов и, дернув девушку за юбку, произнесла своим писклявым детским голосом:

— Великий Рудольфо приказал мне передать тебе этот наряд. Ты знаешь, о чем речь.

Магдалена наклонилась и приняла белое платье, потом бросила на Мельхиора вопросительный взгляд.

Тот пожал плечами:

— Ты должна отвечать за то, что делаешь. Но еще больше — за то, чего ***не*** делаешь.

— Я считаю притязания Рудольфо унизительными, — возразила Магдалена.

— Тогда не ввязывайся! Но если тебе интересно мое мнение...

— Интересно.

— Мне кажется куда более унизительным, когда наши епископы и проповедники отнимают у бедняков последние гроши, чтобы те ***якобы*** обрели отпущение грехов и вечное блаженство.

Магдалена задумчиво кивнула.

— Что до меня, — продолжил Мельхиор, — я исполню желание Рудольфо и буду выступать в его спектакле в качестве Самсона из Нового света.

— «Самсон из Нового света»? И что же ты должен делать?

— Поднять железную наковальню и предложить зрителям сделать то же самое. Кто сможет, получит десять гульденов.

— И ты хочешь это сделать? Пойми меня правильно, я знаю, что ты сильный парень. Но я не могу себе вообразить, чтобы человек поднял наковальню, — даже ты не сможешь!

— Тут ты права, — засмеялся Мельхиор, — в нормальных условиях это действительно невозможно. Но мы ведь среди циркачей, а у них все не так, как кажется. Разумеется, за этим кроется потрясающе простой прием.

— Значит, опять надувательство!

— Ну да, если хочешь, можешь назвать это и так.

Кучера начали поторапливать артистов, и Магдалена

с Мельхиором вскарабкались в свой фургон. Возглавляемый сине-красной повозкой Великого Рудольфо, цирковой обоз тронулся в путь. Небольшой отрезок пути они ехали по песчаной дорожке, узкие колеса глубоко увязали в песке, и упряжные животные выбивались из сил. В воздухе то и дело свистели кнуты возничих. Так они добрались до края леса. Перед ними, в речной долине, лежал окутанный утренней дымкой Вюрцбург. Силуэты церквей были настолько филигранны, что казались вырезанными из картины Лукаса Кранаха[5].

На круто обрывающемся склоне возничим пришлось

подложить под повозки тормозные башмаки. Это были железные колодки, которые крепились на цепи под повозками и при необходимости подкладывались под задние колеса и блокировали их.

По берегу, вниз по течению, с милю тянулась дорога, отделяющая Майн от укрепленной резиденции епископа и заканчивающаяся каменным мостом. Сразу бросалось в глаза, что на улицах почти не было людей, только ландскнехты в тяжелой амуниции, охранявшие мост с двух сторон. Похоже, что артистов ждали, поскольку постовые кивком пропустили обоз, не поинтересовавшись ни циркачами, ни их грузом.

На Соборной улице, неподалеку от берега, им навстречу вышел посланник Георга Трухзеса фон Вальдбурга, которому было поручено сопровождать артистов до рыночной площади, расположенной неподалеку, где напротив ратуши им было отведено место для лагеря. Площадь была пуста, и казалось, что горожане покинули свой город. В редких случаях в окне появлялась любопытная голова, которая тут же исчезала, стоило ее заметить. А ведь артисты привыкли к ликованию, шуму и крикам, сопровождавшим их въезд в любой город. Даже детей, которые повсюду облепляли вагончики, словно репей платья, нигде не было видно.

По обыкновению возничие начали сооружать бастион из фургонов и повозок, за которыми располагались животные. Команды, разносившиеся по пустынной площади, производили странное, почти жуткое впечатление.

Где же были горожане? Почему прятались в своих домах? Где бы раньше ни выступали артисты, Великий Рудольфо притягивал людские массы. Люди боготворили его, как святого, который странствовал по свету, творя чудеса, а иные даже падали ниц перед ним, принимая канатоходца, облаченного в белый шелк, за Мессию.

В такие дни людей нередко охватывал массовый психоз, который выражался по-разному: в ожидании конца света одни верующие продавали за бесценок все свое земное имущество; другие, став последователями флагеллантов, бичевали себя на площадях и улицах, пока их тела не превращались в кровавое месиво; третьи толкли в ступках мнимые реликвии каких-нибудь святых и смешивали с освященной водой, чтобы потом с помощью этой кашицы обрести здоровье или, в лучшем случае, вечное блаженство. Некоторых одолевала страсть к пляскам, и они у всех на глазах порхали и извивались, пока в полном изнеможении или даже замертво не падали оземь.

То, что горожане пренебрегали собственным городом,

избегали улиц и площадей, повергло циркачей, всего навидавшихся на своем веку, в полное замешательство.

Магдалене поручили принести воды из городского колодца, и она отправилась в путь с двумя большими глиняными кувшинами. Уже издалека она увидела двух склонившихся над колодцем мужчин, которые, казалось, собирались попить воды. Однако подойдя ближе, она поняла, что тот, что помоложе, обмывал старшему лицо и руки.

Поставив кувшины на ступеньках, ведущих к колодцу, Магдалена дружелюбно поздоровалась. Однако ни тот ни другой не удостоили ее даже взглядом. И лишь когда она приблизилась и разглядела страшные раны на лице пожилого мужчины, молодой, явно тяготившийся встречей, буркнул:

— Ты, видно, не местная?

— Нет, — ответила Магдалена и робко добавила, словно извиняясь: — Я из труппы циркачей, нас в ваш город пригласил Трухзес фон Вальдбург.

Молодой смачно сплюнул на мостовую и воскликнул:

— Крестьянский палач! Величайший изверг из тех, кто ходит по нашей земле! Сначала перебил горожан и крестьян, а потом пригнал на нашу голову шутов, чтобы мы еще над этим посмеялись. Убирайтесь подобру-поздорову, пока мы не обернули против вас остатки нашего оружия.

— Не кипятись, сынок, — пробормотал старик, не поднимая глаз. — Циркачи поддерживают скорее нас, чем князей и попов.

Магдалена кивнула, не найдя ничего лучшего в этой ситуации. Помедлив, она спросила:

— Кто это вас так отделал?

Старик замотал головой, не желая отвечать. Однако парень пояснил:

— Заплечных дел мастера нашего благородного господина епископа Конрада и главнокомандующего его императорского величества. — Он поднял голову и посмотрел в сторону крепости Мариенберг, резиденции вюрцбургского епископа. И добавил: — При этом отец больше сделал для епископа, чем все каноники, благочинные и аббаты его епископства, вместе взятые. Люди издалека приезжают, чтобы насладиться его искусством.

— Его искусством?

— Это мой отец, Тильман Рименшнайдер, а я его сын Йорг.

— Знаменитый Тильман Рименшнайдер?

— Знаменитый! — Старик горько рассмеялся. — Что пользы от всей твоей славы, если заказчикам не нравится твое лицо? Или еще хуже: если ты говоришь не те слова не тем людям! Тогда вся твоя знаменитость не стоит ломаного гроша.

Тильман говорил, гневно сверкая глазами, а затем спокойно поднял руки, и Магдалена увидела перебитые кисти, свисавшие, словно мокрые тряпки.

Оцепенев, она бросила вопрошающий взгляд на юношу.

Тот подошел к ней поближе, словно не желая, чтобы отец слышал его, и тихонько сказал:

— Подручные епископа пытали его наверху, в крепости, они перебили ему обе кисти. Как видишь, довели свою работу до конца. Сегодня утром гонец принес мне оттуда весть, что я могу его забрать.

Магдалена закрыла правой рукой рот, подавив вскрик.

— К тем телесным страданиям, которые он испытал, — продолжил Йорг Рименшнайдер, — прибавляется сознание, что он никогда больше не сможет заниматься своим искусством. Боюсь, это разобьет ему сердце.

Медленно, с искаженным от боли лицом старик опустил руки и вновь повернулся к колодцу. Это стоило ему больших усилий, ибо палачи не пощадили и его ноги: каждый шаг давался ему с огромным трудом. Постанывая, он нагнулся над краем восьмигранного колодца и погрузил руки в прохладную воду.

— Как могло такое произойти? — осторожно спросила Магдалена, не сводя глаз со старшего Рименшнайдера.

— Виной всему вековая борьба жителей Вюрцбурга с властями, в первую очередь с епископом, окопавшимся в своей крепости Мариенберг. С тех пор как злосчастный Фридрих Барбаросса пожаловал вюрцбургским епископам герцогскую власть, они ведут себя, как константинопольские султаны, — так же беспощадно и расточительно. Попы и их прислужники живут, подобно князьям, — не платят налогов и пользуются неприкосновенностью. Для них закон не писан. Если у них нет денег, они тут же обкладывают народ новыми налогами — на дом, на землю или виноторговлю. При этом епископу и так принадлежат все виноградники в городской округе. Раньше стычки между жителями Вюрцбурга и их епископами случались каждые пару лет. Но когда крестьяне и горожане по всей стране объединились и сплоченно выступили против епископов, каноников и дворян, дело для досточтимых господ из Мариенберга приняло опасный оборот. Отец, будучи бургомистром, возглавил город и пытался посредничать между епископом и бюргерами, но, увы, безрезультатно. Тем самым он только нажил врагов с обеих сторон.

— Замолчи! — прервал Рименшнайдер сына. — Делу это не поможет.

— Разумеется, не поможет, — разгорячился Йорг, — но все

должны знать, какой преступный сброд нами правит. — Он решительно добавил: — После выигранной битвы против мятежных горожан и крестьян досточтимый господин из Мариенберга и благородный господин Трухзес составили список мнимых подстрекателей, в который вошли сто девяносто пять мужчин. Мой отец тоже был среди них. Ему еще повезло, что жив остался. Большинство обезглавили. Милостивый господин епископ смотрел на казни, пока ему дурно не стало. Тогда он приказал себя унести.

У Магдалены комок стоял в горле.

— Теперь-то я понимаю, почему горожанам не до цирка. Почему на нас не обращают внимания и относятся, как к прокаженным.

— Не совсем так, — возразил молодой Рименшнайдер. — Сдержанность горожан имеет другую причину. Поверь мне, после кошмарных событий последних недель и дней нам крайне необходимо развлечься. Но кто-то из наших узнал, что Георг Трухзес фон Вальдбург по поручению епископа купил артистов, чтобы отвлечь народ от собственных преступлений. Не принимайте на свой счет наше презрительное отношение.

Так вот где крылась причина странного поведения горожан! И кто бы мог их за это упрекнуть?

В почти зловещей тишине, окутавшей рыночную площадь, вдруг раздался крик:

— Маг-да-ле-на!

Словно очнувшись после страшного сна, Магдалена подошла к колодцу, опустила свои кувшины в воду и прижала их, чтобы они наполнились. Страдая от боли, Тильман Рименшнайдер вытащил руки из воды.

Видя, как мучается старик, Магдалена сказала:

— Подождите здесь, я пришлю вам нашего знахаря. Как человек он сплошное недоразумение, но славится своим искусством врачевания. Он точно сможет дать вам средство для утоления боли.

Не успел старик отказаться от помощи, как молодой Рименшнайдер с благодарностью произнес:

— Благодарю тебя, юная дева, что не отвечаешь злом на зло. Мы будем ждать.

Во время отсутствия Магдалены циркачи успели разбить свой лагерь на восточной стороне рыночной площади. Девушка рассказала о том, что встретила у колодца резчика по дереву Тильмана Рименшнайдера, который срочно нуждается в помощи. К ее немалому удивлению, ее сообщение не встретило одобрения, хотя имя скульптора было знакомо каждому. Рыночный зазывала,

который, часто общаясь со священниками и дворянами, испытывал к ним даже определенную привязанность, заявил, что древорез, как он изволил выразиться, должен задуматься, на чьей он стороне; в конце концов, никто не принуждал его примыкать к крестьянскому восстанию.

Но когда Магдалена во всех подробностях поведала, как тяжко пришлось старику, Леонгард, великан из Равенны, молча подошел к знахарю и показал рукой в направлении колодца. Королева карликов демонстративно встала перед лекарем и, запрокинув голову, запищала:

— И не забудь прихватить свой волшебный чемоданчик!

На том месте, где Сапожная улица вливалась в Соборную, Рудольфе и его возничие поставили тяжелый фургон, который был приспособлен для перевозки толстого пенькового каната. Мельхиор помог канатоходцу закрепить повозку железными болтами толщиной в руку. Отсюда они натянули канат на левую соборную башню, спустив из верхних полуциркульных окон тонкий трос, на котором крепился и подтягивался вверх тяжелый канат.

Поперечная балка на внутренней стороне оконных проемов служила для крепежа. Под критическими взглядами Рудольфо возничие раз десять обмотали балку тросом, как змеей. А затем мастер завязал его сам, расположив пять петель одну за другой и пропустив через них конец. При этом он шепотом произносил какие-то непонятные слова. И хотя кучера уже сотню раз присутствовали при этой процедуре, ни один из них не мог бы повторить священнодействие канатоходца. То же самое, впрочем, относилось и к развязыванию узлов, что Рудольфо удавалось одним-единственным движением.

Вопреки устоявшейся традиции и по настоятельному требованию Георга Трухзеса фон Вальдбурга Великий Рудольфо решил взойти на соборную башню не в сумерках с двумя горящими фонарями в руках, а при дневном свете, что для него было сравнительно легким заданием. Суть же просьбы заключалась в том, чтобы выманить горожан вместе с детьми и домочадцами из их домов.

После того как подготовительные работы были завершены, Рудольфо отправился в лагерь и заперся в своем фургоне. Для артистов это был сигнал, означавший: не беспокоить канатоходца до его выступления.

Они давно уже перестали гадать, что происходит в синекрасном вагончике за пару часов до каждого выступления. Какие только дичайшие домыслы ни возникали — самыми безобидными из них были истовые молитвы за удачный исход

или крепкий сон. С течением времени все привыкли к церемонии и из уважения не тревожили мастера. Никто не осмеливался задавать вопросы. И поэтому, когда Магдалена яростно забарабанила в дверь вагончика Рудольфо, она столкнулась с всеобщим непониманием и злыми взглядами. Ей очень хотелось объяснить ему, что горожане не хотят смотреть на артистов по совсем простым причинам. Жонглер-итальянец Бенжамино прытко подскочил к ней и потребовал, чтобы она оставила свою затею. Великому Рудольфо перед спектаклем нужен полный покой. Публика непременно набежит, когда он вступит на канат.

В крайнем возбуждении подбежал знахарь, в одной руке он держал керамический горшок, в другой льняной мешочек с неизвестным содержимым, к животу была пристегнута кожаная сума.

— Через час все начнется, — упрекнул он ее, — а ты еще не надела маскарадный костюм. Пошли скорей!

Магдалена скрепя сердце поплелась вслед за Горбом, как все называли лекаря из-за его скрюченной спины. Рассказ молодого Рименшнайдера о событиях в стране рассеял ее сомнения по поводу того, присоединяться к бродячей труппе или нет. У нее просто не было другого выбора. Ей придется наступить на горло собственной песне и сыграть в представлении роль заживо погребенной. Итак, она предоставила знахарю свободу действий, хотя он был крайне неприятен ей как человек.

В своем вагончике он заставил Магдалену снять чепчик и сесть перед осколком стекла шириной в две ладони и высотой в три. Осколок был выкрашен с задней стороны черной краской, чтобы отразить физиономию того, кто в него смотрелся. Затем он велел ей закрыть глаза. Рассказывая, как он намазал руки Рименшнайдера обезболивающей мазью, а потом привязал к деревянной рейке в надежде, что сломанные кости правильно срастутся, он начал втирать ей в кожу головы, лоб и щеки, шею и плечи клейкую молочную массу. Потом осторожно вынул из льняного мешочка пригоршню белого, не так уж противно пахнущего порошка и растер его двумя руками на ее голове, после чего над ней поднялся столб пыли, как от деревенской дороги после двухмесячного летнего зноя, постепенно осевший на липкой коже.

— Не переживай, — заметил Горб, прежде чем Магдалена открыла глаза, — весь маскарад легко смывается обычной водой.

Застыв от ужаса, она смотрела на монстра в зеркальном осколке. Это было противоестественное существо, не иначе только что восставшее из гроба. Вскрикнув, она замолкла, разглядывая собственный обезображенный портрет. Как бы желая

удостовериться, что она еще жива, Магдалена медленно опустила веки и с той же осторожностью открыла глаза. Потом, не двигая головой, так же медленно повела зрачками слева направо и обратно.

— Белый саван! — воскликнул знахарь, вернув Магдалену к действительности. — Тебе еще надо надеть белый саван.

Таинственная тишина, окутавшая город с самого прибытия циркачей, вдруг была нарушена отдаленным звоном литавр и трубным гулом. Шум доносился от моста через Майн, где четверо лакеев в сопровождении воинов, вооруженных алебардами, и важных сановников несли на носилках облаченного в пурпур его преосвященство, милостивого государя епископа Конрада. Дородный милостивый государь благосклонно приветствовал тех немногих прохожих, которых выгнало на улицу любопытство, и благословлял их рукой в перчатке с кичливо красующимся рубиновым перстнем.

В конце Соборной улицы к ним присоединилась такая же представительная и яркая процессия каноников, которые, убрав руки в рукава красных сутан, своими белыми стихарями словно хотели подчеркнуть высокую нравственность и святость. В общей сложности вокруг укрепленного на улице циркового фургона с натянутым к соборной башне канатом толпилось около полусотни сановников. Кроме них, на улице не было ни души — ни перед собором, ни на Соборной улице, где были установлены сцена для циркового представления, **помосты для знахаря и** жонглера, а также домик гадалки Ксеранты. С улиц исчезли даже последние любопытные. Из-за от**сутствия** зрителей артисты решили сопровождать Великого Рудольфо к месту его номера и не скупиться на аплодисменты.

Когда канатоходец, одетый в белое, вышел из своего циркового фургончика, у него был серьезный и сосредоточенный вид; во всяком случае, ничто не говорило о том, что это рядовое восхождение, одно из сотен уже совершенных. Когда его взгляд скользнул по Магдалене, он показался ей отсутствующим. Она даже не была уверена, узнал ли он ее вообще. «Немудрено, — пронеслось у нее в голове, — при моем-то наряде».

Ни Магдалена, ни Мельхиор никогда не видели балансирующего на канате Рудольфо, а потому необычная ситуация была им только на руку. Вместе с другими артистами они встали за канониками. Те, и прежде всего тучный епископ Конрад, вертели головами, выказывая беспокойство, поскольку их план явно не срабатывал и горожане по-прежнему сидели по домам, как во времена эпидемии чумы.

Магдалена как завороженная следила за каждым движением

Великого Рудольфо. С кошачьей грацией, не обращая внимания на малое количество зрителей, он вспрыгнул на винную бочку, стоявшую справа от каната, прошелся взглядом по тросу до окна на соборной башне и назад, сделал несколько глубоких вдохов, так что его грудная клетка надулась, словно зоб индюка, и осторожно поставил сначала левую, а потом правую ногу на натянутый в воздухе канат.

Без твердой почвы под ногами его движения казались нервными и резкими. Рудольфо еще не сделал ни одного шага, но создавалось впечатление, что, согнув руки в локтях, он борется с силой тяжести. Отчаянно жестикулируя и чуть не заваливаясь набок, он исполнял пляску святого Витта, как те безумные, одержимые танцами, которые бродили по улицам городов.

— Почему он не идет? — шепнула Магдалена Мельхиору. — Что с ним?

Мельхиор молча положил руку на ее плечо, словно говоря: Потерпи, Великий Рудольфо знает, что делает!»

Не прошло и минуты — Магдалене она показалась вечностью, — как Рудольфо вдруг застыл как вкопанный, затем еще раз, взмахнув руками, посмотрел вверх, на свою воздушную цель, и побежал. Да, он именно бежал, словно за ним гнались черти, вверх по канату, уже без угловатых движений, и теперь его руки скорее походили на крылья.

Толстяк-епископ и его свита недоверчиво наблюдали за представлением, впрочем, без тени волнения. В их отношении к происходящему будто сквозила зависть, ведь в тех кунштюках, которые преподносит Новый Завет, Господь всего лишь ходил по воде, но никогда не совершал восхождения по канату.

Лишь этим можно было объяснить, почему никто не пошевелился, когда, достигнув цели, Рудольфо ухватился левой рукой за каменный оконный переплет, а правой в ожидании оваций поприветствовал зрителей. Один лишь великан из Равенны робко хлопнул в ладоши, но тут же остановился, поймав на себе порицающий взгляд епископа. К спуску артиста, гораздо более сложной части номера, поскольку у канатоходца не было цели перед глазами, человек в пурпурном облачении и его свита не проявили никакого интереса. Епископ Конрад дал знак своим лакеям, что пора уходить.

Тут к нему подошел зазывала, в обязанности которого входила забота о финансах.

— Милостивый государь, мы договорились с вашим Георгом Трухзесом фон Вальдбургом о гонораре в пятьдесят гульденов и два гроша на питание для каждого артиста за три дня. Не хочу показаться навязчивым, но не могли бы вы сказать, когда и где

мы сможем получить оговоренную сумму.

Лакеи поставили носилки, которые уже подняли, снова на землю, а епископ, беззастенчиво захохотав, посмотрел на окружавших его каноников. Те усердно подхватили наглый смех, словно уже знали ответ его милости.

— Так-так, — произнес епископ, потирая руки в перчатках, — Георг Трухзес фон Вальдбург обещал вам пятьдесят гульденов. Щедрый, видимо, человек. Так пусть ***он*** и платит обещанное. Жаль только, что след его давно простыл!

— Но он говорил от вашего имени, ваше преосвященство!

Человек в красном возмущенно покачал головой.

— Чего только не позволяют себе эти ландскнехты, что за народ! Да покарает Господь Трухзеса.

В то время как некоторые каноники, втянув головы в плечи, стыдливо осеняли себя крестным знамением, другие ухмылялись, ударяя себя в бока.

— Но я, — продолжил толстяк, — поступлю с вами великодушно и с христианским милосердием, как и подобает моему высокому сану. Приходите в «Зеленое дерево» на тарелку вечернего супа. Шуты получат горячее и по кружке пива. А завтра чтобы вас не было в городе. Надеюсь, мы поняли друг друга!

Сопровождаемый ландскнехтами епископ Конрад удалился в направлении моста через Майн, еще до того как Великий Рудольфе спустился на землю. Когда зазывала рассказал ему

о реакции епископа, тот, видимо, не успев прийти в себя после восхождения, разбушевался и принялся размахивать руками, борясь с воображаемым противником. Потребовалось еще какое-то время, прежде чем он успокоился.

— Мы уезжаем сегодня же! — выкрикнул он вне себя. — А горячее, которое он нам обещал, пусть засунет себе в задницу, толстобрюхий господин епископ! Наших запасов хватит еще как минимум на десять дней. Вниз по Майну есть достаточно мест, где наше появление будет вознаграждено звонкой монетой: Вертхайм, Мильтенберг и Аморбах, не забудем и Ашаффенбург с Ганау. ***Я*** уж молчу о Франкфурте. Так что пакуйте вещички!

Мимо Магдалены события сегодняшнего дня проплыли, подобно сказочным картинкам. И лишь когда она у колодца с мыла свой маскарад, превративший ее в мнимую покойницу, которая никому не понадобилась, девушка полностью пришла в себя и в расходящейся кругами воде узнала себя, беглую монахиню Магдалену. Она уже давно поняла, что свобода, на которую ей пришлось променять строгую монастырскую жизнь, обернулась для нее ежедневной борьбой за выживание, сопряженной с тысячей опасностей.

Хотя они по-прежнему делили один вагончик, Магдалена и Мельхиор отдалились друг от друга, без всякого злого умысла. Вероятно, оживление их детской привязанности было продиктовано той вынужденной общностью, которая свела их. От Магдалены не укрылось и то, что Мельхиор все чаще искал общества гадалки Ксеранты. Она не была особо привлекательной, но мужчины и в ведьме увидят красавицу, если приспичит.

Ее новая жизнь представляла постоянно меняющуюся череду странствий и маскарада, напряженных усилий и скуки и, честно говоря, была такой же никчемной, как жизнь в стенах монастыря. С той лишь разницей, что последняя была скорее пригодна для облегчения нечистой совести, с которой человек уже появляется на свет.

Подобные мысли бродили в голове у Магдалены, когда цирковой обоз, проезжая по мосту через Майн, покидал город. Неожиданно кто-то дернул ее за рукав. Маленький мальчик лет десяти или двенадцати, смотревший на нее снизу вверх, сказал:

— Мне велели передать артистам, что, пока их не было, в фургон Великого Рудольфо проникли двое мужчин, из тех, что на «ты» с епископом. Мой отец не знает, важно это для вас или нет, но сказал, что артисты должны знать.

— А кто твой отец? — полюбопытствовала Магдалена.

— Мой отец — Йорг, сын великого Рименшнайдера, которому люди епископа переломали руки. Дед говорит, что он никогда уже не сможет вырезать Мадонну. Но если бы даже смог, все равно никогда бы больше не стал этого делать.

Выпалив все это, мальчишка исчез так же стремительно, как и появился.

На полпути к Вертхайму, выехав к пойменному лугу, труппа остановилась на ночевку. Магдалена зашла в фургон к Рудольфо, чтобы рассказать о таинственном вторжении. Впрочем, новость, похоже, не слишком взволновала его. Напротив, Рудольфо усмехнулся, словно предполагал нечто подобное. Проверив железный замок на двери, оказавшийся неповрежденным, он окончательно смирился с новостью и заметил:

— Негодяев везде хватает, но они сильно ошиблись, если рассчитывали найти у меня несметные богатства. Во всяком случае, ничего из моих вещей не пропало.

Говоря все это, Рудольфо не спускал с Магдалены глаз, как и во время всех предыдущих встреч. Его пронизывающий, пристальный взгляд вовсе не казался ей бесцеремонным или тем более двусмысленным, скорее он вызывал в ее душе странное тепло и ощущение, что он любуется ею. У нее замерло сердце: а вдруг это не более чем плод ее воображения?

Магдалена уже хотела ретироваться, пока ситуация не стала для обоих неловкой. Но тут Рудольфо с кажущейся легкостью и без всяких задних мыслей произнес слова, которым было суждено изменить ее жизнь.

— Завтра придешь? — как бы невзначай спросил он.

— Зачем? — спросила Магдалена, тоже стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно более безразлично.

Тогда Рудольфо схватил ее за руки и силой усадил на деревянный ларь, стоявший справа у стены и заваленный книгами, а сам сел напротив на другой сундук. Фургончик был очень тесным, так что их колени почти соприкасались. Магдалена изо всех сил старалась избежать его прикосновений.

Не только собственные наблюдения, но и рассказы артистов убедили ее, что Великий Рудольфо был странный тип, особенно в том, что касалось женщин. Однако эти наблюдения отнюдь не настроили Магдалену на сдержанный лад и тем более не оттолкнули ее от оригинала. Как раз наоборот, сознание своей невостребованности, еще больше укрепившееся с годами, проведенными в монастыре, породило в ней любопытство, ей захотелось узнать, что скрывается за такими словами, как «ухаживание», «любовь» и «восхищение», которые она знала по книгам. Ее научили любить лишь Иисуса Христа и выражать эту любовь только в песнопениях и молитвах.

— Ты красивая, — ответил Рудольфо на ее вопрос. — Я не могу всласть налюбоваться тобою.

Магдалена машинально поправила свой чепчик. Такого она еще не слышала ни от одного мужчины. Да их и не было почти в ее окружении. Девушке показалось, что ее щеки покраснели, и она предпочла промолчать.

— Ты красивая, — повторил Рудольфо почти беспомощно. — Я дал тебе роль мнимой покойницы лишь затем, чтобы другие не засматривались на тебя. Я хочу, чтобы ты скрывала свою красоту под отталкивающей маской. Ты можешь меня понять?

«Нет!» — хотела крикнуть Магдалена, но продолжала упорно молчать.

— Большинство мужчин, — продолжил Рудольфо, и при этом глаза его горели, — стремятся к богатству или славе, а я стремлюсь к совершенству, что же касается женщин — то к безупречной красоте. Ты должна знать, что я взял не Мельхиора, этого увальня, а тебя и твою красоту.

Магдалена не знала, как ей относиться к словам канатоходца. А вдруг Рудольфо, Великий Рудольфо всего лишь насмехается над ней, упиваясь ее беспомощностью и неуверенностью?

Неожиданно он упал перед ней на колени, как нищий, поднял

подол ее платья и обхватил двумя руками ее ноги. Он сделал это с таким напором, что ей стало больно. Однако то была приятная боль, от которой она могла избавиться в любой момент, стоило ей сказать лишь слово.

Осознание своей власти придало ей смелости, и она высказала то, что давно вертелось у нее на языке, хотя это и стоило ей больших усилий:

— Я боюсь. Я еще никогда ни с одним мужчиной...

— Не говори ничего больше! — Рудольфо поднял на нее глаза. — Именно это делает тебя такой прекрасной. В наше время женщинами становятся в четырнадцать лет и мужчинам не приходится просить дважды. В двадцать пять лет у женщины уже пятеро детей, она выглядит, как пожухлый кочан капусты, а мужчина подыскивает себе более молодую для любовных утех.

— Как ты это говоришь... — почти беззвучно пробормотала Магдалена себе под нос, однако он услышал едва высказанный упрек.

— Я говорю искренне, — возразил Рудольфо. — Надеюсь, тебя не коробит моя откровенность. Не забывай, мне многое пришлось испытать из того, что тебе еще предстоит в твоем возрасте. Но тем не менее ты мне близка, как ни одна другая женщина. Я ни о чем не мечтаю более страстно, чем о том, чтобы соединить свою судьбу с твоей.

Чем дольше убеждал ее Рудольфо, стоя на коленях, тем больше ее смущала щекотливость ситуации. Магдалена порывисто высвободилась из его объятий, резко отскочив в сторону и оставив коленопреклоненного канатоходца в жалком виде на полу. В нелепой позе, опершись о сундук, он вызвал у нее сочувствие, и она пролепетала слова извинения. Рудольфо поднялся.

Если бы Рудольфо отругал ее, обвинив в манерности и самомнении, и выставил из фургончика, Магдалена нисколько бы не обиделась. Но вышло совсем иначе. С трогательной нежностью канатоходец взял ее правую руку, поднес к своим губам и поцеловал. Ни разу в жизни мужчина не целовал ей руку. Такие жесты не полагались женщине низкого сословия. Тем паче лысой послушнице, снявшей монашескую одежду. Магдалена чувствовала, как кровь стучит у нее в висках.

До нее наконец донесся откуда-то издалека голос Рудольфо:

— Ты все еще не ответила на мой вопрос!

— Какой вопрос? — переспросила Магдалена с отсутствующим видом.

— Придешь ли ты опять завтра? По-моему, нам есть что рассказать друг другу.

— Да, если ты хочешь и если позволят обстоятельства, я буду здесь.

Магдалена покинула фургончик Рудольфо в полном замешательстве. Тихий вечер опустился над рекой, рассыпав по лугу блестки прохладной росы. Дюжина лягушек, а может и больше, громко соревновались, кто кого переквакает. Пахло болотом и сырой землей. Она почувствовала усталость от долгой ходьбы, но не могла заставить себя забраться сейчас в свой вагончик и как ни в чем не бывало лечь рядом с Мельхиором.

Магдалена, словно сомнамбула, побрела к реке и опустилась на траву. Встреча с Рудольфо поразила ее своей внезапностью, как удар молнии. Она была не в состоянии сосредоточиться хотя бы на одной ясной мысли и не мигая смотрела на ленивые воды, протекавшие мимо нее, то журча и бурля, а то снова бесшумно.

Судьба Магдалены опять сделала неожиданный поворот, и она не знала, как к этому отнестись.

Глава 5

Шли недели, цирковая труппа продолжала двигаться вниз по течению Майна. Времена были непростые. Вплоть до Мильтенберга, сонного городка на Майне с нарядными фахверковыми домами, они повсюду натыкались на следы крестьянских восстаний: горящие нивы, тлеющие сараи и сожженные дотла подворья. Хотя горожане встречали их не столь недоверчиво, как жители Вюрцбурга, но, где бы они ни появлялись, отношение было более чем сдержанным и не шло ни в какое сравнение с тем восторженным приемом, который оказывали Великому Рудольфо раньше, стоило ему приехать в какой-нибудь город. Теперь у людей были другие заботы.

Что до Магдалены, то ее состояние напоминало ей детство, когда она однажды отравилась ядовитыми грибами. Она с трудом ориентировалась в реальной жизни. Иногда ей казалось, что она парит над землей, потом ее охватывал угар, схожий с тем, что овладевал некоторыми монахинями в Зелигенпфортен, когда во время литургии на Страстной неделе они кричали в экстазе: «Я здесь, Господь! Возьми

меня!» Магдалене такие истерики всегда казались притворством, но сейчас она смотрела на это иначе.

Деликатность Великого Рудольфо, который становился ей все ближе, делал комплименты, но не торопил события, вызывала уважение; ее симпатия к тактичному мужчине росла день ото дня. В те моменты, когда она буквально летала, а это случалось, если ***он*** был рядом, Магдалена испытывала неведомое прежде чувство, выпадавшее, как ей казалось, на долю только избранных, — счастье.

В полном лишений детстве и аскетической юности, проведенной в монастыре цистерцианок, ей внушали, что человек появляется на свет вовсе не для того, чтобы быть счастливым. Напротив, земля — это юдоль скорби, и лишь в загробной жизни ее ожидает истинное счастье. В этой жизни человек не может быть счастлив, это что-то неприличное.

Однако неожиданно свалившееся на нее счастье породило раздвоенность ее чувств. Какими бы пьянящими ни были робкие прикосновения Рудольфо — больше между ними ничего не было, — они будили в ней сокровенное желание большего. Она мечтала целиком принадлежать Великому Рудольфо. И одновременно страшно боялась этого.

Конечно, связь Рудольфо с Магдаленой вызывала крайнее

недовольство в труппе. Об этом позаботились горбатый знахарь и гадалка Ксеранта. В лице рыжеволосой Ксеранты Магдалена обрела смертельного врага. Гадалка утверждала, что способна увидеть будущее в мерцании полудрагоценного камня величиной с кулак. Впрочем, ненависть была взаимной, еще с тех пор как ослепленная ревностью гадалка набросилась на Магдалену.

Охладели и ее отношения с Мельхиором, который чувствовал себя уязвленным частыми встречами Магдалены с Рудольфо наедине. Его возрастающая антипатия постепенно превратилась в открытую враждебность, находившую выражение в нелестных и обидных замечаниях. Не то чтобы

Мельхиор возлагал какие-то особые надежды на Магдалену, нет, он по-прежнему видел в ней маленькую девочку, которая дурачилась вместе с ним на лугах отцовского лена. Мельхиора раздражало то, что после бегства из монастыря она стала клеиться к первому попавшемуся мужчине, вся заслуга которого состояла в том, что он умел ходить по канату. Несомненно, высокое искусство, но кто знал, при каких обстоятельствах он освоил его?

Прошлое Рудольфо было загадкой и именно поэтому порождало естественное любопытство. Складывалось впечатление, что канатоходец в одночасье вырос из земли, как гриб после теплого летнего дождичка. На вопросы о том, как он начинал и кто был учитель, который научил его этому искусству, Рудольфо предпочитал отшучиваться: дескать, одаренным канатоходцем стать нельзя, им можно только ***быть.*** Он не любил, когда ему напоминали о его скромном происхождении, а потому все вопросы и, соответственно, все ответы так и остались под покровом таинственности, и уже давно никто из циркачей не отваживался приподнять эту завесу.

От Магдалены тоже не укрылось, что у Рудольфо был некий таинственный, даже магический флер. Природная сдержанность и преклонение перед его выдающимся мастерством до поры до времени удерживали ее от вопросов. Иногда ей казалось, что канатоходец живет в каком-то другом мире. То, что он не походил на людей, которые до этого встречались на ее пути, притягивало Магдалену, она все глубже погружалась в мир артиста и становилась зависимой от него.

В один из теплых летних вечеров, на праздник тела Господня, Магдалена по обыкновению, как почти каждый вечер, была в фургончике Рудольфо. И тут произошло нечто странное, нечто, что впервые вынудило Магдалену задать ему вопрос. Была уже ночь, и они сидели при свете свечи на целомудренном расстоянии, словно дети, страшащиеся собственной смелости.

Неожиданно в дверь вагончика постучали.

Рудольфо, казалось, был не расположен реагировать на стук, даже после того, как стук стал громче. Канатоходец не привык принимать незваных гостей в своем жилище. Потом снаружи донесся глухой голос, медленно, словно в глиняный кувшин, произнесший:

— Сатан адама табат амада натас.

Магдалена удивленно посмотрела на Рудольфо и спросила, понимает ли он, что все это значит. Услышав странные слова, гот побледнел и вперил немигающий взгляд в противоположную стену с книгами, словно чужая сила овладела им. Хотя Магдалена была не в состоянии вникнуть в смысл непонятных слов, звуки магической формулы будто повисли в воздухе, как заклинание, врезаясь в сознание.

С вымученной улыбкой Рудольфо попытался успокоить Магдалену, но оставил свое намерение, когда девушка с нажимом вновь произнесла:

— Рудольфо, что все это значит?

Стук возобновился, и загнанный в угол Рудольфо вскочил, схватил Магдалену за руку и подтолкнул ее к двери.

— Я тебе все объясню, — шепнул он сдавленным голосом. — Потом. Пожалуйста, уйди сейчас!

Магдалена не видела причины возражать, хотя ситуация показалась ей странной и жутковатой. На ступеньках фургона стоял рослый мужчина в просторной дорожной накидке. Когда узкий луч света из фургона упал на его лицо, мужчина стыдливо отвернулся. Преодолев четыре ступеньки двумя размашистыми шагами, он исчез в фургоне канатоходца.

В монастыре Зелигенпфортен, где в определенные часы было запрещено разговаривать, монахини позволяли себе подслушивать чужие разговоры, воспринимая это как приятное развлечение. У некоторых это превращалось в страсть сродни греховной жизни в городе порока Содоме на Мертвом море. Магдалена не была исключением. А потому, не дойдя до места своей ночевки, она тут же вернулась назад и, не в силах совладать со своим любопытством, пристроилась под единственным окошком фургончика Рудольфо.

Она стала свидетельницей бурного разговора, легшего скорее бременем ей на сердце, чем доставившего удовольствие. Слова, долетавшие до ее ушей, были овеяны тайной и звучали устрашающе, как «Откровение» Иоанна Богослова. Видения любимого ученика Господа, которому повсюду мерещились изрыгающие огонь мифические животные и одухотворенные ангелы, чьи словеса были не в состоянии расшифровать даже

ученые толкователи Библии, всегда казались Магдалене плодом разгоряченного воображения сумасшедшего, и даже с детства привитая вера не смогла переубедить ее.

Странные слова, благодаря которым незнакомец открыл перед собой двери жилища Рудольфо, поразительно походили на загадки, что задавал в своем «Откровении» апостол.

— Кто вы? — услышала она голос Рудольфо. — Назовите свое имя! Я имею право узнать его. Ибо вы, очевидно, один из «девяти». Во всяком случае, вы произнесли тайную формулу Незримого.

Незнакомец ответил своим глухим голосом:

— Тогда называйте меня Децимус. Как вам присвоено имя Квартус, Четвертый, так я буду Децимусом, Десятым.

— Вы дурачите меня!

— Ни в коем случае.

— Есть лишь девять Незримых, пребывающих среди живых.

— Знаю. Я хотел лишь продемонстрировать вам, что посвящен во внешние обстоятельства, окружающие ваш тайный союз, но при этом не имею понятия о тех знаниях, которые вы храните.

— И на чем основывается ваше, скажем, полузнание?

— Это мы тоже не будем обсуждать, как и мое имя. Итак, называйте меня Децимус.

— Ну хорошо. Так что же привело вас ко мне в столь поздний час? Вы меня действительно заинтриговали.

Повисла долгая пауза, словно незнакомец собирался с мыслями. Наконец он произнес:

— Я бы хотел предложить вам сделку. Выражаясь точнее, речь идет о деньгах, больших деньгах. Не отказывайтесь сразу от моего предложения. Сначала выслушайте меня.

— Ну так говорите, в конце концов!

— Нас ждут плохие времена. После того как дворянство и духовенство разбили мятежных крестьян, в городах и деревнях осталось мало продовольствия. Никто сейчас не желает смотреть на циркачей и платить им деньги. Пусть это всего лишь пара крейцеров, которые вы просите за свой цирк. Осень и зима не заставят себя долго ждать. Боюсь, что голод и холод долгое время будут единственными зрителями — вашими и вашей труппы. При этом вы владеете богатством, способным мгновенно избавить вас от необходимости странствовать по городам и весям, зарабатывая не признание и славу, а хулу и издевки.

— Мне кажется, я догадываюсь о цели вашего визита и говорю «нет» еще до того, как вы выказали свое желание.

— Погодите!

Сердце Магдалены было готово выпрыгнуть из груди. Она даже отдаленно не представляла, о чем идет речь. До нее донесся характерный звон, как если бы незнакомец бросил на стол кошелек с деньгами.

— Тысяча золотых дукатов, если вы раскроете мне место, где хранятся девять книг. И одновременно сделаете меня своим преемником.

— То есть вы хотите стать одним из Девяти Незримых.

— Разумеется.

— Но я еще жив! Хотя вы — по неизвестным причинам — знакомы с союзом, как если бы были одним из Девяти Незримых. Однако же от вас, вероятно, укрылось, что один может занять место другого лишь после его кончины. И хотя я чуть ли не каждый день рискую головой, в мои планы не входит прощаться с жизнью в ближайшее время.

— Господь с вами, Великий Рудольфе! У меня и в мыслях не было желать вам смерти. Вам всего лишь надо сделать меня посвященным — десятым в кругу, Децимусом, как говорим мы, латиняне.

Тут Рудольфо рассвирепел. Судя по звукам, он вцепился пришельцу в горло, и Магдалене стало страшно. Еще не хватало стать свидетельницей убийства. Дрожа всем телом, она сложила ладони и прижала их ко лбу.

— Исчезни! — заорал Рудольфо вне себя от гнева. — Исчезни и никогда больше не являйся ко мне, а не то...

— А не то что?

Наступила тишина, жуткая тишина. Магдалене она показалась вечной. Неожиданно дверь распахнулась и одетый в черное чужак вывалился из вагончика. Он еще раз обернулся и крикнул:

— На случай, если вы все же передумаете, знайте: вы найдете меня завтра в это же время на развилке в направлении Миттельберга, это как раз в миле отсюда. Там есть охотничья вышка, с которой при полной луне хорошо просматриваются луга в долине Майна. Обдумайте еще раз дело, запомните: тысяча золотых дукатов!

Его последние слова были едва различимы, поскольку таинственный незнакомец побежал с такой скоростью, что его черная накидка надулась, словно парус на ветру. Не успела Магдалена опомниться, как тусклый лунный свет поглотил его, словно потустороннее явление, растворившееся в воздухе.

Магдалена была чересчур взбудоражена, чтобы отправляться в свой вагончик. Обрывки мыслей вспышками молний мелькали у нее в голове: Девять Незримых, таинственное сокровище —

девять книг, за которые чужак был готов выложить тысячу золотых дукатов. А еще в голове застряли фрагменты магической формулы: сатан... адама... амада...

С помощью этой формулы незнакомец дал опознать себя

и по крайней мере обеспечил себе вход в жилище Рудольфо. Пароль тайного союза или дьявольское заклинание?

Впервые увидев в Вюрцбурге, как Рудольфо балансирует на канате, Магдалена не могла избавиться от ощущения, что это был кто-то другой. Застывший, немигающий взгляд, механические движения и вызывающая уверенность его выступления зародили в ее душе подозрение, что Рудольфо одержим дьяволом. С тем Рудольфо, которого она узнала, приходя к нему по ночам, канатоходец не имел ничего общего. Сатан... адама... амада...

Ее скромных познаний в латыни, намного, впрочем, превосходивших багаж знаний большинства священников, не знавших ничего, кроме «Dominus vobiscum», то есть «Господь с вами», хватило, чтобы прийти к выводу: это была не латынь, скорее дьявольское заклинание какого-то таинственного братства. Магдалена опустилась на землю под кленом и глубоко задумалась.

Ночь была теплой. С деревьев, обрамлявших извилистый берег реки, доносилось уханье сыча. Напрасно пыталась Магдалена прогнать мрачные мысли о дьяволе и преисподней и переключиться на более приятные, пусть даже греховные мысли о мужчинах. В этом она не слишком преуспела. Перед ее мысленным взором неизбежно появлялся Рудольфо со своим пронзительным взглядом, который она не могла выдержать.

На востоке уже забрезжил рассвет, когда девушка в задумчивости добрела до лагеря артистов. Спать она уже не хотела, хотя в ее состоянии это было бы, наверное, самым правильным. Она стыдливо избегала Мельхиора, с которым по-прежнему жила в одном вагончике.

Магдалена продумала, как ей действовать дальше. У нее было предчувствие, что, несмотря на свой отказ, Рудольфо встретится следующей ночью с таинственным незнакомцем.

Чтобы побольше узнать о тайных связях канатоходца, она решила подкараулить его на развилке и тайком подслушать их разговор.

На следующий день, задолго до полуночи, Магдалена отправилась в путь. Охотничья вышка, названная незнакомцем, была окружена подлеском, отбрасывавшим в лунном свете робкие тени и дававшим ей надежное укрытие.

Вскоре она увидела приближавшийся с северной стороны свет фонаря, трепетавший в воздухе, подобно светлячку. По мере

приближения огонек становился ярче и сильнее, пока наконец полностью не осветил дошедшего до условленного места встречи мужчину в черной накидке, с которым она столкнулась вчерашней ночью. Незнакомец забрался по лестнице на охотничью вышку, и Магдалене пришлось пригнуться, чтобы не попасть в поле его зрения.

Она застыла в неподвижности, что было непросто, но необходимо, ведь любой шорох в кустах, любой треск ветки немедленно выдали бы ее. Магдалена слышала тяжелое дыхание незнакомца. Сама она старалась дышать неглубоко, через открытый рот. «Как долго ты это выдержишь?» — мелькнуло у нее в голове.

Время тянулось бесконечно долго. Где же Рудольфо? Полночь давно миновала, и у Магдалены не было более страстного желания, чем глубоко продышаться и наполнить легкие лесным воздухом, но она боялась обнаружить себя. Не сводя глаз с незнакомца, она продолжала сидеть неподвижно. Видимо, она просчиталась, и у Рудольфо были другие планы. Интересно, сколько еще просидит чужак на своей вышке?

Магдалена вдруг приняла рискованное решение. Она поднялась, сделала несколько шагов вперед и тихо окликнула, словно только что пришла сюда:

— Есть здесь кто-нибудь?

Мужчина на вышке был явно ошарашен. Возможно, он задремал, а сейчас, в панике схватив фонарь, посветил вниз.

Обескураженный появлением женщины, он неторопливо спустился по лестнице, аккуратно переставляя одну ногу и подтягивая за ней другую. Оказавшись внизу, он сунул Магдалене под нос свой фонарь.

— Вас-то я здесь никак не ожидал, — проворчал он своим глухим, низким голосом. — Ведь вы же...

— Совершенно верно, — кивнула, не задумываясь, Магдалена, — мы встречались с вами вчера ночью у домика Рудольфо.

Ьойкое поведение девушки удивило незнакомца. На это она и рассчитывала, хотя не ожидала, что будет так просто смутить мужчину, перед которым сама испытывала страх. В последствии это еще сыграет свою роль в ее жизни.

— Тогда вы, стало быть, любовница Великого Рудольфо?

— Называйте как хотите.

— Извините, но в этом же нет ничего постыдного, если Великий Рудольфо оказывает знаки внимания женщине. Только почему он не пришел сам?

Незнакомец повесил фонарь на лестнице вышки и жестом

пригласил ее присесть на землю. Сам он тоже сел, и у Магдалены впервые появилась возможность поближе разглядеть таинственного мужчину.

Словно настраиваясь на длительную беседу, он расстегнул застежку своей накидки и элегантным движением отбросил ее на траву. Одежда, представшая глазам Магдалены, позволяла сделать заключение о его знатности. Это существенно уменьшило замешательство, которое испытывала Магдалена при их первой встрече.

— Рудольфо не знает, что я здесь, — ответила она на его вопрос.

Мужчина удивленно посмотрел на нее, словно не веря ее словам, но потом произнес:

— Тем лучше. Тогда мы можем с вами поговорить совершенно беспристрастно. Может, вам удастся убедить Великого Рудольфо в чистоте моих помыслов. Он наверняка рассказал вам о них?

Магдалена никак не ожидала такого вопроса, и уверенность собеседника, что их беседа будет искренней и прямодушной, вселила в нее тревогу. В конце концов она пожала плечами и, смутившись, отвела взгляд.

— Я ведь даже не знаю вашего имени, — обиженно заметила она.

— Всему свое время. Гораздо важнее то, что я собираюсь поведать вам. Послушайте. Я с самого начала отношусь к поклонникам Великого Рудольфо. Но, опять же, с самого начала мне было ясно, что с его искусством восхождения по канату на самые высокие башни дело нечисто.

— Что вы имеете в виду? — взволнованно прервала Магдалена его рассказ. — Ведь каждому видно, как легко и ловко Рудольфо балансирует на канате, а вы толкуете о надувательстве?

— Упаси Господь, этого у меня и в мыслях не было. Об обмане речи нет! Я всего лишь предполагаю, что Великий Рудольфо использует некоторые способности, которые хотя и присущи каждому человеку, однако умение применить их подразумевает определенные знания. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет! — откровенно ответила Магдалена.

Мужчина, лицо которого в полумраке едва было видно,

недоверчиво хмыкнул:

— Вы делите с ним ложе и пытаетесь убедить меня, что Великий Рудольфо еще не посвятил вас в свою тайну?

Магдалена покачала головой и сделала вид, что его слова ее мало трогают. На самом деле ей безумно хотелось как можно

больше разузнать о тайне Рудольфо. Ведь в том, что за мастерством канатоходца скрывается целая мистерия, она уже убедилась сама.

Незнакомец склонился к Магдалене, и она наконец смогла рассмотреть его лицо — тонкие, почти аристократические черты мужчины лет сорока. Подняв указательный палец, как школьный учитель, он произнес:

— Тысячу лет человек думает, что наделен лишь пятью чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом и осязанием. При этом определенные раздражители внешнего мира возбуждают внутренние органы человека и вызывают соответствующие реакции. Это знали еще древние греки. В действительности человек имеет еще и шестое чувство, и седьмое, и восьмое, а может и девятое. Однако чтобы воспользоваться этими чувствами, необходимы некоторые предпосылки.

— Да неужели! — язвительно хмыкнула Магдалена. — И что же это за неизвестные чувства?

— Чувство равновесия, к примеру! Палка, поставленная на землю без опоры, упадет. А человек стоит, не качаясь. Почему? — Потому что с определенного возраста он в состоянии сказать: «Я стою» — и он стоит. Великий Рудольфо знает средства и способы дать своему мозгу команду считать гонкий пеньковый канат удобной дорогой, ведущей на вершину церковной башни. Загадка, нуждающаяся в разгадке. Тем более что...

— Тем более что?

— Ну да, тем более что тайна уже разгадана, но решение доступно лишь небольшой группе избранных. Например, Девяти Незримым.

Магдалене стало страшно. Во время беседы Рудольфо с этим незнакомцем речь как раз шла о Девяти Незримых, и мужчина предлагал Рудольфо тысячу золотых дукатов за то, чтобы гот выдал место, где спрятаны таинственные книги.

— И вы полагаете, что Великий Рудольфо — один из этих Девяти Незримых? — с негодованием воскликнула она.

Лоб незнакомца разрезала гневная складка.

— Я не полагаю, поскольку полагать — значит не знать. Я это знаю!

— А откуда же вы это знаете, если членство и все сведения об этом братстве так засекречены?

— Надеюсь, вы не ожидаете, что я отвечу на этот неуместный вопрос.

— Простите, я не хотела быть бестактной. Но ваша новость прозвучала для меня так неожиданно. Я в полном замешательстве. Рудольфо — один из Девяти Незримых? Маг?

Чернокнижник? Может, еще и нигромант[6], в сговоре с дьяволом? — Магдалена машинально терла одну руку о другую. — И если я вас правильно поняла, вы хотите унаследовать членство Рудольфо в этом тайном союзе. Что же, ради всех святых, вынуждает вас предлагать за это такую большую сумму?

Незнакомец отмахнулся:

— Я вовсе не рвусь непременно стать одним из Девяти Незримых. Мне нужно овладеть девятью тайными книгами!

— А почему вы обращаетесь именно к Великому Рудольфо? Ведь, очевидно, существуют еще восемь членов братства!

— Их никто не знает.

— То есть они сами засекречены?

— Именно так. Никто не может с уверенностью утверждать, что знает имя хотя бы одного из Девяти Незримых. Великий Рудольфо сам выдал себя. Не спрашивайте меня, как это произошло, — я вам все равно не скажу.

— Тогда вы и сами такой же чернокнижник?

Таинственный мужчина ухмыльнулся. Однако черты его лица тут же омрачились.

— Есть люди, готовые на убийство, лишь бы завладеть хотя бы одной из этих девяти книг.

«И вы один из них», — чуть не брякнула Магдалена, но предпочла держать язык за зубами. Не стоило отпугивать незнакомца.

— Вы думаете, Рудольфо ведет опасный образ жизни? — спросила она.

— Не только Великий Рудольфо! Вам тоже следует поостеречься, если станет известно, что вы жена канатоходца!

— Но я не жена ему!

— Какая разница. Вы же спите с ним! Разве для этого нужно благословение попа? Так или иначе, никто вам не поверит, что он не посвятил вас в свою тайну. А следовательно, ваша жизнь в неменьшей опасности, чем его. Впрочем, я не хочу вас запугивать.

Магдалена чувствовала себя крайне неуютно. Чтобы закончить разговор, она произнесла:

— Значит, я должна уговорить Рудольфо, чтобы он доверил вам свою тайну.

— Вам бы от этого была только польза. Что за убогое существование вы ведете? Живете подаяниями, которые бросают вам из окон. Имея тысячу золотых дукатов, вы могли бы начать безбедную жизнь бюргеров. Задумайтесь над этим. Я вскоре снова появлюсь. Так просто от такого, как я, не избавиться! — Он неожиданно вскочил, подхватил свою одежду и фонарь и испарился, как привидение, во мраке ночи.

Луна тем временем исчезла за верхушками деревьев, и Магдалене стоило немалых усилий отыскать дорогу назад, в лагерь, хотя уже начало светать. Она была без сил от долгого блуждания в темноте и ужасно испугалась, когда перед ней вдруг выросла мужская фигура и сделала шаг навстречу. Это был Рудольфо.

Магдалена почувствовала себя застигнутой врасплох и пролепетала, что вышла подышать свежим утренним воздухом.

— Тебе тоже не спится? — невинно поинтересовалась она.

Не отвечая на вопрос, Рудольфо приблизился к ней, схватил ее за руку и сказал приглушенным голосом:

— Ты плохая актриса, во всяком случае, лгать ты не умеешь.

— Я встречалась на развилке с незнакомцем, который приходил к тебе вчера, — опередила Магдалена его вопрос. Она чувствовала, как Рудольфо все сильнее сжимает ее руку, и приятный озноб пробежал по телу.

— Значит, шпионишь за мной, — произнес Рудольфо, и в его голосе прозвучали нотки разочарования. — Неужели ты так мало доверяешь мне?

— Я просто... хотела... — Магдалена начала заикаться. — Я ведь просто хотела узнать побольше о тебе и твоем прошлом!

— Ну и как, удалось?

Магдалена пожала плечами и смущенно отвела глаза.

— По крайней мере, теперь я знаю, что ты один из Девяти Незримых, — так утверждает пришелец. Хотя, честно говоря, я не понимаю, что за этим таится. — Магдалена вырвалась из цепких рук канатоходца, обвила руками его шею и тихонько спросила: — Ну пожалуйста, скажи мне правду. Ты что, правда в сговоре с дьяволом?

Канатоходец гневно наморщил лоб.

Испугавшись, что обидела или даже, может быть, уличила Рудольфо, Магдалена схватила его правую руку и прижала к своей груди, словно боялась потерять этого мужчину. Тот помолчал несколько секунд, потом обнял ее за талию и, не проронив ни слова, повел в свой фургон.

Где-то вдалеке прокукарекал петух. Первые лучи восходящего солнца уже несли благодатное тепло, а в жилище Рудольфо еще царила ночная прохлада. Магдалена села под полкой с книгами, а хозяин, набросив ей на плечи белую накидку, занял место напротив.

— Отвечая на твой вопрос, — медленно начал он, как бы с трудом подбирая слова, — скажу, что состою в сговоре ***не*** с дьяволом. Своим искусством я обязан не выдающимся способностям и не тому, что с раннего детства учился ходить по

канату, нет, в основе моего мастерства лежит восьмая из девяти книг, хранящих все мировые премудрости.

Магдалена молча пожирала глазами Рудольфо. По ее взгляду было видно, что она ничего, ну абсолютно ничего не понимает из того, что намеревался объяснить ей канатоходец. Наконец она робко подала голос:

— Это как-то связано с твоим членством в союзе Девяти Незримых? Незнакомец намекал мне на что-то в этом роде.

— Намекал?

— Да, не более того. Я не знаю, можно ли верить этому человеку или он всего лишь один из любителей громких фраз, каких сейчас множество. Так ты действительно один из Девяти Незримых и что это вообще за история?

Рудольфо покачал головой.

— Я давал священную клятву и поставлю себя вне закона, если нарушу ее. Я ***не имею права*** тебе открыться. Даже если...

Магдалена окинула его пристальным взглядом. Теперь ***она*** хотела спросить, почему он ей так мало доверяет, но не сделала этого. Она лишь смотрела на него широко открытыми глазами, в которых застыл немой вопрос.

— Что значит «поставишь себя вне закона»? — спросила она после паузы. — Я желаю это знать. Если я тебе дорога, ответь мне, пожалуйста. Если нет, тогда не будем об этом. Неужели ты не понимаешь, что я волнуюсь за тебя?

Рудольфо закрыл глаза, словно отрезал себя от внешнего мира, и долго сидел, не меняя позы. Лишь подрагивающие ресницы выдавали, какую внутреннюю работу он проделывал. Когда канатоходец наконец открыл глаза, он словно освободился от чего-то гнетущего. Вскочил, как будто принял важное решение, давшееся ему с большим трудом, и испытал от этого огромное облегчение. Магдалене даже показалось, что он смущенно улыбнулся. Она так надеялась, что он обнимет ее, поцелует в лоб и что-то шепнет на ухо, но все вышло совсем по-другому. Канатоходец взял сангину и начал рисовать отдельные буквы на сундуке, на котором сидел.

Изобразив пять букв, он остановился.

Магдалена присела на корточки рядом с ним и прочла: САТАН. Она вздрогнула, как от удара бича.

Рудольфо, похоже, это нисколько не смутило. Уверенной рукой он вывел второе слово под первым: АДАМА. Под ним третье: ТАБАТ. Ниже четвертое: АМАДА. И наконец: НАТАС, так что в конце концов образовался столбик из пяти слов, каждое состояло из пяти букв:

САТАН
АДАМА
ТАБАТ
АМАДА
НАТАС

Опять они, эти пять слов, которые не шли у нее из головы с тех самых пор, как незнакомец постучал ночью в дверь Рудольфо.

— Пришелец произнес, кажется, эти же слова? — осторожно полюбопытствовала она.

— Это формула, по которой Девять Незримых узнают друг друга.

— Значит, незнакомец все-таки входит в число «девяти»!

— Наверняка нет, иначе он не предлагал бы мне такую кучу денег за тайник с магическими книгами. На самом деле он давно владеет этим знанием, только сам об этом не подозревает. Ровно так же, как сокровища премудрости рассыпаны по всему миру, — но люди об этом не догадываются.

— А в книгах все эти тайны записаны?

— Много столетий тому назад.

— А это, — Магдалена показала пальцем на буквы на сундуке, — это не дьявольское заклинание?

— Это магия в чистом виде, доступная лишь посвященным. С дьяволом это имеет так же мало общего, как Святой Дух с отцовством Иисуса Христа.

Увидев, как Магдалена таращится на магический квадрат, явно пытаясь найти хоть какой-то смысл в двадцати пяти буквах, Рудольфо делано откашлялся и наконец произнес:

— Прочти отдельные буквы сверху вниз.

— Получаются те же слова, что слева направо, — удивилась Магдалена.

— А теперь прочти буквы снизу вверх!

— То же самое.

— А теперь начни, как евреи, справа налево.

— О Господи, и тут ничего иного: сатан адама табат амада натас.

— Вот видишь, за безобидными, на первый взгляд, словами скрывается магическая система. Непосвященный этого не заметит, посвященный же знает, что с этим делать.

Рудольфо поплевал на надпись, сделанную сангиной, провел рукой по буквам, и они пропали, подобно грозному предостережению на пиру вавилонского царя Бальтасара. Потом взял ладони Магдалены в свои руки и заговорил — тихо, словно опасаясь, что их могут подслушать:

— То, что я тебе сказал, ты должна немедленно забыть, навсегда вычеркнуть из памяти. Я и так поведал тебе слишком много. Если когда-нибудь станет известно, что ты узнала о Девяти Незримых, тебе точно придет конец. Ибо никто, кроме «девяти», не может владеть сокровищами премудрости. Ты меня понимаешь?

— Я прекрасно понимаю тебя, Рудольфо. Но разве можно все это забыть? Ничто так не тяготит человека, как тайна. Нет, забыть твои слова я не могу, но я буду нема как могила. Этому я научилась в монастыре. Но меня все же интересует вот что: зачем так важничать и скрывать самые значительные познания человечества? Разве не следует поступить наоборот, чтобы человечество узнало, какие открытия сделали их предки столетия тому назад?

Рудольфо изобразил на лице сладчайшую улыбку.

— Ты хитрая девочка, Магдалена, и, на первый взгляд, абсолютно права. Но если бы ты знала, что таится в сокровищах премудрости, ты бы поменяла свое мнение. Не каждое познание, не каждое открытие, не каждое изобретение работает на благо человечества. Вспомни изобретение монаха Бертольда Шварца, смешавшего серу, селитру и древесный уголь в порошок, названный его именем. Еще двести лет назад враги дрались друг с другом, вооружившись копьем и мечом, луком и стрелами, один на один. А сегодня? С помощью черного пороха ландскнехты палят из засады по вражеским войскам и десятками убивают противников. Пушечные ядра несут страдания и смерть, подобно чудовищным птицам, минуя городские стены. Раньше число жертв исчисляли сотнями, потом тысячами, а теперь даже десятками тысяч. Скоро счет угробленных черным порохом пойдет уже на сотни тысяч.

Магдалена сокрушенно вздохнула:

— Тогда и в самом деле было бы лучше утаить изобретение Бертольда Шварца. Позволь спросить: почему этого действительно не сделали?

— Я отвечу на твой вопрос. На восточном конце нашей планеты, там, где Тихий океан ограничивает сушу, китайцы, народ с желтой кожей и ногами, похожими на лошадиные копыта, изобрели порох еще до Бертольда Шварца. Еще несколько десятилетий, и весть о порохе уже достигла бы наших широт.

— Да, тогда ты прав. — Магдалена, по-прежнему стоявшая на корточках возле Рудольфо, погрузилась в долгие раздумья. Наконец она сказала: — А ты держишь в голове все сокровища мудрецов, собранные в девяти книгах?

— Все? — Рудольфо разозлился. — Как тебе такое в голову могло прийти? Их сотни, нет, даже тысячи, и все описаны в мельчайших подробностях, а главное — они из самых разных областей науки. Там, к примеру, приводятся тайны света: как свет можно превратить в жидкость, а жидкость — в свет. И где горящая вода Гефеста, заставляющая двигаться повозки без лошадей, появляется из-под земли; также описаны говорящие

тарелки, которые способны сохранить твой голос, чтобы он был перенесен на много миль вперед, а в другом месте услышан. Есть там и описание гроба вместе с покойным Христом, про которого Папа и римские священники утверждают, что он душой и телом вознесся на небо. Есть и о возрождении летучего дракона запись. Или о превращении человека в крылатое существо, что позволяет птицей перелетать через Альпы. Или расчет дня твоей смерти с помощью звездного календаря. А также изготовление белого золота, которое могло бы одарить человечество еще большей роскошью, чем золото индейцев. Или сообщение, оставленное нам обитателями других миров: мы не единственные под небосводом, как они сообщают, а всего лишь самые незначительные. И не в последнюю очередь в книгах содержатся бесконечные рецепты эликсиров. Один для предотвращения размножения человека, один для обретения полиглоссии, способности разговаривать на разных языках; другие против чумы, холеры и падучей и — чтобы не забыть — для устранения силы тяжести в сознании каждого отдельного человека. Стоит только человеку осознать свою силу тяжести — и он падает с каната!

При последних словах глаза его горели безумным огнем. Наконец Рудольфо остановился, словно вернулся в реальность из бесконечного сна.

— Думаю, я рассказал тебе гораздо больше, чем имел на то право, — еле слышно прошептал он. — Я не должен был этого делать. Можешь себе представить, что было бы, если бы сокровища мудрецов целиком или даже частично стали достоянием сильных мира сего? Это бы закончилось гибелью рода человеческого. Один бы пытался перещеголять другого, кто-то — завладеть тайной другого, третий — стать богаче соседа, четвертый захотел бы навязывать другим свою волю, своих богов и свою религию. Это был бы конец.

Магдалена почувствовала, что уже пресыщена откровениями мастера. Хотя во времена своего послушничества она проявляла живейший интерес к наукам и проглотила труды Альбертуса Магнуса[7] и его способного ученика Фомы Аквинского, но мало что поняла в картинах, нарисованных Рудольфо. Большинство из перечисленного звучало для нее как заумь и фантасмагория, и у нее — не впервые уже — закралась мысль, что в таких речах все же есть что-то сатанинское.

То, о чем рассказал Рудольфо, тяжким грузом лежало у нее на душе. Ей стало душно в тесном фургончике и показалось, что она вот-вот задохнется. Обуревавшие ее совсем недавно чувства нежности и готовности отдаться вдруг обернулись отчаянием.

Мрачные думы овладели ею, и она с тоской посмотрела на дверь. Не говоря ни слова, Магдалена встала и собралась покинуть фургон циркача.

— Теперь ты одна из Незримых! — предостерегающе крикнул ей вдогонку Рудольфо и добавил: — Как бы десятая, то есть лишняя...

Глава 6

Неожиданно природа все-таки вспомнила, что на календаре лето, и вспомнила даже чересчур лихо — уже несколько дней палила беспощадная жара. Луга прямо на глазах пожелтели, потом пожухли и побурели. Цирковой обоз застрял, и труппа не знала, что их ждет дальше.

Около полудня из Мильтенберга вернулся зазывала, где он должен был возвестить в городском совете о прибытии бродячих артистов и закупить провизию для людей и животных. Уже издалека было видно, что миссия его осталась невыполненной. Зазывала, известный как бойкий наездник, вяло трусил на своей лошади. Доехав до лагеря, он спешился с унылой миной и выразительно замотал головой, когда Рудольфо подошел к нему.

— Видимо, мильтенбергцы не рады видеть нас? — заключил Рудольфо.

— Еще хуже, — вздохнул зазывала, славившийся тем, что обычно с особой ловкостью вел переговоры с городскими властями и духовенством. — Они пригрозили натравить на нас собак, если мы осмелимся хотя бы приблизиться к их городу. Мне еще повезло, что у меня не отняли мою лошадку и денежки. Бургомистр, этот раскормленный пузан, заявил, что им самим нечего есть. Ему-то его жировых запасов с лихвой хватит на несколько недель.

— А ты не сказал мильтенбергцам, что у их ворот стоит Великий Рудольфо, которого народ встречает с ликованием даже в таких больших городах, как Кельн и Нюрнберг, где в артистах нет недостатка?

Зазывала разочарованно махнул рукой.

— Я витийствовал, как проповедник, отпускающий грехи с амвона.

— Вероятно, проповедники красноречивее тебя!

Зазывала побагровел от обиды и яростно крикнул:

— Тогда в следующий раз посылай к отцам города свою монашку! Уж она-то будет более везучая, чем я, ведь ей удалось обвести вокруг пальца даже тебя.

Слова зазывалы задели канатоходца за живое. Уже несколько дней среди артистов ходили упорные слухи, что между Рудольфо и Магдаленой что-то есть. Это было тем удивительнее, что мастер, вопреки своим прошлым привычкам, в последнее время успешно отражал любые попытки сближения со стороны женского пола.

Стычка Рудольфо с зазывалой меж тем привлекла других циркачей, они окружили обоих в ожидании захватывающего зрелища.

Рудольфо уже был готов забыть наскоки глашатая и сделать вид, что вовсе не слышал его уничижительных замечаний, но тут увидел обращенные на себя глаза циркачей, с нетерпением ожидающих его реакции. Он подошел к зазывале, развернулся и нанес ему мощный удар кулаком в лицо, да так, что тот закачался и упал на землю.

Поднявшись на ноги, зазывала бросил на канатоходца взгляд, полный презрения. Из его носа тонкой струйкой текла кровь. Физически Форхенборн превосходил своего противника, но прекрасно понимал, что Рудольфо прогонит его, если он посмеет поднять на него руку. Поэтому, вытерев рукавом кровь с лица, он предпочел молча удалиться.

Жара продолжалась, днем с берега реки тянуло зловонными миазмами, заставлявшими циркачей буквально задыхаться. Жизнь изрядно отравляли еще и тучи мух и разные паразиты.

Горбатый знахарь, вместе со всеми с тревогой наблюдавший за ссорой, неуверенно проговорил, обращаясь к Рудольфо, чтобы как-то прервать тягостное молчание:

— Сколько мы еще будем стоять здесь? Обстоятельства, с позволения сказать, не самые благоприятные. Вода, которую возничие таскают с реки, окрашена кровью и годится разве что для питья животным. Вот уже несколько дней как Майн обмелел, и на каждом повороте волнами прибивает трупы. Настоящий подарок для крыс. Если мы не хотим, чтобы чума и холера стали нашими постоянными спутниками, надо отправляться на поиски источника с чистой водой.

Среди циркачей поднялось волнение. Ядвига, полька, женщина-змея, на которой не было ничего из одежды, кроме набедренной повязки, и которая лучше других переносила жару, отвернулась, и ее вырвало. А Бенжамино, итальянец-жонглер и по совместительству повар, запричитал:

— Клянусь Мадонной и всеми четырнадцатью заступниками-чудотворцами, не только вода на исходе, но и продукты кончаются.

Ободрил всех только один из возничих, отличавшийся ножищами толщиной с бревно и языком без костей. Правда, он явно не осознавал серьезности ситуации, поскольку захлопал в ладоши и радостно закричал:

— Ничего страшного, значит, выпьем две бочки вина из повозки с продовольствием!

Неожиданно сквозь ряды протиснулся Мельхиор, отсутствие

которого никому не бросилось в глаза.

— А где Магдалена? — спросил он, сверля канатоходца пристальным взглядом.

— Это я у тебя хотел спросить, — ответил тот.

— Меня? — возмутился Мельхиор. — Я что, приставлен охранять ее?

— Я, собственно, так и думал! Разве не ты пришел к нам, сопровождая Магдалену?

Мельхиор цинично ухмыльнулся:

— Но с тех пор много чего произошло. Я думал, Магдалена провела ночь с тобой, я с позавчерашнего дня ее не видел.

Эта новость обеспокоила Рудольфо значительно сильнее, чем остальных артистов.

— Неужели она никому не говорила о своих планах? — Канатоходец беспомощно оглядел толпу.

— Ее кровать уже два дня пустует, — невозмутимо сообщил Мельхиор и добавил: — Магдалена ведь уже не ребенок. Может, ей наскучила жизнь бродячих артистов.

Великан из Равенны, как всегда возвышавшийся над толпой, довольно ткнул кулаком Мельхиора в бок. Ему понравилось хладнокровие, с которым тот пикировался с канатоходцем.

Хотя от Рудольфо не укрылись ухмылки, он не подал виду и подошел к гадалке:

— Поторопись, Ксеранта, спроси свои карты, где находится Магдалена!

Гадалка никогда не расставалась с картами, это был смысл ее жизни. Поворчав себе под нос, чтобы дать выход своему недовольству, она все же выудила колоду карт из кошеля на поясе. С виртуозной ловкостью перетасовала их и подошла к тюку соломы. Потом разложила пять рядов по пять карт

в каждом. Циркачи склонили головы, и лишь карлице пришлось встать на цыпочки, чтобы тоже посмотреть на карты.

— Ну, говори же наконец, что там? — взволнованно спросил Бенжамино.

Ксеранта скривила лицо, поправила свою диадему и, буркнув что-то вроде «плохо смешала», быстро собрала карты.

После долгого и тщательного тасования карт она снова раскинула их в том же порядке.

— Я вижу ангела смерти. Он не собирается уходить.

— Ты хочешь сказать... — Встревоженный Рудольфо подошел к предсказательнице и перевел взгляд с карт на ее лицо и обратно. У него моментально созрело решение: — Мы должны искать Магдалену!

Ксеранта воздела руки.

— Я бы не стала этого делать. Карты говорят, что тогда погаснет последняя надежда.

— И тем не менее мы будем ее искать. Разделимся на четверки и тщательно обследуем все вокруг. Великан Леонгард отправится с тремя возничими на север, в сторону Фройденберга. Ты, лекарь, возьмешь себе на подмогу двух возничих и королеву карликов и обследуешь южное направление, где петляет речка Муд, впадающая в Майн. Зазывала и Бенжамино вместе с Ядвигой и кучером двинутся на запад. А мы с Мельхиором, другим кучером и Ксерантой пойдем на восток, к дубраве. Перед заходом солнца встретимся снова здесь, на этом месте.

Лекарь что-то буркнул про потогонную жару, великан Леонгард напомнил, что ему надо ухаживать за животными. Больше других воспротивилась Ксеранта, которая предпочла бы обследовать юг со знахарем. Но Рудольфо прошипел сдавленным голосом:

— Я не потерплю возражений. — И циркачи поняли, что он не шутит.

Некоторое время Рудольфо шел молча рядом с Ксерантой, за ними шагали Мельхиор и кучер, также не отличавшиеся разговорчивостью. Они прошли уже милю и добрались до опушки дубового леса, когда Рудольфо заметил постепенно усиливающуюся нервозность, проявляемую гадалкой. Словно ведомая таинственной силой, она все время пыталась изменить направление, заданное канатоходцем.

Ощупывая взглядом редкий лиственный лес, он вдруг заговорил:

— Ксеранта, неужели ты думаешь, что я поверил твоему гаданию?

Ксеранта, ошарашенная его словами, остановилась.

— Карты не лгут! — крикнула она так громко, что лес отозвался эхом.

— Зато ты врешь, — парировал Рудольфо с наигранным спокойствием.

— С чего это мне врать?

— Потому что Магдалена тебе как бельмо на глазу.

— Подумаешь, лысая баба меня абсолютно не интересует, — вызывающе хмыкнула Ксеранта.

— Твое поведение говорит, однако, совсем об ином.

— У тебя богатое воображение. Не впутывай меня в свои истории. К исчезновению Магдалены я не имею никакого отношения! — Она резко отвернулась и побежала туда, откуда они пришли.

В несколько прыжков Рудольфо догнал ее и в бешенстве

схватил за плечи, словно намереваясь вытрясти из нее правду.

— Сейчас ты нам скажешь, что ты сделала с Магдаленой! — в ярости закричал он.

Не добившись от нее ответа, Рудольфо швырнул гадалку на землю. Одному Богу известно, что могло последовать за этим, но тут вмешались Мельхиор и возничий.

Со спутанными волосами, дрожа всем телом, Ксеранта поднялась и разрыдалась. Потом молча показала в восточном направлении, где дубрава сгущалась и свет слабее проникал сквозь листву.

Рудольфо и Мельхиор ускорили шаг, а возничий шел за ними, толкая перед собой Ксеранту, как только она начинала упираться.

— Это должно быть здесь, — равнодушно произнесла Ксеранта, словно все происходящее ее вообще не касалось, и показала на густой кустарник, преградивший впереди дорогу.

В тот же миг лес огласил громкий крик:

— Магдалена!

Рудольфо бросился вперед и обнаружил неподвижное тело Магдалены на земле, усыпанной листвой. Она лежала с закрытыми глазами, будто мертвая. Он взял ее руку и прижал к своей щеке. По его лицу текли слезы. Потом положил голову на грудь Магдалены и вдруг замер, дав знак стоявшим рядом затихнуть.

— Мне кажется, сердце бьется, — неуверенно прошептал он.

Мельхиор подошел ближе и прижал руку к шее девушки.

— Она жива! Магдалена жива! — с облегчением воскликнул он.

Охваченный надеждой и тревогой, Рудольфо не мог побороть дрожь. Он был похож на безумного, когда Мельхиор положил ему руку на плечо и настойчиво произнес:

— Нам надо срочно сплести носилки и отнести Магдалену в лагерь!

Из сухих ветвей, соединенных тонкими побегами, Рудольфо и Мельхиор быстро соорудили носилки, положили на них Магдалену и отправились в путь.

Несмотря на то что день уже клонился к вечеру, воздух все еще был пропитан гнетущей жарой. Мельхиор, имевший больше опыта в хождении по лесу, уверенно шагал впереди, крепко держа носилки. Рудольфо шел сзади. Рядом молча тащились Ксеранта с кучером.

Пройдя полмили, Рудольфо и кучер поменялись местами.

— Что ты с ней сделала? — набросился канатоходец на гадалку.

Вместо ответа Ксеранта лишь затрясла головой, словно не понимая, как такое могло случиться. Однако Рудольфо не оставлял ее в покое, и женщина в конце концов заговорила. Сперва она заикалась, но потом ее прорвало:

— Я заманила Магдалену в дубраву, сказав, что мы могли бы набрать грибов и что я знаю одно место, где растет много белых, величиной с детскую головку. Не успели мы найти хотя бы один гриб, как я дала Магдалене черный шиповник от жажды, потом еще один, и еще...

— Шиповник красный, а не черный, — перебил ее словесный поток Рудольфо.

— Знаю, — спокойно ответила гадалка. — Черный шиповник — страшный яд.

Канатоходец остановился как вкопанный.

— Шиповник открывают, сделав маленький надрез, извлекают ворсистую сердцевину и вместо нее в красный плод засовывают белладонну, «бешеную вишню»...

Канатоходец вытер рукой пот с лица. Потрясенный до глубины души, он пошел дальше, за ним след в след шагала Ксеранта.

— Значит, ты хладнокровно спланировала убийство.

Ксеранта не отвечала.

— Могу лишь пожелать тебе, чтобы Магдалена выжила, — продолжал канатоходец. — Убийство в этой земле карается мечом, и можешь не сомневаться, что я сдам тебя первому попавшемуся деревенскому судье и его подручным.

Когда они укладывали Магдалену на носилки, Рудольфо заметил подрагивание ее век, но вот уже целый час, что они были в пути, она не подавала признаков жизни.

— Я это сделала только из-за тебя, — вдруг всхлипнула Ксеранта. — Я дала ей яд, — перешла она на крик, — потому что боялась потерять тебя!

Не останавливаясь, Рудольфо повернулся к ней и процедил сквозь зубы:

— Не смеши! Потерять можно только то, что имеешь. Я не давал тебе повода считать, что принадлежу тебе!

— ***Пока*** не принадлежишь, Рудольфо! Карты говорят другое. По картам я узнала, что мы соединимся с тобой еще в этом году.

— Не смеши меня!

— Карты не лгут!

— Закрой рот!

До самого прибытия в лагерь никто больше не проронил ни слова.

Все остальные давно уже вернулись. Когда знахарь и великан

Леонгард увидели, как Мельхиор с возничим выходят из леса с носилками, они побежали им навстречу и подхватили ношу.

— Она жива, — сказал канатоходец лекарю, не отрывая, однако, глаз от Магдалены. — Во всяком случае, подавала признаки жизни, когда мы нашли ее в лесу. Ксеранта дала ей три плода черного шиповника. Ты знаешь, что такое «черный шиповник»?

— Еще бы, — кивнул знахарь, — это «бешеная вишня», этой дозы достаточно, чтобы отправить на тот свет теленка.

У Рудольфа опять на глаза навернулись слезы. По прибытии в лагерь он дал себе слово не показывать свою слабость, ведь никто из циркачей еще никогда не видел канатоходца плачущим.

Возничие моментально подтащили несколько снопов соломы и положили на них Магдалену.

— Воды! — крикнул лекарь. — Мне нужна свежая вода, только быстро. — Он ненадолго исчез в своем вагончике и вернулся с воронкой, пузырьками и прочими диковинными инструментами и приспособлениями.

Из последней бочки Ядвига, женщина-змея, зачерпнула два глиняных кувшина воды. В то время как остальные циркачи, обступив лекаря, глазели на него, он открыл Магдалене рот приспособлением, похожим на щипцы, всунул деревянный чурбачок между верхней и нижней челюстями и вставил воронку в ее глотку, как если бы это была пробка в бочке. Потом он вылил синевато-зеленое содержимое флакончика в один из кувшинов и принялся с осторожностью заливать воду в воронку.

Поначалу ничего не происходило. Вода с журчанием исчезала в теле Магдалены, но потом она под восторженные вопли сгрудившихся вокруг циркачей начала кашлять. Душа ее буквально выворачивалась наизнанку, при этом вода, которую лекарь только что влил ей в глотку, хлестала мощной струей обратно. Воронка слетела, как шапка на ветру, и Магдалена открыла глаза.

Она испуганно оглядела столпившихся артистов, тут же примолкнувших. Когда ее взгляд дошел до Ксеранты, она замерла, сделала робкую попытку приподняться на локтях, но тут же опустилась, закрыв глаза.

— Она умерла? — плаксивым голосом поинтересовалась женщина-змея.

Лекарь взял руку Магдалены и пощупал пульс. Через несколько пугающих секунд по его лицу проскользнула улыбка. Циркачи зааплодировали.

И тут Магдалена неожиданно приподнялась, словно испытывала адские муки. Она энергично перевернулась с боку на

бок, издавая при этом странные звуки, которые не сразу удалось разобрать. Королева карликов, как и все остальные циркачи, ни в коем случае не была набожной, но тут истерично всплеснула руками и запричитала:

— Она одержима бесом. Нужно позвать попа!

Демоническое бормотание Магдалены и в самом деле походило на словесный поток, изрыгаемый одержимыми перед изгнанием дьявола.

— Сатан, — шипела она, — сатан адама. Дайте мне эликсир от размножения. Вы слышите тарелку, как она разговаривает... на мили вокруг?.. Гефест, Гефест, зажги свою воду! Течь должен свет... течь! Где она, сила тяжести, где она? Смотрите, я лечу!

Никто, кроме Рудольфо, не догадывался о происхождении бессмысленного, на первый взгляд, лепета Магдалены. Он испугался, что она может выдать его в своем бреду. Ему стало не по себе от одной мысли, что циркачи начнут задавать неприятные вопросы. В его душе происходила борьба — не следует ли ему просто пропустить мимо ушей ее бормотание, ведь давать объяснения никак было нельзя.

Тут лекарь, глядя на Рудольфо, произнес:

— Мы не должны слишком серьезно относиться к ее фантазиям. Одна-единственная «бешеная вишня» способна спутать память человека до помешательства. Магдалене дали ***три*** «бешеные вишни». Можно говорить о большом везении, если она выживет после покушения.

— Покушения? — По рядам прошел шепот.

— Да, это было покушение, — подтвердил Великий Рудольфо. — Одна из нас, из низких побуждений, посягнула на жизнь Магдалены.

Все стихло. Магдалена стала спокойнее. Было видно, как ее грудная клетка равномерно вздымается и опускается. Циркачи переводили глаза один на другого, пока их взгляды не остановились на Ксеранте.

Гадалка почувствовала себя пойманной. Десяток глаз смотрел на нее с испепеляющей ненавистью. Не в силах больше выдерживать такие взгляды, Ксеранта подобрала свои юбки и, теряя на ходу карты, звучно падавшие на глинистую почву, что было мочи помчалась к своему вагончику, а затем заперлась изнутри.

Великан Леонгард размашистым шагом последовал за ней и так затряс узкую дверцу, что вагончик зашатался и едва не развалился, но тут вмешался Рудольфо и отговорил беснующегося великана от его намерения. Пусть артисты, внушал ему Рудольфо, и живут вне правил и законов, но суд над

Ксерантой все же не относится к их полномочиям.

В ходе бурной дискуссии, решающей судьбу Ксеранты, все были едины лишь в том, что она должна покинуть труппу, и никто больше не обращал внимания на Магдалену. К ней неожиданно быстро вернулось сознание, и она очнулась. Дикие крики немало удивили ее.

Когда Рудольфо заметил, что Магдалена встает, по его лицу потекли слезы умиления. Он подскочил к ней, крепко обнял и поцеловал в бледный лоб.

— Я так волновался, — произнес он. И тихонько добавил: — Я люблю тебя, Магдалена. Слышишь, я люблю тебя.

Магдалена с трудом приводила в порядок свои мысли. Она без особого успеха пыталась восстановить события целого дня. В то время как воспоминания о давно прошедшем постепенно целиком возвращались, все подробности их прогулки с Ксерантой за грибами в дубраву обрывались и были словно скрыты черной завесой.

Ночь Магдалена провела в фургончике у Рудольфо. Спальное пространство без окон, отделенное от книжной части деревянной перегородкой, имело лишь узкий проход, который всегда был заперт. Внутри скрывалась маленькая квадратная комнатушка с кроватью, причем это был не грубо выструганный деревянный ящик, как было принято в домах обывателей, нет, это было настоящее ложе с набитым конским волосом матрасом, обтянутым барсучьим мехом, которое сделало бы честь хозяину какого-нибудь замка.

Увидев, что Магдалена стоит в раздумье и не знает, как ей себя вести, Рудольфо стянул с нее платье и нижнюю юбку через голову, оставив ее стоять перед ним нагой, в костюме Евы в раю, — именно так Лукас Кранах изображал ее для украшения комнат в богатых домах. Непередаваемые мгновения он наслаждался ее видом — белыми грудями, никогда не видавшими солнца, округлыми бедрами, — а потом осторожно провел через узкий вход, уложил на кровать и прикрыл мягкой шкурой.

В блаженном смятении Магдалена не могла различить, была ли это явь или она уже грезила, когда Рудольфо нырнул к ней под шкуру и принялся нежно ласкать. Ее неуверенности способствовало и то, что спальня ничем не освещалась и они были в полной темноте. Рядом с Рудольфо она могла бы бесконечно скользить на грани грез и бодрствования, не замечая времени. Она не могла сказать, который час, когда вдруг раздался истошный вопль.

— Рудольфо, проснись! — тихонько позвала Магдалена. Ей пришлось хорошенько потормошить его. Наконец — шум

становился все громче и громче — канатоходец проснулся. Поспешно одевшись, он бросился к двери.

Он сразу увидел пылающий огонь, в нос ударил едкий дым. Навстречу бежал зазывала и кричал:

— Домик Ксеранты горит! У нас нет воды для тушения. Что делать, чтобы огонь не перекинулся на солому, сено и другие фургоны?

Рудольфо на секунду задумался, потом твердо произнес:

— Оттащите горящий фургон из лагеря!

Зазывала отпустил грубое замечание, потонувшее в шуме и суете, хотя было нетрудно догадаться, что он имел в виду.

Магдалена испуганно наблюдала из окошка вагончика за разыгрывающейся мистерией. Рудольфо выпрямил дышло, единственную часть вагончика, еще не объятую пламенем. Великан Леонгард уздечкой подгонял вола, чтобы запрячь его в вагончик. Но при виде полыхающего огня животное заупрямилось и с громким сопением обратилось в бегство.

— Выпусти всех зверей! — крикнул Рудольфо великану. — Все мужчины, ко мне! Мы должны вручную выкатить фургон из лагеря.

Возничие, зазывала, жонглер-итальянец, великан Леон-гард и даже лекарь, до этого наблюдавший за происходящим с безопасного расстояния, пришли Рудольфо на подмогу и взялись за дело. Однако после долгого стояния колеса так глубоко просели в глинистую почву, что вытащить их из борозд было практически невозможно.

— Где Мельхиор? — закричал Рудольфо, пытаясь перекрыть треск все сильнее разгоравшегося пламени. Похоже, он был единственный, кто заметил отсутствие Мельхиора.

Все крики остались без ответа, и мужчины предприняли последнюю отчаянную попытку вытащить горящую повозку из лагеря. Ухватившись с двух сторон за дышло, артисты дергали и тянули ее из последних сил, действуя с безнадежностью подгоняемых кнутом коняг. Наконец повозка стронулась с места, однако языки пламени поднимались все выше и уже лизали заднюю часть дышла. Ходовая часть полыхала вовсю.

Между вагончиком лекаря и передвижной сценой зиял проем, достаточный по ширине, чтобы через него проехал полыхающий фургон Ксеранты. Однако стоило им только приблизиться к проему, как горящее левое переднее колесо раскололось надвое. Фургон сильно закачался и грозил опрокинуться. Теперь главное заключалось в том, чтобы не останавливаться.

Последним неимоверным усилием мужчинам все же удалось вытащить горящую повозку через зазор в загоне для животных на

открытое пространство. Там она медленно накренилась набок и с грохотом рухнула на землю, как смертельно раненный кабан.

Вагончик Ксеранты горел до самого утра. Черный обуглившийся каркас представлял собой жуткое зрелище.

Когда знахарь на рассвете осмотрел еще дымящиеся, зловонные обломки, он сделал страшное открытие. Между обгоревшими брусьями и досками лежал до неузнаваемости обезображенный труп. На обуглившемся черепе, превратившемся в черный ком, была надета бесформенная и наполовину расплавившаяся диадема. Это была Ксеранта.

Неподалеку от берега возничие вырыли могилу, не больше пяти футов в длину, — так сильно скукожился труп гадалки. Это была всего лишь одна из многих могил, окаймлявших Майн до слияния с Рейном, и она не бросалась в глаза. Ни одной слезинки никто из циркачей не пролил. Ведь, в конце концов, Ксеранта коварно пыталась отравить члена их труппы.

Поиски Мельхиора ничего не дали. Силач словно сквозь землю провалился, и его исчезновение заронило у артистов подозрение, что гадалка, скорее всего, не добровольно простилась с жизнью. Не нашла ли она в лице Мельхиора безжалостного мстителя?

Глава 7

Еще в тот же день артисты снялись с лагеря и двинулись в сторону Ашаффенбурга в надежде на более теплый прием городских властей. Путь из Мильтенберга вверх по течению Майна становился все труднее. Леса, ранее даривши им защиту от летнего зноя и хоть немного прохлады, уступили теперь место заливным лугам.

К счастью, по пути они наткнулись на речушку, из которой смогли пополнить свои запасы воды, не опасаясь эпидемии. Общее настроение упало до нуля, когда жонглер и старший по кухне Бенжамино, обычно такой жизнерадостный, в тот же вечер угрюмо объявил, что запасы еды практически кончились. Если они ограничат себя и будут довольствоваться вдвое меньшими порциями, он, пожалуй, наскребет продуктов еще на день скромного питания. По дороге он насобирал на лугу две корзины шампиньонов.

Дорога привела их в Обернбург, небольшой городок курфюрстшества Майнц с парой сотен жителей. Цирк в город не пустили, но в отдельности каждый из циркачей мог на по-

следние деньги купить себе что-нибудь. Рудольфо строго-настрого запретил попрошайничать. «Нищенство, — любил повторять он, — удел плебеев и недостойно порядочного артиста». Кроме этого он отдал приказ отправляться в город только в лучшей одежде, ибо горожане ни в коем случае не должны думать, что они — понаехавший сброд.

Магдалене это пришлось весьма кстати. И не потому, что она проголодалась за время обременительного пути, нет, ее зеленое платье, которое она не снимала со дня побега из монастыря, обнаруживало явные признаки изношенности. И, честно говоря, оно уже неприятно пахло. И хотя во времена, подобные теперешним, это ни у кого не вызывало неприязни, скорее даже резкий запах воспринимался как признак человека с характером, Магдалену еще в монастырскую пору раздражала подобная неопрятность сестер. Поэтому она немного стыдилась состояния ее единственного платья.

Она все еще владела золотым дукатом, а Обернбург славился своими торговцами одеждой и портными. Даже князья-епископы из Бамберга и Майнца заказывали здесь стихари. Поэтому, зажав в руке свой золотой, она отправилась в путь, не поставив об этом в известность Рудольфо.

Несмотря на то что ее платье имело довольно жалкий вид,

Магдалена умудрялась носить его с высоко поднятой головой и горделивой осанкой. А потому торговец платьями Буркхард Розенрот, лавку которого она обнаружила на боковой улочке, ведущей к рыночной площади, отвесил ей несколько поклонов, когда она переступила порог его заведения.

В пошивочную, расположенную тремя футами ниже входа, едва ли когда-нибудь проникал солнечный свет, поэтому даже средь бела дня на стенах мерцали полдюжины коптилок, заливая помещение теплым светом. Трое мальчиков-подмастерьев, скорее всего сыновья хозяина, сидели в ряд, скрестив ноги, как маленькие мавры, на длинном узком столе. Когда в магазин вошла благородная дама, они незамедлительно прекратили шитье и воткнули иголки в подушечку величиной с блюдце, которая у каждого была привязана к левой руке.

Справа на стене висел герб, изображавший превосходно нарисованную голую пару. Внизу было написано четверостишие, сочинить которое мог только великий Ганс Сакс, поэт и сапожник из Нюрнберга:

Здесь парочка стоит нагая,
На нем штанов нет, она без платья.
Помочь им может только Бог Или торговец Розенрот.

— Чем могу быть полезен, милостивейшая государыня? — осведомился Буркхард Розенрот с преувеличенной вежливостью, в то время как подмастерья во все глаза таращились на даму, как когда-то ученики на Господа после его воскрешения.

Милостивейшая государыня! Магдалена чуть было не обернулась, чтобы удостовериться, что он действительно имел в виду ее. Потом она набрала в легкие воздуха, да так, что швы по бокам ее платья чуть не лопнули, и ответила с наигранной невозмутимостью:

— У вас наверняка найдется для меня новое платье, конечно, не из дешевых!

Мастер, пухлый коротышка с венчиком волос на красноватом черепе, снял мерку, окинув покупательницу с головы до ног критическим взглядом. Магдалена неправильно истолковала этот взгляд, решив, что торговец определяет по ее внешнему виду, может ли она позволить себе одно из его платьев. Поэтому она разжала кулак, где держала золотой дукат, и крутанула монету по столу меж подмастерьев.

Мастер и его сыновья с огромным любопытством следили за крутящейся монетой, а когда та наконец со звоном упала, они вытаращили глаза, а толстяк взволнованно воскликнул:

— Милостивейшая государыня, за эти деньги я сошью вам десяток самых роскошных платьев!

— Мастер, поймите меня правильно, — уточнила Магдалена, — у меня нет времени ждать, пока вы сошьете мне платье. Я здесь проездом, и мне срочно нужна новая одежда.

Ничего не ответив, старик исчез в одной из дальних комнат. У Магдалены появились дурные предчувствия, поскольку подмастерья продолжали сверлить ее глазами, как свалившееся с неба неземное существо. После нескольких неприятных минут хозяин вернулся с двумя платьями и повесил их на деревянную вешалку.

— Быть может, вам понравится одно из этих платьев? — Мастер лукаво ухмыльнулся. — Померьте их, мне кажется, они должны прийтись вам впору. Мне их заказала жена пивовара Генлейна. Но не успел я закончить свою работу, как брак распался, поскольку пивовар Генлейн обрюхатил служанку. Это тем более поразило жену Генлейна в самое сердце, что Господь не давал ей детей, и в глубокой тоске она удалилась в монастырь.

— Грустная история, — заметила Магдалена.

— Да, — кивнул портной. — Надеюсь, вы не подумаете, что на платьях тяготеет злой рок. Уверяю вас, жена Генлейна ни разу их не надевала!

С помощью мерного шнура, который портной держал на расстоянии ширины ладони, он снял мерку и пришел к выводу:

— Подходит, будто на вас сшито!

— Назовите свою цену! — попыталась Магдалена закруглить разговор.

— Полтора гульдена за одно платье и один за второе, — ответил швец. — Или два гульдена за оба.

— Не слишком-то дешево, — фыркнула Магдалена. Она еще никогда в жизни не покупала платьев.

Тут возмутился старик:

— Милостивейшая государыня, не забывайте, что платья сшиты из самых изысканных тканей, юбки из тончайшего льна, верх красного платья из шелка, а голубого из тафты, как подобает знатной женщине.

— Ну хорошо, я беру оба, — ответила Магдалена, протягивая портному золотой дукат.

Тот всплеснул руками и запричитал, что он скромный торговец, что ему надо кормить жену и трех сыновей-подростков и что у него и в помине нет столько денег, чтобы дать сдачу с золотого дуката. Ей надо пойти к меняле на Еврейскую улицу, через две улицы отсюда. Его зовут Исаак Грюнбаум. И, смерив неодобрительным взглядом ее видавший виды чепчик, который она не снимала по известной причине, он добавил:

— Я вам еще подарю новый чепчик, когда вернетесь.

Меняла Грюнбаум, чудак с черной бородой и двумя длинными завитыми локонами на висках, взял у нее золотой дукат и попробовал его передними зубами. Магдалена испугалась, что он решил съесть ценную монету. Но он положил ее на чашу весов, утяжелив другую чашу маленькими гирьками. Когда балка весов замерла горизонтально, еврей с довольным видом буркнул:

— Я дам вам двадцать два рейнских гульдена. — И, когда Магдалена без всякой задней мысли бросила на него взгляд, меняла неохотно добавил: — Ну хорошо, двадцать три!

Магдалена оплатила оба платья и получила еще в подарок новый чепчик. Гордая и счастливая, она вернулась к циркачам, разбившим лагерь перед городом.

Королеве карликов сразу бросились в глаза обновки Магдалены. На ее осторожный вопрос, как ей удалось обзавестись такими дорогими вещами и сколько она за них заплатила, Магдалена ответила без утайки:

— Купила у обернбургского торговца платьями, а расплатилась золотым дукатом, вот сдача!

Сунув руку в карман юбки, она вытащила двадцать один рейнский гульден и бросила их на сноп соломы, служивший циркачам столом.

У великана Леонгарда отвисла нижняя челюсть. Знахарь, ничего не понимая, покачал головой, а Ядвига бросила на Магдалену испепеляющий взгляд. Бенжамино, жонглер и повар в одном лице, первый обрел дар речи:

— Я правильно понял, что все время, что ты живешь с нами, ты таскала с собой золотой дукат?

В конце концов в разговор вмешался зазывала, Константин Форхенборн:

— И при этом ты молча смотрела на то, как мы волновались, что завтра будет нечего есть?

Возничие, наблюдавшие издалека за словесной перепалкой, подошли ближе и стали обвинять Магдалену в эгоизме и жадности, а зазывала сказал, что с тех пор, как она появилась в труппе, их дела пошли плохо.

Тут к ним подошел Рудольфо, привлеченный взволнованными криками. Его авторитет пострадал с появлением Магдалены, однако был еще достаточно велик, чтобы заставить циркачей замолчать. На его вопрос о причине раздора зазывала показал на двадцать один гульден, смерив при этом Магдалену презрительным взглядом, будто воровку.

Увидев новые платья, которые Магдалена держала в руках, как трофеи, Рудольфо сразу понял причину конфликта.

— Она таскала с собой целое состояние, — подал голос знахарь, показывая большим пальцем на Магдалену, — а нам всем внушала, что у нас больше нет ни пфеннига. Сама при этом накупила себе новых платьев, не самых дешевых, между прочим!

— Ты у нас когда-нибудь голодал? — спросил Рудольфо, метнув на лекаря гневный взгляд.

— Нет, Великий Рудольфо, — уже спокойнее ответил тот.

— Так что же ты жалуешься на вещи, которые лишь могли бы произойти, а могли бы и не произойти?

Лекарь смущенно пожал плечами.

— А сколько костюмов есть у тебя самого? — продолжал расспрашивать канатоходец.

— Ну, — заикаясь, начал знахарь, — три, а если прибавить рабочий халат, то четыре.

— Значит, четыре. А ты, Магдалена? Сколько у тебя одежды было до сегодняшнего дня?

— Одно это платье, которое на мне. Было...

Рудольфо окинул взглядом столпившихся циркачей, чтобы убедиться, что все поняли, куда он клонит. — А сколько, — продолжал он, глядя на лекаря, — ты пожертвовал денег на общие нужды, когда примкнул к нам?

— Ничего, — обескураженно промямлил тот.

— Вот видишь, а Магдалена помогает нам двадцать одним рейнским гульденом. Этих денег хватит, чтобы прокормить тебя, меня и всех остальных добрую пару месяцев. И ты хочешь упрекнуть ее, что из своего приданого она купила себе два платья?

Слова канатоходца встретили всеобщее одобрение. Сразу после этого возничие запрягли лошадей, и Бенжамино поехал с большой телегой для провианта в Обернбург, чтобы купить хлеб и муку, сушеную фасоль и крупу, овощи, вяленую майнскую рыбу и бочонок вина — ровно столько, чтобы хватило до Ашаффенбурга, а может и еще на пару миль вниз по течению.

Пока багровый солнечный диск исчезал за верхушками деревьев, кучера развели посреди лагеря костер и Бенжамино сварил густой суп из того, что он закупил в городке. Циркачи и возничие молча хлебали суп, а Рудольфо и Магдалена без лишних слов удалились в его фургон.

Магдалена не могла отказать себе в удовольствии примерить обновки. Торговец не ошибся, платья были ей абсолютно впору.

Рудольфо пожирал Магдалену жадными глазами.

— Ситуация, наверное, была не самая подходящая, — заметила она, надев голубое платье с верхом из тафты, особенно выгодно подчеркивавшим ее грудь. — Может, надо было

дождаться новых сборов?

Рудольфо махнул рукой:

— Видит Бог, тебе не нужно оправдываться. Ты неделями носишь одно-единственное платье. Даже у возничих богаче гардероб. К тому же это твои деньги, а не труппы. Между прочим, должен тебе признаться, ты выглядишь неотразимо.

Лестные слова канатоходца вогнали Магдалену в краску. Никто еще не говорил ей таких комплиментов. Они были ей гак приятны, что она могла бы слушать их бесконечно. Магдалена с вызовом отвечала на его взгляды.

— Можно задать тебе один вопрос? — осторожно полюбопытствовала она.

— Ну конечно, — с радостной улыбкой ответил Рудольфо.

От Магдалены не укрылось, что в последнее время Рудольфо, бывший таким серьезным в начале их знакомства, стал намного веселее, смеялся и даже шутил.

— Что ты имел в виду на днях, сказав, что любишь меня?

Почему ты не даешь мне это почувствовать? Ты ведешь себя подобно миннезингеру, который поет о любви, но никогда ее не демонстрирует.

Рудольфо сразу же посерьезнел, словно Магдалена разбудила в нем грустные мысли. Он тяжело вздохнул и, выдержав небольшую паузу, сказал:

— Хотя кодекс Девяти Незримых не запрещает категорически любить другой пол, но...

Магдалена опешила. В одно мгновение мир рухнул для нее, и она пролепетала:

— То есть ты имеешь право любить только мужчин? Скажи, что это не так, умоляю!

Рудольфо не сразу понял ее.

— Господь с тобой, — возразил он. — Однополая любовь — величайшее табу для Девяти Незримых! Это делает их легкой добычей для шантажистов. И это причина, почему кодекс предписывает сдержанность в отношениях с женщинами. Женщины считаются как-никак болтливыми.

Они могут выдать то, что мужчины открыли им в минуту слабости.

— Ах, вот в чем дело! — Магдалена вспыхнула в гневе. — Я-то думала, Девять Незримых — умные мужчины. А они лишь хорошо усвоили учение Святой матери Церкви, считающей сотворенную Богом женщину исчадием ада и причиной всего зла на земле, — за исключением Богоматери. Я достаточно начиталась трактатов отцов Церкви. Там ты можешь прочесть, что женщина, в отличие от мужчины, вовсе не подобие Господа и что

именно женщина повинна в первородном грехе, а тем самым и во всех страданиях, выпадающих на долю человечества!

Рудольфо стоило больших трудов остановить Магдалену.

— Ты забываешь, что Девять Незримых ничего общего с Церковью и папством не имеют. Как раз наоборот. В одной из девяти книг раскрывается, что именно привело к враждебному отношению Церкви к женщине и кто из мужчин — а это были исключительно мужчины — в ответе за это. И эта книга относится к сокровищам мудрецов. Можешь себе представить, что опубликования одной этой книги было бы достаточно, чтобы расшатать устои Церкви.

— Ты читал эту книгу?

— И не только эту.

— И ты знаешь, где спрятаны все девять книг?

— Разумеется. Моя задача как хранителя тайных книг в том и заключается, чтобы держать место тайника в секрете, вплоть до моей кончины. Даже восьми остальным неведомо это место.

— А почему именно ты, канатоходец, удостоился такой чести?

— Это долгая и весьма неправдоподобная история. — Рудольфо молча посмотрел в глаза Магдалене и после долгой паузы серьезно произнес: — Послушай, ты же прекрасно понимаешь, что я рассказал тебе гораздо больше, чем позволяет кодекс Девяти Незримых. Поклянись держать язык за зубами.

Магдалена кивнула:

— Не волнуйся. Ни одно слово, касающееся сокровищ человечества, не слетит с моего языка. Конечно, мне страшно любопытно узнать, где хранятся девять таинственных книг. Ведь не здесь же, в цирковом фургончике?

Рудольфо от всей души расхохотался, глядя на Магдалену, которая с любопытством маленькой девочки пыталась выведать у него секрет.

— Я тебе все это только потому рассказал, что уверен: ты не будешь выспрашивать у меня, как добраться до книг. Будь то для себя самой или для какого-нибудь скрытого заказчика. Но, поверь мне, нет большего груза на душе, чем тайна. Человеку больше свойственно говорить, чем молчать.

Словно желая уличить канатоходца в неправоте, Магдалена замолчала на какое-то время. Но не потому, что ей было не о чем спросить его, нет, она все-таки надеялась, что он не выдержит и выдаст ей свою тайну. Все, что он ей поведал, лишь распалило ее любопытство.

Она нерешительно подошла к нему и обвила руками его шею.

— Могу себе представить, кого ты имел в виду, когда

говорил, что не надо у тебя ничего выпытывать. — Не дождавшись от Рудольфо ответа, она продолжила: — Это Ксеранта. Я права?

— Она хотела узнать больше, — не выдержал Рудольфо. — Ксеранта все время старалась что-то выведать у меня. Именно из-за этого изображала пылкую, чаще всего назойливую любовь.

— А ты не говорил ей, что не собираешься отвечать на ее фальшивые чувства?

— Неоднократно, можешь не сомневаться. Думаю, у нее были подстрекатели, которые манипулировали ею и науськивали на меня.

— И кто бы это мог быть?

Рудольфо пожал плечами.

— Теперь-то мне понятно, почему Ксеранта с самого начала видела во мне врага, — задумчиво произнесла Магдалена. — А ты в ее присутствии когда-нибудь упоминал «Книги Премудрости» или тайну Девяти Незримых?

— Нет, никогда! Именно это меня и настораживает. Могу предположить, что либо она сама, либо какой-нибудь сомнительный инспиратор слышал о тайне, но не знал подробностей.

— Скорее всего, ты чем-то выдал себя. Попробуй вспомнить! — Она все еще обнимала Рудольфо.

Канатоходец принужденно засмеялся:

— О, сколько раз я задавался этим вопросом, но мои измученные мозги так ничего и не вспомнили.

— А ты когда-нибудь призывал Ксеранту к ответу?

— Я не видел в этом смысла. У меня ведь не было полной уверенности, что это правда, а не мои фантазии. Тогда бы я уж точно выдал себя.

Снаружи донеслось веселое, разухабистое пение. Возничие, набившие животы, сгрудились вокруг костра и распевали свои песни. Так они обычно развлекались.

— Тсс! — Магдалена приложила палец к губам.

Рудольфо, привыкший к луженым глоткам своих кучеров, вопросительно взглянул на нее.

— Ты слышишь, что они поют? — спросила она.

Монашка к нам явилась,
В Рудольфо вмиг влюбилась.
Тра-та-та, тра-та-та, тра-ля-ля-ля,
Тра-та-та, тра-та-та, тра-ля-ля-ля,
Ксеранта не вернется,
Монашке все неймется.
Тра-та-та, тра-та-та, тра-ля-ля-ля,

Тра-та-та, тра-та-та, тра-ля-ля-ля.

Канатоходцу стоило немалых усилий утихомирить разбушевавшуюся Магдалену. Самыми невинными словами, которыми она награждала возниц, были «неотесанные чурбаны» и «мерзкие хулиганы». Лишь когда Рудольфо с ироничной улыбкой поинтересовался, учат ли в монастыре таким ругательствам, она успокоилась.

— Они ничего плохого не имеют в виду, — добавил он, — это скорее безобидное времяпрепровождение, не стоит раздувать скандал. Они бы никогда не осмелились оскорбить Великого Рудольфо, человека, на которого работают. Поэтому было бы глупо ставить их на место.

И в самом деле, кучера спели еще две песни — о борьбе крестьян против союзных князей и о тех страданиях, которые они принесли народу, — и обе заканчивались тем же «тра-та-та, тра-та-та, тра-ля-ля-ля», и вскоре все стихло.

Магдалена без тени смущения начала раздеваться, хотя ей было странно делать это при свете. В монастыре было принято разоблачаться лишь в полной темноте, и то до длинной белой рубашки, которая не снималась даже на ночь. Если в летнюю пору приглушенный сумеречный свет или полная луна, не приведи Господи, заглядывали в маленькие оконца, ни одна монахиня не имела права посмотреть на соседку-насельницу. Это считалось греховным, хотя именно запрет и возбуждал желание у некоторых обитательниц монастыря.

Казалось бы, Магдалена должна была быть зажатой, робкой и стеснительной в такой миг, представ перед канатоходцем в качестве доступного объекта для обозрения. Но ничего подобного она не испытывала — ни стыда, ни смущения, ни тем более страха перед неизведанным.

Развязывая ленточки нижней юбки, она благосклонно поглядывала на Рудольфо, словно сластолюбивая блудница в бане.

— Она соблазняла тебя? — спросила Магдалена без всякой связи с предыдущим разговором.

— Ты имеешь в виду Ксеранту?

— Конечно, кого же еще?

— Скажем, она не раз пыталась сделать это.

— Ну и?.. Говори же наконец!

Канатоходец покачал головой, и Магдалену одолели сомнения, что он говорит правду.

— Ты стала бы презирать меня, если бы это было иначе? — почти робко спросил Рудольфо.

— Ни в коем случае! — выпалила Магдалена. — Я просто

хотела знать.

— Тогда ты это знаешь, — немного раздраженно бросил Рудольфо. — Нет, я не спал с ней.

— А теперь не жалеешь об этом? Ксеранта ведь была аппетитная бабенка.

— Нет, не жалею.

Словно испытывая Рудольфо на прочность, Магдалена сбросила нижнюю юбку и предстала перед ним совершенно обнаженной.

Магдалена запрокинула голову, и он осторожно прикоснулся к ней, как к хрупкой статуе. Когда, тяжело дыша, он запустил правую руку между ее ног, а левой принялся мять ее крепкую грудь, она оттолкнула его:

— Ты не забыл, ведь ты один из Девяти Незримых! Ты еще недавно говорил о зависимости, которой чревата плотская страсть.

Магдалена вдруг ощутила странное чувство власти над человеком. Сознание, что такой мужчина, как Рудольфо, во всем превосходящий ее, оказался в ее власти, вдруг сделало ее высокомерной, хотя никогда раньше она не замечала в себе такой черты.

Ее собственная плоть страстно желала его, все чувства уже давно бродили, как безумные, стоило ей только подумать

о том, как она ему отдастся, однако сейчас она притворилась, что готова отсрочить самое последнее доказательство любви, и сделала вид, будто для нее это не так уж важно.

— Сколько женщин побывало уже в твоей постели? — с вызовом спросила Магдалена.

Рудольфо чуть не поперхнулся. Великий Рудольфо на глазах становился все мельче и мельче. Почти униженно он сказал:

— Можешь мне не верить, я до сих пор придерживался кодекса Девяти Незримых и еще не спал ни с одной женщиной.

Магдалена с сомнением посмотрела на канатоходца. Величайший артист, вокруг которого буквально роились женщины, где бы он ни выступал, еще никогда не...

— Ты должна мне верить! — прервал Рудольфо ход ее мыслей. — Стало быть, мы оба непорочные девственники. Если предположить, что...

— Женский монастырь, где нет ни одного существа мужского пола, — перебила его Магдалена, — плохо приспособлен для потери девственности.

Еще немного, и охватившее их веселье грозило превратить желание физической близости во что-то несерьезное. Почувствовав это, Магдалена произнесла:

— Я что, должна на коленях умолять взять меня?

Ее слова подействовали подобно возбуждающему любовному напитку. В состоянии, близком к помешательству, Рудольфо сорвал с себя одежду, подтолкнул Магдалену к узкому входу в спальню и увлек на мягкий мех своего ложа. Сердце ее громко стучало, наигранное высокомерие мгновенно слетело, уступив место страху, страху перед тем, что ее ожидает.

На самом деле все оказалось иначе, чем она себе представляла. Нежность его губ и рук, которыми он завоевывал ее тело, заставила Магдалену воспарить. Она погрузилась в незнакомый мир, в котором мечты и действительность слились друг с другом. Когда Рудольфо мягко вошел в нее, подарив ей совершенно новые ощущения, она была готова закричать, но не от боли, а от вожделения. Однако Магдалена не издала ни звука, сохраняя торжественность, как во время литургии в монастыре Зелигенпфортен.

Когда закончилась их близость, никто из них не мог сказать, сколько времени они отдавались друг другу. Магдалена привстала. Она же первой заговорила, спросив Рудольфо:

— Ты счастлив?

Канатоходец нежно коснулся ее щеки и дал необычный ответ:

— Я не знаю. Что такое вообще счастье? Приятные ощущения? Один миг? Как быстро пролетает миг! А потом все, что ты только что воспринимал как блаженство, улетучивается и ты отправляешься на поиски нового счастья.

Магдалена задумалась.

— Твой ответ как-то связан с кодексом Девяти Незримых?

Не получив ответа от канатоходца, Магдалена предпочла больше не приставать к нему.

Душная ночь, которую Рудольфо и Магдалена провели на мягкой шкуре, переплетясь телами, пролетела очень быстро и уже без разговоров. Когда была еще глубокая ночь, цирковой обоз тронулся в путь, следуя по течению реки на север. Если дневная жара позволит, они надеялись к полудню добраться до цели — до города Ашаффенбург, открытого миру и служившего второй резиденцией курфюрстам Майнца.

Половину пути Магдалена и Рудольфо провели в его фургоне. При этом оба испытывали друг перед другом некоторое смущение. Обменивались время от времени влюбленными взглядами, однако разговора, уместного после событий минувшей ночи, у них не получалось.

Перед подъемом в гору кучер, сидевший на козлах, пустил в ход кнут, после чего лошади галопом преодолели холм, а фургон так тряхнуло, будто сам черт приложил руку. И даже когда

Рудольфо забарабанил кулаком в переднюю стенку, чтобы кучер ехал помедленнее, тот не снизил скорость.

Вскоре раздался оглушительный удар, треск и хруст. Повозка повалилась, так что Магдалену отбросило на заднюю стенку. Громким «Тпру!» кучер остановил сломанный фургон.

Потрясенные Рудольфо и Магдалена выбрались из повозки.

— Ось, — проворчал кучер, — задняя ось треснула!

Рудольфо, бывший скорее олицетворением самообладания, чуть не накинулся с кулаками на возницу, однако Магдалена удержала его:

— Он же не нарочно! Рано или поздно это все равно случилось бы.

Осмотрев поломку, Рудольфо принял решение: Магдалена вместе с остальными членами труппы и возничими поедут в Ашаффенбург и найдут тележника, который сможет хотя бы временно устранить дефект и отвезти сломанную повозку в городскую ремонтную мастерскую. Сам он останется с лошадьми у сломанного фургона.

Магдалена возразила, что он мог бы оставить свой поврежденный фургон, поскольку сломанная ось все равно сбережет его от воров, но Рудольфо лишь отмахнулся, заметив, что для него главное не повозка, а его инвентарь. Это объяснение убедило ее, и Магдалена незамедлительно отправилась в путь вместе с остальными артистами.

Под палящими лучами солнца они добрались до стен Ашаффенбурга и уже издалека увидели темные облака дыма и разбитые крестьянские отряды, стоявшие лагерем за чертой города. Оборванные и истощенные, те не обратили на артистов почти никакого внимания. Лишь несколько человек знаками или выкриками дали понять, что они ранены и страдают от жажды и голода.

Когда Магдалена дала команду своему кучеру остановиться, к ней тут же подбежал зазывала и потребовал немедленно ехать дальше. Стоит только ландскнехтам прознать, что у них еще остались запасы еды, пусть и небольшие, они сразу нападут на артистов. Магдалена поняла свою оплошность.

Наконец они остановились на небольшом пятачке в пределах видимости моста через Майн. Возницы соорудили квадратный загон из повозок и вагончиков, дающий им хотя бы относительную защиту от посягательств снаружи.

Потребовав от зазывалы назад пару гульденов, Магдалена отправилась на поиски тележника. В своем благородном голубом платье и новом белом чепчике она походила на состоятельную мещанку. Вооруженные солдаты на мосту, который вел к

городским воротам, салютовали ей и вежливо склонили головы, когда она не менее вежливо осведомилась, где можно найти каретника, способного срочно отремонтировать сломанную ось повозки, находящуюся всего в нескольких милях отсюда.

Ей повезло, совсем неподалеку, у городской стены, держал самую большую каретную мастерскую Ашаффенбурга Кайетан Мирфельд, и в подчинении у него была дюжина подмастерьев и столько же кучеров.

Мирфельд, жилистый мужчина лет пятидесяти, угловатый череп которого украшала густая темная грива до плеч, не проявил поначалу ни малейшего интереса к предложению снова поставить на колеса потерпевший аварию цирковой фургончик. И даже заверения Магдалены, что речь идет о повозке самого Великого Рудольфо, с легкостью взлетающего по канату на самые высокие башни в мире, не возымели никакого эффекта.

— Так-так, значит, цирковой фургон, — язвительно процедил он и ухмыльнулся в лицо Магдалене. Однако когда она извлекла блестящий рейнский гульден, выражение его лица изменилось.

— Задаток, — сухо бросила Магдалена. Это сразу подействовало.

Мастер Кайетан крикнул ближайшему подмастерью приготовить повозку и погрузить в нее инструменты и материалы, необходимые для ПОЧИНКИ оси.

Прошло немного времени, и они втроем — каретник, подмастерье и Магдалена — забрались на козлы двухколесной повозки. Колеса были такими высокими, что оказались выше Магдалены, а в квадратный ящик за козлами поместилось все необходимое для ремонта: доски и листовое железо, а также бурав. Перед повозкой неуклюже трусила добродушная лошадка, запряженная меж двух оглобель.

Миновав внешнюю башню моста, подмастерье, державший в руках поводья, хлестнул лошадь кнутом, прищелкнул языком, и лошадка побежала рысью вверх по пригорку, в направлении, указанном Магдаленой.

После полуденной жары и неимоверной духоты в черте города встречный ветер, обдувавший их по дороге вдоль реки, приятно освежал, и Магдалене пришлось покрепче ухватиться за свой чепчик, чтобы его не снесло. Хотя ее голова уже покрылась нежным пушком, было бы весьма неловко, если бы улетевший головной убор разоблачил ее прошлое.

Мастер Кайетан, чья неприкрытая шевелюра развевалась па ветру, как медуза, сделал большой глоток из цинковой бутыли с завинчивающейся крышкой и протянул воду Магдалене. Та с благодарностью приникла к горлышку. Обычно не слишком

словоохотливый, Кайетан Мирфельд даже завел беседу с попутчицей, сводившуюся к одному вопросу:

— Что гонит цирковую труппу в эти дни именно в Ашаффенбург?

Магдалена, одной рукой придерживая чепчик, а другой старательно прикрывая рот, чтобы туда не залетала мошкара, рассмеялась:

— А что вы имеете против, мастер Кайетан? Мы едем в Майнц, и ваш городок как раз по пути. Я надеюсь, вы будете рады артистам, которые внесут разнообразие в вашу жизнь.

— Оно-то, конечно, так, — вздохнул мастер, устремив взгляд вперед, — только уж больно вы неблагоприятный момент выбрали, хуже не придумаешь. На днях его преосвященство, достопочтимый господин князь-епископ Майнцский, лишил наш город всех привилегий — из-за нашего участия в крестьянской войне. Вы знаете, что это значит?

— Понятия не имею! — Магдалена искоса посмотрела на Мирфельда.

— А это значит никаких налогов в городскую казну, утрата всех латифундий и виноградников, и даже пошлина за пользование мостом уходит в карман его преосвященства. С трудом могу себе представить, чтобы в такой ситуации у граждан Ашаффенбурга появилась охота веселиться на карнавале.

Эта весть поразила Магдалену, ее словно ударили обухом по голове. Казалось, что все сатанинские силы сговорились против бродячих артистов. Потрясенная и растерянная, она была готова разрыдаться. Впереди уже виднелся подъем, ставший роковым для повозки Рудольфо. Когда Магдалена разглядела искореженный фургончик, неожиданно, будто из-под земли, выскочили два закутанных в странные одежды всадника, стрелой промчались мимо них и даже не посмотрели в их сторону. Ее опасение разбойничьего нападения быстро уступило место более мрачному предчувствию, которое усиливалось по мере их приближения. Поодаль паслись распряженные лошади. Вокруг фургончика валялась разбросанная одежда, это были вещи Рудольфо. Его самого нигде не было видно.

Мастер Кайетан с подмастерьем принялись разгружать свою повозку, а Магдалена крадучись пошла вокруг циркового вагончика. С задней стороны она вдруг остановилась как вкопанная и зажала рот рукой. У ее ног, скрючившись на боку, лежал голый, будто мертвый, Рудольфо, еще немного — и она споткнулась бы о его тело.

Магдалена упала на колени, перевернула Рудольфо на спину и прижалась ухом к его груди. Ей показалось, что она слышит

слабое биение сердца. Уверенности у нее, впрочем, не было. Лишь веки его закрытых глаз подавали признаки жизни. Они вздрагивали с неравными интервалами, словно его пытали иглой.

— Рудольфо! — закричала Магдалена, обхватив руками голову канатоходца и целуя его. — Рудольфо, что с тобой?

Не увидев никакой реакции, она помчалась к Кайетану, выхватила у ошарашенного мастера бутыль с водой, к которой тот как раз пристроился, и вылила остатки воды Рудольфо на лицо. Канатоходец наконец открыл глаза.

Прошло несколько бесконечных мгновений, прежде чем Рудольфо узнал Магдалену. По его губам скользнула улыбка, и он провел правой рукой по лбу.

— О, моя голова! — застонал он.

— Скажи, что с тобой произошло? — повторила Магдалена свой вопрос.

— Я думал, что умру, — мрачно пошутил Рудольфо. — Один тип пытался пробить дубиной мой череп. После второго удара по голове я лишился чувств. — Рудольфо с удивлением посмотрел на свое тело и только сейчас заметил, что он голый. — А где моя одежда? — с ужасом спросил он.

— Твои вещи разбросаны вокруг фургона. Ты можешь это как-то объяснить?

Не дождавшись от него ответа, Магдалена поднялась и начала собирать панталоны, рубаху, чулки и камзол канатоходца.

— Странно, — заметила она, вернувшись, — сначала грабители раздевают тебя, а потом бросают твою одежду.

Канатоходец был погружен в свои мысли, и Магдалена предпочла не приставать к нему. Она заботливо осмотрела все его тело с головы до ног. По счастью, видимых увечий не было.

Тут ее взгляд упал на сгиб возле паха. На том месте, где правое бедро соединяется с туловищем, рядом с его мужским достоинством, виднелась темная татуировка, девять букв, расположенных в три ряда: HICIACCOD. Внизу извивалась трехвостая змея.

Первым поползновением Магдалены было спросить его о странной татуировке, но она осеклась, решив дождаться более подходящего момента. Вместо этого она помогла Рудольфо подняться на ноги, и тот, все еще немного покачиваясь, начал одеваться.

Каретник и его подмастерье с таким усердием ремонтировали ось, что едва ли заметили странные события, происшедшие с канатоходцем. С помощью рычага они поставили на попа заднюю часть повозки и заменили сломанную заднюю ось, представлявшую из себя железные штанги, скрепленные

мощной, обитой железными листами поперечной балкой, на новую конструкцию. Свою изнурительную работу они проделывали с такой ловкостью, что завершили ее до наступления темноты и, получив еще один рейнский гульден, исчезли без всякого шума.

Магдалена была убеждена, что за нападением стоят разбойники с большой дороги, рыскавшие по стране в огромном количестве. Встревоженная, она принялась наводить порядок в фургончике. На полу повсюду валялись книги и многочисленные предметы из дорогого гардероба канатоходца. Все тщательно проверив, Рудольфо убедился, что ничего не пропало, ни единой мелочи.

Они вместе запрягли лошадей, и тут как раз прибыли Константин Форхенборн и два кучера, чтобы проверить, все ли в порядке. Зазывала был поражен случившимся. Сам он также привез плохие вести. Все его переговоры с ашаффенбургскими властями о выступлении труппы закончились ничем, им было категорически отказано.

Рудольфо и так не лучшим образом относился к Форхенборну, поскольку давно уже считал, что тот не с должным рвением выполняет свои обязанности. Сюда же примешивалось некоторое недоверие к его расчетам. Нынешнюю печальную весть Рудольфо воспринял молча; каждый член труппы прекрасно знал, что за мнимым безразличием канатоходца скрывается ровно противоположная реакция.

Зазывала, знавший о таком отношении к себе, поспешно выложил свой план: завтра ранним утром он отправится в путь и спустится вниз по Майну на грузовом корабле, готовом отчалить от пристани Ашаффенбурга, до Майнца, где наверняка благосклонно встретят выступление бродячего цирка.

Труппа нуждалась в новых сборах, и канатоходец согласился, поставив, впрочем, одно условие: Магдалена будет сопровождать зазывалу и должна быть представлена всемилостивейшему господину курфюрсту и кардиналу Альбрехту Бранденбургскому, правящему в Майнце и почитающему искусства и красивых женщин.

Магдалену предложение Рудольфо изумило. Он никогда не заговаривал с ней о таком задании. Ехать вдвоем с Константином Форхенборном ей совсем не хотелось, но возразить она не посмела.

После почти бессонной ночи с Рудольфо — слишком много всего произошло, чтобы они могли спокойно уснуть, — Магдалена и зазывала на рассвете сели на одну из старых тихоходных грузовых посудин под названием «Лаудес», то есть

«Отличный», спускавшихся вниз по Рейну и Майну. Груженный песчаником, корабль скрипел и трещал, как умирающий дракон.

Глава 8

Оказавшись на корабле, на котором кроме них были еще два пассажира и команда из четырех человек, Магдалена получила возможность обдумать события последних дней. Ее все сильнее одолевали сомнения, правильно ли она поступила, связавшись с Рудольфо, и не лучше ли было незаметно исчезнуть, чтобы он мог жить дальше ***своей*** жизнью. Он так много уже рассказал ей, явно больше, чем она имела право знать. Но чем дольше она размышляла об этом, тем больше боялась, что канатоходец, уступив ее любопытству, посвятит ее в тайны, которые могли стать для нее губительными.

Действительно ли она любит этого странного артиста? А если любит, то потому что он Великий Рудольфо или из-за его мужского обаяния? Может, она любит его, потому что он дал ей почувствовать, что любит ***ее,*** что она многое для него значит, даже сверх того, что ему позволено?

И хотя жизнь в монастыре лишила ее возможности сравнивать, Магдалена была уверена, что он не такой, как другие мужчины. Стоило ей представить себе, что она окажется в постели с зазывалой Константином, лекарем Мегистосом или жонглером Бенжамино, уж не говоря о великане Леон-гарде Куенрате, ее охватывало омерзение. Все их разговоры о любви и о женщинах сводились к паре десятков непристойных, уничижительных выражений, к тому же таких грязных, хуже уличной клоаки. В них не было ничего, кроме бахвальства своей непревзойденной мужской силой и количеством женщин, которых они «уложили в постель», — именно так они обычно говорили.

Ничто не способствует такому глубокому погружению в собственные мысли, как корабль, бороздящий водную гладь. Поэтому Магдалена, перегнувшаяся за борт носовой части корабля, вздрогнула от испуга, услышав вдруг голос Форхенборна.

— Я не хотел обидеть тебя, — произнес он. — Просто в плохие времена, когда так худо с деньгами, по-другому смотришь на вещи.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Магдалена пожала плечами, хотя догадывалась, куда он клонит.

— Ну, когда я тебя упрекал, что ты купила новые платья! Я не имел права укорять тебя. — С этими словами он протянул Магдалене руку.

Вот уж от кого она никогда не ожидала извинений, так это от

зазывалы. Ведь они с первого дня знакомства невзлюбили друг друга и вели себя, как кошка с собакой. Кстати, Магдалена вовсе не была уверена, что такая резкая перемена в чувствах Константина не была притворной. Тем не менее она пожала его руку и с вымученной улыбкой сказала:

— Все, забыли!

Какое-то время они стояли молча, устремив взгляд на проплывающий мимо берег, как вдруг зазывала невзначай заметил:

— С тех пор как ты у нас появилась, Рудольфо стал другим человеком.

— Как прикажешь это понимать?

— Ну, в общем, — смущенно заговорил Константин, — Рудольфо не самый простой человек, он большой оригинал, упрямый, иногда безжалостный и не очень-то обходительный.

— Гения нельзя мерить обычными мерками.

— В любом случае твоя заслуга состоит в том, что он научился улыбаться. Раньше можно было подумать, что наш канатоходец живет в другом мире, в мире, где запрещено смеяться. А ведь циркачи для того и созданы, чтобы смешить людей.

— Может, оно и так, — возразила Магдалена, — но канатоходец не обычный шут. Его искусство скорее вызывает восхищение, чем смех. Не знаю, как ***ты*** бы повел себя, доведись тебе рисковать жизнью на канате над крышами города. Между прочим, Господь наш Иисус во время своего тридцатилетнего земного пребывания тоже ни разу не смеялся. По крайней мере, в Новом Завете об этом ничего не сказано. Ты бы и Его назвал «не слишком обходительным», так ведь ты выразился?

— Упаси Боже, нет! — Зазывала воздел руки, словно миссионер, желающий подчеркнуть свои слова театральным жестом. — Ведь я всего лишь хотел воздать должное тебе — за твое умение превратить серьезного человека, отягощенного проблемами, в безмятежно счастливого.

Слова Константина заставили ее задуматься. А ведь он прав. В памяти сохранились неприятные впечатления от их первой встречи с Рудольфо, от его колючей манеры смотреть сквозь человека, словно он пустое место.

Тут к ним неожиданно подошел полный, приземистый мужчина, бывший уже на корабле, когда они садились в Ашаффенбурге, но до сего времени сидевший в каюте на корме. Темный венчик кудрявых волос на голом черепе, схожий с кустистым лавровым венком, несомненно, делал его старше.

— Простите, что вмешиваюсь, — начал незнакомец, — но не

мог удержаться, услышав вашу беседу о смехе, поскольку эта тема давно занимает меня. Позвольте представиться: моя фамилия Бомбаст, Тео Бомбаст. Я направляюсь в Майнц. Я естествоиспытатель, писатель, доктор медицины, сведущ и в богословии, словом, человек, который многому учился и ничего ***в действительности*** не знает.

Магдалена и Константин поначалу в полном недоумении смотрели на тучного коротышку, силясь понять, то ли он их разыгрывает, то ли перед ними ученый муж с искрой Божьей. Тут Бомбаст, которому такие встречи, по-видимому, доставляли огромное наслаждение, разразился оглушительным хохотом. Магдалена даже испугалась, что он подавится своим булькающим смехом. Хохот был настолько заразительным, что сопротивляться было совершенно бесполезно. И вот уже и Магдалена, и Форхенборн от души смеялись вместе с незнакомцем, пока не пришли в полное изнеможение.

— Вот видите, — произнес Бомбаст, когда все успокоились, — смех способствует преодолению скованности. Но это всего лишь ***одна*** из многих врожденных предпосылок интеллекта. Животные не смеются, и это их основное отличие от людей. Кстати, смех — это отличительная черта человека, имеющая самое большое количество вариаций.

— Ну надо же, — с ухмылкой заметила Магдалена. — Простите, доктор Бомбаст, но это вам придется объяснить мне, простой женщине, поподробнее!

Привлеченный громким голосом Бомбаста, к ним подошел и второй пассажир, нищенствующий монах, каких сотни бродили по стране, в коричневой сутане, которую он явно смастерил собственноручно, в соответствии с собственной фантазией. Магдалена никогда не видела подобного орденского монашеского одеяния. Через плечо у него была перекинута нищенская сума, в которой хранилось все его имущество.

— ***Licet interesse?*** — спросил он на корявой латыни, дабы ни у кого не возникало сомнений в его духовном статусе. — Позволено присутствовать?

Бомбаст милостиво кивнул и продолжил:

— Возьмите другое видимое проявление чувств человека — плач. Существуют лишь два различных вида слез: от радости и от горя.

— Верно! — Магдалена посмотрела на доктора с нескрываемым любопытством. — А сколько существует разновидностей смеха?

— Тут мне на ум приходит много вариантов. Начнем со смеха, приносящего облегчение, которое мы все только что

испытали. Существует и противоположный вид смеха — скептический. Смех бывает также иронический, циничный, неприличный, высокомерный, чванливый, это может быть агрессивная усмешка или издевательский хохот. Зачастую бывает непросто различить, что скрывается за смехом.

— Это уж точно, — согласился зазывала, а монах подобострастно добавил:

— ***Recte, recte***, совершенно справедливо.

— А что именно вы исследуете в смехе? — вмешалась Магдалена. — Я имею в виду, какую цель преследуете своими изысканиями?

Бомбаст вдруг стал серьезен.

— Как я уже указывал в своем трактате «О медицине», — продолжил он, — смех оказывает профилактическое и целебное действие на болезни. Вы, конечно, можете себе представить, что своей теорией я не приобрел друзей среди приверженцев традиционной медицины. Но ученые доктора не верят и в существование душевных болезней. Вспомните хотя бы выражение «разбитое сердце» — нередкая причина смерти, между прочим, хотя человек не испытывает физической боли и не проливает кровь. Но хватит уже теории и науки. Куда ***вы*** держите путь? Я попробую отгадать: на ярмарку во Франкфурт. Скорее всего, вы купеческая пара, торгующая дорогими итальянскими тканями. — Бомбаст посмотрел на Магдалену оценивающим взглядом.

Она удивленно подняла брови, демонстрируя свое разочарование.

— Доктор Бомбаст, вы, несомненно, хороший естествоиспытатель, писатель, врач и богослов, но в людях вы вообще не разбираетесь! — заявила она. — Мужчина рядом со мной — вовсе мне не муж, мы отнюдь не купцы и не едем во Франкфурт. Наш путь лежит в Майнц, где мы должны подготовить прибытие нашего хозяина.

Низкорослый толстяк, не страдавший от недостатка самонадеянности, был явно смущен своим провалом, но тут же парировал с лукавой усмешкой:

— Я же сказал, что попробую отгадать. Вероятно, гадание не относится к числу моих сильных сторон.

Именно в этот момент корабль содрогнулся от мощного толчка, раздались скрежет и треск, и через пару локтей он остановился. Бородатый шкипер бросился к кормилу, оттолкнул в сторону штурмана и резкими движениями руля попытался снять судно с мели. Ничего не помогало, корабль крепко сел на дно реки.

Неделями не было дождей, и Майн обмелел как никогда. Капитан и его штурман, сварливый старик, которому пассажиры были что острый нож в сердце, не менее десятка раз в году спускались и поднимались по Майну, знали каждую мель и могли с закрытыми глазами обойти ее и найти место, где под плоским корпусом барки было хотя бы на ширину ладони воды. Но против такой низкой воды и они оказались бессильны.

Встревоженный шкипер носился с кормы на нос и обратно и в конце концов отдал своим матросам приказ сбросить за борт часть груза. После того как матросы избавились от доброй дюжины плитняков из песчаника, судно закряхтело, заскрипело и, как упрямый мул, даже чуть сдвинулось с места. Казалось, корабль вот-вот опять поплывет, но он тут же снова зарылся в песчаное дно и больше уже не шелохнулся.

В ленном поместье, расположенном в пределах видимости на небольшом пригорке в долине Майна, шкипер раздобыл четверку крепких рабочих лошадей. Запряг их в застрявшее судно и огрел кнутом. Маневр удался. Однако штурман побоялся направить корабль к берегу и дать возможность капитану подняться на борт, и тому пришлось три рейнские мили бежать по берегу за своим судном, прежде чем на излучине Майна, где река была полноводнее, он смог вернуться на корабль и взять управление в свои руки.

Тем временем наступил вечер, а поскольку ночное судоходство на Майне было небезопасно и к тому же запрещено, капитан встал на якорь неподалеку от торгового городка Гроскротценбург, древнего владения капитула каноников церкви Святого Петра в Майнце. Если все пойдет хорошо, пообещал бородатый шкипер, послезавтра они, возможно, уже будут в Майнце.

Авария задержала их на полдня, и Магдалена то и дело поглядывала, не покажутся ли Рудольфо и циркачи, не нагнали ли они корабль по суше; однако путешествовать по воде, очевидно, все же было намного быстрее.

На ночь капитан предоставил своим пассажирам каюту в кормовой части корабля. Сам он вместе с четырьмя членами своей команды предпочел заночевать на прибрежном лугу.

Мириады мух и назойливых насекомых, несмолкаемое кваканье речных лягушек не слишком благоприятствовали безмятежному сну. Кроме того, было страшно жестко, поскольку пассажирам пришлось спать, лежа в ряд, словно рыба на базаре, прямо на голом полу каюты. На барке не было даже соломенного тюфяка, не говоря уж о подстилках.

Зазывалу, доктора Бомбаста и нищенствующего монаха эти

неудобства, похоже, не особенно волновали; не успев растянуться на полу, все мгновенно погрузились в глубокий сон. Словно сговорившись, они тут же устроили чудовищную какофонию отвратительных звуков, начав наперебой храпеть, рыгать, пускать ветры и хрюкать. Поскрипывание и потрескивание барки довершило кошмар и не позволило Магдалене сомкнуть глаз.

Опершись на руку, она пыталась дремать; время от времени, сощурив глаза, смотрела через расположенный напротив люк на звездное небо. Соседи по каюте ворочались по очереди с боку на бок, недовольно фыркая и ворча себе под нос из-за духоты и неудобства спального места.

Открыв в очередной раз глаза, Магдалена увидела луну, висевшую так низко, что ее молочный отсвет через открытый люк падал на головы мужчин. Монах отвернул лицо в другую сторону, а вот черты зазывалы и доктора можно было рассмотреть во всех подробностях, и она решила поупражняться в физиогномике.

Что касается Константина Форхенборна, то его физиономия полностью соответствовала его характеру, по крайней мере манере вести себя с Магдаленой: жесткая, почти угловатая верхняя часть лица с остро очерченным, узким носом и чувственные губы — внешность, за которой скрывалась какая-то загадка. Не было бы ошибкой охарактеризовать зазывалу как беспощадного, заносчивого, хитрого эгоиста. Безусловно, ему были присущи определенная участливость и чувствительность, но все вместе давало противоречивую картину, лишь усугубляющую ее недоверие к нему.

Совсем другое дело — доктор Бомбаст. Даже во сне унылое лицо толстяка несло печать его многогранных занятий. Доминирующий высокий лоб, изрезанный морщинами, глубоко посаженные глаза и опущенные вниз уголки рта выдавали обуревающие его сомнения и отчаяние по поводу мировых событий. В его чертах даже угадывались разногласия с учеными традиционного толка.

В те моменты, когда Бомбаст не всхрапывал или не выпускал со свистом воздух из носа, его мясистые губы складывали невнятные слова, дыхание при этом останавливалось, и ей казалось, что он вот-вот умрет.

Один раз Магдалене почудилось, что она разобрала одно из произнесенных им слов. Он пробормотал себе под нос что-то вроде «сатана». Впрочем, если этот странный тип во сне разговаривал с дьяволом, это было нисколько не удивительно. Кто знает, быть может, он умолчал, что владеет еще одной профессией — алхимика, бывшего в сговоре с дьяволом, как большинство представителей его цеха.

Хотя религия и приличия не позволяли прислушиваться к словам, произносимым кем-то во сне, но, по-видимому, греховность преобладала в ней над благочестивой верой, а любопытство — над воспитанностью. И поскольку доктор выговаривал слова все отчетливее и все чаще, Магдалена просто не могла не обратить все свое внимание на спящего естествоиспытателя.

Но как объяснить иначе, чем справедливой карой Господней, то, что Бомбаст моментально замолчал и больше не издал ни одного звука? Смертельно усталая Магдалена уже почти засыпала, как вдруг снова услышала бормочущий, но ясный и четкий голос Бомбаста: сатан... адама... табат... амада... натас...

Магдалена жутко перепугалась. От страха на лбу ее выступил холодный пот, леденящий ужас сковал душу. Она встала и мельком взглянула на Бомбаста, он спал и храпел как ни в чем не бывало. Ее одолели сомнения, не приснилось ли ей все это? Быть может, ее мозг, на долю которого в последние дни выпало так много трудно перевариваемой информации, сыграл с ней злую шутку? А не сама ли она выговорила формулу? Она безуспешно попыталась повторить слова Бомбаста: сатан... адама... Дальше ничего не получалось. Как она могла в полудреме произнести формулу, если не в состоянии вспомнить ее, даже бодрствуя? К тому же она точно слышала голос Бомбаста.

Она снова и снова разглядывала загадочного исследователя. В какой-то момент ей показалось, что в нем есть сходство с незнакомцем, с которым она встречалась ночью в долине Майна. Правда, лицо того мужчины она видела лишь в свете мерцающего фонаря, но чем дольше Магдалена всматривалась в спящего, тем невероятнее ей казалось это предположение. Не только голос Бомбаста, но и вся его внешность, манеры резко отличались от облика и манер таинственного незнакомца.

Магдалена дрожала всем телом. Понапрасну пыталась она сдержать слезы, ручьями вдруг побежавшие по ее щекам. Это были слезы не боли и скорби, а полной растерянности. Что ей делать? События не умещались в голове. Она помышляла о бегстве, о том, чтобы вырваться из адского круга, в котором оказалась.

И вдруг, в страшном смятении, она словно бы услышала голос Рудольфо: «Ты хочешь восстать против собственной судьбы? Именно теперь, когда я посвятил тебя в величайшие тайны человечества? Я удовлетворял твое любопытство по твоей собственной воле. А теперь ты желаешь вопреки здравому смыслу обратиться в бегство? Магдалена...»

Оглушенная голосом Рудольфо и смыслом его слов,

Магдалена примостилась, подобрав под себя ноги, в самом конце каюты. Она и сама не знала, как туда попала. Наверное, доползла на четвереньках. Уткнувшись лицом в коленки, она стала ждать утра.

Глава 9

С ударом колокола, ровно в девять утра, Иоахим Кирхнер вошел в мрачный кабинет архиепископа Майнцского:

— Да ниспошлет Господь благословенное утро вашей курфюрстшеской милости!

Альбрехт Бранденбургский, архиепископ и курфюрст Майнцский, сын курфюрста Иоганна Цицерона Бранденбургского, бывший архиепископ Магдебургский и администратор епископства Хальберштадт, а ныне самое влиятельное духовное лицо к северу от Альп, сидевший за монументальным дубовым столом, широко зевнул. Он был облачен в стихарь, пурпурную сутану и черный берет.

— Ладно, ладно, Кирхнер, — небрежно махнул он рукой. — Что там у нас сегодня?

Кирхнер, долговязый, как жердь, с вьющимися рыжеватыми волосами и необычайно бледной кожей, был секретарем и поверенным его высокопреосвященства. Он слыл хитрым интриганом, которого побаивались при дворе. Черная облегающая риза лишь подчеркивала его худобу. Обозначив нечто

ироде поклона, сводившегося к сгибанию верхней части туловища в бедрах с грацией деревянной куклы, секретарь ответил:

— Аудиенции, ваша курфюрстшеская милость!

— Сколько?

— Человек тридцать-сорок. По большей части просители и всяческий сброд.

— Отошли их прочь. Мне сегодня не до сброда.

Кирхнер, склонив голову набок, лицемерно потупил взор

и подобострастно ухмыльнулся:

— Уже исполнено, ваша курфюрстшеская милость. Остались лишь трое.

За широкими закрытыми дверями послышался шум. Альбрехт бросил вопросительный взгляд на секретаря. В тот же момент двери распахнулись и в помещение с дикими воплями ворвался мужчина в рубище, за которым пытались угнаться два лакея в ливреях, хватавшие его за лохмотья.

Добежав до Альбрехта, жалкое создание бросилось ему в ноги, молитвенно воздело руки и запричитало:

— Сжальтесь, милостивый господин! Сжальтесь!

Альбрехт вышел из-за своего письменного стола. Пурпурная сутана еще больше подчеркивала его полноту. И прежде чем

лакеям удалось схватить несчастного за руки и за ноги, чтобы выволочить из зала аудиенций, архиепископ сделал им знак оставить мужчину в покое.

На мгновение в зале воцарилась напряженная тишина. Затем раздался голос архиепископа:

— Чего ты хочешь, оборванец? Встань!

Проситель с трудом поднялся. Склонив голову и опустив плечи, он попытался расправить свои лохмотья. Наконец возвел глаза и, задыхаясь, произнес:

— Простите, всемилостивейший государь, ваша курфюрстшеская милость, я три дня и две ночи бежал по лесу, чтобы просить вас о милостыне. Не для себя прошу, всемилостивейший государь, я прекрасно питался все эти дни лесными дарами, грибами и ягодами. Для моей жены прошу и десяти детишек, они вот уже которую неделю без пропитания. — Его голос вдруг сорвался на крик: — Еретики, люди саксонского монаха, подожгли наш скромный домишко, и с тех пор мы спим под деревьями в компании кабанов, волков и лис. Я не знаю, что мне делать. Всемилостивейший государь...

— Замолчи! — оборвал Альбрехт крестьянина. Казалось, слова просителя тронули его душу. Но уже в следующую секунду он овладел своими эмоциями и презрительно заметил:

— Отчего же ты не держишь в узде свой детородный орган и плодишь столько детей, если не можешь их прокормить?

— На все Божья воля, господин. И еще немного любви, если позволите заметить.

Кирхнер испуганно взглянул на архиепископа. Он был уверен, что вот-вот разразится гроза, и ждал одного из тех приступов ярости своего патрона, которые всем внушали страх. Однако ничего подобного не произошло. Альбрехт Бранденбургский подошел совсем близко к просителю, почти столкнувшись с ним нос к носу, и проговорил приглушенным голосом, как будто никто из окружающих не должен был слышать его слова:

— Это он хорошо сказал. — И добавил, обратившись к секретарю: — Наполните бедолаге мешок едой из кладовой, пусть возьмет столько, сколько сможет унести!

Дурнопахнущий крестьянин стоял как изваяние. Поняв наконец происшедшую перемену в настроении хозяина, он бросился в ноги архиепископу, схватил подол его сутаны и облобызал его.

Альбрехт брезгливо выдернул подол из грязных рук просителя и дал лакеям знак освободить его от неприятного зрелища.

— В будущем, будь любезен, не подпускай ко мне близко такой сброд, — проворчал он в сторону Кирхнера, пока слуги выпроваживали крестьянина из зала аудиенций.

Секретарь заискивающе улыбнулся:

— Полагаю, ваша курфюрстшеская милость будут довольны, приняв сегодня первого посетителя.

— Имя?

— Линус Коронелли.

— Не знаю такого.

— Торговец реликвиями из Вероны. Пару лет назад вы приобрели у него гвоздь с креста Господа нашего Иисуса Христа.

Лицо архиепископа мгновенно прояснилось, ибо Альбрехт Бранденбургский был страстным коллекционером реликвий. Ни одна святая кость не могла укрыться от него.

И хотя имя Коронелли давно стерлось из памяти Альбрехта, он встретил веронского купца с распростертыми объятиями, как старого друга. Это был низкорослый мужчина в благородной одежде, с бархатным беретом на голове. Его сопровождали двое слуг, несшие дорожный саквояж размером пять локтей в ширину и два в высоту.

После приветствия по всей форме и обмена учтивостями Коронелли приказал своим слугам открыть саквояж.

Курфюрст впился глазами в содержимое, как сластолюбец на девиц в бане: на ложе из красной тафты покоились человеческий череп, массивная бедренная кость, кисть руки с отсутствующими большим и указательным пальцами и, в отдельной коробке, не поддающиеся определению фрагменты костей, одна из которых по размеру и цвету весьма напоминала речную раковину.

Торговец реликвиями протянул архиепископу пару перчаток из белой козьей кожи и широким жестом пригласил его к саквояжу:

— Прошу вас, ваша курфюрстшеская милость!

С опаской, продиктованной не отвращением, а скорее благоговением, Альбрехт потянулся за кистью и поднес ее к солнечному свету, скудно пробивавшемуся через стрельчатое окно.

— Чья? — коротко бросил он.

— Это левая кисть святого Витуса, сицилийца, мученика, разделившего мученический удел со своим воспитателем и кормилицей!

— Тот самый Витус, один из четырнадцати святых чудотворцев, помощников в беде?

— Тот самый, святой-заступник от ночного недержания у детей!

— Не самый первый среди святых. — Архиепископ сморщил нос, словно понюхал обмоченную простыню.

— Ваша курфюрстшеская милость, — разволновался Коронелли, — пражский епископ будет завидовать вам, узнав, что вы обладаете этой реликвией. В тамошнем соборе хранятся два недостающих пальца. А у вас их было бы целых три!

Не заинтересовавшись предложением, Альбрехт положил кисть назад и показал на череп:

— А это кто?

— Святая Перепетуя. — Торговец развел руками, словно извиняясь, что не располагает более качественным товаром.

— Перепетуя? — Лицо архиепископа налилось кровью и стало пурпурным, как его сутана. — Ты хочешь меня в гроб вогнать, веронец? Папа Климент обладает мощами апостолов Петра и Павла, у него есть обугленная ветвь тернового куста, в пламени которого Моисею явился ангел Господень; ножницы, которыми император Домициан состриг волосы святому апостолу Иоанну. И даже один сребреник из тех, что получил Иуда за предательство Господа нашего Иисуса, находится в его коллекции, уж не говоря о плащанице святой Вероники. А ты приходишь ко мне с черепом некоей Перепетуи, или как там ее звали, женщины, которую никто не знает!

— Это святая из далекой Африки, — возразил торговец, — и епископ Антиохийский собственноручно удостоверил подлинность ее черепа. — В качестве доказательства он сунул архиепископу под нос замызганный пергамент.

Альбрехт Бранденбургский отмахнулся от листка:

— Никчемные кости, не имеют никакой ценности. Раздобудь мне кусок плаща святого Мартина или череп апостола Фомы. ***Вот что*** можно было бы обратить в деньги! В Галле выставлены реликвии, которые Папа Лев снабдил индульгенцией на четыре тысячи лет чистилища! Знаешь, что это означает, веронец? Ты можешь напропалую грешить, нарушая все десять заповедей, пока не надоест. Тогда ты покупаешь индульгенцию, бросаешь взгляд на лобковую кость святой Вероники, и вот уже один из четырех херувимов машет тебе с неба знаменами вечного блаженства. Но какого-нибудь африканского бабьего черепа тут недостаточно.

Слуги торговца реликвиями, слушавшие тираду архиепископа с широко раскрытыми глазами, в полном смущении убрали кости назад в саквояж.

Коронелли отвесил несколько поклонов и, напустив на себя подавленный вид, произнес:

— Простите, ваша курфюрстшеская милость, если мой товар не удовлетворил ваши курфюрстшеские запросы. В следующий

раз я предложу вам более ценные кости.

Небрежным движением руки Альбрехт Бранденбургский дал понять веронцу и его слугам, что аудиенция закончена.

— Следующий! — раздраженно приказал он секретарю Кирхнеру и вновь втиснул свои телеса в кресло за письменным столом.

Не успели торговцы реликвиями исчезнуть, как в полутемный зал горделивой походкой вошла женщина. На ней было длинное голубое платье из тончайшего льняного полотна, рукава из тафты расширялись от локтей, демонстрируя полосы желтой подкладки. Ярко-желтая ткань выступала и из круглого выреза декольте, окаймляя голубое полотно. Голова незнакомки была увенчана белым, уложенным в складку чепчиком, стянутым сеткой с едва заметными матерчатыми цветами.

— И кто ж ты такая? — Архиепископ поднялся и внимательно осмотрел незнакомку с головы до ног.

Особы женского пола являлись к нему на аудиенцию крайне редко. Чаще всего это были женщины, доведенные до глубокого отчаяния и взывавшие о помощи. Он ненавидел такие беседы. В отличие от обычных просительниц эта дама производила впечатление своей исключительной самоуверенностью.

— Я Магдалена, жена канатоходца Рудольфо. Вы наверняка слышали о таком?

— То есть циркачка? — удивился Альбрехт.

— Если вам будет угодно так называть меня.

Тут вмешался секретарь:

— Ваша курфюрстшеская милость, Великий Рудольфо — самый известный канатоходец во всем мире! Он пересекает бурные потоки по тонкому канату, и нет столь высокой церковной башни, на которую он не смог бы взойти по раскачивающемуся тросу. Это так? — добавил он, посмотрев на Магдалену.

Магдалена кивнула с улыбкой.

— И что привело тебя ко мне? — осведомился архиепископ. Скрестив руки на груди, он распушился, словно павлин.

— Великий Рудольфо послал меня к вам с просьбой разрешить ему взойти по канату на западную башню вашего собора. Он просил также передать, что это не будет вам в убыток. Рудольфо предоставляет вам десятую часть своих сборов. Замечу, с вашего позволения, что на схожий аттракцион на Шпейерском соборе два года назад собралось больше зрителей, чем было жителей в городе.

Лучше бы Магдалена этого не упоминала: со шпейерским епископом Альбрехт Бранденбургский находился в состоянии вражды. Поэтому неудивительно, что уже в следующее мгновение

он выпалил:

— Так почему бы Великому Рудольфо еще разок не взобраться на собор в Шпейере! На Майнцском соборе этому шельмецу во всяком случае нечего делать. — И добавил с издевательской ухмылкой: — Это говорит Великий Альбрехт Бранденбургский.

Похоже, Магдалена ожидала архиепископский отказ. Без гени разочарования на лице она подобрала юбки руками, изобразила нечто вроде расшаркивания и самоуверенно поблагодарила за оказанный прием.

Когда Кирхнер распахнул перед Магдаленой двери, ей навстречу шагнул молодой человек с короткой стрижкой и самонадеянным выражением холодной решимости, свойственным купцам. Он был одет по последней моде в бордовые панталоны до колен и темно-синюю накидку. Увидев Магдалену, мужчина вежливо посторонился и довольно неуклюже склонил голову, изображая поклон.

— Кто это? — спросил архиепископ у Кирхнера, пока незнакомец приближался к нему.

— Маттеус Шварц, — опередил тот секретаря, — бухгалтер и посланник имперского графа Якоба Фуггера. Граф велел кланяться.

Альбрехт замер в полном смятении. Он догадывался, чего хотел от него посланник Якоба Фуггера. Но, как и все сборщики долгов, тот явился не вовремя.

С некоторой неловкостью архиепископ протянул визитеру руку для поцелуя. Маттеус Шварц, однако, не стал целовать ее, а энергично потряс двумя руками, словно стаканчик с игральными костями, так что Альбрехт поморщился от боли.

— Кто была эта красавица? — спросил Шварц, кивнув на дверь.

— Жена Великого Рудольфо, канатоходца, — опередил патрона Кирхнер, вызвав тем самым недовольство архиепископа.

— Позвольте мне отгадать цель ее визита, — улыбнулся посланник. — Рудольфо желает взойти на одну из башен вашего собора?

— Разумеется, я отверг его наглое требование, — буркнул архиепископ.

Маттеус Шварц покачал головой.

— Не думаю, что это было разумно, ваше высокоблагородие.

Альбрехт Бранденбургский отдавал себе отчет, какой подвох скрывается за таким обращением. Он привык, чтобы его называли «ваше высокопреосвященство», «ваша курфюрстшеская милость» или «святейший князь». Однако портить отношения со сборщиком

долгов, посланным Якобом Фуггером, было глупо.

— Перейдем, пожалуй, к делу. — Маттеус Шварц без приглашения уселся на единственный стул, стоявший у письменного стола архиепископа. Распахнув свою просторную накидку, вытащил оттуда свиток и элегантным движением, свидетельствовавшим о его опыте обращения с подобными бумагами, бросил его на стол. — Полагаю, вы знакомы с этими документами, ваше высокоблагородие, — самодовольно заметил он.

Альбрехт Бранденбургский сел и с мольбой посмотрел на своего секретаря. Тот тут же подобострастно откликнулся:

— Долговые обязательства вашей курфюрстшеской милости!

— Знаю! — рявкнул архиепископ и произнес с наигранным высокомерием, обращаясь к посланнику: — А вот возьму сейчас да и брошу всю пачку в огонь, мигом избавлюсь от долгов.

Маттеус Шварц рассмеялся, да так нарочито громко, что чуть не поперхнулся.

— Ваше высокоблагородие изволят шутить! Вы серьезно полагаете, что я принес вам оригиналы долговых обязательств? О нет, ваша милость, это всего лишь списки. Оригиналы хранятся в одном из фуггеровских несгораемых шкафов в Аугсбурге, по соседству с долговыми векселями Папы, императора и прочих бедняков.

Уже не в первый раз за это утро лицо архиепископа побагровело. В такие моменты здоровье патрона вызывало серьезное беспокойство у Кирхнера. Альбрехт сидел молча и не произносил ни слова.

Тогда посланник поднялся и, перегнувшись через стол, приблизился к лицу курфюрста на расстояние, которое можно было бы назвать неприличным.

— Ваше высокоблагородие должны моему господину, имперскому графу Якобу Фуггеру Аугсбургскому, сто десять тысяч рейнских золотых гульденов вместе с процентами за прошлый год.

Секретарь усердно кивнул.

А Шварц настойчиво повторил:

— Вместе с процентами за прошлый год, ваше высокоблагородие!

— Я знаю, — робко ответил Альбрехт. — Времена уж больно тяжелые. Крестьяне восстают против властей и отказываются платить десятину. Проповедники разрешения грехов с пустой сумой разъезжают по стране, потому что никто не желает слушать их проповеди. При этом у народа как никогда есть масса поводов откупиться от грехов, но церкви пустуют.

— Почему бы вам не пустить в ход необычные средства распространения в народе ваших индульгенций?

— Необычные средства! — Альбрехт усмехнулся. — Назовите мне хотя бы одно из ваших необычных средств! Как должнику Якоба Фуггера мне почти любое средство подойдет.

— Ваше высокоблагородие, не мое дело указывать вам способ, как заработать деньги. — Маттеус Шварц нахмурился. — Я явился для взимания процентов в размере одиннадцати тысяч золотых гульденов и не собираюсь покидать ваш город, пока указанная сумма не зазвенит в моем кошельке.

— Так что же, мне эти одиннадцать тысяч золотых гульденов из своего ребра вырезать? — взорвался Альбрехт. — У меня нет ни гульдена в кармане. Я разорен!

— Стало быть, вы жили не по средствам, досточтимый архиепископ. Как говорит мой патрон Фуггер, тот, кто получает удовольствие без денег, скорее всего, нашел философский камень.

— Хорошо говорить Фуггеру. Он в деньгах как сыр в масле катается!

Посланник засмеялся:

— Тут вы, пожалуй, правы. Но аугсбургские Фуггеры с молоком матери впитали умение обращаться с деньгами, это передавалось от отца к сыну, а потом к внукам. Вы же, если мне не изменяет память, купили и титулы, и приходы. Собрали вокруг себя самых известных художников, этого Кранаха и Дюрера из Нюрнберга, которые вас так выигрышно изобразили. К тому же ваш собор набит сокровищами!

Альбрехт готов был вцепиться в глотку сборщику долгов. Он вскочил и воскликнул:

— Что же, прикажете мне Майнцский собор продать?

Маттеус Шварц наморщил лоб, словно хотел сказать: «Неплохая идея». Однако вслух произнес:

— Разве вы только что не отказали Великому Рудольфо в его намерении подняться по канату на западную башню собора? Позвольте заметить, это было довольно неосмотрительно.

— Он имеет в виду десятую часть сборов, — вмешался секретарь. — От циркачей можно было бы потребовать и больше.

— И не только, — возразил посланник. — Зрелища, подобные этому, привлекают тысячи людей, то есть гораздо больше, чем может вместить ваш собор. Вот вам прекрасная возможность распространить среди народа ваши индульгенции. Говорят, несколько лет тому назад в Бамберге, когда Рудольфо поднялся на одну из соборных башен, было продано семь тысяч индульгенций.

Альбрехт Бранденбургский и его секретарь переглянулись, как будто на них только что сошел Святой дух. Чтобы подбодрить своего хозяина, Кирхнер с достоинством кивнул. Было видно, как в архиепископе боролись противоречивые чувства: освобождение от кары за грехи и шутовской балаган!

В конце концов он возмущенно рявкнул:

— Кирхнер, чего ты ждешь? Верни жену канатоходца!

Секретарь настиг Магдалену на пути в гостиницу «Двенадцать апостолов», излюбленное пристанище путешественников. Там она намеревалась вместе с зазывалой ждать Рудольфо и артистов.

— Прошу прощения за недоразумение, происшедшее у его курфюрстшеской милости, — церемонно начал Кирхнер. — Альбрехт Бранденбургский послал меня сообщить вам, что он, вероятно, встал сегодня не с той ноги...

— И вы побежали за мной, чтобы поставить меня об этом в известность? — перебила его Магдалена. Она сразу сообразила, что спесивый архиепископ поменял свое решение.

— Во всяком случае, — продолжил Кирхнер, — его курфюрстшеская милость приносит свои извинения по поводу отказа. Само собой разумеется, для него и для города большая честь, если Великий Рудольфо и его знаменитая труппа порадуют нас своим выступлением. Он просит вас вернуться для приватной беседы.

Предложение секретаря курфюрста звучало заманчиво, однако Магдалена вовсе не торопилась выказывать свой восторг и обратный путь с Кирхнером проделала почти молча.

Жители Майнца сразу зашушукались, увидев странную парочку. Они привыкли, что любвеобильный архиепископ использовал секретаря Иоахима Кирхнера в качестве посредника в своих любовных похождениях. Именно так Альбрехт Бранденбургский познакомился и с Элизабет Шюц, темноволосой красоткой, которую он называл Лейс. С ней он жил как с женой, правда, без благословения Церкви, и не делал тайны из того, что приходится кровным отцом очаровательной дочурки, которую Лейс однажды произвела на свет.

Но кто была эта прекрасная незнакомка рядом с Кирхнером? И почему секретарь князя-епископа, вопреки заведенному ритуалу, публично демонстрировал ее? Вскоре за Кирхнером и Магдаленой уже следовала оживленно жестикулирующая и орущая толпа.

Магдалена делала вид, будто не замечает скопления народа, а секретарь пытался отвлечь ее внимание от щекотливой ситуации хвастливым рассказом о богатой истории города. Он с

гордостью вспоминал о временах Римской империи, как полтора тысячелетия тому назад римляне двумя легионами разбили лагерь напротив впадения Майна в Рейн. Отсюда Друзус начал свой поход против Германии, а через какое-то время были построены каменный мост через Рейн и римский акведук, ведущий в Могонтиациум, как тогда назывался Майнц. Впрочем, расцвет города продлился недолго, и Майнц впал в непробудный сон, совсем как спящая красавица, и был разбужен только в середине VIII века легендарным архиепископом Бонифацием. Патетически возвысив голос, Кирхнер провозгласил, что последующие майнцские архиепископы в качестве примасов Римско-католической церкви правили областью от Констанца до Бранденбурга и от Вормса до Праги.

Магдалена слушала его исторический экскурс вполуха. Она никак не могла отключиться от событий прошлой ночи и загадочного бормотания доктора Бомбаста. Размышления окончательно завели ее в тупик: то ли все это дьявольские происки, имеющие целью поставить ее на колени, то ли некая тайная сила, прознав о ее осведомленности о Девяти Незримых, делала все, чтобы вырвать у нее эти знания.

В Майнце Бомбаст на удивление быстро сошел с корабля и даже не попрощался, хотя на протяжении всей утомительной поездки все время искал ее общества. Так что же, случайная встреча была инсценирована им? В таком случае доктор был потрясающим актером!

Зазывале она о своем ночном приключении, конечно, ничего не рассказала. Ей так был нужен человек, которому она могла бы довериться, а Рудольфо с труппой должны были прибыть только завтра.

— Надеюсь, я вам не наскучил, — завершил архиепископский секретарь свою экскурсию.

— Что вы, что вы, — поспешила заверить его Магдалена, — это было чрезвычайно интересно!

К счастью, они уже дошли до резиденции, и любопытные зеваки остались позади. Через узкий боковой вход они вошли в неуклюжее здание, построенное из грубого песчаника. Крытая внешняя лестница вела непосредственно в зал аудиенций князя-епископа.

Кирхнер без стука осторожно открыл дверь и вежливо пропустил Магдалену вперед. Глазам ее пришлось сначала привыкнуть к темноте. Сперва ей показалось, что зрение ее обманывает, ибо представшее зрелище было более чем забавным. Она чуть не прыснула: гордый Альбрехт Бранденбургский стоял на коленях посреди зала на каменном полу и, воздев руки, о чем-

то умолял стоящего перед ним мужчину. Магдалена сразу узнала его по знатной одежде. Это был тот самый человек, с которым она недавно столкнулась в дверях.

Заметив Магдалену, коленопреклоненный курфюрст поспешно подхватил руками подол своей сутаны и поднялся. Хорошо одетый мужчина исчез, не сказав ни слова, а Альбрехт Бранденбургский обратил свое внимание на Магдалену и предложил ей сесть. Выражение его лица молниеносно поменялось, и из смиренного просителя он превратился в надменного, самодовольного властелина.

— Как, говорите, имя этого канатоходца?

— Рудольфо! — Магдалена насупилась, тон архиепископа ей совершенно не понравился.

— Верно, Рудольфо. Я навел справки, этот Рудольфо, о котором я, кстати, впервые слышу, действительно мастер своего дела. Мы должны предоставить ему возможность доказать свое мастерство нам и жителям Майнца. Если представление будет соответствовать нашим ожиданиям и Великий Рудольфо не пользуется нечестными средствами вроде черной магии или тем паче некромантией, мы вполне готовы заплатить за его искусство по пять гульденов за день.

Магдалена больше не могла усидеть на месте. Она пришла в такое негодование, что вскочила, опрокинув при этом стул.

— Господин курфюрст, — не сразу заговорила она, с трудом подбирая слова, в то время как секретарь подошел и поставил на место стул, — господин курфюрст, Великий Рудольфо — величайший артист среди канатоходцев, ему не нужны подаяния! Он хорошо знает себе цену, и если она превосходит ваши возможности, он по прибытии незамедлительно отправится дальше — в Вормс, Шпейер или Кельн. Там знают, чего он стоит, и нам не придется торговаться по поводу своего вознаграждения. Так что разрешите откланяться, досточтимый государь!

Не только архиепископ удивился хладнокровию жены циркача, Магдалена сама была потрясена собственной отвагой, с которой осмелилась выступить против Альбрехта Бранденбургского. Она склонила голову, подобрала подол своего длинного платья, изобразила манерный поклон и приготовилась удалиться.

— Спокойно, не так быстро! — Князь-епископ подскочил к Магдалене и удержал ее за рукав. — Мы ведь обо всем можем договориться, — неожиданно кротко произнес он. — Назовите вашу цену.

— Девять десятых от всех сборов или пятьдесят гульденов вперед за все!

В зале приемов воцарилась тишина. Альбрехт Бранденбургский не ладил со счетом, но для этого у него был секретарь Иоахим Кирхнер. Последний тут же пришел на помощь, и оба, сомкнув головы, начали шептаться.

С кажущимся безразличием к ходу переговоров Магдалена принялась разглядывать ценные полотна на стенах, а именно произведения Кранаха и Дюрера. На всех картинах был изображен Альбрехт Бранденбургский. На одной он был в образе святого Иеронима в своем кабинете, на другой представал обнаженным Адамом, которому Ева, тоже нагая, протягивает греховное яблоко. Смысл еще одной картины Магдалена так до конца и не разгадала: на ней была изображена прелюбодейка из Евангелия от Иоанна, окруженная мужчинами, которые собирались побить ее каменьями по иудейским законам. В одном из мужчин нельзя было не узнать Альбрехта Бранденбургского, однако у него единственного в руках не было камня.

— Так тому и быть! — Вздохнув, архиепископ подошел к Магдалене. — Канатоходец и его труппа пробудут у нас три дня и получат пятьдесят гульденов за все сразу. Майнц окажет вам достойный прием. Я лично прослежу за каждым шагом Великого Рудольфо, когда он будет восходить на самую высокую башню города.

Альбрехт Бранденбургский приблизился вплотную к Магдалене, вызвав у нее неприятные ощущения, и тихим, сдавленным голосом произнес:

— Так вы даете мне слово, что Великий Рудольфо не заключал сделку с дьяволом?

— Как вам могла прийти в голову такая мысль? — рассмеялась Магдалена.

— Считается, что сатана особенно неравнодушен к шутам, и иной маскарад удается только ценой их душ.

— Досточтимый господин курфюрст! Тогда он должен был бы давно овладеть и моей душой.

Архиепископ пожал плечами и с явным удовольствием долго разглядывал Магдалену. Наконец, насмотревшись вдоволь, произнес:

— Дьявол принимает самые прельстительные обличья. Особенно ему нравятся красивые бабенки.

— Как эта женщина на всех ваших картинах?

Альбрехт размашисто осенил свою массивную грудь крестным знамением.

— Вот еще придумали, — возмутился он. — Это Лейс, моя невенчанная жена, воплощенная добродетель. Несколько лет тому назад она ездила в Лейпциг, чтобы получить от самого Иоганна

Тетцеля[8], упокой Господи его душу, полную индульгенцию на 7300 лет. Повторяю: семерка, тройка и два нуля!

Он взглянул на Кирхнера, чтобы выяснить, не ошибся ли в цифрах и, когда тот одобрительно кивнул, продолжил:

— Так долго не живет даже слон, про которого говорят, что он живет в десять раз дольше человека. Моя жена никак не могла бы так много грешить, чтобы дать возможность дьяволу возмещать свои убытки за ее счет.

Магдалена кивнула с полным пониманием. На самом деле в монастыре ее учили, что индульгенция впрок не имеет силы, поскольку в этих грехах грешник не покаялся. Ей вспомнилась деревянная табличка, висевшая над дверью в трапезную, и слова, которые она тысячу раз бубнила, направляясь туда:

Хочешь черту угодить,

Будь развратна и чванлива.

Господу ты послужи Кротостью и добротой.

На самом деле ей сейчас меньше всего хотелось думать

0 дьяволе, уж слишком глубоко он внедрился в ее жизнь, пусть это даже всего лишь ее выдумки.

— Вы не верите мне? — донесся до нее голос архиепископа.

— Отчего же, — поспешно ответила Магдалена. — Ведь в вашу обязанность входит продавать разрешение от всех грехов. — Не успела она закончить фразу, как сама испугалась, насколько далеко зашла. — Что касается выступления Великого Рудольфо, — быстро добавила она, — мне все ясно.

Альбрехт Бранденбургский милостиво кивнул, скрестив руки на груди.

— Кирхнер выплатит вам оговоренную сумму. Он также позаботится обо всем необходимом для вас.

Князь-епископ, не прощаясь, удалился через узкую боковую дверь.

А Магдалена с секретарем отправились по каменной винтовой лестнице, которая вела наверх, в помещение без единого окна, уставленное от пола до высокого потолка полками и шкафами. Кроме того, в этой кладовой размером десять на десять футов стояли пустой стол с двумя стульями, а сбоку обитый железом сундук, из которого торчал ключ, огромный, как монастырская поварешка.

Кирхнер вынул из сундука пятьдесят рейнских гульденов и, отсчитав их, положил перед Магдаленой на стол. Затем протянул ей бумагу и перо для подписи. Тем самым договор вступил в силу. Деньги Магдалена убрала в кошелек из мягкой кожи, который она, как все состоятельные женщины, носила на поясе платья.

Когда она вышла из больших ворот княжеской резиденции, ей навстречу шагнул мужчина.

— Меня зовут Маттеус Шварц, я бухгалтер и посланник имперского графа Якоба Фуггера. Мы уже встречались с вами. Вы не уделите мне немного времени?

Глава 10

В зале трактира «Двенадцать апостолов» было шумно. За длинными узкими столами уже почти не было свободного места, когда лавочник Кельберер и цирюльник Хинкфус ввалились с новостью о том, что его курфюрстшеская милость завел новую конкубину. Настоящую фамилию Хинкфуса, то есть Хромоногого, прозванного так из-за очевидного физического недостатка, никто уже не помнил. Так вот, Хромоногий даже утверждал, что Альбрехт Бранденбургский сослал свою жену, с которой многие годы делил ложе, в монастырь, правда, в какой именно, он не знал.

Никто не усомнился в истинности слов цирюльника, поскольку тот всегда был в курсе последних новостей, ведь полгорода делало у него кровопускание, к тому же он сообщил, что новенькая — циркачка примечательного роста и безупречных форм. Он сам видел ее в сопровождении Иоахима Кирхнера, правда, издалека, и его нисколько не удивит, если его курфюрстшеская милость пошлет к нему новенькую для кровопускания, как когда-то посылал свою жену Лейс.

Циркачка? Новость удивила жителей Майнца и вызвала недоверие. Связь с такой особой считалась чем-то сверхнеприличным. Любой сапожник отказался бы иметь дело с бродячими артистами, которые только болезни и чужие обычаи переносят. Она хоть католичка?

На этот вопрос Хромоногий не мог дать ответа, ибо видел ее лишь издали, однако клятвенно заверил, что на лютеранку она вроде не похожа, да и не воняло от нее, насколько он мог судить на расстоянии.

Чем ближе день клонился к вечеру, тем сильнее кутилы налегали на вкусное, густое темное пиво, которое они пили из высоких деревянных кружек и которое отлично затуманивало мозги. Еще одну новость, хотя и не такую пикантную, поведал лавочник Кельберер: фуггеровский посланник Маттеус Шварц, у которого он покупает соль, перец и другие пряности, находится сейчас в Майнце. Впрочем, цель его необъявленного визита не торговля, а его курфюрстшеская милость, который должен ему, а вернее, его господину, имперскому графу Якобу Фуггеру, одних процентов за прошлый год только одиннадцать тысяч гульденов, не говоря уж о самом долге в сто десять тысяч гульденов. Похоже, хихикнул Кельберер, архиепископ не в состоянии погасить даже долг по процентам, не запустив руку в соборные сокровища.

Тут выпивохи загоготали во всю глотку, разом подняли кружки и принялись выкрикивать хулу в адрес его высокопреосвященства, причем каждый старался перещеголять другого в глумлении и язвительности. Самыми безобидными из оскорблений были «бабий угодник» и «женолюб». Захмелевший цирюльник вскочил и заорал:

— Дерьмо жри, золотом сри, все девки будут твои!

Нет, не любили Альбрехта Бранденбургского в его резиденции!

В разгар неистовой пивной вакханалии дверь в трактир отворилась, и хохот и насмешки разом стихли.

Низко нагнувшись над столом, словно желая спрятаться, лавочник прошептал:

— Новенькая кардинала и фуггеровский посланник Маттеус Шварц!

Разинув рты, словно это ангелы спустились с небес, бражники дружно уставились на Магдалену и вызывающе одетого посланника. Некоторые знали его по прошлым визитам, от которых в памяти прежде всего сохранилась необычная вычурная одежда человека, побывавшего в далеких краях. Гордячка рядом с ним была большинству незнакома. Молча, почти благоговейно они проводили взглядами посланника и красивую женщину, которые пробрались к столу в самом отдаленном углу трактира и устроились за ним.

Кельберер, знавший Маттеуса Шварца лучше, чем его собутыльники, набрался смелости и крикнул через два стола:

— Какая честь, что вы хотите составить нам компанию, уважаемый господин посланник! — Остальные усердно покивали и опять заговорили.

— А то, что конкубина его курфюрстшеской милости оказывает нам честь, для нас еще более почетно! — крикнул вдогонку Хромоногий.

Тут Магдалена вскочила в ярости, и не потому, что ее возмутило слово «конкубина», а потому, что нахальный мужик осмелился во всеуслышание произнести такую дерзкую ложь.

— Как тебя зовут? — обратилась она к цирюльнику.

Тот готов был сквозь землю провалиться под самонадеянным натиском незнакомки и робко промямлил:

— В Майнце меня называют Хромоногий цирюльник.

— И почему Хромоногий цирюльник решил, что я конкубина кардинала?

— Люди говорят, к тому же я лично видел вас в сопровождении секретаря его курфюрстшеской милости!

— И о чем это говорит?

Хромоногий оробел еще больше.

— В общем-то, ни о чем. В самом деле, совсем ни о чем.

— А что ж ты тогда распространяешь такой вздор?

Цирюльник бросил умоляющий взгляд в сторону лавочника. Разве они только что не были заодно?

Кельберер наконец сжалился над Хромоногим и ответил вместо него:

— Наш Хромоногий много чего узнает за долгий день, поскольку к нему заходит немало народа. А люди, как известно, любят почесать языками. Не всегда это оказывается правдой. То есть вы не новая конкубина нашего кардинала?

Магдалена с облегчением рассмеялась:

— Упаси Господь! Возможно, Альбрехт Бранденбургский — курфюрст, достойный восхищения, но лечь с ним в постель — это, простите, все равно что выпить слабительного. Надеюсь, больше вопросов нет?

В трактире поднялся еще больший гомон, чем до этого, и Магдалене с трудом удалось перекричать бражников, радостно вопивших во всю глотку.

— Итак, вы хотели знать, кто я на самом деле и что меня сюда привело? Я — Магдалена, жена канатоходца.

— Канатоходца?

— Да, Великого Рудольфо. Рудольфо, самый искусный во всем мире канатоходец, находится на пути в Майнц и прибудет вместе со своей цирковой труппой еще сегодня или завтра. Я договорилась с его высокопреосвященством, что мы будем показывать свое искусство в вашем городе завтра и два следующих дня. Великий Рудольфо сделает то, чего до него еще не делал никто — взойдет по пеньковому канату на самую высокую башню собора!

Пьяницы и бездельники, безработные поденщики и городские сумасшедшие, наполнявшие трактир, захлопали в ладоши и принялись провозглашать здравицы в честь незнакомки, которой они поначалу оказали такой несправедливый прием и отнеслись с подозрением. Некоторые тут же, не заплатив по счету, устремились к двери, чтобы продать за звонкую монету самую последнюю городскую сплетню. Жители Майнца обожали новости и готовы были расстаться с деньгами, чтобы утолить свое ненасытное любопытство.

— Поздравляю, это вы блестяще проделали, — одобрительно заметил посланник Фуггера, когда хозяин, неопрятное низкорослое создание с оплывшим, как полная луна, лицом, поставил перед ними две чаши пива. — И вы действительно жена канатоходца?

— Не совсем, — с легким смущением ответила Магдалена, что придало ей особое очарование. — Мы с Рудольфо с недавних пор живем как муж и жена. То есть я его любовница, и я люблю его, если вы знаете, что такое любовь.

Маттеус Шварц, несмотря на свое высокое положение, был еще молод и в любовных делах скорее не искушен. Он задумался и даже смутился.

— Знаете, — продолжила свою мысль Магдалена, — раньше я любила только Господа нашего Иисуса Христа, как нас учили Фома Аквинский, Блаженный Августин, Иоанн Златоуст и Василий Великий, или как их там всех звали. Каждый день учили, двадцать четыре часа подряд, от заутрени до повечерия.

— Вы были в монастыре?

— В Зелигенпфортен! Недолго уже оставалось до монашеского пострига. — Магдалена чуть приподняла чепчик, под которым показались все еще короткие волосы, и тут же быстро натянула его обратно. «Вот дуреха, — напустилась она в мыслях на себя во время неожиданно затянувшейся паузы, — зачем ты это делаешь?»

— То есть Великий Рудольфо — ваш... — начал и тут же запнулся посланник.

— .. .первый мужчина, совершенно верно. До того я не знала ни одного мужчины, как это прекрасно сказано в Евангелии от Луки, в первой главе. Но почему я вам все это рассказываю? — Магдалена застеснялась. Каким-то необъяснимым образом она почувствовала доверие к этому незнакомцу.

Растроганный ее честностью, Маттеус Шварц заметил:

— Простите мое любопытство, но я неспроста задал свой вопрос. Вам наверняка доводилось слышать о Якобе Фуггере. Его слава проникает и сквозь монастырские стены. Фуггер, на службе у которого я состою, самый богатый купец и банкир в Европе. Богатство его безгранично. Я не могу этого не знать, потому что вот уже несколько лет веду его бухгалтерию. — Шварц добавил с ухмылкой: — О своем опыте я даже написал книгу «Что такое бухгалтерия», которая пользуется большим спросом.

— Мое почтение, господин бухгалтер! А я-то думала, что лишь благочестивые мысли и Библия достойны того, чтобы стать книгой. Тогда вы явно на «ты» не только с цифрами, но и с буквами? Это просто чудесно!

Посланник почувствовал себя обескураженным, не понимая, то ли гордая женщина, в поведении которой было столько загадок, действительно восхищается им, то ли просто насмехается, поэтому он сказал:

— Не называйте меня господином бухгалтером. Это звучит

так же язвительно, как если бы я называл вас госпожой циркачкой. Меня зовут Маттеус, впрочем, редко кому позволено обращаться ко мне на «ты». ***Тебе*** можно.

— Магдалена, — представилась она и подняла свою деревянную чашу. Хотя пиво в этом трактире было омерзительным, она не подала виду, а вместо этого задала вопрос: — Как же становятся безгранично богатыми?

Маттеус покачал головой, словно затрудняясь с ответом. На самом деле причина его колебаний была в том, что на этот вопрос не было однозначного ответа. В конце концов он произнес:

— У богатства много родни. Но торговля — это, безусловно, мать богатства. Что касается Фуггеров, они происходят из скромных швабских слоев. Когда-то их предки были ткачами, видит Бог, не самое доходное ремесло. На протяжении веков трудились не покладая рук, выбились наверх. Благодаря собственным рудникам, путям подвоза и торговым домам стали монополистами на медном рынке. На заработанные деньги основали банкирский дом, клиентами которого постепенно стали императоры, короли и все дворянское сословие. Ты ведь знаешь, Церковь не имеет права брать проценты, а Фуггеры могут. Так что же делают Папа, господа князья-епископы, каноники и остальные благочинные? Они передают свои деньги на некоторое время банкирскому дому Фуггеров, а потом опять забирают их, с процентами и сверхпроцентами. Сто тысяч гульденов, которые князь-епископ Бриксена вложил в Фуггеров, таким путем с Божьей помощью превратились в триста тысяч. Разумеется, Фуггеры при этом зарабатывают свою долю.

— И ты считаешь это справедливым? То, что бедные живут впроголодь, а богатые богатеют даже во сне?

— В любом случае это нельзя назвать несправедливостью. — Маттеус пожал плечами.

— Лютер, монах из Виттенберга, сказал: «Узду нужно вложить в уста Фуггеров и всех таких компаний!»

— Знаю я это его высказывание, но имей в виду, не все, что сказал Лютер, мудро. При этом я вовсе не хочу выступать в поддержку его противников, Альбрехта Бранденбургского и компании. Но деньги — скоропортящийся товар, как молоко и масло, и предназначены для скорейшего потребления.

— Послушать тебя, так за деньги можно купить ***все***!

— ***Почти*** все, — поправил ее посланник. — Императора во всяком случае Якоб Фуггер купил.

Магдалена недоверчиво взглянула на Маттеуса, а тот продолжил:

— Шесть лет тому назад, во время выборов императора, было

два претендента — девятнадцатилетний герцог Бургундский Карл и двадцатипятилетний король Франции Франциск.

— Курфюрсты выбрали более молодого Карла.

— А почему?

— Вероятно, он был лучшим кандидатом!

— Хочешь узнать правду? — Маттеус рассмеялся.

— Разумеется!

— Франциск дал курфюрстам триста тысяч гульденов за свое избрание.

— Так отчего же они его не выбрали?

— Потому что Якоб Фуггер, которому француз был неприятен, предложил курфюрстам ни много ни мало восемьсот пятьдесят две тысячи гульденов! Таким образом, Карл в девятнадцать лет стал императором Священной Римской империи. Я собственноручно подписывал финансовые документы.

Магдалена с шумом выпустила воздух из легких и сделала основательный глоток пива. Она старалась держаться спокойно, но в глубине души восхищалась посланником, с легкостью говорившим о денежных суммах, о которых она и помыслить не могла. Она тайком нащупала под столом свой кошелек, чтобы удостовериться, что пятьдесят гульденов князя-епископа еще на месте.

Представление, что деньги могли размножаться сами по себе, подобно зернышку, из которого вырастает целый колос с новыми зернами, ее невероятно разволновало. Она о таком еще не слыхала. Ей невольно пришли на ум слова отца, который любил повторять: «За деньги можно и черта заставить плясать». Слова эти ужасно пугали ее, бывшую тогда ребенком. Воображение рисовало жуткую картину: она держит в руке монету, а из темного леса выходит черт и отплясывает дикий танец, крутит коровьим хвостом и бьет по земле козлиными ногами.

Пока она предавалась своим мыслям, из-за одного стола поднялся человек с лютней, на которого до этого никто не обращал внимания. Наигрывая нехитрую грустную мелодию, он исполнил песню, состоявшую из многих куплетов и повествовавшую о супруге благородного рыцаря, который отправился в долгий крестовый поход. Одинокая и покинутая, дворянка искала утешения у повара замка, что не осталось без последствий: она родила дочь. По возвращении рыцаря она покаялась в совершенной ошибке, после чего рыцарь приказал замуровать в погребе свою жену, повара и ребенка, где их постигла горькая участь.

Бражников песня тронула гораздо меньше, чем Магдалену. Они хохотали и отпускали грязные шуточки, так что, когда

музыкант пустил по кругу свою поношенную шапку, никто не внес туда своей лепты. Не раздумывая ни секунды, Магдалена сунула руку в свой кошелек, вытащила оттуда монету и бросила певцу.

Монета звякнула об пол, но каждый мог видеть, что это был целый гульден. Лишь теперь до сознания Магдалены дошло, что она вознаградила певца настоящим богатством.

Пьяницы, которые только что дурачились и зубоскалили, стихли, а певец поднял монету, поцеловал ее и метнул на женщину взгляд, исполненный благодарности. После чего тут же исчез из трактира.

Магдалена почувствовала на себе укоряющий взгляд посланника. Еще больше он удивил ее, когда ни словом не обмолвился о случившемся и продолжил разговор на предыдущую тему:

— Я тебе лишь потому рассказал о Якобе Фуггере, что хочу сделать одно предложение.

— Предложение? Не понимаю, о чем ты?

— Видишь ли, мы живем в такое время, когда открываются новые торговые пути. Торговые сделки с Индией, Китаем и Новым светом по ту сторону океана таят невиданные возможности. Как я уже упоминал, мы торгуем пряностями, а кроме того, золотом и серебром, жемчугом и драгоценными камнями, но не тканями. Это прерогатива флорентийских Медичи. Они уже давно стоят Фуггеру поперек горла, поскольку требуют за свои ценные ткани чрезмерную цену. Короче, Фуггер хочет взять на себя торговлю тканями с Индией и Китаем. Транспорт есть, нет только человека, который все организует.

— И в чем же, — поинтересовалась Магдалена, — состоит твое предложение?

Маттеус Шварц многозначительно ухмыльнулся и произнес:

— Этим человеком вполне могла бы быть женщина. — Посланник взял ее ладони и притянул к себе через стол, вогнав Магдалену в краску. Он внимательно посмотрел ей в глаза и продолжил: — Якоб Фуггер высокого мнения о предприимчивых женщинах. Его жена Сибилла в финансовых делах — лучший консультант.

— И ты думаешь?.. — Магдалена покачала головой. Она не могла избавиться от ощущения, что деловой бухгалтер больше заинтересован в партнерше по постели, чем в организации торговли тканями.

Она мягко высвободилась из его рук и задумчиво произнесла:

— Твое предложение для меня весьма лестно, но, боюсь, не смогу соответствовать твоим ожиданиям. Кроме латыни и

благочестивых молитв, которые положено знать монахине, я ничего не учила. О цифрах вообще не имею никакого представления. Как ты сам мог убедиться, вознаграждаю музыканта за песню недельным жалованьем. Я обанкрочу Фуггера!

Однако Маттеус Шварц не сдавался. Употребив все свое красноречие, он пытался переубедить Магдалену, доказывая, что человек растет вместе со своими задачами. Именно в этот момент в трактир вошел Константин Форхенборн, получивший в городском совете разрешение на выступление труппы, а также место на задах рыночной площади, где циркачи могли разбить свой лагерь.

Магдалена с гордостью продемонстрировала зазывале свой кошелек с деньгами, которые получила от курфюрста в качестве твердого гонорара. Посланник Фуггера немного послушал их разговор, потом поднялся, вежливо раскланялся и со словами «Серьезно подумай над моим предложением!» удалился.

Форхенборн удивленно спросил Магдалену:

— Что это был за парень?

— Посланник Фуггера, — коротко ответила Магдалена в надежде, что на этом вопрос будет исчерпан, но зазывала не отставал:

— Якоб Фуггер из Швабии, которого называют первым богачом?

— Да, тот самый.

— И что он имел в виду, говоря, чтобы ты подумала над его предложением?

Отделаться от зазывалы было не так-то просто, и Магдалене пришлось все выложить, чтобы избежать назойливой болтовни и неприятных намеков. Она честно рассказала, как повстречалась с посланником у князя-епископа и как Маттеус Шварц, так его зовут, сделал ей предложение пойти на службу к Фуггеру.

Зазывала скривил рот:

— Надеюсь, ты ему отказала!

— Конечно, — подтвердила Магдалена, хотя предложение посланника засело у нее в голове, и она так и не поняла, что в действительности за ним скрывалось.

Зазывале вся эта история показалась неправдоподобной, он ведь и прежде не слишком доверял Магдалене. Он известил ее, что снял у хозяина два спальных места в задней части здания. Отдельных комнат у того нет, зато в избытке есть соломенные тюфяки.

Магдалена, глядя на дверь, со скучающим видом слушала рассказ Константина о том, что тот собирается нанять у хозяина

повозку с запряженным в нее ослом и на рассвете поехать навстречу цирковому обозу, чтобы показать им дорогу.

Два дня без Рудольфо оказались для Магдалены тяжким испытанием. Она никогда не могла предположить, что близость мужчины так может окрылить ее. С другой стороны, его отсутствие рождало в ней болезненное желание. Фургончик Рудольфо стал для нее кусочком рая; сколоченный из грубых досок, он был, казалось, краше дворца. Она все больше осознавала, что именно Рудольфо в корне изменил ее, еще совсем недавно робкую послушницу.

Тем временем наступил вечер, и хозяин зажег на стенах светильники. Дверь отворилась, и в зал вошла какая-то женщина.

Ксеранта?!

Магдалена тихонько вскрикнула и зажмурилась. Сходство с гадалкой было поразительным. Они обменялись молниеносными взглядами. Магдалена побледнела, а незнакомка обмерла. Несколько секунд обе женщины не двигались.

Зазывала, сидевший спиной к двери, удивленно спросил:

— Что с тобой?

Не глядя на Форхенборна, Магдалена вперила взгляд, в котором застыл ужас, в одну точку перед собой и пролепетала:

— Это... — Она запнулась, женщина в дверях развернулась и вышла. — Ксеранта... Я точно ее узнала!

Форхенборн обернулся и посмотрел на дверь, все еще остававшуюся открытой, потом склонился через стол и погладил руку Магдалены.

— Ксеранта мертва, — сказал он с сочувствующей улыбкой. — Ее труп при мне зарывали в землю.

— Но!..

— Никаких «но»! Видимо, ты переутомилась в последние дни. Покушение гадалки и ее смерть подействовали на тебя сверх всякой меры. Да и пиво, видно, путает мысли. Поверь мне, Ксеранта умерла.

Магдалена покачала головой. Неожиданно она вскочила, побежала к двери и вылетела на улицу. Громко позвала Ксеранту, но вокруг было пусто. На улице не было ни души.

A12

Глава 11

После быстрой скачки Рудольфо добрался до монастыря Эбербах. Как только циркачи прибыли в Майнц, он на рассвете отправился в путь. Ни с кем, даже с зазывалой, который в его отсутствие брал на себя руководство, канатоходец не поделился своим намерением — и на это были свои причины.

Монах в серой сутане взял под уздцы его коня и указал ему дорогу. Древний цистерцианский монастырь, основанный четыре столетия тому назад как первое поселение ордена на правом берегу Рейна, был настоящим маленьким городком, отрезанным от внешнего мира. Построенный в мрачном стиле, он скорее походил на темницу, чем на воплощение царства небесного на земле.

Когда Дезидерий Эразм обратился к аббату Эбербаха с просьбой предоставить ему и его собратьям, сплошь знаменитым ученым, на один день монастырскую трапезную, дабы они могли спокойно и без посторонних ушей обсудить Тезисы Лютера, тот не раздумывая согласился. Как-никак

великому богослову сопутствовала слава, что его общества жаждут даже императоры и короли. То, что Эразм в своих трактатах бичует недостатки теологии и Церкви, цистерцианцам было, конечно, известно. Однако мысли ученого нашли здесь благодатную почву; в отличие от епископов, соборных каноников и странствующих проповедников монахи имели свое собственное, особое отношение к деньгам.

Дорога в трапезную, а их в монастыре было три, по горизонтали походила на блуждание по лабиринту, а по вертикали напоминала подъем и спуск в горах. Эта путаница произошла оттого, что отдельные части строения на протяжении веков по личному усмотрению настоятелей перестраивались, нагромождались друг на друга, сносились и строились заново. Без проводника Рудольфо никогда не добрался бы до цели, так как вследствие постоянной смены направления он давно перестал ориентироваться в темных коридорах без окон. Даже тернистый путь в потусторонний мир не мог быть изнурительнее. Когда Рудольфо почти окончательно разуверился в том, что они вообще дойдут когда-нибудь до цели, монах остановился, молчаливым жестом пригласил его к стрельчатой двери на заднем плане и беззвучно исчез.

Студеная тишина, царившая в холодных стенах, и рассеянный свет таили какую-то угрозу, и канатоходец вошел, не представляя,

что его ждет за дверями. По законам Девяти Незримых обладатели тайны встречались каждые девять лет, последний раз это было в 1516-м году после принятия человеческого облика Господом в Констанце. С тех пор произошло много событий, и нельзя было исключить, что «девятка» будет не в полном составе или кто-то будет заменен другим.

Когда Рудольфо отворил тяжелую дубовую дверь, разговоры уже собравшихся смолкли, словно журчание ручейка, от которого через канаву отвели воду. Рудольфо молча, без улыбки кивнул, поскольку повод был серьезный. Право говорить имел лишь тот, кому Примус предоставлял слово. Порядок размещения за длинным обеденным столом, стоявшим посередине узкого, вытянутого зала, был также строго регламентирован: с торца, под двумя окнами, разделенными двумя колоннами без украшений, сидел Дезидерий Эразм. Он считался величайшим умом своего времени и был больше известен под именем Эразм Роттердамский, по названию его родного города в Нидерландах.

Остальные Незримые сидели друг против друга: Секундус напротив Терциуса, Квартус напротив Квинтуса, Секстус напротив Септимуса и Октавус напротив Нонуса, так что Рудольфо, будучи Четвертым, сразу увидел свое пустовавшее место.

Собрание открыл Эразм, бывший Примусом, то есть Первым, и сидевший за своим переносным пюпитром, который всегда брал с собой в поездки. Он посмотрел на присутствующих своими маленькими хитрыми глазками. Его большой заостренный нос и узкие губы вкупе с двумя массивными золотыми перстнями на указательном и безымянном пальцах левой руки делали его скорее похожим на успешного адвоката или торговца, чем на одухотворенного ученого, теолога и писателя.

— Досточтимые ученые мужи, — начал он на смеси немецкого и латыни, — итак, после того как мы собрались в полном составе, каждый по очереди должен назвать имя и номер, объявив о своем присутствии, и, подняв руку, поклясться, что прошедшие девять лет прожил в соответствии с уставом нашего братства и не выдал никому из непосвященных тайну нашей миссии. Это надлежит подтвердить формулой: ***Tacent libri suo loco***, то есть «Книги молчат на своем месте». Прошу вас, Секундус!

Секундус, темноволосый мужчина тридцати с лишним лет от роду, борода которого делала его похожим на пятидесятилетнего, поднялся и торжественно произнес:

— Мое имя Пьетро де Тортоса Аретино, родился в Ареццо. Поэт по профессии, которого боятся из-за памфлетов, превозносят за сатирические комедии, еще четыре года назад был при дворе

Папы Льва, в прошлом году изгнан из Рима из-за своих якобы бесстыжих сонетов о куртизанках. ***Tacent libri suo loco.*** — Он поднял руку в знак клятвы.

Вслед за ним взял слово его визави, Терциус, весьма благообразный пожилой господин с узким лицом, обрамленным ниспадающими волосами:

— Был рожден как Николай Коперник студеной февральской ночью в городе Торн в Вармии. В восемнадцать лет изучал астрономию, гуманитарные науки и математику в Кракове, затем в Болонье — светское и религиозное право, в Падуе и Ферраре стал доктором церковного права и доктором медицины. Два года я правитель епархии Вармии и депутат соборного капитула...

— Этого нам достаточно! — оборвал Примус поток красноречия Терциуса.

Явно обескураженный, Коперник добавил:

— ***Tacent libri suo loco.*** Клянусь.

— Слово имеет Квартус, — холодно провозгласил Примус.

Рудольфо поднялся. Это было его первое выступление

перед высокой коллегией. После представления Терциуса он был смущен и начал, слегка волнуясь:

— Я Квартус, родился тридцать один год тому назад в Бамберге в семье сапожника и повитухи, наречен Рудольфом Реттенбеком. Скромные условия, в которых я рос, не оставляли мне большего выбора, чем ловить рыбу в Майне. По собственному почину научился читать и писать у каноника соборного капитула, а также немножко освоил латынь, которой обучался, расплачиваясь рыбой, выловленной в Майне. Не успел я вырасти из детских башмаков, которые у меня были не из кожи, а из дерюжки и плетеной соломы, как один за другим с интервалом в полтора месяца от эпидемии умерли мои родители. Оставшись без крыши над головой, я примкнул к бродячей цирковой труппе, случайно проезжавшей мимо. Когда спустя два года мы показывали свое искусство в Вюрцбурге, меня позвал к себе аббат монастыря святого Якоба, одной ногой уже стоявший в могиле. Он доверил мне тайну, которой, по его словам, владели лишь девять избранных на Земле. Клянусь всеми святыми и Девой Марией, что не знаю, почему аббат Иоганн Тритемий выбрал носителем тайны именно меня и доверил секретное место, где хранятся девять «Книг Премудрости». Клянусь: ***Tacent libri suo loco.***

Эразм недоуменно покачал головой, среди остальных Незримых тоже поднялся ропот. Примус стукнул кулаком по столу и призвал всех к порядку, потом обратил свое внимание на Квинтуса.

У Пятого на лице была написана ожесточенность, и трудно было поверить, что он когда-нибудь вообще улыбался. Он набычился и начал резким голосом:

— Меня зовут Никколо Макиавелли, родился во Флоренции, где мой отец, в силу превратных обстоятельств, был вынужден влачить жалкое существование обедневшего чиновника. Как государственный секретарь Флорентийской республики я служил в дипломатической миссии и был принят при дворах Папы Юлия, короля Франции Людовика и императора Максимилиана. Потом меня обвинили в заговоре, пытали и лишили всех должностей. В итоге я удалился в свое имение. Как и все те, кто не учился ничему путному, я с тех пор пробую писательствовать, правда, с грехом пополам. Многие ненавидят меня за пессимизм и распространение идеи, что в политике следует опираться на силу. И тем не менее: ***Tacent libri suo loco.***

Мужчина, который после него степенно поднялся со своего жесткого стула, был прямой противоположностью Квин-тусу. Он был элегантно одет, а выражение его лица однозначно доказывало, что он не чужд радостям жизни.

— Я Секстус, — начал он, единственный, у кого на устах играла улыбка, что, в принципе, было запрещено, — Генрих Корнелиус Агриппа из Неттесгейма, родился в Кельне на Рейне. Профессий у меня много: адвокат, секретарь, теолог, историк и — не в последнюю очередь — астролог, поскольку наибольшую славу мне принесла именно астрология. Помимо этого я писал книги, и не потому что не научился ничему лучшему, а чтобы оставить что-то непреходящее, например, «О тщете наук», которую я рекомендую прочесть некоторым из присутствующих здесь. ***Tacent libri suo loco.***

Своей остроумной речью Секстус заработал враждебные взгляды, пока не поднялся плешивый Септимус и не начал говорить:

— Мое имя Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, однако вся Европа знает меня под именем Парацельс. Это имя я дал себе сам в подражание своему великому учителю Корнелиусу Цельсу, римскому врачу тех времен, когда Иисус ходил по земле. Пара-Цельс означает равный Цельсу. Чего во мне больше — доктора медицины, этот титул я получил в Феррарском университете, или простого естествоиспытателя — пусть решат потомки. Некоторые даже называют меня магом, поскольку я излечиваю болезни необычным способом. Для этого я использую самые скромные теории, к примеру, что благодаря Господу в каждой стране произрастают именно те растения, которые действенны против распространенных там болезней, и что болезни зачастую имеют

психическую причину, а не органическую. Все это я изложил в двухстах работах в надежде оставить их потомкам.

— Клятва! — раздраженно буркнул Эразм Роттердамский.

Парацельс недоуменно посмотрел на него, но тут же спохватился:

— Простите, это не намеренно! ***Tacent libri suo loco.***

Октавус начал представляться на смеси древнего французского и плохой латыни. Он был в черном плаще ученого, с бородой и в треуголке на голове.

— К востоку от Рейна меня называют Нострадамусом, потому что мое настоящее имя Мишель де Нотр-Дам кому-то кажется труднопроизносимым. Многие в этой стране считают меня чернокнижником или глупым фантазером, на самом деле благодаря моему дару предвидения я самый настоящий пророк. В итоге Екатерина Медичи и король Карл пользуются не только моими познаниями доктора медицины, приобретенными мною в Монпелье, но и моими мудрыми предсказаниями, которые я со временем собираюсь записать. ***Tacent libri suo loco.***

Последним представился Нонус, человек аскетической внешности, в бедной одежде, также впервые принимавший участие в такой встрече.

— Поверьте, досточтимые ученые мужи, — нерешительно начал он, — мне очень непросто выступать перед вами, ведь я не могу соперничать с вами ни в образовании, ни в чем ином. Я родился в Галле на реке Зале и звался Матиас Готхард, но известность приобрел как Грюневальд, живописец. В тридцать девять лет я стал придворным художником архиепископа Ульриха в Ашаффенбурге, спустя семь лет получил место у Альбрехта Бранденбургского и рисовал все, что от меня требовали. И вот совсем недавно его милость выставил меня на улицу, потому что его секретарь, этот лицемер Иоахим Кирхнер, обнаружил в моей мастерской трактаты Мартина Лютера, которыми я заинтересовался из чистого любопытства. Я бежал во Франкфурт, где нашел пристанище, и настоятельно прошу вас не выдавать меня. Вы спросите меня, каким образом такой, как я, стал одним из Девяти Незримых. Поверьте, сам я этого никогда не желал. Великий Иероним Босх из Нидерландов обратил на меня внимание, потому что мы оба, хотя и по-разному, отображали библейские сюжеты. Однажды он неожиданно возник на моем пути и сказал, что я достоин быть его наследником, став одним из Девяти Незримых. Он посвятил меня во все тайны, и через три недели до меня дошла весть о его кончине. ***Tacent libri suo loco.***

Молча и внешне безразлично Незримые выслушали речь друг друга. Лишь Эразм Роттердамский не мог удержаться, чтобы

время от времени не показывать свое одобрение или восхищение, а порой озабоченность или недовольство. В особенности его расстроили канатоходец Рудольфо, исцелитель-чудотворец Парацельс и предсказатель Нострадамус, что не укрылось от окружающих. Когда он заговорил, склонившись над своим пюпитром и прищурив, как от яркого солнечного света, глаза, его голос звучал тихо, поначалу почти невнятно:

— Досточтимые ученые мужи, как известно, тому из Незримых, кто осведомлен о месте хранения «Книг Премудрости», разрешено их читать, однако пользоваться их содержанием запрещено под угрозой наказания. — Постепенно повышая голос, Примус продолжал: — Все вы знаете, что это означает, а ежели забыли, то я напомню вам, что случилось с Иоганном Гейденбергом, называвшим себя Тритемием, оккультистом духовного звания.

Рудольфо беспокойно заерзал на своем стуле, и Эразм хитро посмотрел на него. Тогда канатоходец был вынужден продолжить речь Примуса:

— Тритемий воспользовался искусством магии из «Книг Премудрости», которые были вверены ему как Квартусу. Когда у императора Максимилиана погибла супруга Мария Бургундская, он от горя пришел в полное отчаяние и пообещал оккультисту большое вознаграждение, если тому удастся устроить так, чтобы он смог еще раз увидеть Марию. С помощью своих знаний о физических свойствах вещей из восьмой книги монах действительно явил императору некую женщину, которую тот признал своей женой. На самом деле Тритемий воспользовался услугами одной женщины бюргерского сословия, имевшей сходство с покойной, поместил ее в камеру обскуру размером с платяной шкаф и через отверстие не больше человеческого глаза отбросил ее движущееся изображение на белую стену. Деньгами, которыми он был вознагражден императором, Тритемий пользовался недолго, потому что его поразила странная эпидемия, опасная, как медленно действующий яд. Тритемий жил тогда в аббатстве святого Якова в Вюрцбурге, на нем уже лежала печать смерти, когда я прибыл туда со своей цирковой труппой. По причине, для меня и поныне остающейся загадкой, оккультист перед смертью позвал циркача. Я нанес ему визит в аббатстве бенедиктинцев, и Тритемий, которого я до этого никогда не видел, посвятил меня в тайну Девяти Незримых. Еще до того как мы отправились дальше, монах умер от странной болезни. С тех пор ваши ряды пополнились канатоходцем. Насколько я осведомлен, лишь я один знаю местонахождение секретных книг.

По вековой традиции «Книги Премудрости» передавались

единственным на тот момент хранителем, знавшим место тайника, достойному преемнику. Тот мог по собственному усмотрению определять место хранения. Он также мог поставить в известность остальных членов «девятки», где хранятся книги, но мог и не делать этого. И Тритемий был не единственный, кто до самой смерти не разглашал тайну. Вот как оказалось, что только канатоходец Рудольфо знал, где были спрятаны «Книги Премудрости».

Помимо колких и язвительных замечаний, выпавших на долю Рудольфа Реттенбека, сына сапожника из Бамберга, со стороны Незримых, в особенности досточтимых ученых мужей, он вызвал большое недоверие. Причастность прорицателя Нострадамуса и художника Грюневальда была воспринята ими весьма скептически, но у тех, по крайней мере, не было в руках такого козыря, как обладание главной тайной — знания места хранения «Книг Премудрости». И вдруг оказывается, что тайной владеет какой-то сомнительный канатоходец!

— А в тот момент, когда Тритемий посвятил вас в тайну «Книг Премудрости», вы уже были канатоходцем? — поинтересовался Эразм после долгого задумчивого молчания. — Говорите правду!

Рудольфо покачал головой.

— В качестве престидижитатора я выполнял кунштюки в бродячем цирке, вроде парящей девы или перемещения монеты из одной бутылки в другую. Ничего особенного, но на хлеб заработать было можно.

— И как же, прошу прощения за выражение, заурядный фокусник Рудольф Реттенбек превратился в Великого Рудольфо?

Вопрос Примуса повис в воздухе. Все взгляды устремились на Рудольфо, и не без основания. Каждый из Незримых прекрасно понимал, что имел в виду Примус, задавая этот вопрос.

— Среди бродячих артистов был один итальянский жонглер, — начал Рудольфо. — На высоте человеческой головы он натягивал трос, не длиннее циркового фургона, и, пока шел по канату, жонглировал деревянными шарами. Как-то я попробовал пройти по тросу, но сразу свалился. Через пару дней я сделал еще одну попытку, и надо же, у меня получилось! Я прошел десять шагов по канату. Так я стал канатоходцем, Великим Рудольфо.

— Бла-бла-бла! — перебил его Эразм. — Есть ведь разница — сделать десять шагов на высоте двух-трех локтей над землей или взойти на башню высотой триста локтей, что, насколько мне известно, другие артисты считают невозможным. Если только канатоходец не использует сверхъестественные силы и не продал душу дьяволу. Или...

— Или? — прозвучал в длинной трапезной многоголосый вопрос.

— Или канатоходец принадлежит к Девяти Незримым и нашел в «Книгах Премудрости» указание на чудодейственное средство.

— Это обман!

— Квартус должен выдать тайник и покинуть братство!

— Фу, какая гадость, канатоходец!

От волнения остальные Незримые заговорили все сразу.

Рудольфо пришел в бешенство. Почувствовав себя загнанным в угол, он отчаянно воскликнул:

— Ваши обвинения, господа, похожи на фарс! Без единого доказательства вы обвиняете меня в обмане и нарушении наших законов, соблюдать которые каждый из нас торжественно поклялся. Докажите свои обвинения, и я добровольно взойду на костер!

В зале мгновенно стихло.

— Квартус прав, — примирительно заметил Примус и обратился к Рудольфо: — Вы сможете уличить нас всех во лжи, если еще сегодня продемонстрируете свое искусство. Не используя никаких вспомогательных средств! — добавил он, повысив голос.

Не задумываясь о последствиях, канатоходец парировал:

— Прекрасное совпадение. Мои артисты наверняка уже натянули канат, по которому я собираюсь взойти на Майнцский собор. Не такое простое дело, между прочим, поскольку канат должен быть изрядной длины, дабы подъем не был чересчур крутым.

— Так тому и быть, — подвел черту Эразм. — Кстати, — назидательно произнес он, подняв указательный палец, — с этой минуты мы не будем спускать с вас глаз, чтобы вам не пришло в голову воспользоваться недозволенными ингредиентами. У вас еще есть возможность отказаться от затеи. Хотя в таком случае мы будем вынуждены сделать определенные выводы. Если же вы достигнете цели, каждый из нас принесет вам свои извинения.

Незримые одобрительно закивали, а Рудольфо сделал широкий жест в знак своего согласия. На самом деле у него мороз по коже пробежал, ведь он прекрасно осознавал, что подписал себе смертный приговор.

Он вдруг вспомнил о Магдалене, которую не видел с тех пор, как их пути разошлись в Ашаффенбурге. Как бы она отнеслась к его намерению? После того как все устремились к выходу, эту мысль снова вытеснил страх, и он проклял тот день, когда отправился к Тритемию в монастырь и принял от него тайное

послание.

В нарушении строгих законов братства «Книги Премудрости» обеспечили Рудольфо хорошее существование. Пяти капель эликсира, состав которого оказался на удивление прост и мог быть изготовлен любым аптекарем, было достаточно, чтобы превратить его на короткое время в другого человека, который чувствовал себя свободным, как птица, и не сомневался, что не сверзится с каната.

Невзирая на полуденную жару, Девять Незримых отправились в путь из Эбербаха в Майнц, Рудольфо и Эразм — верхом, а остальные — в двух колясках. На полпути Рудольфо вдруг страстно захотелось пришпорить коня и обратиться в бегство, затерявшись в лесах Таунуса. Однако пока он поджидал удобный момент, Эразм подъехал на всем скаку к нему и крикнул, словно прочитав его мысли:

— Если вам придет в голову идея бежать, мы сочтем это за признание вины! И не сомневайтесь, рано или поздно мы отыщем вас.

Рудольфо отказался от затеи и, покорившись судьбе, рысью двинулся навстречу своей неминуемой гибели.

Когда они добрались до рыночной площади, где циркачи разбили свой лагерь, на город надвигалась гроза. Трос к соборной башне был уже натянут. Встреча с Магдаленой была скованной и холодной. Она не осмелилась спросить, где он был все это время и кто те люди, которые недоверчиво следили за каждым его движением. Лишь молча дала понять канатоходцу, что, кажется, понимает смысл странной игры. Даже переодеваясь в своем вагончике и натягивая на себя белый костюм, Рудольфо находился под неусыпным надзором двух свидетелей.

Надежды Магдалены, что гроза и сильный ливень помешают аттракциону и разгонят собравшихся зрителей по домам, не оправдались. Желанный дождь так и не хлынул, а глухие удары грома стали раздаваться восточнее и вскоре вовсе замолкли. Напротив, все больше людей, оживленно обсуждавших предстоящее выступление, наводняли площадь.

Зазывала, стоя на бочке и поднеся ко рту жестяную воронку, громко возвещал о сенсационном представлении, равных которому не видали курфюрстшеский Майнц и его жители.

Магдалену терзали дурные предчувствия. Почему эти мужчины не спускали глаз с Рудольфо? Самые причудливые картины проносились у нее в голове. То она представляла канатоходца повисшим посреди троса и парализованным от страха, так что он не мог двинуться ни вперед, ни назад. То она видела его по-орлиному взлетающим с вершины башни с

распростертыми руками-крыльями и исчезающим за крышами домов. Магдалена уже хотела броситься к Рудольфо, но потеряла его из виду. Она словно вросла в землю, не в состоянии пошевельнуться, как вдруг услышала за спиной его голос:

— Магдалена!

Она обернулась. Рудольфо продирался к ней через толпу зевак и, наконец приблизившись, на короткий миг заключил ее в объятия.

— Что бы ни случилось, знай, я тебя люблю, — шепнул он и, снова нырнув в толпу, исчез.

Публика начала терять терпение, послышался первый недовольный свист, а затем ритмичное хлопанье в ладоши. Время от времени взгляд Магдалены скользил по натянутому канату вверх и снова вниз, словно она сама была готова совершить невозможное. Тут от толпы отделился канатоходец в своем белом костюме и прыжком вскочил на канат.

Женщины всех возрастов завизжали и подались еще ближе к канату. Жонглер Бенжамино бросил Рудольфо два горящих факела, а тот, размахивая руками, пытался сохранить равновесие. Он знал, что через шесть минут факелы догорят и уже не смогут служить балансирами. Магдалена в тревоге посматривала на низко плывущие свинцовые облака и по монастырской привычке посылала Небу истовую молитву, чтобы все прошло хорошо. В этот момент канатоходец начал свой дерзкий аттракцион.

Даже на расстоянии Магдалена могла различить, каким напряженным было его лицо. Ей казалось, что она слышит, как он периодически отфыркивается, словно непокорный жеребец под ударами кнута. Сперва осторожно, но через десять-двенадцать шагов все быстрее, он ставил одну ногу за другой, не прямо, как обычно, а чуть наискось, чтобы трос оказывался посередине подошвы между пяткой и подушечками пальцев.

«Почему он это делает?» — терялась в догадках Магдалена, следившая за представлением с молитвенно сомкнутыми руками.

Чем больше канатоходец удалялся от исходной точки своего пути, тем порывистее становились его движения, потому что канат начал раскачиваться, как верхушка дерева на осеннем ветру. Факелы в его вытянутых руках угрожающе замерцали, и широкие рукава накидки уже не раз лишь чудом не вспыхнули.

Гул и взволнованные крики, только что стоявшие над площадью, стали заметно тише. Затаив дыхание, публика наблюдала за каждым шагом артиста, который в своей развевающейся белой накидке на фоне темного неба был похож на привидение.

— Полагаю, — тихонько сказал Эразм Роттердамский,

следивший за происходящим со скрещенными на груди руками, — мы были не правы с нашими обвинениями.

— Это еще ни о чем не говорит, — прошипел сквозь зубы стоящий рядом с ним Агриппа Неттесгеймский, устремив взгляд наверх, где канатоходец боролся с ветром. И добавил, подняв палец: — Он еще не достиг цели!

— Вы не слишком-то жалуете Квартуса, я прав?

— А вы? — ответил вопросом на вопрос Агриппа, чтобы воздержаться от однозначного ответа.

Эразм тоже уклонился от прямого ответа, сказав:

— Во всяком случае секретная миссия была возложена на него правомерно.

— Однако возложена тем, кто незаконно пользовался «Книгами Премудрости» и еще публично этим бахвалился.

— За это Тритемий был справедливо наказан! Вы же не можете поставить в упрек канатоходцу, что он так чудесно владеет своим искусством.

— Ну не нравится он мне! — Лицо Агриппы скривилось в недовольной гримасе. — И я скажу вам почему: этот канатоходец не ровня нам. У него скромное образование, да и что уж он такого умеет?

— Ходить по канату, — бросил Эразм. — Этого не можете ни вы, ни я. Вы не умеете рисовать, как Матиас Грюневальд, и писать такие бесстыжие, но прекрасные сонеты, как Пьетро Аретино. И то, что земля шар, а не плоский диск, ни вы, ни я не осмелились утверждать. Это сделал Коперник!

— Но канатоходец имеет куда более громкую славу, чем все мы вместе взятые. Где бы он ни появился, народ встречает его ликованием. Вы видели горящие глаза жителей Майнца, когда он вступил на канат? Можно было подумать, что им явился Мессия. Квартус вдохнул в себя их аплодисменты, словно прохладный утренний воздух. Он знает лишь самого себя. Рудольфо — эгоист, достойный презрения!

— А мы с вами, да и все Незримые, разве не эгоисты? Мужчины уже на свет появляются эгоистами. И разве мужчины, которые умеют то, что не могут другие, действуют не из эгоизма? И неужели свое знаменитое произведение «О тайной философии» вы написали для самого себя? Нет, вы его написали, чтобы показать современникам и потомкам, какой вы классный парень. А я? Я ни на йоту не лучше. Я все мозги свои вывернул наизнанку, писал ***одну*** книгу за другой, пока не замолчали все мои критики, сняли передо мной свои шляпы и назвали величайшим ученым нашего времени. Если бы мой эгоизм не подгонял меня, я бы еще и сегодня оставался скромным

священником на службе у епископа Камбрийского.

Агриппа замахал двумя руками, чтобы Эразм наконец замолчал. Остановить его словесный поток было иногда очень трудно.

Налетел порыв ветра, и канат стал раскачиваться еще более угрожающе. Шквалистый ветер погасил факел в правой руке Рудольфо. На миг он потерял контроль над равновесием и едва не оступился. Рыночная площадь вскрикнула тысячей глоток, но каким-то чудом он снова обрел устойчивость.

Никто из зрителей не подозревал, что происходило в душе Рудольфо. Он давно простился с жизнью. Для него было совершенно непонятно, каким образом он без эликсира и вопреки враждебным обстоятельствам поднялся так высоко. Но самая трудная часть представления была еще впереди — спуск.

От башенного окна канатоходца отделяли еще двадцать шагов, в обычной жизни расстояние, которое мы едва ли замечаем, но качающийся пеньковый трос, причем на высоте триста локтей, казался бесконечной тропой, усыпанной острыми камнями, врезающимися, как острие ножа, в подошву. Тем временем погас и второй факел, что, однако, придало канатоходцу уверенности.

Приковав взгляд к окошку в башне, Рудольфо шаг за шагом продолжал свой мучительный путь к небу. Неожиданно в левой части окошка мелькнул луч света, настороживший его. Потом в окне показался факел, который держала чья-то узкая рука, и, наконец, освещенное огнем лицо.

Хватая ртом воздух, Рудольфо выдохнул:

— Магдалена!

Магдалена протянула канатоходцу левую руку.

— Иди сюда! — тихонько позвала она, так что Рудольфо с трудом расслышал ее слова. — Иди сюда!

— Я должен спуститься по канату назад, — пробормотал Рудольфо.

— Не ходи назад! — настойчиво произнесла Магдалена. — Ты доказал все, что хотел. Никто не ждет, что ты спустишься вниз по канату. Никто, слышишь!

Краткое замешательство, еще три-четыре шага — и Рудольфо выронил потухшие факелы и схватил Магдалену за руку.

Снизу донесся гром аплодисментов. Рудольфо, добравшийся до цели из последних сил, сел на подоконник и помахал рукой толпе. Многоголосый хор грянул куплеты:

Рудольфо, Рудольфо, ты просто молодец!

Рудольфо, Рудольфо, веди любую под венец!

Пока канатоходец благосклонно махал ликующей толпе —

сам Папа Римский Климент VII едва ли мог приветствовать народ еще благосклоннее, — Магдалена обвила сзади руками его шею и прошептала ему в ухо:

— Ты был неотразим. Я так горжусь тобой, хотя тысячу раз умирала от страха на последнем кусочке твоего пути.

Одному Господу известно, как долго Рудольфо в позе триумфатора мог еще приветствовать людскую толпу, если бы черные тучи вдруг не разверзлись и не хлынул долгожданный дождь. Крупные капли размером с голубиные яйца застучали по мостовой. Куплеты стихли, и горожане, расталкивая друг друга, ринулись по вонючим узким улочкам домой. Гроза мгновенно превратилась в настоящую бурю. Кучера даже не успели собрать канат.

В открытых оконных проемах соборной башни бушевала непогода. В любой момент факел Магдалены мог погаснуть. Мягко, но настойчиво Рудольфо подтолкнул Магдалену к узкой дверной арке, от которой крутая деревянная лестница вела вниз на антресоль. Он еще никак не мог прийти в себя после тех невероятных усилий, которых ему стоило восхождение, и был слишком оглушен, чтобы рассказать, что же произошло на самом деле.

«Может, лучше утаить от возлюбленной, — думал он, — что я поднялся на башню без чудодейственного эликсира и, собственно говоря, ожидал, что сорвусь и сломаю себе шею?» Почему этого не произошло и почему он при самых неблагоприятных условиях, которые только могут выпасть на долю канатоходца, все же добрался до цели, Рудольфо и сам не мог понять. У него было весьма размытое объяснение, заключавшееся в том, что за долгие годы он набрался опыта и умения. Но именно это и приводило его в замешательство. Ему удалось нечто такое, что, как он был уверен, возможно лишь с помощью алхимии или сговора с дьяволом.

Пока они молча спускались по отвесным ступенькам, у канатоходца вдруг закружилась голова и его охватил испуг, чего с ним никогда не случалось в минуты высочайшей опасности на канате. Магдалена отнеслась с пониманием, когда он присел на ступеньке и опустил голову на скрещенные руки. Она лишь ласково погладила его по голове.

Снаружи неистовствовала просто апокалипсическая буря. Магдалене порой казалось, что она слышит зловещую мелодию. Полностью поглощенная своими переживаниями, она до смерти испугалась, когда перед ней вдруг словно из-под земли вырос мужчина, одетый в черное. Его благородная, насквозь мокрая одежда висела на нем, подобно лохмотьям нищего. Под

размокшим бесформенным беретом едва можно было различить черты лица.

Магдалена локтем ткнула в бок Рудольфо, все еще сидевшего с опущенной головой. Тогда незнакомец подал голос. Ему пришлось бороться с завываниями ветра, чтобы его могли расслышать:

— Я Примус, не пугайтесь!

Канатоходец порывисто вскочил, а Магдалена поднесла к мокрому от дождя лицу чужака факел.

— Я приношу свои извинения, — начал тот твердым голосом, — от своего имени и от имени остальных Незримых, обвинявших вас в нечистоплотных махинациях. ***Tacent libri suo loco.***

Магдалена вопросительно посмотрела на Рудольфо. Хотя ее познаний в латыни было достаточно, чтобы понять слова незнакомца, для нее осталось загадкой, что он имел в виду. Канатоходец отвел глаза. Когда она снова обернулась к странному человеку, того уже не было.

Глава 12

Наутро канат вяло свисал с башни собора, и возничие собирались натянуть новый, сухой. За ночь весть о безрассудном представлении канатоходца и о том, что он готов повторять свое выступление еще в течение двух дней, разлетелась по городу с быстротой молнии.

Бездельники, никчемные люди и стайка красоток, которых в Майнце, как и в любом другом городе, не было недостатка, уже вскоре после восхода солнца во всю глотку препирались в борьбе за лучшие места перед собором. С той же быстротой, с какой она пронеслась над городом, буря переместилась за холмы горного массива Хунсрюк, оставив после себя желанную прохладу.

Рудольфо и Магдалена провели ночь в его фургончике, тесно прижавшись друг к другу, но, несмотря на близость, между ними образовалась странная дистанция. Если доктор на грузовом корабле задал ей немало загадок, то слова мужчины в соборной башне неотступно преследовали Магдалену всю бессонную ночь. Именно потому что он не назвал

своего настоящего имени, она теперь нисколько не сомневалась, что это был один из Девяти Незримых. Вот только почему он извинялся перед Рудольфо, осталось для нее тайной, как и кое-что другое.

Пока канатоходец спал, она открыла окошко фургончика и сощурилась в лучах восходящего солнца. От собора повеяло приятной свежестью. Помощники курфюрста, рассыпавшись по площади, начали возводить похожие на церковные кафедры помосты и устанавливать кресты, предназначение которых поначалу укрылось от Магдалены. И лишь когда показался секретарь курфюрста Иоахим Кирхнер в сопровождении четырех лакеев в красных ливреях, каждый из которых нес пачку бумаг, ей стало ясно, что его высокопреосвященство злоупотребляет канатоходцем и его цирковой труппой.

Магдалена бесцеремонно растолкала Рудольфо и потребовала, чтобы он выглянул в окно. Тот, не скрывая раздражения, послушался, но, будучи сонным, не понял причины ее крайнего возбуждения и вопросительно посмотрел на подругу.

— Альбрехт Бранденбургский использует нас, чтобы выманить народ из дома! — горячилась она.

— И что тут такого предосудительного? — спросил канатоходец, протерев заспанные глаза.

— Разве ты не видишь, что притащили лакеи? Это

индульгенции, море индульгенций, с помощью которых архиепископ собирается пополнить свою казну. А чтобы горожане с готовностью раскрывали свои кошельки, проповедники будут пугать их вечным проклятием и чудовищными адскими мучениями.

Рудольфо, качая головой, продолжал разглядывать площадь из окна.

— Никто не принуждает их, даже его высокопреосвященство Альбрехт Бранденбургский, — заметил он. — Кстати, сколько нам платит господин?

— Пятьдесят гульденов авансом!

Канатоходец выпятил нижнюю губу.

— Пятьдесят гульденов авансом? За такие деньги пусть использует сколько угодно.

— Но ведь это несправедливо и недостойно Святой матери Церкви!

— Тут и обсуждать нечего. — Рудольфо пожал плечами. — Почти все, что в наши дни проделывается от имени Святой матери Церкви, недостойно ее. Образ жизни и пап, и кардиналов скорее похож на поведение мракобесов, чем порядочных работников на винограднике хозяина. Так ведь, кажется, сказано в Библии?

Магдалене было нечего возразить. На самом деле она была страшно разочарована, потому что ей никак не удавалось перевести разговор на более важную тему. В дверь постучали.

Магдалена проворно накинула платье, а Рудольфо исчез в той части фургончика, которая служила спальней. На ступеньках перед входной дверью стоял секретарь его курфюрстшеской милости и пытался по мере сил придать себе дружелюбный вид. Это выражалось в том, что он немного склонил голову набок и скривил рот в заранее подготовленной улыбке, — рыночный торговец и тот сыграл бы лучше.

— Мой досточтимый господин, его преосвященство курфюрст Альбрехт Бранденбургский, — начал Кирхнер, не поздоровавшись, — желает, чтобы сегодня не было всяких маскарадов и фиглярства, чтобы проповедники отпущения грехов могли вершить свое дело в достойном обрамлении. Его курфюрстшеская милость передают, что ваши сборы от этого не пострадают.

— Так, так, так, не пострадают, — передразнила Магдалена Кирхнера, — этого еще не хватало! А досточтимый господин курфюрст, наисветлейший Альбрехт Бранденбургский, подумал о том, что народ, который уже сейчас спозаранку стекается отовсюду, прежде всего приходит ради цирка, чтобы увидеть

Великого Рудольфо? Отмена выступления страшно рассердит жителей Майнца. Они закидают ваших проповедников тухлыми яйцами, и я уверена, что ни один гульден не зазвенит в ваших ящиках!

Похоже, слова Магдалены произвели впечатление на секретаря. Он на миг задумался и с достоинством ответил:

— На самом деле вы не так уж неправы. Было бы дело за мной, я бы разрешил артистам и проповедникам выступать вместе. И тем и другим была бы от этого польза. Но его курфюрстшеская милость решили иначе.

Еще во время их беседы неподалеку раздался резкий голос продавца индульгенций. Кирхнер пожал плечами, что должно было означать: весьма сожалею, но ничего не могу поделать, — и тут же исчез.

В уединенности монастырской жизни Магдалена еще ни разу не слышала проповедника, отпускающего грехи; это были в основном монахи-доминиканцы, которые сотнями бродили по стране и за звонкую монету красочно расписывали картины смерти, рассказывали о дьяволе и вечных адских муках. Поэтому любопытство погнало ее на Либфрауэнплац, откуда доносился громкий голос проповедника.

Доминиканец, маленького роста и явно не страдающий от недоедания, с зачесанной вперед прядью волос шириной с палец на выбритой наголо голове, на все лады воздействовал скорее слабым, чем зычным, голосом на горстку запуганных слушателей. Временами ему отказывал голос, и тогда он прибегал к резким, судорожным жестам. Произнося слова «дьявол» и «ад», он, дабы усугубить производимое впечатление, протягивал к слушателям растопыренные пальцы обеих рук, отчего дети в испуге зарывались в материнские юбки, а видавшие виды мужчины закрывали лицо локтем.

Когда Магдалена подошла к ним, он как раз вошел в раж:

— О вы, грешники перед ликом Господним, как тяжко будет у вас на душе, когда вы, предавшись блуду, станете добычей геенны огненной и ее чертей. Издалека вы будете слышать глас Господень: «Идите, проклятые, в вечный огонь!», ибо вы не достойны Его лика. Лишь адские привидения, ужасные маски и злых духов, которым служили, будете встречать вы на своем пути. Подумайте, каково будет у вас на душе, когда вы впервые увидите железные врата адовы, выкованные из железа засовы, которые никогда уже больше не откроются для вас, когда вы изо дня в день будете слышать отчаянные вопли проклятых, вой и зубовный скрежет лютых волков и драконов. Когда вас будут лизать раскаленные языки адского пламени, по сравнению с которым

земной огонь — прохладная роса. Вы будете кричать: «Ах, чего мы лишились! А ведь могли бы со святыми ангелами воспарить на небо, к вечному блаженству». Но я говорю вам: еще не поздно. Покупайте полное отпущение грехов, вымоленное для вас досточтимым князем-епископом Альбрехтом у Папы Римского на благо своих чад. Рейнский гульден за одну индульгенцию. Это много денег и в то же время мало, если вспомнить, от чего избавляет вас этот гульден.

Устрашающие картины, которые проповедник живописал визгливым голосом, привлекали все больше слушателей, они молча окружали помост и робко взирали на доминиканца.

В благоговейной тишине вдруг раздался голос известного во всем городе пьяницы, который вот уже десять лет безуспешно пытался пропить доставшиеся ему в наследство городские дома:

— Эй, монашек, а как обстоят дела с нашим досточтимейшим архиепископом Альбрехтом, который подвержен сладострастию и чревоугодию куда сильнее, чем любой житель Майнца? Разве он не нуждается в полном отпущении грехов гораздо больше, чем все мы? Он тоже платит гульден за бесполезную бумажку? Или грехи его курфюрстшеской милости отпускаются еще до их совершения?

У некоторых слушателей, минуту назад уже готовых покаяться, на лицах появились ухмылки, они принялись толкать друг друга в бок и скалить зубы. Велеречивый проповедник, прежде чем собраться с ответом, покраснел как рак и стал разевать рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Жена могильщика, предававшаяся похоти, пока ее муж закапывал покойников, заверещала во всю глотку:

— Мы не хотим отпущения, мы хотим Великого Рудольфо на канате!

Ее выкрик подхватили сначала парочка простолюдинок, потом к ним присоединились мужчины, и вскоре вся площадь огласилась стройным хором:

— Мы не хотим отпущения, мы хотим Великого Рудольфо на канате!

Остальные проповедники замолкли на своих возвышениях, не в силах перекричать гулкие вопли горожан, требующих канатоходца. Ни одного гульдена не попало в кассу.

Из страха быть узнанной в толпе Магдалена поспешила вернуться в лагерь циркачей, разбитый за собором. Она горела желанием узнать, что же все-таки произошло накануне. Поскольку Рудольфо не проявлял ни малейшей готовности вдаваться в объяснения, она спросила его без обиняков, кто был тот незнакомец в соборе и как объяснить его странное поведение.

— Ты, конечно, слышала о Дезидерии Эразме, больше известном как Эразм Роттердамский? — издалека начал Рудольфо.

— Я так и думала, — перебила его Магдалена. — Этот остроносый мужчина с таким выразительным лицом показался мне на удивление знакомым. Теперь понятно, откуда я знаю его лицо. В монастырской библиотеке было много его книг. На одной из них была изображена гравюра с картины художника Гольбейна — Эразм за своим пультом. Меня особенно поразили его руки: левая рука была украшена двумя крупными перстнями на безымянном и указательном пальцах. Я тогда еще подумала: «Каким-то тщеславным выглядит теолог, вышедший из монастыря и клеймящий пороки клерикализма». Но почему, скажи на милость, великий Эразм Роттердамский просил у тебя прощения?

Рудольфо выдержал долгую паузу и наконец произнес:

— Эразм — один из Девяти Незримых. Если быть точнее, он Примус, то есть Первый из нас. Во время нашей встречи в монастыре Эбербах у них зародилось подозрение, что в своем искусстве я использую не совсем честные манипуляции, описанные в «Книгах Премудрости». А как ты знаешь, это запрещено под угрозой смерти.

— О Боже! — воскликнула Магдалена и зажала рот рукой. Потом продолжила: — Так вот почему те странные мужчины не отходили от тебя перед выступлением. Они хотели проследить, чтобы ты не пил эликсир! Но как же тебе удалось...

— Ты хочешь сказать, как мне удалось выпить эликсир? Я не пил его!

— Как... не пил?

— Я поднялся по канату, не выпив ни одной капли чудодейственной жидкости.

Магдалена посмотрела на него в полном недоумении.

— Да, это правда. Я уже простился с жизнью и умирал от страха, пока через несколько шагов не заметил, что почти не оступаюсь. Только не спрашивай меня, как это произошло. Я сам не знаю.

— Тогда Эразм имел все основания извиниться перед тобой!

— В этот раз — да. Но будь уверена, я никогда больше не взойду на канат без эликсира. Никогда!

С огромной площади долетали все более истошные крики:

— Мы не хотим отпущения, мы хотим Великого Рудольфо на канате!

Рудольфо и Магдалена все еще были погружены в беседу, когда перед ними вновь появился Иоахим Кирхнер и с вежливым поклоном передал просьбу его высокопреосвященства

незамедлительно начать восхождение по канату, в противном случае может возникнуть народное волнение, чего он очень опасается.

Как только Кирхнер удалился, Рудольфо подошел к книжной полке и вынул оттуда невзрачную книгу в коричневом переплете, размером с мужскую ладонь. Широко распахнув глаза, Магдалена наблюдала, как канатоходец раскрыл книгу, но не для того чтобы читать или искать секретную формулу, — нет, он извлек из книги стеклянную колбу величиной с указательный палец. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не книга, а шкатулка, в которой хранился крохотный сосуд.

Рудольфо поднес колбу к свету, проверяя количество мерцающей голубоватой жидкости. Потом накапал пять капель себе на язык, убрал колбу в шкатулку и водворил ее на привычное место.

Уже через несколько мгновений Рудольфо преобразился, он словно очутился в другом мире. Взгляд его стал стеклянным и блуждающим. Магдалене показалось, что он смотрит сквозь нее. Будто деревянная марионетка, он облачился в свой белый костюм и, не сказав ни слова, вышел из фургона.

Поначалу Магдалена пришла в полное замешательство от такого поворота событий, потом в памяти всплыл вчерашний день, и она решила опять подняться на башню, чтобы дождаться там Рудольфо на высоте, открытой воздуху и свету.

На коротком пути следования от фургона к месту, где трос был обмотан вокруг городского колодца и зафиксирован в земле, канатоходца тут же окружили плотным кольцом.

Люди, словно перед ними был святой, пытались ухватиться за край его одежды и продолжали при этом орать:

— Мы не хотим отпущения, мы хотим Великого Рудольфо на канате!

Усердно работая локтями, Магдалена протиснулась к узкой дверце, которая вела на колокольню. Обитая железом дверь была закрыта. Она забарабанила кулаками по покрытому черной краской железу, но все напрасно. Епископский портал и портал Пресвятой богородицы, расположенные с обеих сторон восточных хоров, тоже были заперты. Тогда Магдалена решила смотреть представление в толпе на Рыночной площади.

Когда Рудольфо вскочил на канат у большого колодца, буйство публики тут же улеглось. Сотни, тысячи глаз следили за каждым движением канатоходца. В это полуденное время погода благоприятствовала выступлению. Жара последних недель схлынула, и не было ветра, который мог бы привести в движение канат.

Сегодня Рудольфо решил отказаться от горящих факелов и балансировать, просто вытянув руки в разные стороны. Никто из зрителей, кроме Магдалены, не знал, что этот вид эквилибристики был самым сложным и требовал высочайшего умения.

Как всегда, первые шаги артист сделал быстро, почти сумбурно, потом под оглушительные аплодисменты на миг застыл и направил взгляд на цель — верхнее окно колокольни, — прежде чем обрести сказочную уверенность и продолжить движение. Магдалена тоже окинула взглядом длинный путь, и неожиданно ей показалось, что в оконном проеме, через переплет которого был перекинут конец троса, в тени замаячила чья-то фигура. Наблюдая за ловкими, сильными движениями, которые Рудольфо совершал в борьбе за равновесие, она на какое-то время отвлеклась, выпустив из виду странное

явление; когда же снова взглянула наверх, с испугом обнаружила, что там что-то было не так.

Отгородив глаза рукой от яркого солнца, она с напряжением всматривалась в вершину башни. Ей вдруг показалось, что у нее галлюцинации. То ли это было наваждение, то ли в самом деле в окне появилась рука в красной перчатке с горящим факелом? Пылающий огонь медленно приблизился к тому месту, от которого канат через подоконник спускался вниз. Магдалена хотела закричать, но страх сдавил ей горло. Хотела вытянуть руку и указать на вершину башни, но, парализованная ужасом, не могла даже шевельнуться.

Зачарованные бесстрашием канатоходца, зрители, похоже, не замечали происходившего на башне. И даже когда от обуглившегося конца троса повалил черный дым, никто из публики ничего не заподозрил. Вероятно, все решили, что это часть аттракциона, что Великий Рудольфо поставил себе целью дойти до башни до того, как оборвется пеньковый канат.

Боже мой, почему он не идет дальше? Магдалена замерла в ожидании неминуемой беды. Рудольфо поочередно бросал взгляд на вершину башни и на большой колодец, откуда тянулся канат. Он давно понял, что огонь вот-вот разорвет канат и он рухнет вниз.

У него было крайне мало времени, чтобы принять решение, идти ему назад или вверх. Рудольфо решился на второй вариант — он находился примерно посередине троса, а подниматься наверх было быстрее, чем спускаться.

На площади публика начала подбадривать артиста аплодисментами. До спасительной вершины оставались какие-нибудь тридцать шагов, когда канат сотряс рывок, сильно

раскачавший его. Канатоходец замер. Вскоре последовал еще один рывок. У зевак захватило дух. Факел в окне исчез.

После этого канат лопнул, изогнувшись змеей, которую ударили кнутом. Канатоходец рухнул вниз с распростертыми руками, будто хотел полететь, и несколько раз перевернулся в воздухе. Можно было подумать, что и этот кунштюк был заготовлен заранее. Зеваки бросились врассыпную, образовав небольшой круг в толпе. С глухим хлопком Великий Рудольфо ударился об землю.

Тихонько поскуливая и отчаянно прокладывая себе дорогу кулаками, Магдалена пробилась к месту падения и бросилась на безжизненное тело. Изо рта и ушей Рудольфо текли темные струйки. Не обращая на это внимания, Магдалена покрыла его лицо поцелуями, взяла его голову в руки и принялась раскачивать ее, будто пытаясь таким образом пробудить Рудольфо ото сна.

Ей вдруг показалось, что на его губах появилась слабая улыбка. Рудольфо неожиданно открыл глаза, жмурясь на слепившем солнечном свете. Он смотрел мимо Магдалены, словно не узнавая ее, и его жалкие попытки что-то сказать захлебнулись в жутком клекоте.

Изо рта у него вдруг хлынула кровь, обагрившая его белый костюм и платье Магдалены с головы до ног. Не успела она иссякнуть, как явственно раздались слова канатоходца:

— Clemens… tacent… libri… suo… loco… — После чего его голова безжизненно свесилась набок.

Сотрясаемая рыданиями, Магдалена прижала левую руку Рудольфо к своей груди. Перед лицом смерти ее вдруг охватила кротость, которую она, как ей казалось, уже утратила. «Господь карает тебя за твое высокомерие», — пронеслось у нее в голове. Действительно ли она любила канатоходца? Или всего лишь испытывала любопытство к тому, что называют любовью?

Все еще стоя на корточках перед телом Рудольфо, она подняла голову и посмотрела на колокольню, контуры башни расплылись у нее в глазах и стали извилистыми. Перед ней вдруг возникла худощавая фигура Иоахима Кирхнера. Секретарь курфюрста подхватил ее под руки и помог встать.

Магдалена отвела взгляд, она не могла смотреть в глаза Кирхнеру.

— Кто это сделал? — еле слышно выдохнула она. Не ожидая ответа, снова повторила свой вопрос: — Кто это сделал?

Секретарь безуспешно пытался заставить Магдалену замолчать, осторожно закрыв ей рот рукой.

— Мы найдем убийцу, — беспомощно ответил Кирхнер, — не сомневайтесь.

Обуреваемая яростью и болью, Магдалена вырвалась из рук Кирхнера и в отчаянии выкрикнула, так чтобы все окружающие могли ее услышать:

— Тогда лучше всего начните с дома его курфюрстшеской милости!

Курфюрст Альбрехт Бранденбургский не пользовался любовью своего народа. А с тех пор как закончилась крестьянская война, когда он покарал повстанцев, по большей части селян и мелкий люд, наложив драконовские штрафы, они и вовсе возненавидели его, всерьез поговаривая, что под роскошным одеянием его курфюрстшеской милости прячется сам сатана.

Один из зевак, канатчик Коломан, которого Магдалена уже встречала на постоялом дворе, вдруг громко крикнул:

— Айда на колокольню!

Два десятка мужиков моментально сбились в кучу, вооружились камнями и палками и ринулись в сторону башни.

Узкая дверь на башню, еще недавно закрытая, была распахнута настежь. Подбадривая себя криками, точно солдаты, идущие на штурм, они устремились по винтовой лестнице на самый верх, к тому месту, где был укреплен конец каната. Злоумышленник давно покинул место преступления. Лишь догоревший факел и пурпурная перчатка, которую князь-епископ имел обыкновение надевать на светские события, брошенные в спешке, валялись на каменном полу.

Тем временем вся труппа сгрудилась вокруг мертвого Рудольфо. Куенрат, великан из Равенны, всхлипывал, как малое дитя, Ядвига, польская женщина-змея, рыдала в голос. Знахарь Мегистос словно одеревенел и стоял, как корявый дуб, устремив задумчивый взгляд к небу, как будто размышляя, как помочь мертвому канатоходцу. Королева карликов бегала, приплясывая, вокруг них, рвала на себе волосы и время от времени вскрикивала: «Боже, что с нами будет!» Жонглер Бенжамино, всегда бывший воплощением радости, даже в минуты глубокого траура, скривил лицо в необъяснимой ухмылке. Единственный, на кого, похоже, ситуация не повлияла, был зазывала Форхенборн. Сдержанно, почти хладнокровно, он твердым голосом пригрозил разогнать ротозеев палкой, если они немедленно не разойдутся.

Угроза подействовала. Толпа постепенно поредела, и проповедники отпущения грехов читали свои проповеди на почти безлюдной площади.

Мегистос взял на себя заботу о Магдалене и отвел ее в фургончик Рудольфо. Там он дал ей две ложки какой-то таинственной эссенции, которая заставила ее на время забыть о своем горе и погрузила в глубокий сон.

Когда она проснулась, была ночь. По небу плыли низкие облака, между которыми иногда появлялась красноватомерцающая луна.

Магдалене было невмоготу находиться в жилище Рудольфо. Тихонько, чтобы никого не разбудить, она прокралась к тому месту на площади, где испустил дух канатоходец. Лужа крови, в которой лежал Рудольфо, врезалась в ее память, но ей не удалось отыскать ничего, что бы напоминало о страшном событии.

В смятении, сомневаясь, в своем ли она рассудке, Магдалена вернулась в фургон Рудольфо. В окошке была видна узкая полоска света. Она не помнила, зажигала ли свет в фургоне.

Чтобы не производить шума, Магдалена оставила дверь незапертой. Поколебавшись, не разбудить ли ей великана Куенрата, она все же решила, что по рассеянности могла забыть погасить свет, и смело распахнула дверь.

То, что предстало ее глазам, лишило Магдалену дара речи. На стуле канатоходца сидела Ксеранта и цинично скалила зубы. Она явно наслаждалась произведенным эффектом.

— Кажется, ты меня не ждала? — съязвила гадалка.

— Нет, — ответила Магдалена тонким голоском и покачала головой, поначалу робко, потом сильнее, будто пытаясь прогнать наваждение. — Ты что же, значит, не умерла? — выдавила она в замешательстве.

Ксеранта разразилась демоническим хохотом, заставившим Магдалену поплотнее закрыть за собой дверь, из страха, что шум может привлечь артистов, и те обвинят ее в сговоре с гадалкой.

— А обугленный труп с диадемой, который мы похоронили на берегу Майна? — растерянно пробормотала Магдалена.

Чтобы подольше насладиться замешательством Магдалены, Ксеранта тянула с ответом и сверлила соперницу глазами.

— Мельхиор? — пронизала вдруг догадка Магдалену.

Широко раскрытыми от ужаса глазами она наблюдала, как

непрошеная гостья извлекла из-за корсажа своего платья длинный, узкий, как тростник, сверкающий кинжал и поднесла к своим глазам.

— Он хотел меня убить, — с ненавистью прошипела она.

Магдалена отпрянула.

— Мельхиор хотел тебя убить? С чего бы это? Мне казалось, что он, наоборот, глаз на тебя положил.

— Вот еще! Он меня всего лишь использовал, чтобы заставить тебя ревновать, но, как мы обе знаем, промахнулся. Мельхиор был по уши влюблен в тебя, а ты не придумала ничего лучшего, чем броситься на шею Рудольфо. Тогда я решила тебя отравить. Я подумала, что уж если я не могу обладать Рудольфо, так пусть он

и тебе не достанется. Когда мой план провалился, Мельхиор меня бешено возненавидел. Как-то ночью меня разбудили подозрительные звуки. Едкий дым заволок мой вагончик. Я ни минуты не сомневалась, что Мельхиор поджег мое жилище и намеревается меня убить. Мне сразу стало ясно, что он забаррикадировал мою дверь. Но чего он не мог знать, так это того, что в днище моей повозки был квадратный люк, два на два локтя, чтобы опорожнять ночной горшок. Я вылезла через него и увидела поодаль Мельхиора. Осторожно подкралась к нему и вонзила вот этот кинжал ему между лопаток, прямо в сердце. — Ксеранта как безумная замахала оружием перед лицом Магдалены.

Магдалену охватил смертельный ужас.

— Парень беззвучно, — продолжала Ксеранта, — осел на землю. Тут мне пришла в голову мысль затащить его труп в вагончик. Надо было торопиться, потому что огонь поднимался все выше и пожар могли обнаружить с минуты на минуту. Пока я из последних сил затаскивала мертвого Мельхиора в вагончик, меня осенило нацепить ему на лоб мою диадему, чтобы вы все подумали, что это я сгорела. И, похоже, мой план сработал.

Ледяное безразличие, с которым Ксеранта описывала, как она убивала Мельхиора, вселило ужас в Магдалену. Она напрасно пыталась скрыть от гадалки свои трясущиеся руки, а когда та вдруг поднесла нож к ее горлу, Магдалена застыла, не в силах сопротивляться.

В ее голове проносились лихорадочные мысли: «Как избавиться от этой сумасшедшей? Какие цели она преследует? Почему призналась в убийстве Мельхиора? Может, и Рудольфо на ее совести? Ведь она же сказала: “Уж если я не могу обладать Рудольфо, так пусть он и тебе не достанется!”»

Хотя вопрос вертелся у нее на языке, Магдалена не осмелилась задать его. Ксеранта все сильнее прижимала острие

кинжала к ее горлу. Магдалена почувствовала, как из ранки по ее шее побежала тонкая струйка теплой крови. От жуткого страха все мысли улетучились из ее головы.

Откуда-то издалека до нее вдруг донесся знакомый голос, подкрепленный энергичным стуком в дверь:

— Магдалена!

Ксеранта, ни на йоту не сдвинувшая кинжал с ее шеи, сделала Магдалене знак ответить.

— Да, — нерешительно откликнулась та.

— Это Кирхнер, секретарь его курфюрстшеской милости, мне надо срочно с вами поговорить!

Магдалена посмотрела на Ксеранту, спрашивая, как ей себя

вести.

Ксеранта кивнула, что Магдалена расценила как согласие мучительницы исполнить желание секретаря.

Гадалка убрала кинжал с ее горла, и Магдалена почувствовала невероятное облегчение, словно ей вновь подарили жизнь.

— Что вы хотите в такой ранний час? — крикнула она через закрытую дверь. — Ведь еще ночь, я сплю!

— Я знаю, — донесся ответ Кирхнера. — Оденьтесь, я жду!

Магдалена поняла, что Ксеранта попала в ловушку, и это придало ей смелости. Она проворно надела другое платье и только вознамерилась покинуть вагончик, как Ксеранта встала у нее на пути и схватила за руки.

— Не вздумай выдать меня! — прошипела она. — Рано или поздно ты об этом пожалеешь!

Молча кивнув, Магдалена повернула ключ в замке. Затем выскользнула наружу и заперла за собой дверь.

Кирхнер ждал ее, сидя неподалеку на штабеле досок, из которых возничие обычно сооружали сцену для представления. Рядом с ним стоял фонарь, распространявший вокруг неверный свет.

Не успел секретарь курфюрста открыть рот, как Магдалена набросилась на него:

— Что за важные дела у вас, из-за которых вы будите меня посреди ночи? Скажите, по меньшей мере, куда девался труп Рудольфо?

— Его отвезли в покойницкую за городской стеной, — пояснил Кирхнер, — как принято у нас поступать с чужаками, умершими в нашем городе.

Магдалена опешила.

— Ничего не понимаю, вы хотите, чтобы Великий Рудольфо, которому при жизни люди поклонялись, словно Христу, и пели осанну, был закопан в одной могиле с повешенными и обезглавленными, вместо того чтобы поставить ему памятник, как вашим архиепископам? Кто дал такое распоряжение? Вероятно, ваш святой отец, его курфюрстшеская милость, досточтимый Альбрехт Бранденбургский?

— Нет. Это распоряжение соборного каноника Иоганна фон Шёнеберга, на чьей территории произошло несчастье. Его высокопреосвященство еще даже не знает, что канатоходец отдал Богу душу. Он сейчас с Маттеусом Шварцем, посланником богатея Фуггера, охотится в рейнских лугах под Лорхом, там они и заночуют. Впрочем, цель моего раннего визита...

— Ну говорите же наконец! — напустилась Магдалена на

Иоахима Кирхнера.

— Так вот, цель моего раннего визита следующая. Соборный каноник Иоганн фон Шёнеберг выразил желание, точнее, отдал приказ, чтобы цирковая труппа незамедлительно разобрала свои палатки на Либфрауэнплац и еще до восхода солнца исчезла из города. Его преподобие изволил так выразиться.

— Значит, его преподобие изволил так выразиться, — повторила Магдалена, зажав при этом правой рукой место пореза на своей шее.

— Его преподобие имел в виду, — продолжил Кирхнер, — что странствующие артисты причинили достаточно много хлопот городу, и смерть канатоходца — заслуженная кара Господа, поскольку Рудольфо высокомерно пренебрегал Божьими законами, когда поднимался по пеньковому канату на соборную башню. Такой трюк не под силу ни одному христианину, если только он не заклинатель духов и не заключил сделку с дьяволом.

Даже при скудном свете мерцающего фонаря можно было различить, что глаза Магдалены метали молнии.

— И вы согласны с каноником?

Кирхнер пожал плечами и ничего не ответил.

— Единственный, с кем циркачи заключили сделку, это его высокопреосвященство Альбрехт Бранденбургский, которого вы едва ли назовете дьяволом, — язвительно заметила Магдалена. — Вы же сами были посредником при заключении соглашения между ним и труппой и выплатили мне пятьдесят гульденов за наше выступление. Это вы, надеюсь, не забыли?

— Разумеется, нет, — попытался успокоить разгневанную жену канатоходца Кирхнер. — Просто дело в том, что Великий Рудольфо мертв и уже не сможет выманить ленивых жителей Майнца на большую Соборную площадь!

Ослепленная яростью и, видимо, как и все люди, загнанные в угол, способная на безрассудные поступки, Магдалена раздраженно бросила:

— Ну да, конечно. Тогда я взойду на канат и поднимусь на башню. Это привлечет не меньше зевак!

Секретарь архиепископа устремил на Магдалену изумленный взгляд, чтобы удостовериться, что он не ослышался и что возмущенная женщина не разыгрывает его и не дурачится. Но, увидев решимость на ее лице, ответил:

— От этой затеи лучше отказаться, если вам дорога ваша жизнь. Далеко вы не продвинетесь. У Великого Рудольфо был особый талант, данный лишь немногим.

— А это не ваша, а ***моя*** забота, — оборвала Магдалена Кирхнера, и она не шутила. В памяти ее всплыл таинственный

эликсир, которым Рудольфо пользовался перед выступлениями. Он ведь тоже раньше никогда не поднимался на высокий канат. Теперь она была полна решимости испробовать это на себе. Магдалена сама не знала, откуда у нее взялась смелость для столь рискованного предприятия. Она лишь интуитивно чувствовала, что сделает это.

— А теперь пойдите и скажите вашему соборному канонику, что жена канатоходца сегодня в полуденное время совершит восхождение по канату, как и накануне Великий Рудольфо. — Когда же Кирхнер не сразу внял ее наущению, она прикрикнула на него: — Исчезните наконец!

Недоуменно качая головой, секретарь архиепископа покинул загон для животных и растворился в предрассветных сумерках нового дня.

Магдалена помедлила, стараясь привести в порядок свои мысли. Потом набрала в грудь воздуха и решительно зашагала к вагончику зазывалы, а подойдя к нему, яростно забарабанила в дверь. Прошло полвечности, прежде чем Форхенборн отворил и просунул голову в образовавшуюся щель.

— С ума спятила — старого человека ночью из постели выдергивать?

— Ксеранта жива! — без обиняков огорошила она зазывалу. — Я заперла ее в фургончике Рудольфо.

Как она и предполагала, Форхенборн не поверил ей. Он долго и придирчиво всматривался в ее лицо и так же долго молчал. Через какое-то время вышел, подпоясавшись кушаком своего черного шлафрока, и обнял ее.

— Все мы очень переживаем смерть Рудольфо, и никто не знает, что с нами будет дальше. То, что тебя потрясли обстоятельства его гибели, я прекрасно понимаю. Как и то, что тебе трудно примириться с действительностью. Никто не осудит тебя, если твои чувства сыграют с тобой злую шутку и тебе будут мерещиться вещи, которых на самом деле не существует. Но что касается Ксеранты, то поверь, она умерла, обгорев до неузнаваемости. Мы все ее опознали по диадеме. А теперь иди и ложись спать.

Вместо ответа Магдалена ухватила зазывалу за рукав и потащила к домику Рудольфо. Уже издали она заметила, что дверь открыта, и, подойдя ближе, убедилась, что дверь взломана, а в вагончике горит свет.

Форхенборн сделал Магдалене знак подождать, решив сначала все проверить. Медленно и осторожно ступая, чтобы не производить шума, он приблизился к деревянной лестнице, беззвучно преодолел пять ступенек и исчез внутри.

Открыв от волнения рот, Магдалена прислушивалась, не раздастся ли какой-нибудь шорох. Тишина. Наконец в дверях показался зазывала, держащий в руке красную перчатку.

— Никого? — робко спросила Магдалена.

Форхенборн молча покачал головой.

Магдалена легко догадалась, что значила пурпурная перчатка.

Глава 13

Магдалена не стала посвящать зазывалу и остальных членов труппы в свой план. Поэтому все пришли в немалое удивление, когда Либфрауэнплац, что перед собором, уже с утра стала заполняться публикой, а проповедники начали выкрикивать свои злобные тирады.

Одному Богу известно, как Кирхнеру удалось так быстро распространить среди народа весть о предстоящей сенсации. Но, как известно, ничто не разносится так стремительно, как слухи. Большинство горожан просто отказывалось верить тому, о чем шептались в городе: якобы жена погибшего канатоходца сама собирается взобраться на канат и подняться на восточную соборную башню. Скандал почище всех любовных похождений его курфюрстшеской милости! В конце концов, еще ни одна женщина не осмеливалась прилюдно балансировать на канате, ведь при каждом шаге ей будут похотливо заглядывать под юбки и греховно смаковать открывающееся зрелище!

Незадолго до того, как начали звонить к благодарственной молитве, Магдалена приказала возничим натянуть новый канат к башне, такой же, как вчера. Кучера с большим недовольством взялись за выполнение приказа, не видя в этом ни малейшего смысла после смерти хозяина и не представляя, что задумала Магдалена.

А в это время Магдалена держала в руках книгу в кожаном коричневом переплете с колбой внутри. Она знала, какое действие производит эликсир, однако понятия не имела, как именно это происходит и какие побочные явления могла вызвать смесь. Рудольфо иногда вел себя крайне странно.

Наконец она собралась с духом, открыла пузырек и накапала себе на язык пять последних капель, как это делал в ее присутствии Рудольфо. Колба была пуста, напиток закончился. Магдалена легла на кровать и в ожидании чудесных превращений вперилась в потолок.

Сначала ничего не происходило, лишь сердце Магдалены было готово выпрыгнуть из груди. Она боялась, что никакого действия эликсира вообще не наступит и что Рудольфо обвел ее вокруг пальца со своим оккультизмом. Она уже не раз сомневалась в его таинственных познаниях и задавалась вопросом, почему именно он, Рудольф Реттенбек, сын сапожника и бамбергской повитухи, удостоился быть посвященным в таинства жизни.

И все-таки было нечто, что заставило ее броситься в объятия канатоходцу, обладающему магическими способностями.

Пока ее мысли крутились вокруг этих вопросов, она не заметила, как обрела невесомость и переместилась в другой мир, как тяжесть, испытываемая любым человеком всю его жизнь, постепенно улетучилась. Она чувствовала неукротимые силы, которыми могла управлять движением мысли, силы, неведомые прежде. Эта неожиданная перемена и связанное с ней ощущение счастья, пронизавшее все ее тело, придали Магдалене невиданную мощь и уверенность в собственных безграничных возможностях, стоит только захотеть.

Поэтому она нисколько не испугалась, услышав возле фургона исступленные вопли Форхенборна, когда тот в ярости распахнул дверь и, брызгая слюной, набросился на нее:

— Совсем свихнулась? Возничие натянули новый канат к башне и утверждают, что ты будешь балансировать, как Великий Рудольфо!

— Именно так, — невозмутимо отозвалась Магдалена, словно это было самое обычное дело.

Зазывала закрыл руками лицо.

— Боже, она потеряла рассудок!

— Может быть, ты прав, — усмехнулась Магдалена, — а сейчас исчезни, я должна переодеться к выступлению. — И она захлопнула дверь перед его носом.

Пока Магдалена снимала платье и облачалась в один из белых костюмов, которых у Великого Рудольфо было полдюжины, на Либфрауэнплац, перед восточными хорами собора, собралось даже больше народа, чем накануне. Благодаря этому проповедники отпущения грехов нашли своих слушателей и пополнили курфюрстшескую казну.

Откуда-то вдруг донеслись выкрики:

— Мы хотим жену канатоходца на канате!

Не разрешая себе усомниться в правильности своего намерения, Магдалена вышла из вагончика и зажмурилась на солнце. Кошмарная смерть Рудольфо, протесты зазывалы и ее собственные опасения — все в этот момент отошло на второй план. Ей совсем не было страшно. Неожиданно дорогу ей перегородила всхлипывающая королева карликов. Она вцепилась в ее цирковой костюм, словно брехливая собачонка в своего противника, и стала заклинать Магдалену ради Пресвятой Богородицы не подниматься на канат, но та лишь с улыбкой оттолкнула от себя карлицу и уверенно, с высоко поднятой головой отправилась к городскому колодцу, к которому был прикреплен трос.

Издалека Магдалену с ее короткими волосами и белыми панталонами можно было принять за курфюрстшеского оруженосца или молоденького пажа, но вблизи прелестное лицо и женственная фигура не оставляли сомнений в ее принадлежности к женскому полу.

С искусственной улыбкой и застывшим взором Магдалена протиснулась к колодцу, не обращая внимания на подбадривающие выкрики и двусмысленные шуточки. Дойдя до цели, она забралась на мраморный парапет, выпрямилась и с поднятыми руками приняла аплодисменты публики.

С подсмотренной у Рудольфо благосклонностью она отвесила поклоны во все стороны. При этом взгляд ее задержался на маленькой приземистой фигуре — может, лишь потому, что его обрамленная венчиком волос лысина блестела на солнце. Своим внешним видом и прежде всего поношенной одеждой он никак не соответствовал семи богато одетым мужчинам, образовавшим вокруг него кольцо и словно охранявшим от ротозеев.

Облик мужчины запал в память Магдалены, однако все ее мысли были сейчас настолько сконцентрированы на главной цели, что она не могла отвлекаться на другие вещи. О чем говорили эти люди, она все равно не слышала в гвалте, царившем на площади.

— Не бойтесь, — заметил Примус, обращаясь к низкорослому Септимусу, — в толпе вас никто не узнает. Кстати, я уверен, что вы здесь не единственный, кого разыскивают по обвинению в поддержке повстанцев.

— Вашими устами да мед пить! — отозвался тот и пожал собеседнику руку.

После этого восемь мужчин вновь приковали свое внимание к жене канатоходца, которая как раз собиралась поставить ногу на канат. Шум на площади стих.

— Говорят, женщина ни разу не ходила по канату, — вполголоса сказал Примус своим спутникам и, обращаясь к соседу, спросил: — Как вы полагаете, Секстус, возможно ли, чтобы женщина с железной волей совершила подобное достижение и преодолела силу притяжения нашей матушки Земли? Вы много путешествовали и повидали больше нас всех. Вы с таким уже когда-нибудь встречались?

Секстус вытянул губы трубочкой и поднял брови.

— В Аравии я видел слонов, незнакомых в наших широтах хоботных животных, ходивших четырьмя ногами по двум канатам. На мой вопрос, как это согласуется с законами естествознания, я получил ответ: упражняться, упражняться, упражняться. Как я пишу в своей книге «О тщете наук», законы природы существуют

лишь для того, чтобы их нарушать. «Книги Премудрости» наверняка скажут об этом больше.

— ***Tacent libri suo loco!*** — вставил Октавус.

— Кстати, вы же предсказатель по профессии, — пошутил Квинтус. — Вам положено знать исход этой авантюры. — Он кивнул в сторону Магдалены, уже прошедшей небольшое расстояние.

— Ну разумеется, — откликнулся вещун и лукаво усмехнулся. — Она доберется до цели, не оступившись. Это так же верно, как то, что меня зовут Мишель Нострадамус.

— Ваше имя нам хорошо известно, — заметил Секундус, бородатый поэт, — остается лишь надеяться, что вы окажетесь правы со своим предсказанием. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе, полагаю, вы неправильно выбрали профессию! Ибо астролог и предсказатель, распространяющий неверные пророчества, должен выбрать себе другой род занятий, не пробуждающий в людях пустые надежды и не нагоняющий беспочвенные страхи.

Октавус возмутился в полный голос:

— И это говорите именно вы, зарабатывающий себе на хлеб сомнительными пасквилями и неаппетитными комедиями из жизни римских куртизанок!

— Тсс! — Нонус слыл большим молчуном среди Незримых, поскольку занимался бессловесным искусством, радующим лишь глаз. Он призвал к сдержанности, так как окружавшие их зрители уже заинтересовались внезапно разгоревшимся диспутом. — Не забывайте, кто вы и где находитесь! — прошипел он, прикрыв рот рукой.

По примеру Рудольфо Магдалена размахивала руками, словно пытаясь держаться за воздух. Это придало ее скованным движениям некоторую прелесть и вызвало одобрительные мужские вздохи и охи, а у женской половины — лишь презрительные взгляды. Но чем дальше Магдалена удалялась от них, тем тише становилось на площади.

— Вы так молчаливы, Терциус, — зашептал Примус худощавому мужчине рядом с собой. Его женственные локоны и тонкие пальцы, которые он, пугливо глядя вверх, прижал ко рту, скорее выдавали в нем чувствительного эстета, нежели того, кем он был: математика, врача и астронома.

— Я боюсь за эту бесстрашную женщину, — признался он, не отрывая от нее глаз. — Чем больше она удаляется от земли, тем сильнее на ее тело воздействует сила тяжести. И с каждым шагом, который она делает, опасность возрастает. Я знаю, о чем говорю.

— Кому, как не вам, знать это, Коперник, — прошептал Примус своему соседу и тут же спохватился: — О, простите, ваше имя случайно вырвалось у меня. Вы знаете тайные силы Земли лучше, чем любой на этой площади. Восхищаюсь вашим мужеством, ведь вы даже с Папой Римским спорили, который до сих пор утверждает, что Солнце вращается вокруг Земли и наша планета — центр Вселенной. Между прочим, вам не следует обижаться на его святейшество. Как он иначе растолкует верующим, распространяется ли спасе-ние Господом нашим Иисусом Христом на другие планеты, не упомянутые в Библии, или нет?

— Если говорить серьезно, — остановил словесный поток Примуса Терциус, — я нахожу возможным, что эта женщина обладает необыкновенным даром сопротивляться силам природы. Вы только посмотрите, как легко она ступает, почти летит, так и кажется, что она невесома!

— То есть вы полагаете, что в представлении, которое разыгрывается на наших глазах, есть что-то нечистое?

— Полагать — не значит знать.

Перед последним отрезком, который круто взмывал к башне, Магдалена замерла и помахала публике. В ответ грохнул шквал аплодисментов и ликования, так что шум был слышен даже у ратуши на берегу Рейна.

Насладившись в меру овациями, Магдалена начала штурмовать последний крутой кусок подъема. Глубоко внизу все снова стихло, воцарилась благоговейная тишина. Впервые за весь маршрут она почувствовала, что восхождение по канату стоит ей неимоверных усилий. Она лихорадочно попыталась вспомнить, как Рудольфо преодолевал самый крутой кусок — медленно и сосредоточенно или с разбегу, одним махом. Но, как и все остальное, это воспоминание померкло в ней после приема эликсира. Она пошла медленно и сосредоточенно, как и начинала восхождение.

Если бы ее память не помутилась и не стерла воспоминания о руке в перчатке с факелом, принесшей смерть Рудольфо, Магдалена наверняка бы закачалась, а так она невозмутимо продолжила путь, четко зафиксировав взглядом конечную цель.

Когда оставалось не больше десяти локтей, она опять остановилась. Зрители на площади затаили дыхание. Даже восемь мужчин, которые только что хвастливо переговаривались друг с другом, резко оборвали беседу.

В порыве гордости и уверенности, что ее затея уже едва ли сорвется, Магдалена выпрямилась в полный рост, распростерла руки, словно парящий орел крылья, и сделала последние шаги.

Добравшись до самого верха, она в изнеможении обняла узкую колонну между двумя стрельчатыми окнами, через которую был перекинут конец каната.

— Маг-да-ле-на! — доносились снизу раскаты оваций и нескончаемые ликующие крики.

Однако Магдалена странным образом не испытывала триумфа, даже гордость от того, что она совершила нечто, что до нее не удавалось ни одной женщине, не переполняла ее. Внутри была лишь огромная пустота.

Магдалена вообще засомневалась, она ли это еще. Правда, она ощущала магическую силу и энергию, расширяющую круг ее возможностей до сверхъестественных, но все это было как бы вне ее. Она ничего не чувствовала, кроме усталости, целиком овладевшей ею. В душе не было ни волнения, ни переживаний, ни трепета, ни возбуждения. Крутая лестница, по которой она спустилась с высоты десятиэтажной башни, съела ее последние силы.

Когда Магдалена наконец оказалась внизу, ее тут же окружили циркачи, которые с ликованием приветствовали ее. Зазывала Форхенборн целовал ей руки. В порыве чувств жонглер Бенжамино теребил ее одежду и неустанно повторял:

— Compliment, Complimenti!

А сутулый знахарь тряс головой и твердил:

— Безупречно, безупречно!

В итоге великан Куенрат подхватил ее за талию и усадил себе на правое плечо. Так они и вышли из восточной соборной башни на Либфрауэнплац.

Магдалена кивала осаждавшей их со всех сторон толпе с механической грацией марионетки и с искусственной улыбкой на губах. Лишь немногим, в том числе зазывале, бросилось в глаза ее странное поведение; но и Форхенборн приписал его нечеловеческим усилиям, которых потребовал номер на канате.

Когда труппа вернулась в лагерь, все начали донимать Магдалену вопросами, пытаясь узнать, где и когда она изучила искусство эквилибристики и почему до сих пор утаивала от всех свое умение. Лишь зазывала демонстративно держался в стороне. Он и раньше подозревал, что искусство Рудольфо не обходится без чертовщины, однако никогда не осмеливался призвать канатоходца к ответу. Зазывала прекрасно отдавал себе отчет, что без аттракциона Великого Рудольфо труппа утратит свою привлекательность.

Неожиданное выступление Магдалены лишь подтвердило его подозрение. Послушница в монастыре никак не могла осваивать цирковое искусство эквилибристики. И напрашивались вполне

резонные сомнения, мог ли Рудольфо передать ей свое исключительное умение в течение такого короткого времени. Заметив, в каком изнеможении была Магдалена, Форхенборн оттеснил артистов в сторону и проводил ее к фургончику Рудольфо, чтобы она могла прийти в себя после выступления. Магдалена закрылась изнутри, легла в постель и тут же провалилась в глубокий сон.

Она не могла предположить, как развивались события, пока она спала. Во время выступления народ встречал ее бурным восторгом и овациями. Никто не обращал внимания на каноников, снедаемых любопытством и смешавшихся с толпой, чтобы похотливо глазеть, как жена канатоходца с легкостью демонстрировала свое искусство. После аттракциона, вдоволь насмотревшись, они собрались в соборе, чтобы подтвердить друг другу то, что не вызывало у них сомнений и до выступления: бабенка, в такой мере выставляющая себя напоказ народу, нарушила законы морали и, что еще хуже, была явно в сговоре с сатаной. Ни одна богобоязненная женщина не способна взойти по канату на собор, если только она не продала душу дьяволу В случае циркачки речь, без сомнения, идет о колдовстве.

К счастью, неподалеку, во Франкфурте, где дьявол давно уже свил себе второе гнездо, как раз находились три монаха-доминиканца святой инквизиции. Каноники срочно послали за ними, ибо дело требовало безотлагательных мер, пока еще большее число жителей Майнца не стало жертвами колдуньи.

Альбрехт Бранденбургский вернулся вечером с охоты в рейнских лугах, где его загонщики уложили семь диких кабанов и полсотни зайцев. Сам его высокопреосвященство не любил охотиться. Весть о том, что Великий Рудольфо погиб во время своего выступления, мало взволновала князя-епископа. Его секретарь Иоахим Кирхнер не стал вдаваться в подробности несчастного случая, и Альбрехт не расспрашивал. Его гораздо больше интересовали доходы проповедников отпущения грехов, что Кирхнер предпочел бы обойти смиренным молчанием, поскольку овчинка явно не стоила выделки. Кирхнер даже навлек на себя гнев своего духовного хозяина, обозвавшего его бездельником и другими нелестными словами.

— У тебя хотя бы хватило ума прогнать шутов вместе с их мертвым канатоходцем? — осведомился Альбрехт, дав волю своему недовольству.

— Нет, — ответил Кирхнер. — Об этом я хотел бы сначала поговорить с вами. Дело в том, что произошло в некотором роде чудо.

— Чудо? — Не было, пожалуй, другого понятия, которое

приводило бы архиепископа в такое волнение, как чудо. Это было прекрасно известно секретарю его курфюрстшеской милости, и он изредка пользовался этим, чтобы спасти свою шкуру. Так случилось и на сей раз.

— Хотя Великий Рудольфо и убился насмерть, — пояснил Кирхнер, повысив голос, — но на следующий день его жена поднялась на башню восточных хоров, ставшую роковой для Рудольфо. Майнцы были вне себя от восторга!

Князь-епископ бросил на секретаря недоверчивый взгляд.

— И ты это видел собственными глазами? Я хочу сказать, ты можешь подтвердить, что эта женщина поднялась по канату на башню? И она все еще жива?

— Клянусь всеми святыми! Свидетелями стали еще сотни, если не тысячи людей. Народ неистовствовал от восхищения, когда Магдалена с уверенностью сомнамбулы восходила по пеньковому канату, подобно деве Марии, вознесенной на небо.

Альбрехт Бранденбургский задумчиво покачал головой.

— Эта баба не только красива и умна, она еще вдобавок обладает свойствами, вызывающими подозрения...

— Ваша курфюрстшеская милость, — перебил Кирхнер своего хозяина, — умоляю, не произносите того, о чем вы подумали! Каноники уже послали за инквизицией.

Альбрехт отмел опасение Кирхнера пренебрежительным жестом:

— А как иначе прикажешь все это объяснить? Наверняка эта баба в сговоре с дьяволом! Она колдунья!

Кирхнер быстро осенил себя едва заметным крестным знамением и сложил руки. Он молчал. Молчал, потому что было совершенно бессмысленно перечить князю-епископу. Любое возражение приводило к тому, что Альбрехт Бранденбургский еще упорнее стоял на своем.

— Вы действительно хотите передать ее святой инквизиции? — робко поинтересовался Кирхнер.

— Ты считаешь, что она могла бы быть нам полезна в другом качестве? — Князь-епископ пожал плечами. И добавил с тяжелым вздохом: — Кирхнер, нам нужны деньги. И я не знаю, где их взять. Я хоть и пригласил Маттеуса Шварца, бухгалтера этого воняющего деньгами Фуггера, на охоту и умасливал его как мог, он все равно продолжает настаивать на своем требовании: одиннадцать тысяч рейнских гульденов — проценты по займу — и столько же в счет погашения долга! Я спрашиваю тебя, Кирхнер, где взять столько денег и не украсть? Был бы Фуггер верующим христианином, а не безбожным язычником, поклоняющимся только мамоне, он бы списал нам все долги за полное отпущение

грехов.

— Ваша курфюрстшеская милость, — возмутился секретарь, — если мне будет позволено заметить, Якоб Фуггер живет кредитами, и своим местом и саном вы обязаны именно ему. Без его денег вы бы и сегодня были еще епископом Магдебургским и администратором Хальберштадта. Деньги правят миром, и никуда от этого не денешься. Впрочем, кому я это говорю!

— Кирхнер! — возмущенно перебил увлекшегося секретаря архиепископ. — Я запрещаю тебе разговаривать со мной в таком тоне. Такие слова из твоих уст ранят мою чистую душу. Или эта баба уже и тебя околдовала?

— Околдовала? С бабой, досточтимый князь, это мало связано, точнее говоря, вообще не связано. Горькая правда, с позволения сказать, состоит в том, что изрядное время вы живете не по средствам, иными словами, в долг, то есть на деньги других людей. Неудивительно, если однажды они захотят их вернуть. Но мы ушли в сторону. Вы действительно хотите отдать жену канатоходца инквизиции?

— А что, есть другие варианты? — Альбрехт коварно ухмыльнулся.

— Ваша курфюрстшеская милость, вы же знаете, что это значит!

Кардинал равнодушно кивнул.

На следующее утро, еще до рассвета, труп Рудольфо был перевезен из покойницкой за городской чертой в больницу для бедных. Лишь немногие из близкого окружения Альбрехта Бранденбургского и его секретаря Кирхнера имели право знать об этом, потому что план, который вынашивал князь-епископ, был порочен по церковным догматам и строго воспрещен законами империи.

Альбрехт и его секретарь всю ночь жарко дискутировали, прежде чем принять решение. Поначалу Кирхнер был против этой затеи, пока его курфюрстшеская милость не доказал ему обратное. Ибо, считал Альбрехт, человек с такими способностями, как Рудольфо, должен иметь внутренний орган, которого недостает остальному человечеству, или же остальное человечество не осознает это.

А потому он приказал врачу больницы для бедных, отупевшему старику с паучьими пальцами, увидев которые, как поговаривали в Майнце, иной жалкий пациент тут же отдавал Богу свою страждущую душу, анатомировать труп канатоходца, то есть вскрыть бренную оболочку в тех местах, в которых мог находиться такой орган.

Причина неправомерного любопытства Альбрехта

заключалась не столько в его тяге к исследованиям, сколько в вере — нет, не в Творца, а в доходный гешефт, которым могла бы стать продажа этого открытия. Ведь если кардиналу что-то и было нужно, то только деньги, много денег.

Под покровом темноты, еще до заутрени в соборе, Альбрехт с Кирхнером отправились пешком к больнице для бедных, которая находилась за церковью кармелиток, где их ожидал врач Ридингер.

Обветшалое строение было пронизано отвратительным зловонием, превосходившим по силе даже утреннюю вонь в переулках, когда майнцы опорожняли из окон свои ночные горшки. Чтобы перекрыть гнилостные испарения, доктор Ридингер протянул кардиналу и его секретарю тряпки, пропитанные едкой жидкостью, которые те прижали к носу и рту.

Сам он, ставший за долгие годы невосприимчивым к любым запахам, отказался от подобных подручных средств. Он полагал, что ***один*** запах ни в коем случае не способен нейтрализовать другой, в лучшем случае он может его перекрыть и тем самым обмануть нос, так же как человеческое ухо не способно убить звуки, а лишь может быть введено в заблуждение более сильным шумом, что в итоге приводит к глухоте. Именно это случилось с его обонянием.

Длинный коридор заканчивался комнатой с голыми стенами и земляным полом, в которой стояли два грубо сколоченных деревянных стола: один посередине, второй у стены; на втором были разложены пилы, ножи, разные крюки и щипцы, освещенные мигающей настенной коптилкой.

Обычно медик вскрывал здесь гнойные нарывы или отпиливал обгоревшие конечности. Один из рыбаков тайно доставил сюда на двухколесной тачке труп Рудольфо, спрятанный под ящиками с рыбой, выловленной в Майне, смрад от которой перекрывал зловоние, исходившее от покойника.

Под посеревшим от частого использования мятым покрывалом можно было различить очертания человеческого тела. Доктор Ридингер был извещен секретарем князя-епископа о намерениях хозяина и поначалу отклонил просьбу. После щедрых посулов и грубых угроз он был вынужден согласиться, однако при условии, что никто не узнает о святотатстве.

В тайном трактате одного рейнского некроманта Альбрехт Бранденбургский вычитал, что внутренности человека, одержимого дьяволом или состоящего с ним в сговоре, должны быть якобы черными, как врата ада, в то время как невинные чада, еще не отнятые от материнской груди, были белоснежными.

У Кирхнера вырвался крик ужаса, когда медик снял с трупа

покрывало: все тело погибшего канатоходца было усеяно большими черными пятнами, а засохшая кровь покрывала черной маской обезображенное до неузнаваемости лицо.

Отнюдь не уверенный в своем деле, доктор Ридингер поднес нож к левой части грудной клетки и сделал сначала вертикальный, а затем горизонтальный надрез, образовав крест.

Когда же он начал отворачивать крюком возникшие треугольные лоскуты кожи, нутро его курфюрстшеской милости взбунтовалось и вся поглощенная накануне вечером еда изверглась мощной струей, оросив пурпурную сутану.

Не обращая на это никакого внимания, медик продолжил свою чудовищную работу, с хрустом перекусив щипцами два ребра. Таким путем он добрался до сердца, которое не только не было черным, но, насколько мог установить Ридингер, не обнаруживало никаких особенностей. Затем медик занялся животом, действуя теми же методами, что и с грудной клеткой.

Князь-епископ давно уже пожалел о своем любопытстве и отвернулся, дабы избежать дальнейших неприятностей, но тут Кирхнер окликнул своего хозяина, чтобы он посмотрел на паховый сгиб мертвеца.

Уверенный, что в нижней части живота Великого Рудольфе показались черные как смоль внутренности, кардинал пересилил свою тошноту и подошел, нацелив взгляд на вскрытое чрево. Скорчив брезгливую гримасу, он хотел уже выразить свое разочарование, ибо желудок и кишки отнюдь не напоминали обугленные врата ада, но тут Кирхнер показал вытянутым пальцем на странную татуировку на нижней части туловища канатоходца. Это была змея, хвост которой троился, частично напоминая сплетения голубоватых жилок под кожей. При ближайшем рассмотрении можно было даже различить девять букв: HICIACCOD.

На вопрос кардинала, что могли бы означать просвечивающие сквозь кожу артерии и загадочные буквы, медик пожал плечами и ответил, что это отнюдь не кровеносные сосуды, а татуировка, которую раньше практиковали первобытные народы, а с открытием Нового света переняли и жители здешних широт.

Кирхнер, на которого Альбрехт также обратил свой вопрошающий взгляд, не смог сказать ничего вразумительного, кроме того, что змея наряду с орлом и львом является животным-символом и может означать либо многое, либо ничего.

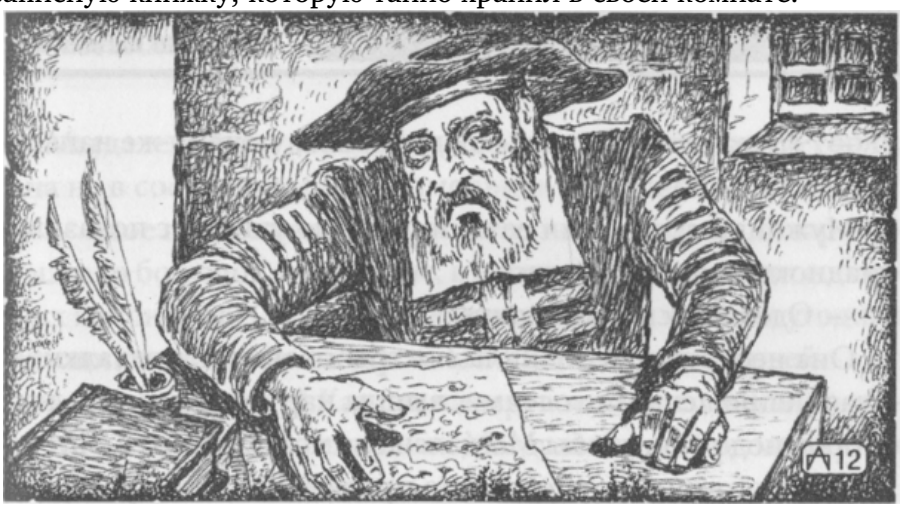
Все это, похоже, не слишком интересовало врача. Он равнодушно продолжал свою неприглядную работу, рылся в кишках канатоходца, извлек печень и желчный пузырь и понапрасну искал дополнительный орган, который мог бы

позволить человеку подобно птице сохранять равновесие на тросе. В конечном счете, так ничего особенного и не обнаружив, доктор Ридингер засунул все безжалостно вытащенные внутренности обратно.

Врач явно все еще рассчитывал найти искомое, поэтому, вооружившись молотком и зубилом, поднес инструменты к переносице трупа и уже был готов мощным ударом раскроить череп.

В последний момент Альбрехту удалось остановить прозектора, он ухватился за его занесенную руку с молотком и настоятельно, почти умоляюще попросил немедленно прекратить работу. Секретарю был отдан приказ позаботиться о том, чтобы труп Великого Рудольфо, запаянный в цинковый гроб, нашел упокоение на почетном месте майнцского кладбища.

Прежде чем приступить к исполнению приказа, Кирхнер занес буквенный код, обнаруженный на коже канатоходца, в свою записную книжку, которую тайно хранил в своей комнате.



Глава 14

Магдалена в ужасе проснулась и вскочила с постели. Свет фонаря прямо перед ее глазами освещал грубое лицо незнакомого мужчины. Она сделала попытку закричать, но незнакомец зажал ей рот рукой.

— Не бойтесь, с вами ничего не случится, — произнес он хриплым голосом.

Магдалена подумала о бегстве, но, посмотрев на дверь, обнаружила второго мужчину. Он как раз был занят тем, что собирал платья и все, что ему казалось важным, в узел. Однако незнакомец отнюдь не походил на подлого грабителя.

— Что все это значит? — поинтересовалась Магдалена, когда отошла от первого испуга.

Мужчина, стоявший у ее кровати, спокойно ответил:

— Мы хотим вам только добра и доставим вас в безопасное место. Следуйте нашим указаниям, и с вашей головы не упадет ни один волос.

Магдалена возмущенно перебила его:

— Что за чушь! Если вы не враги мне, почему же нападаете посреди ночи?

Мужчина пропустил ее вопрос мимо ушей и с показным хладнокровием произнес:

— Одевайтесь и выходите!

Она неохотно выполнила его требование и, подталкиваемая непрошеными гостями, вышла наружу. Взяв ее с двух сторон под руки, чтобы Магдалена не могла убежать, они без лишних объяснений поспешно проделали часть пути через ночной город до песчаного берега. Там их ждала крытая тентом повозка, запряженная двумя лошадьми. У Магдалены заныло сердце от дурных предчувствий.

Один из ее похитителей швырнул узел с вещами, собранными в цирковом вагончике, в повозку, а другой потребовал, чтобы она залезла и села спереди.

— А если я откажусь? — Магдалена в последний раз решила показать характер. На самом деле она тряслась от страха.

Вместо ответа похититель вплотную подошел к ней и скрестил на груди руки, явно давая понять, что не советует ей артачиться. Она залезла на козлы и оттуда перебралась внутрь повозки.

— Надеюсь, парни не слишком грубо с тобой обращались? — услышала она знакомый голос.

— Это ты?..

— Маттеус Шварц, собственной персоной!

— Который хочет взять меня к себе на службу, — горько заметила Магдалена. — Честно говоря, я представляла себе это иначе.

— Охотно верю. Однако ты должна знать, что все это не имеет никакого отношения к моему предложению. Ты недооцениваешь ситуацию: за тобой по пятам гонится инквизиция. Три доминиканца уже в пути из Франкфурта в Майнц. Они еще сегодня будут здесь. Надеюсь, ты понимаешь, что это означает!

Магдалена почувствовала, как комок подступил к горлу, она не в состоянии была вымолвить даже слово.

— Твое представление на канате, — продолжал Шварц, — вызвало большое оживление, в первую очередь среди соборных каноников. Они отказываются верить, что богоугодная женщина способна на такое. Считают тебя колдуньей.

— И что дальше? Как ты намереваешься со мной поступить? — неуверенно спросила Магдалена. — Или, может, ты заодно с канониками?

Маттеус молча покачал головой и после небольшой паузы произнес, не глядя на Магдалену:

— Почему ты не доверяешь мне? Разве я давал тебе когда-нибудь повод?

— Нет, конечно нет. Извини, если я тебя обидела. Но, может, все-таки скажешь, что ты собираешься делать?

Фуггеровский посланник наклонился вперед, к слугам, уже разместившимся на козлах, и сказал:

— Езжайте! Вы ведь знаете дорогу. — И, повернувшись к Магдалене, произнес: — Я отвезу тебя в монастырь Эбербах. Там, у цистерцианцев, ты будешь в безопасности от преследования доминиканцев и инквизиции. У аббата Николауса Эбербахского есть передо мной должок, причем он задолжал мне не только признательность.

— Почему ты это делаешь? — спросила Магдалена, потупившись. Возничие пустили лошадей рысью.

— Почему, говоришь? — задумчиво повторил Маттеус Шварц. — Потому что ты расположила меня к себе своим прелестным нравом. Я бы даже сказал...

— Можешь спокойно произнести то, что у тебя вертится на языке. Ты хотел сказать, я тебя околдовала.

— Признаться, отчасти ты права. Да, пожалуй, что и околдовала, только не в том смысле, которое вкладывают в это слово Римская церковь или инквизиция...

— А в каком?

— Ну как тебе сказать? С нашей первой встречи ты не выходишь у меня из головы. Завладела всеми моими мыслями, для других уже и места не осталось. Господи, да неужели это так трудно понять?

Беспомощный лепет посланника, никак не подобающий человеку его положения, открыл Магдалене глаза.

— Ах, вот в чем дело, — протянула она, наконец догадавшись, что он имел в виду. Оба надолго замолчали.

Магдалена тоже была растеряна и не знала, как ей себя вести в этой ситуации. Безусловно, слова Шварца льстили ей, но события последних дней вытеснили из ее головы все мысли о другом мужчине. После довольно продолжительной паузы она неуверенно произнесла:

— Великий Рудольфо, с которым я, хотя и недолго, делила супружеское ложе, еще не погребен, а ты признаешься мне в любви. Я нахожу, что это не самый идеальный момент для таких признаний.

Шварц, заклиная, поднял руки:

— Разумеется, ты права. Но ты сама поинтересовалась мотивами моего поведения. Как иначе я должен был тебе ответить? Ведь это правда!

У ворот на мосту стражники скрестили свои алебарды и преградили повозке путь через мост. Один из предводителей, здоровый как бык, с длинными космами, объяснил кучерам, что до рассвета проезд воспрещен, если только они не предъявят пропуск.

Тогда Маттеус Шварц отодвинул тент и протянул начальнику стражи сжатый кулак. Тот принял с самодовольной ухмылкой две монеты и отдал своим людям приказ опустить оружие.

— Ты ни секунды не сомневаешься, что с твоими деньгами тебе любая цель подвластна! — горько заметила Магдалена.

— Не любая, — усмехнулся Шварц, — но большинство. Поверь мне, деньги — это не зло и не добро. Все зависит от того, для чего их используют.

Это прозвучало убедительно, и Магдалена разозлилась сама на себя за то, что свысока разговаривает с фуггеровским посланником, хотя он явно хорошо к ней относится. С тех пор как они впервые повстречались, Маттеус Шварц вел себя по отношению к ней предупредительно, его поведение никогда не было пошлым или вызывающим. И то, что он, обычно такой остроумный и опытный собеседник, начал заикаться, объясняясь ей в своем расположении, вызывало скорее симпатию.

Но Маттеус должен был понять, что ей потребуется много

времени, прежде чем она смирится с потерей Рудольфо. Канатоходец был ее первым мужчиной, и сейчас она с трудом представляла себе жизнь без него. Он изменил ее существование, разбудил ее веру в себя, чего не было раньше. За это она и любила его. Пусть даже она сама не знала, было ли ее чувство к нему любовью или лишь предосудительной формой благодарности.

— Я вовсе не собирался навязывать тебе свои чувства, — буркнул Маттеус, устремив взгляд вперед, поверх плеч кучеров.

— Да ладно, не бери в голову, — сказала она и тут же пожалела, что опять выбрала неверную интонацию. В ее голове был полный сумбур.

Рассвело, на небе показалось солнце, предвещавшее жаркий летний день. Из труб деревенских домов, теснившихся вдоль Рейна, валил дым. Там и здесь крестьяне выгоняли на луг скотину, а в виноградниках на склонах, обращенных к солнцу, просыпалась жизнь. Виноградари подрезали лозы, женщины на пашнях вязали снопы, составляя их в форме шатров.

Доехав до того места, где дорога вдоль Рейна разветвлялась, они свернули и двинулись в северном направлении, около часа поднимаясь вверх, на горы Рейнгау, где в высокогорной долине и была сокрыта конечная цель их путешествия. Бодро журчащий ручеек сопровождал их с левой стороны всю последнюю милю, пока наконец каменистая дорога, устроившая пассажирам изрядную тряску, не уперлась в большие деревянные ворота. Домик привратника и высокие стены, увенчанные зубцами, преграждали вход.

Маттеус выпрыгнул из фургона и решительно забарабанил кулаком в ворота. В укрепленной стене тут же открылось смотровое окошко, в ширину и в высоту не больше двух ладоней, в котором показалось изборожденное морщинами лицо.

— Хвала Господу Иисусу Христу, — прохрипел голос из окошка.

— Хвала, — откликнулся Шварц. — Скажите вашему аббату Николаусу, что у ворот стоит Маттеус Шварц, посланник Фуггера, и желает с ним немедленно говорить. Немедленно, вы поняли?

Словно увидев нечистую силу, привратник тут же исчез, оставив окошко открытым.

Шварц подал Магдалене знак сойти на землю и заглянуть в смотровое оконце. Она подошла к нему, но проем находился слишком высоко для ее роста, и Маттеусу пришлось приподнять девушку.

Ее глазам предстал удивительный мир, находившийся за воротами. Это был целый городок, пересеченный речушкой,

которая сопровождала их последний отрезок пути, но несравнимо большего масштаба и совсем иной, чем монастырь Зелигенпфортен, в котором она провела четыре года. За разбитым во всю ширь садом ее взгляд выхватил базилику с плоской крышей, за которой угадывались длинные дома, хозяйственные постройки, сараи и хлева.

Магдалена со смущением отметила приятное тепло, разлившееся по телу, когда Маттеус прижал ее к себе. Но что-то в ней противилось зарождавшемуся чувству, и она резко вырвалась из его рук.

Несколько мгновений они стояли совсем рядом, так близко, что каждый ощущал дыхание другого, их взгляды ветре-тились, нерешительно, почти робко, — но тут со скрипом и лязгом отворились ворота, вернув их к действительности.

С монастырского двора к ним вышел аббат Николаус, которого было несложно узнать по благородному духовному одеянию и осанистой походке, которая, впрочем, быстро изменилась, как только посланник Фуггера после формального приветствия отвел его в сторонку и принялся настойчиво уговаривать.

Все дальнейшее произошло с такой скоростью, что Магдалена лишь позже осознала, что случилось. Маттеус Шварц поспешно распрощался с ней, потершись щекой о ее щеку. Пообещал через несколько дней вновь появиться и за всем проследить и тут же умчался в своем дорогом фургоне.

Аббат препроводил ее, не произнеся ни единого слова, в конверзенбау, дом для членов ордена, не имеющих духовного звания. Это было вытянутое трехэтажное строение, лестницы и своды которого наводили страх на любого чужака. Указав ей на келью в верхнем этаже, он с неким подобием поклона удалился.

Стол, стул, лежак и деревянная вешалка для одежды у продольной стены составляли всю обстановку кельи. Из окна открывался вид на широкий журчащий ручей, хозяйственную постройку, перед которой были составлены винные бочки, а также мельницу — все это ласкало взор.

И в то же время в голове у Магдалены крутилась лишь одна мысль: прочь отсюда, и как можно скорее! Конечно, Маттеус нагнал на нее страху, сказав, что ее преследует инквизиция. И если вспомнить Мельхиора и трагическую историю его матери, угодившей в лапы инквизиторов, то ей надо радоваться этому более-менее надежному укрытию. Вот только мрачный вид аббата обескураживал ее.

Пусть даже он чем-то обязан Фуггеру и его посланнику, но кто знает, какую игру вел священнослужитель? Не для того ведь

Зелигенпфортен, чтобы влачить унылое тайное существование у монахов того же ордена, при этом под постоянной угрозой, что ее выдадут.

— Эй, вы, там! Поди, новенькая в этом монастыре? — услышала она зычный голос с другой стороны ручья и тут же отпрянула, чтобы спрятаться от кричавшего. В последний момент она все же увидела, как тот, пытаясь перепрыгнуть через ручей, промахнулся и очутился в воде, доходившей ему до колена.

При виде мужчины, который, по-журавлиному высоко поднимая ноги, словно на ходулях шел по воде и, беспомощно разводя руками, смотрел наверх, Магдалена не могла не рассмеяться. Она крикнула несчастливцу:

— Эй, вы, там! Поди, не лучший прыгун в этом монастыре?

— Вот уж точно нет, — ответил парень. — И, чтоб вас опять насмешить, скажу: меня зовут Венделин Свинопас.

— Магдалена, — представилась она и высунулась из окна.

— Так вы вовсе не смеетесь? — удивился Венделин.

— Из-за вашей фамилии? С какой это стати? Фамилию ведь не выбирают. Очень глупо насмехаться над кем-то из-за его имени или фамилии.

Вымокший мужчина сделал глубокий поклон и с благодарностью посмотрел наверх.

— Что привело вас к цистерцианцам Эбербаха? Надолго сюда?

— Сразу два вопроса в одном, — попеняла ему Магдалена. — А что бы вы ответили на те же вопросы?

Свинопас скорчил уважительную гримасу, вытянув губы дудочкой и вскинув брови.

— Видит Бог, вы не лезете за словом в карман, дева. Я бы без запинки ответил на ваши вопросы при условии, что вы спуститесь вниз.

— Я бы с радостью, но боюсь заблудиться в этом огромном пространстве с бесконечными коридорами и лестницами, которые поворачиваются вокруг оси, как домик улитки.

— А, ерунда! Выходите из кельи и идите по левой руке девяносто шагов. Оттуда по правой руке ведет стрельчатый переход к поворачивающейся вправо лестнице, в конце которой есть проход, ведущий прямо наружу. Там я буду вас ждать, — проговорил парень и тут же исчез из поля зрения.

Пройдя по пути, точно описанному ей Свинопасом, Магдалена вышла на воздух. Венделин уже ждал ее, переодетый в сухую одежду, причем довольно пеструю, не самую подходящую для монастыря.

— Пожалуй, я буду права, если предположу, что вы не духовного звания, — с ухмылкой заметила Магдалена.

— Как видите, — ответил Венделин, — я не ношу рясы, а что касается моих мыслей, то всякое благочестие пропало у меня еще в юные годы.

— Удивительно встретить такого вольнодумца именно среди цистерцианцев.

— Тут вы правы, дева, но должен вам сообщить, что полторы сотни монахов составляют в этом монастыре лишь одну треть всего населения. Две трети нанимаются прислугой: конюхами и служанками, ремесленниками и посыльными, виноделами и крестьянами, лекарями и санитарами — кого только нет в таком большом хозяйстве.

— А вы? — поинтересовалась Магдалена, пока они прогуливались вдоль ручья. — Давайте я отгадаю: вы портной, шьющий монахам рясы!

— Не угадали, дева!

— Кто же тогда? Я сгораю от любопытства.

— Когда-то я изучал искусство каллиграфии, — издалека начал Свинопас. — Рисовал грамоты и писал письма искусным почерком, не испортив ценный пергамент ни ***единой*** кляксой. Среди моих заказчиков были графы и герцоги, даже его курфюрстшеская милость Альбрехт Бранденбургский, и у меня был неплохой доход. Но постепенно все большее распространение получало проклятое изобретение этого

Иоганна Генсфляйша, которому разонравилась собственная фамилия, и он поменял ее на Гутенберг. С некоторых пор каждая грамота, каждое письмо и даже индульгенция должны были быть напечатаны с использованием жира и сажи, прости Господи. Тогда я отправился странствовать в поисках нового ремесла. Далеко я не ушел. Здесь, в Эбербахе, в одном дне ходьбы от моего родного Майнца, аббат Николаус предложил мне привести в порядок монастырскую библиотеку, собрать все книги в фолианты и расставить по латинскому алфавиту. Аббат пообещал мне двенадцать крейцеров в неделю, но пока я не видел ни одной монеты, так что работаю, что называется, во славу Господа.

Какое-то время они молча шли вдоль ручья, потом Венделин спросил:

— А вы? Я имею в виду, что вы не похожи на женщину, решившую стать Христовой невестой и остаток своих дней скоротать в монастыре, тем более с монахами Эбербаха.

Магдалена многозначительно улыбнулась, но промолчала. Едва ли было бы благоразумно довериться первому встречному, даже если что-то в его поведении выдавало порядочного

человека.

— Простите меня за любопытство, — извинился Свинопас. — Но такова уж моя натура. Когда я писал письма, наслышался самых невероятных рассказов. С тех пор я обожаю истории, написанные самой жизнью. А жизнь научила меня, что у каждого из нас есть своя тайна. И вы наверняка не исключение.

Магдалена остановилась в замешательстве и испытующе посмотрела на спутника. Можно было подумать, что этот жизнерадостный писарь и библиотекарь знает о ней больше, чем ей бы хотелось.

— Что же касается тайн монастыря Эбербах, — продолжил Венделин, — то я их знаю не все, но большинство. И будьте уверены, их предостаточно.

Хотя поблизости не было никого, кто бы мог подслушать их разговор, Свинопас прикрыл рот рукой и сказал вполголоса:

— Не следует удивляться, если вам на глаза попадутся странные фигуры, потому что монастырь — это еще и прибежище для преследуемых, что, впрочем, является довольно доходным гешефтом. Дело в том, что вход в аббатство заказан не только ищейкам курфюрста и самого императора, но и доминиканцам-инквизиторам, которые рыщут повсюду. На священную землю Эбербаха они могут сунуть свои грязные лапы только с особого разрешения.

Слова каллиграфа вызывали у Магдалены все большее беспокойство.

— Откуда вам известно мое прошлое? — неожиданно выпалила она.

— Вы ошибаетесь, — миролюбиво возразил Венделин. — Я не знаком ни с вами, ни с вашим прошлым, и если вам так спокойнее, вы можете ничего не рассказывать. Я всего лишь высказал свои догадки. Если такая красавица, как вы, с вашими манерами и чувством собственного достоинства, которое вы не скрываете, прибывает в монастырь Эбербах, то на это могут быть только три причины: либо вы скрываетесь от преследования мужчины, либо убежали из женского монастыря, либо за вами гонится инквизиция, чтобы устроить процесс.

Магдалена согласно кивнула.

— Вы хитрый лис, Свинопас. Скажу вам правду: в некоторой степени ко мне относятся все три варианта. И каким-то коварным образом все три связаны между собой.

Писарь даже присвистнул, словно желая сказать: «Нелегкая судьба». Но потом природное любопытство все же одержало верх, и он доброжелательно произнес:

— Вы можете доверять мне. Если это облегчит вашу душу,

расскажите мне историю вашей жизни!

Там, где ручей упирается в косогор, так что вода, утратив резвость, почти робко делает резкий поворот, Магдалена и Венделин Свинопас нашли укромное местечко, и она начала свое повествование. Страстно и обстоятельно, как богослов говорит о Нагорной проповеди, Магдалена изложила писарю всю свою жизнь: унылое существование в монастыре Зелигенпфортен, авантюрный побег и неожиданное знакомство с бродячей цирковой труппой. Не утаила и свою связь с Великим Рудольфо, его внезапную смерть и его странные отношения с тайным союзом, чьи многовековые знания помогли ему освоить мастерство канатоходца. Впрочем, она тщательно следила за тем, чтобы в ее рассказе не прозвучало название союза Девяти Незримых, а также то, что она сама однажды воспользовалась их познаниями и по канату взошла на одну из башен Майнцского собора. Она опасалась, что любопытный Свинопас будет вытягивать из нее новые подробности.

Писарь Венделин внимательно слушал ее рассказ, ни разу не перебив. Когда Магдалена закончила, он выжидательно посмотрел на нее, словно вопрошая, не последует ли продолжение, не сделала ли ее жизнь еще один, столь же волнующий зигзаг.

Тем временем жаркое солнце отбросило длинные тени и в конце концов взошло из-за холмов, обрамлявших Эбербахскую котловину. В монастырских стенах сразу проснулась жизнь. Повсюду, даже в наиболее отдаленных уголках, распахнулись двери. Слуги, выполнявшие в монастыре самую разную работу, устремились к длинному строению, расположенному слева от монастырской улицы. Там, в помещении с земляным полом, находилась трапезная для лиц не духовного звания. Монахи имели собственную трапезную по другую сторону квадратной крытой галереи. Хотя численность их была намного меньше, чем наемных работников, они где-то таились, во всяком случае, кроме аббата Николауса, Магдалена ни одного из них не видела.

— Это не должно вас удивлять, — заметил Венделин, отвечая на вопрос Магдалены. — Хотя орден и принадлежит якобы к числу самых смиренных, тем не менее господа монахи считают ниже своего достоинства разговаривать с нашим братом. Может, опасаются, что Вельзевул в образе писаря или бывшей послушницы вкрадется к ним в доверие.

Магдалена в изумлении переступила порог трапезной для наемных работников. Она располагалась непосредственно под отведенной ей кельей. Мощные своды сделали бы честь любой церкви. Шесть неуклюжих колонн, выстроившихся друг за другом,

будто великаны, посреди помещения, делили трапезную на две половины, словно на два нефа. Бесконечный ряд столов по левую сторону предназначался для проголодавшихся женщин, справа садились мужчины.

В толпе присутствие Магдалены никому не бросилось в глаза. И лишь когда она заняла место рядом с пышнотелой матроной с красным лицом и крепкими ручищами, та осведомилась:

— Новенькая, что ли?

Магдалена внимательно посмотрела на соседку. Увидев ее седые волосы вперемешку с соломой, спрятанные под грубой льняной косынкой, она невольно вспомнила о своем прошлом.

— Немая, что ли? — продолжала допытываться толстуха, заметив, что Магдалена колеблется. — Или есть что скрывать? Так пусть тебя это не волнует. Здесь каждому есть что скрывать! Иначе нас бы тут не было. — И, все еще не дождавшись ответа, добавила: — Среди прислуги я тебя, во всяком случае, еще не видела!

Магдалена показала пальцем на потолок:

— Мне отвели келью над трапезной. Оттуда из окна виден ручей.

Матрона отодвинула локоть от соседки и презрительно буркнула:

— А, понятно, из чистеньких. Надоевшая епископская шлюха или ублюдок из местных дворянчиков!

Не раздумывая, Магдалена размахнулась и залепила правой рукой пощечину соседке.

В какой-то момент показалось, что матрона вот-вот навалится всей своей тяжестью на Магдалену, но она неожиданно отвернулась и исчезла, не проглотив ни крошки.

Сцена вызвала большое оживление, поскольку толстая старуха в иерархии женской прислуги занимала высшую ступень. С жадностью члена ордена, приученного к неразговорчивости, аббат всегда проявлял живейший интерес ко всему происходящему среди прислуги женского пола. Однако лишь матрона была вхожа к нему.

Так или иначе, но благодаря своей несдержанной выходке Магдалена прославилась в первый же день и... нажила злейшего врага. Так она, по крайней мере, полагала. Тем больше было ее удивление, когда на следующий день матрона, которую все называли не иначе, как «Старшая», подошла к ней и елейным голоском произнесла:

— Я не хотела сказать ничего плохого. Думаю, мы поладим! — И протянула ей свою бесформенную лапу.

— Проехали, — насмешливо хмыкнула Магдалена, не

замечая руки Старшей. — С кем не бывает. — Она не доверяла этой женщине.

У Магдалены не было никаких дел, и время тянулось для нее мучительно медленно. Настроение было отвратительное. От идеи покинуть монастырь при первой же возможности она отказалась, вняв доводам Свинопаса, во всяком случае, отодвинула план побега на будущее. В одинокие часы, когда она предавалась раздумьям, время, проведенное с Рудольфо и циркачами, казалось ей порой сказочным сном. Ее не покидала мысль о том, что Господь забрал Рудольфо, чтобы покарать ее. В полной неопределенности проходил день за днем, пока не произошла неожиданная встреча.

В поисках полезного занятия Магдалена вызвалась помогать Венделину Свинопасу при разборе книг в монастырской библиотеке. Не без задней мысли, поскольку надеялась хоть что-нибудь разузнать о людях, причастных к тайным познаниям, с которыми когда-то был связан Рудольфо.

Войдя после утреннего супа в библиотеку, где царил необозримый хаос, почти как в мироздании перед первым днем творения, она в самом дальнем углу обнаружила склоненную над пюпитром для чтения фигуру. На мужчине были плащ и берет, и казалось, что он целиком поглощен лежавшим перед ним фолиантом.

Не успела Магдалена спросить Свинопаса, кто этот необычный благородный ученый — она не сомневалась, что это был именно рыцарь науки, — как Венделин приложил палец к губам, давая понять, чтобы она ради всего святого не беспокоила его. Шепотом он объяснил ей, что это знаменитый магистр, маг, чернокнижник, натуралист, знахарь и одному Богу известно кто еще — доктор Иоганн Фауст.

Магдалена испугалась и вновь украдкой посмотрела в сторону магистра. Несомненно, это был тот самый мужчина, которого она повстречала ночью в лесу под Мильтенбергом. Мужчина, постучавшийся ночью в фургончик Рудольфо и произнесший тайную формулу Девяти Незримых: сатам адама табат...

— Что он тут делает? — шепотом спросила Магдалена.

Свинопас пожал плечами:

— Занимается, как и положено магистру и чернокнижнику, научными изысканиями. Черт его знает, что ему конкретно нужно. Я здесь его уже давно вижу.

— Может, он ищет в монастырских фолиантах способ заставить заговорить звезды?

Чтобы не фыркнуть, Свинопас зажал рот рукой. Если

вспомнить о судьбе Магдалены, эта бабенка обладала удивительным чувством юмора.

— Этот доктор Фауст, — зашептал он в ответ, — довольно загадочный тип, одно слово, чернокнижник, а они ведь утверждают, что видят насквозь каждого.

— Звучит так, будто у вас с доктором Фаустом был спор на научную тему!

— Да нет, что вы, — разгорячился Свинопас, тут же снова перейдя на шепот, — на самом деле штудии доктора Фауста меня нисколько не интересуют. Он не слишком-то разговорчив, является каждое утро, не здоровается, ни тебе «Хвала Господу», ни тебе «Пошел ты в задницу», достает клочок исписанной бумаги, на котором значатся три-четыре наименования книг. Большинство из них я могу ему подобрать. Потом зарывается в свои книги до вечерней молитвы, делает пометки и исчезает так же молча, как и пришел. И так день за днем. Я его спрашиваю, может, помочь найти что-то определенное, а он только отмахивается, будто я нарушил ход его высокопарных мыслей. С тех пор мы ни разу не разговаривали. Поверьте, что-то есть подозрительное в этом чернокнижнике!

— Просто он великий молчун!

— Нет, меня не это настораживает.

— Вы заинтриговали меня, Венделин Свинопас!

Библиотекарь взглянул вниз, где за своим пюпитром, опустив голову и застыв, словно статуя, сидел Фауст. Потом тихо произнес:

— Необычен подбор книг, которые требует любознательный доктор, темы их никак не соотносятся друг с другом. — Он протянул Магдалене клочок исписанной бумаги. — Вот книги, которые он штудирует сегодня! Я могу понять, что исследователь изучает «Сферу Мунди» Иоганна Сакробоско, астрономический трактат о Птолемеевой системе мира и ее арабских комментаторах. Такого алхимика, как Фауст, может вполне заинтересовать книга Иоанна Ангела «Astrolabium planum», в которой трактуется каждый градус знаков Зодиака. Но почему, скажите на милость, он набрасывается на книги о стеганографии и спагирике, словно лев на газель?

— Стегано?..

— Стеганографией называют искусство тайнописи. К примеру, ты пишешь на пергаменте, и не успел ты дописать до конца, как все написанное исчезло. Однако с помощью особых трюков все опять можно сделать видимым. Или: некий автор записывает свою работу зашифрованными словами или буквами. Допустим, из первого слова бессмысленного, на первый взгляд,

текста берется только первая буква, из второго слова — вторая, из третьего — третья, и так до тех пор, пока не получается целое слово. Для следующего слова все начинается сначала. Утомительный процесс, но благодаря многовариантности практически не поддается расшифровке.

— А как называлась вторая тайная наука?

— Спагирика, это слово состоит из двух греческих слов: «разделять» и «соединять».

— А что при этом разделяется или соединяется?

Свинопас ухмыльнулся с гордым видом знатока. Работая

в библиотеке, он за короткое время многое постиг, потому что сам изучал книги, которые ему возвращали. На полках стояла масса фолиантов, ими никто не интересовался, но, сказал он себе, те книги, к которым кто-то проявляет интерес, следует прочесть в любом случае — пусть даже они посвящены стеганографии или спагирике.

— Спагирика, — начал он, — это алхимическое учение о смешении и разделении определенных элементов для изготовления секретных эликсиров, которые в определенном сочетании ингредиентов оказывают магическое действие. Посвященные называют такой чудодейственный эликсир ***арканум,*** что приблизительно означает что-то таинственное. Нескольких капель такого эликсира якобы хватает...

— И вы верите в это? — прервала Магдалена библиотекаря, делая вид, что ее насмешил его рассказ. На самом деле

Свинопас привел ее в состояние крайнего возбуждения. В ее голове все вдруг сложилось в целостную картину: формула Девяти Незримых, которой владел доктор Фауст, и чудодейственный эффект эликсира. Что же искал чернокнижник в библиотеке цистерцианцев Эбербаха? Магдалене приходило на ум лишь ***одно*** объяснение: он искал девять «Книг Премудрости», книг, за которые ему было не жалко отдать тысячу золотых дукатов, если она ничего не путает.

— Отвечая на ваш вопрос, — заметил Венделин Свинопас, — было бы глупо не верить в действие чудо-эликсиров. Изо дня в день на этой земле происходят чудеса, противоречащие известным законам природы. Сам Иисус Христос, вероятно, пользовался ими, когда ходил по воде или возносился на небо, — если, конечно, то, что нам преподносит Библия, правда.

Магдалена слушала Свинопаса вполуха. Погруженная в свои мысли, она вдруг спросила:

— Скажите, Свинопас, а вы знаете каждую книгу, которая хранится в монастырской библиотеке?

Библиотекарь захихикал и покачал головой.

— Хотя эта библиотека далеко не самая обширная и значительная в стране, но человеческой жизни не хватило бы, чтобы прочесть все книги.

— Я не это имела в виду, — пояснила Магдалена и быстро приглушила свой ставший громким от волнения голос. — Я спросила, знаете ли вы, есть ли на ваших полках та или иная книга?

— Даже этого вы не можете требовать от случайно попавшего сюда каллиграфа! По самым осторожным подсчетам, мы имеем дело с десятью тысячами фолиантов. Мой мозг слишком мал, чтобы удерживать так много названий. Именно по этой причине аббат Николаус поручил мне архивировать библиотеку. И, как видите, я уже дошел до буквы D**.** От ***E*** до Z я буду вынужден полагаться на свое чутье, отыскивая книги. С годами здесь образовались тематические гнезда, если вы понимаете, что я имею в виду, — то есть книги на одну тему оказались в одной куче или на одной полке.

Магдалена все еще была весьма взволнована, однако спросила с наигранным безразличием:

— Тогда, значит, вы уже расставили книги по алхимии?

— Разумеется. По алхимии, как и по богословию, здесь имеются все основные книги. Вас интересует алхимия?

— С тех самых пор, как в монастыре Зелигенпфортен мне попался в руки девятитомный труд под названием «Книги Премудрости», написанный от руки на пергаменте, — соврала Магдалена и с надеждой посмотрела на Свинопаса.

Тот сощурился, как если бы Магдалена допустила какую-то бестактность и задела его честь. Потом резко ответил:

— Нет, никогда о таком не слыхал.

— А доктор Фауст о нем не спрашивал?

— Нет, думаю, что нет. Но вы можете проверить клочки бумаги, на которых Фауст заказывает свои книги. Я все их сохранил. А теперь я должен заняться своей работой — если вы не возражаете!

В записках чернокнижника значились преимущественно книги, связанные с алхимией. На сегодня, однако, Фауст заказал книгу, которая не вписывалась ни в одну схему: «Русло Майна».

Из надежного укрытия Магдалена наблюдала за странным магистром. Со страдающим выражением лица он склонился над своим пюпитром и время от времени вытирал рукавом пот со лба. Судя по его позе, он отнюдь не читал какой-либо текст. Глаза его были неподвижно прикованы к определенному месту в книге. Он явно о чем-то размышлял.

До сих пор Магдалене удавалось не попадать в поле зрения

увлеченного чтением магистра. Ей страшно было представить, что было бы, если бы он ее узнал. Она чересчур хорошо помнила его слова: есть люди, способные на убийство, чтобы завладеть одной из «Книг Премудрости».

Странный чернокнижник видел Магдалену только с чепчиком на голове. К тому же, когда они повстречались на развилке под Мильтенбергом, стояла кромешная ночь. Сейчас она носила свои уже отросшие волосы без головного убора. Опасность, что он с первого же взгляда узнает ее, была ничтожно мала. И уж меньше всего доктор Фауст мог ожидать встретить ее, любовницу Великого Рудольфо, в монастырской библиотеке Эбербаха. Хотя, с другой стороны, кто знает, сколько раз он мог тайком следить за ней при дневном свете в цирковой труппе? Она испытывала страх перед магом, который был настолько осведомлен, что знал даже тайную формулу Девяти Незримых и предлагал огромные суммы за секретные книги.

Все эти обстоятельства подстегивали Магдалену к тому, чтобы не спускать глаз с доктора Фауста. Она должна была узнать больше о загадочном чернокнижнике и его мотивах.

Поскольку Венделин Свинопас после их разговора стал относиться к ней сдержанно, если не сказать с некоторым недоверием, то следующей ночью Магдалена одна тайком прокралась в библиотеку. Судя по тому, что из монастырской церкви доносились монотонные распевы монахов, было время заутрени. С помощью записок с названиями и указанной темой книг, интересовавших магистра, Магдалена надеялась пролить свет на мотивы, побуждавшие доктора Фауста проводить дни и недели под сводами библиотеки. У нее было время от заутрени до Хвалы. Под покровом ночи, без фонаря, она прокралась из дома, где обитала, в библиотеку и там стала дожидаться рассвета, чтобы иметь возможность читать. До службы первого часа, с которой начиналась монастырская жизнь, у нее оставался как раз один час, чтобы углубиться в манускрипты и фолианты.

За этим занятием Магдалена провела не одну ночь в библиотеке в поисках отправной точки в исследованиях Фауста.

Многое из того, что она просматривала в полумраке, улетучивалось из ее головы в тот же день. А что-то оседало в памяти и долго еще будоражило ее. У нее уже голова шла крутом от таких понятий, как хронократоры и трансмутации, пондерация и дигерирование, фульгурит и черная магия, ведьмина мазь и азот, о которых она впервые слышала или значение которых было столь же чуждо ей, как, к примеру, далекая Индия. И еще бесчисленные имена и фамилии, из тщеславия латинизированные или спрятанные за псевдонимами.

После недели бессонных ночей Магдалена приняла решение прекратить свои поиски и посвятить себя исключительно разбору библиотеки. В уверенности, что она держала в руках большую часть книг, которыми пользовался доктор Фауст, — о постижении смысла нечего было и думать, — Магдалена в последний раз отправилась в ночное время в библиотеку, чтобы проработать две оставшиеся записки. Как и все предыдущие ночи, она не пользовалась светом, чтобы не выдать себя.

Осторожно открыв дверь, Магдалена испытала шок: в дальней части библиотеки, там, где имел обыкновение работать чернокнижник, мерцала свеча. Вероятно, Фауст забыл потушить ее. Страшно подумать, что было бы, если бы свеча догорела.

Магдалена приблизилась и вздрогнула. У нее перехватило дыхание. За пюпитром сидел, согнувшись, доктор Фауст. Присмотревшись, она увидела, что его тело, склоненное набок, лежало на доске пюпитра, а руки безвольно свисали. «Он мертв», — пронеслось у нее в голове.

Магдалена была готова закричать и убежать прочь, но она замерла от ужаса, страх сковал все тело. И вдруг, не веря своим глазам, она заметила, что слабый огонек, словно часовой механизм, колышется с равномерным интервалом. Фауст не был мертв. Должно быть, он заснул во время чтения, и теперь его дыхание заставляло подрагивать пламя свечи.

Чернокнижник спал так крепко, что Магдалена без колебаний подошла ближе. Раскрытая книга большого формата «Русло Майна» служила ему подушкой. Искусно вычерченная карта показывала все русло Майна от истока в горах до впадения в Рейн, слияние с Баунахом и Регницем под Бамбергом, характерный треугольник, образуемый с городом Вюрцбургом, и не менее примечательный четырехугольник Майна. Что же подвигло доктора Фауста ночь напролет изучать эту карту, так что он даже заснул над ней?

Чем дольше Магдалена рассматривала карту, нанесенные на ней населенные пункты, замки и монастыри, в том числе и Зелигенпфортен, обозначенный красной точкой, тем больше спрашивала себя, уж не помешалась ли она? Не каждая книга, в которую углублялся доктор Фауст, неизбежно была связана с поисками «Книг Премудрости». Видимо, чернокнижник всего лишь изучал кратчайший путь в другой город.

Магдалена уже собиралась послюнявить кончики большого и указательного пальцев, чтобы потушить свечу и предоставить Фаусту спокойно почивать дальше, как неожиданно сделала невероятное открытие: русло реки в точности соответствовало характерным контурам треххвостой змеи, вытатуированной на

теле Рудольфо. Четырехугольник, треугольник и три хвоста врезались в память Магдалены.

Не задумываясь о том, что маг может проснуться, Магдалена попыталась вытащить из-под его головы раскрытую книгу, но тут Фауст правой рукой схватил ее за запястье, и его пальцы сомкнулись на нем, подобно щупальцам морского чудовища кракена.

Глава 15

В опочивальне Альбрехта Бранденбургского Лейс, любовница его курфюрстшеской милости, стояла на коленях — нет, не перед роскошным домашним алтарем, а перед детородным органом кардинала, вызывая у того приятный озноб и уже с раннего утра скабрезные выражения:

— О, моя похотливая мадонна! О, моя спелая гроздь в винограднике Господа! Моя Мария Магдалена, я буду иметь тебя до умопомрачения!

Связь князя-епископа с его любовницей Элизабет Шюц, которую он почему-то звал Лейс, длилась уже целую вечность, причиной чему была, несомненно, ее искушенность в любовных утехах и тот неоспоримый факт, что время почти не оставило следов на сорокалетней красавице.

За каждое кардинальское соитие Альбрехт имел обыкновение одаривать любовницу ценной жемчужиной, из тех, что он снял с мощей катакомбной святой Геновефы, приобретенных им несколько лет тому назад. Правда, потом его курфюрстшеская милость узнал, что в ходу было не менее

имя которого я поостерегусь произносить, на днях сочетался браком с настоящей монахиней, и более того, она уже беременна. Так что твои опасения неуместны.

Кирхнер не знал, как ему себя вести, тут он заметил Лейс, присутствовавшую при разговоре с опущенным взором. Секретарь попытался догадаться, куда клонит кардинал. Лейс Шюц была роскошной женщиной, искушенной в любви и других вещах, с таким бесстыдством описанных в Ветхом Завете. Судя по всему, кардинал пресытился ею. Тайные встречи досточтимого князя с вдовой из Франкфурта Агнес Плесс, урожденной Штраусс, не укрылись от Кирхнера. Как и тот факт, что, хотя ее внешность и не была столь пленительной, как у Лейс, зато ей в наследство досталось изрядное состояние. А это, как известно, придает любой женщине особую красоту.

Ход мыслей Кирхнера вдруг нарушили слова Альбрехта:

— Тебе следует жениться на дочери Лейс Катарине, которая одновременно и ***моя*** дочь! О наследстве поговорим, когда улучшится мое финансовое положение.

Иоахим Кирхнер бросил робкий взгляд на Лейс. Однако та, похоже, была удивлена не меньше, чем он сам. Впрочем, такой поворот был ей скорее на руку. Лучше уж мужчина, но с надежным доходом, чем жизнь в монастырских стенах.

— Я это вполне серьезно, — добавил Альбрехт Бранденбургский, увидев сомнение на их лицах. — Деве пятнадцать лет, именно то, что надо для секретаря курфюрста. Ну как, согласен?

— Да, да, ваша курфюрстшеская милость! — заикаясь, заверил Кирхнер. — Однако папский легат все еще ждет у ворот достойного приема. Его святейшество Папа Климент, кажется, через сомнительные каналы разузнал о дате погребения Великого Рудольфо. Кстати, Майнц наводнен людьми, желающими оказать последние почести чудесному канатоходцу.

— Сброд! — презрительно рассмеялся Альбрехт. — Падкий на сенсации сброд, который горит желанием узнать, не

восстанет ли великолепный Рудольфо из гроба и не вознесется ли на небо, как Господь наш Иисус, а может, как Люцифер, отправится в другом направлении.

Кирхнер примирительно воздел руки.

— Ваша милость, взгляните в окно, и вы измените свое мнение. В Майнц съехались достойные люди высоких сословий, чтобы проводить в последний путь канатоходца. Я еще рано утром повстречал на Рыночной площади двух знаменитых господ, погруженных в беседу. Я нисколько не сомневаюсь, что это были Агриппа из Неттесгейма и Эразм Роттердамский. С Агриппой я когда-то сталкивался в молодые годы в Кельне. Тогда он еще носил имя Генрих Корнелиус и, как и я, изучал богословие. А второй — Эразм, его портрет давно уже висит в каждой библиотеке и в каждом университете. Они явно не случайно оказались в один день в одном месте.

— Ты полагаешь, они оба...

Кирхнер кивнул с некоторым высокомерием, столь же чуждым ему, как и распущенный образ жизни его курфюрстшеской милости.

Кардинал резко бросил своей конкубине:

— Оставь нас наедине!

Лейс беспрекословно удалилась.

— Лучше бы мы не затевали вскрытие трупа Великого Рудольфо, — нахмурив лоб, заметил Альбрехт. — Известие о его смерти и так уже дошло до Рима. Если бы мы похоронили канатоходца на следующий день, то были бы от многого избавлены.

— Вы имеете в виду нахлынувшие людские массы?

— Именно их!

Иоахим Кирхнер задумался, после чего произнес:

— Мне не пристало предвосхищать мысли вашей милости...

— Давай, говори. — Кардинал благосклонно кивнул.

— ...Однажды вы сказали, что подозревали Великого Рудольфо в причастности к Девяти Незримым, владеющим

тайными познаниями человечества. И пришли к выводу, что канатоходец использовал эти познания во время своих отчаянных выступлений.

— Да, говорил, и это было бы внятным объяснением его умений и нечеловеческих способностей.

— Если ваше предположение оправдается, то тогда, ваша милость, было бы логично, что остальные восемь из Девяти Незримых решили проститься со своим товарищем. Об этом свидетельствует хотя бы присутствие великого Эразма Роттердамского и столь же высокообразованного Агриппы из Неттесгейма. Если ваша милость заинтересована в их знаниях, нам надо не спускать с них глаз.

— Еще бы я не был заинтересован! — взорвался Альбрехт Бранденбургский. — Ты же знаешь мое положение: я, кардинал и курфюрст Майнцский, полный банкрот, неплатежеспособен. Я, ты, все мы живем за счет милости и щедрот богача Фуггера. Если Маттеус Шварц будет настаивать, мне придется заложить Майнцский собор! Боже мой, какой позор! Гнусный епископ Шпейерский совершил бы молебствие и три дня праздновал бы свою победу. Я даже не смею думать об этом. А если бы нам удалось обнаружить одного из Девяти Незримых и выкупить у него его познания, мы бы избавились от всех своих проблем!

— Да откуда же взять на это деньги? — рассудительно заметил секретарь. — Могу себе представить, какую огромную сумму заломят Незримые, если вообще хоть один из них готов обнаружить себя и раскрыть свою тайну. Что же вы намереваетесь предпринять, ваша курфюрстшеская милость?

— Это уж моя забота, — с лукавой ухмылкой отрезал Альбрехт.

Кирхнера одолевали сомнения, что князь-епископ будет в состоянии отыскать еще один источник финансов. Маттеус Шварц не даст ему ни гроша, пока он не выплатит хотя бы проценты по существующим долгам. Что же до богатых

евреев, завладевших целым кварталом между Флаксмарктом и Бетцельгассе, то эти были чересчур хитры, чтобы пускаться в финансовые авантюры, исход которых был столь же неопределенным, как гороскоп звездочета.

Кирхнер нерешительно повторил:

— Ваша курфюрстшеская милость, перед городскими воротами все еще ждет достойного приема папский посланник, кардинал папской курии Джустиниани.

Альбрехт гневно отмахнулся:

— На что мне этот Джустиниани? Я его не приглашал, он о своем приезде меня не извещал. Пошли к воротам каноников. Только пусть наденут чистое белье, чтобы не воняли!

Погребальная процессия Великого Рудольфо неожиданно попала на настоящие народные гуляния. Леонгард Куенрат, великан из Равенны, одетый в маскарадный костюм — медвежью шкуру, лишь местами прикрывавшую его мускулистое тело, — вез двухколесную повозку с гробом канатоходца. И где бы он ни появлялся, публика встречала его громом аплодисментов. Люди, провожавшие артиста в последний путь, бросали цветы на повозку. Казалось, все забыли, что Великий Рудольфо умер не естественной смертью, а стал жертвой покушения. Но бродячий артист считался свободным как птица, и его кончина не вписывалась в свод принятых законов.

За похоронной повозкой горделиво вышагивал одетый в черное, словно поп, зазывала Константин Форхенборн. В своем черном плаще он резко отличался от остальных циркачей, провожавших канатоходца в пестрой шутовской одежде: жонглер Бенжамино был в зеленых шароварах, его обнаженный торс обвивали золотые ленты; польская женщина-змея Ядвига облачилась в тонкое шелковое платье, тесно облегавшее ее тело; горбатый знахарь был в огненно-красной накидке и такого же цвета головном уборе, а королева карликов четырех футов роста надела то самое тончайшее прозрачное платье, в котором выставляла себя напоказ во время представления.

За ними следовал запряженный двумя лошадьми, раскрашенный в синий и красный цвета цирковой фургончик с надписью «ВЕЛИКИЙ РУДОЛЬФО» с обеих сторон, за которым гурьбой топали возничие, хриплыми глотками оравшие старую цирковую песню: «Мы странствуем, мы странствуем по разным городам...»

Когда овации горожан начали стихать, кто-то выкрикнул из толпы:

— Мы хотим видеть Великого Рудольфо на канате!

Ликование вспыхнуло с новой силой, еще громче, чем раньше, и каноники, с достоинством замыкавшие процессию, начали беспокойно озираться по сторонам, опасаясь, что народ может взять штурмом процессию и убежать с гробом канатоходца.

Большинство горожан впервые видели мрачно поглядывающего вокруг старика, облаченного в дымчато-серую меховую накидку, которого несли в паланкине восемь слуг в ливреях. Это был кардинал папской курии Джустиниани; время от времени он высовывал правую руку в перчатке и осенял толпу крестным знамением, на которое, впрочем, мало кто обращал

внимания.

Альбрехт Бранденбургский и его личный секретарь Иоахим Кирхнер имели все основания подняться на галерею восточных хоров, которыми заканчивался продольный неф собора. Оттуда, из укрепленного колоннами прохода, на высоте, залитой воздухом и светом, открывался лучший вид на Либфрауэнплац и на то место, где погиб Рудольфо.

Когда Куенрат с повозкой поравнялся с этим местом, он на мгновение остановился и опустил взгляд на землю. Потом посмотрел вверх, на правую из двух круглых башен у восточных хоров, и погрозил небу кулаком. Затем продолжил свой путь.

— Что это значит? — поинтересовался князь-епископ у секретаря, не отрывая глаз от траурной процессии. Ибо вслед за папским посланником и его эскортом шли почетные гости и сановники, которых скорее можно было бы ожидать на погребении короля, чем канатоходца.

— Грозить сжатым кулаком в сторону соборной башни? — задумчиво уточнил Кирхнер. — Я бы сказал, это была угроза. Возможно, он знает, кто убил Рудольфо!

Альбрехт Бранденбургский растерянно взглянул на секретаря:

— Ты это о чем? Ну говори уже!

— Ни о чем, ваша курфюрстшеская милость! Но тот факт, что циркач живет вне законов, ведь не означает, что нельзя пытаться найти его убийцу. Или я не прав?

Князь-епископ задумался.

— Посланник богача Фуггера! — неожиданно воскликнул он и возбужденно показал вниз. И в самом деле, Маттеус Шварц примкнул вслед за майнцским бургомистром и его советниками к похоронной процессии, как всегда, щегольски одетый, с наброшенной голубой бархатной накидкой.

— Это заговор! — разволновался Альбрехт Бранденбургский. — Настоящий заговор, вот что это такое! Уверен, что, когда я отправлюсь в свой последний путь, на моих проводах не будет и половины столь именитых гостей.

— Не говорите так, ваша курфюрстшеская милость, — попытался успокоить Кирхнер кардинала. — Ваше время еще не пришло. И если это доставит вам радость, последние почести вам окажет гораздо больше людей. — Кирхнер вдруг умолк.

Он взглянул сбоку на князя-епископа, чтобы понять, узнаёт ли тот благородных мужчин, двумя рядами по четверо проходивших как раз под ними.

— Ведь это же… — промямлил Альбрехт, — это же…

— Эразм Роттердамский.

— А бородатый рядом с ним?

— К сожалению, этого я не знаю. А вот тот, который дальше, кажется мне знакомым.

— Это Николай Коперник, астроном, выступающий на прусских ландтагах как депутат от Вармии. Я его знаю, — заметил курфюрст с гордостью, смешанной с презрением. — И если не ошибаюсь, то мужчина с редкими волосами и с папским жеманством возле него — фаворит клана Медичи, Никколо Макиавелли. Кирхнер, ущипни меня за бок...

— Господа во втором ряду — это Агриппа из Неттесгейма, исцелитель-чудотворец Парацельс, прорицатель Нострадамус, а четвертого вы наверняка знаете лучше, чем я!

— Грюневальд, художник Матиас Грюневальд, нищий, которого я десять лет вскармливал на своей груди, которому заказал три алтарные иконы для Майнцского собора и который втерся ко мне в доверие, вызвавшись написать мой портрет выше человеческого роста в образе святого Эразма, избавляющего от болей в животе. Я все же выслал его из города, а он снова здесь! Грюневальд должен еще сегодня покинуть город. Скажи ему об этом. Я не желаю его больше никогда видеть!

Приват-секретарь внимательно посмотрел на кардинала.

— А что, если художник Грюневальд — один из Девяти Незримых?

— Этот-то?

— Вспомните о канатоходце, ваша курфюрстшеская милость! От циркача этого еще меньше можно было ожидать.

— Спокойно, Кирхнер, спокойно! Пока еще нет никаких доказательств для твоих утверждений. Может, мы себе бог знает что напридумывали, а досточтимые господа там внизу собрались на научный симпозиум и дискутируют о траектории светил или о том, что Земля не диск, не шар, а миска.

Секретарь поморщился:

— И досточтимые господа не нашли более интересного занятия, кроме как принять участие в похоронной процессии какого-то канатоходца?

— Тут ты абсолютно прав, — согласился Альбрехт. — Единственный, кто мог бы пролить нам свет, — это жена канатоходца, а она, по-видимому, ночью растворилась в воздухе.

— В это я готов поверить, — вздохнул секретарь. — Я опросил всех привратников, не покидала ли город хотя бы одна женщина, но в ответ мне лишь мотали головой или пожимали плечами.

— Но циркачи, они-то должны знать, куда подевалась эта Магдалена! — Стоя под прикрытием колонны в проходе, князь-

епископ внимательно наблюдал за происходящим внизу. Неожиданно оттуда донеслись свист, неодобрительные крики и грязные ругательства. Испугавшись, что толпа обнаружила его на восточных хорах собора, Альбрехт отпрянул и испуганно уставился на Кирхнера.

Тот показал вниз, на доминиканцев-инквизиторов, примкнувших к траурной процессии. Они были в черно-белом одеянии и фиолетовых перчатках, что являлось символом их карающей власти. И хотя они время от времени предоставляли народу их излюбленные зрелища, сжигая мужчин и женщин на кострах, их крайне не любили.

— Циркачей надо допросить, пригрозив инквизицией, и выяснить место пребывания жены канатоходца, — прошипел курфюрст, — тогда уж они выдадут всю правду. Точно тебе говорю, Кирхнер, эта баба всех нас дурачит. По красноречию Магдалена не уступает соборному проповеднику. По-видимому, она знает латынь и демонстрирует чувство собственного достоинства, поэтому способна запугать даже такого стойкого мужчину, как я. Если бы не ее серебристый голосок, шелковистая кожа и груди, как у куртизанки империи, сводившей с ума вселенский собор в Констанце, можно было бы подумать, что это дьявол в женском обличии.

На лице Кирхнера был написан ужас, однако по своему обыкновению он покорно кивнул.

— Если позволите спросить, — обстоятельно начал он, — откуда вам вообще известно о Девяти Незримых? Я имею в виду то, что следует уже из названия, — они ведь невидимы, значит, их нельзя увидеть... Откуда же известно, что они вообще существуют?..

Князь-епископ сделал вид, что негодует.

— Кирхнер, какой же ты трусливый! Существует много чего, что нельзя увидеть. Воздух, которым ты дышишь, ты ведь не видишь, однако же не сомневаешься, что он есть.

— В этом, безусловно, есть своя логика. Однако удалось ли доказать принадлежность хотя бы одного Незримого к досточтимому кругу? Признался ли хотя бы один из Незримых в этом?

Альбрехт Бранденбургский отрицательно покачал головой:

— Сие мне неизвестно. Но некоторые оставили подтверждения, не допускающие сомнений в их причастности к тайным познаниям. Граф Альберт фон Больштедт[9], величайший ученый нашего тысячелетия, обладал такими знаниями, что был почтительно именован Альбертусом Магнусом. Ни один человек на этой земле не в состоянии за ***одну*** жизнь освоить такой объем

знаний, пусть даже ему было отпущено восемьдесят лет. Откуда этот граф из швабской провинции черпал свои знания о египетских, арабских и еврейских науках, которым не обучали ни в одном европейском университете или монастырской школе? Этому есть лишь ***одно*** объяснение: Великий Альбертус имел доступ к тайным источникам знаний.

Иоахим Кирхнер растерянно смотрел вниз, где тем временем простой народ присоединялся к погребальной процессии. После долгих раздумий он заметил:

— Большого богатства Альбертусу его ученость не принесла.

— Кирхнер! — Словно желая призвать своего секретаря к порядку, князь-епископ возразил: — Граф был доминиканцем, таким же, как эти три изуродованные тонзурами, жалкие фигуры в дешевых сандалиях, только что прошмыгнувшие мимо нас. Все-таки Альбертус стал епископом Регенсбургским. Правда, долго не выдержал, как-никак он был ученым.

— А они непременно должны быть бедными? — перебил его Кирхнер.

Альбрехт пожал плечами:

— Пожалуй, что так. Хотя науками можно заработать гораздо больше денег, чем церковными индульгенциями. Надо лишь правильно пускать их в ход. Но прежде всего научные секреты надо знать! К примеру, те, что держат под спудом Девять Незримых. Ведь это смертный грех, когда девять человек на нашей земле хотят возвыситься над остальным человечеством и имеют наглость приравнивать себя к Богу, пряча для себя тайные знания, которые могли бы помочь побороть нищету и убожество христиан.

«А в первую очередь нищету и убожество князя-епископа Майнца», — вертелось на языке у Кирхнера, но он промолчал.

— Тут дело нечисто, — горячился Альбрехт Бранденбургский, — если среди Девяти Незримых не найдется хотя бы один, готовый продать свои секреты. Честное слово, Кирхнер, я бы заложил Майнцский собор!

— Ваша курфюрстшеская милость! — не мог не возмутиться Кирхнер, человек благочестивый и набожный. Насколько он был искренен, никому не дано было угадать.

— В ватиканских кругах, — продолжал кардинал, — рассказывают о Папе Римском Александре, который якобы все свои титулы, кардинальский и даже папский престол приобрел благодаря симонии, то есть подкупу. Таким уж богатым аристократический род Борджиа тоже не был, чтобы все это приобретать на собственные деньги. Но откуда ж взялось его неожиданное богатство? До сих пор отсутствует последнее

доказательство, хотя некоторые утверждают, и небезосновательно, что хитрый, коварный и развратный Александр VI с помощью пыток выведал у одного из Девяти Незримых его тайну.

— Бедный, несчастный Савонарола! — воскликнул Кирхнер и устремил свой взгляд к небу.

— Да, Савонарола, доминиканец из Феррары! Но откуда ты-то знаешь...

— Ах, ваша курфюрстшеская милость, и у меня есть уши, дабы слышать. Да и молва, что Папа Александр пытал Савонаролу, чтобы вызнать у него секреты, не нова. Хотя Савонарола и отрекся от своих слов, он кончил на костре...

— .. .а все бумаги допросов, — перебил Альбрехт своего секретаря, — были сфальсифицированы. Скажи мне на милость, Кирхнер, почему?

— Быть может, проповедник покаяния, когда его пытали раскаленным железом, выдал секретный рецепт изготовления золота? Это бы объяснило неожиданное богатство Папы из рода Борджиа.

Альбрехт Бранденбургский скрестил руки на груди и кивнул с многозначительной улыбкой.

Внизу, на Либфрауэнплац, стало гораздо менее людно.

— Вы действительно не хотите примкнуть к траурной процессии Великого Рудольфо? — неуверенно поинтересовался Кирхнер.

— Это звучит почти как упрек, — назидательно произнес кардинал. — Что у меня общего с шутом? Пусть даже этот Рудольфо был одним из Девяти Незримых, он уже не выдаст мне свой секрет.

Глава 16

Чем больше времени проходило со дня смерти Великого Рудольфо, тем с большим недоверием относилась Магдалена к своей любовной истории. Ей было трудно поверить, что она была для Рудольфо чем-то иным, чем просто приключением. Послушница, удравшая из монастыря, совершенно неискушенная в отношениях с мужчинами, она была слишком доверчива, когда он впервые шепнул ей волнующие слова: «Я тебя люблю».

Действительно ли Рудольфо так безоговорочно любил ее, как клялся? Или она всего лишь была одним из множества цирковых увлечений канатоходца, как поговаривали о нем? Естественно, она наслаждалась временем, проведенным с Рудольфо, как только может наслаждаться непорочная дева, впервые отдавшаяся мужчине. Но было ли это упоение тем, что называют любовью?

Шли недели, и Магдалена постепенно стала пренебрегать своей внешностью. Ее роскошные платья оставались висеть на вешалке, а она предпочитала ходить в своем старом изношенном платье, в котором когда-то убежала из монастыря.

Однажды Магдалена сделала неожиданное открытие. Сначала она не придала этому значения, но чем дольше она размышляла о своих чувствах к Рудольфо, тем больший вес находка приобретала в ее глазах. В подпушке своего старого длинного платья она нащупала нечто длиною с палец, причем именно в том месте, где когда-то ей попалась вшитая золотая монета, так выручившая ее и циркачей в тяжелые времена.

Магдалена могла поклясться, что раньше этого предмета в ее юбках не было: это был бесформенный корень в виде человеческой фигуры, некий коричневый гомункул явно женского пола, грудь которого была перевязана ниткой, а руки и ноги обернуты длинными рыжими волосами. Чем дольше она разглядывала крошечную фигуру, источавшую сладковатый запах, тем больше узнавала в ней себя.

Она провела беспокойную, бессонную ночь, проснулась и уже не могла уснуть из-за навязчивых нелепых мыслей. Наутро Магдалена решила довериться Венделину Свинопасу, в надежде, что он сможет объяснить ей, что бы мог значить странный амулет.

Свинопас опередил ее своим вопросом, не видела ли она доктора Фауста, пропавшего со вчерашнего дня и не оставившего никакой записки.

Магдалена отрицательно покачала головой. Ей казалось неуместным посвящать библиотекаря в свое ночное приключение

с якобы спящим алхимиком и тем более сообщать о сделанном ею открытии, что русло Майна на карте поразительным образом походило на татуировку на теле Рудольфо.

Что же до бесформенного корешка в виде человеческой фигуры, который она показала Свинопасу, то он нашел разгадку, заглянув в фолиант под названием «Оккультная философия». Автором, многозначительно подчеркнул Венделин, является некий Агриппа из Неттесгейма, много путешествовавший любитель приключений и адвокат, искушенный в черной магии, отчего и снискавший славу дьявольского подручного.

Из книги Магдалена узнала, что, вероятно, стала объектом любовного заклятия, исходившего от загадочно препарированного корня. Агриппа подробно и основательно объяснял, что корень с названием ***Radix mandragora***, в других местах также называемый цирцея, адамова голова, мужской корень, сонное зелье или ксерантум, не следует выкапывать людям, а только собакам, поскольку человека, исходя из опыта, после таких действий настигает смерть. Мандрагора преимущественно вырастает под виселицами на местах казней, из последней спермы повешенного. В зависимости от того, во что заворачивается корень мандрагоры, он оказывает различное воздействие: приносит любовь и счастье или же порчу и смерть.

Ксеранта? От этого имени сердце Магдалены чуть не выскочило из груди. Еще совсем недавно она сомневалась в чистых помыслах Рудольфо, и вдруг название волшебного корня все опять перевернуло. Магдалена уже не знала, что и думать.

Она с отвращением разглядывала корень мандрагоры. Кто засунул гомункула в ее платье? Был ли это Рудольфо, пытавшийся с помощью черной магии заманить ее в свои сети? Или же Ксеранта, уже не впервые покушавшаяся на ее жизнь?

Свинопас с недоумением наблюдал, как женщина, следуя внезапному озарению, бросилась к окну, чтобы избавиться от таинственного волшебного корня. Именно в этот момент дверь в библиотеку распахнулась, и путь ей преградил монах-доминиканец в сопровождении четырех подручных.

Вытащив из своей черно-белой сутаны распятие и протянув его в сторону Магдалены, будто оружие, он ледяным голосом крикнул:

— Наконец ты в моих руках, любовница дьявола! На колени!

Магдалена не понимала, что происходит. При виде облаченных в грубую кожу и вооруженных цепями охранников она безропотно повиновалась.

Своим спутникам доминиканец приказал:

— Вырвать у бабы дьявольское орудие и заковать ее в цепи!

Неожиданное появление преследователей повергло Магдалену в полную прострацию и лишило сил к сопротивлению. Стоя на коленях на каменном полу библиотеки, она безучастно наблюдала, как подручные вырвали у нее корень мандрагоры и надели ей на руки железные оковы. Потом жену канатоходца погнали вниз по узкой лестнице, вдоль западной галереи и через двор к дому, где проживали лица недуховного звания, до примыкающего к нему хранилища, пятислойные своды которого, разделенные перегородками, заглушали любые звуки.

В одном из застенков, куда проникал скудный свет из высоко расположенного люка, у стены стоял стол с деревянным крестом посередине и двумя горящими свечами. По обеим сторонам были разложены щипцы с длинными ручками, подушки, усеянные гвоздями, тиски для пальцев и растрепанный свернутый канат. За столом, симметрично с двух сторон от креста, сидели по одному доминиканцу и по два каноника. Место в центре, за крестом, было свободно.

Магдалена чуть не споткнулась, когда охранники втолкнули ее в полутемное помещение и грубо усадили на трехногий табурет, стоявший перед столом.

Безразлично, застыв в неподвижности, мужчины наблюдали за прибытием закованной в цепи девы. И лишь когда третий доминиканец, командовавший охранниками, вошел в подвал, они очнулись от своей летаргии, придвинулись друг к другу и начали шепотом переговариваться, не спуская глаз с Магдалены, время от времени качая от возмущения головами.

Лишь теперь, когда доминиканец занял место в центре стола, у Магдалены появилась возможность рассмотреть ее визави. Для мужчины он был на удивление низкорослым. Орденское облачение, очень полнившее его, и широкое красное мясистое лицо, лоснящееся от сала, придавали ему гротескный вид. Свежевыбритая тонзура лишь усиливала отталкивающее впечатление.

— ***Dominicus sum, frater et praefectus Sancti Inquisitionis…*** призванная оберегать Святую матерь Церковь от посягательств сатаны, ***in aeternum***, — начал отвратительный монах свою речь, пересыпая ее обрывками плохой церковной латыни. — Ты знаешь, — взвизгнул он в конце высоким бабьим голосом, — почему мы тебя доставили в ***nomine Domini***?

— ***Nescio***, досточтимый господин инквизитор! — ответила Магдалена. — Понятия не имею. — В твердой уверенности, что не нарушила законов ни Церкви, ни страны, Магдалена старалась держаться с чувством собственного достоинства, хотя сердце при этом рвалось у нее из груди.

— Ты владеешь латинским языком, дева? — слегка смутившись, осведомился брат-доминиканец.

— О владении не может быть и речи, досточтимый господин инквизитор. ***Sed satis pro domo,*** для домашнего пользования достаточно.

Понимающая латынь дева посеяла беспокойство в душах мужчин, сидевших по обеим сторонам от инквизитора. Каноник по левую руку, купивший свою должность, никогда в жизни не учил латынь. Будучи счастлив, что зазубрил ***Pater noster,*** он поспешил предложить:

— В таком случае святой инквизиции стоит отказаться от латыни на этом процессе, чтобы она имела возможность защищаться. — И, заметив удивленные взгляды других судей, малодушно добавил: — В том случае, если есть что защищать.

— ***Ab initio!*** — вмешался инквизитор. — Сначала! — Сжав правую руку в кулак, он грохнул им по столу и в ярости посмотрел по сторонам. Господь не мог сильнее гневаться после грехопадения Адама и Евы.

С мрачным выражением лица брат-доминиканец поднялся, его сотоварищи сделали то же самое, и инквизитор заговорил, вперив взгляд в деву:

— ***Erubescat homo esse superbus, propter quem humilis factus est dues.*** — Что приблизительно должно было означать: «Да устыдится человек своей гордыни, после того как Господь так унижался ради него». После чего он перекрестился и сел на место.

— Имя? — рявкнул он.

— Магдалена, досточтимый господин инквизитор!

— А фамилия?

Магдалена заколебалась. Она была уже готова назвать фамилию Реттенбек, но в последний момент подумала, что не сочеталась с Рудольфо браком, а значит, не могла носить его фамилию, хотя привыкла, что ее называли женой канатоходца. Еще тогда, придя в монастырь Зелигенпфортен, она предпочла утаить фамилию отца, которая вряд ли доставила бы ей неприятности. И что ответить теперь, сидя перед инквизитором? В конце концов она выпалила свою фамилию:

— Вельзевул! Моего отца, убитого рухнувшим на него деревом, звали Гебхард Вельзевул.

Ответ Магдалены вселил тревогу в участников судилища, а доминиканец, сидевший справа от инквизитора, заметил, прикрыв рот рукой:

— Это ли не дьявольская мета!

— Магдалена Вельзевул, — продолжал инквизитор, —

признаешь ли ты, что являешься любовницей дьявола, uxoem ***diaboli?***

— Нет, досточтимый господин инквизитор.

— Магдалена Вельзевул, признаешь ли ты себя виновной в колдовстве? ***Criminis magiae***?

— Нет, досточтимый господин инквизитор.

— Магдалена Вельзевул, — голос инквизитора стал еще визгливее, — я обращаю твое внимание на то, что в случае дальнейшего отрицания преступлений против Святой матери Церкви ты будешь подвергнута допросу с пристрастием. — Доминиканец показал рукой на разложенные перед ним орудия пыток.

— Я сказала правду и могу признаться лишь в том, что соответствует истине, — ответила Магдалена, стараясь не смотреть на страшные орудия.

— Но есть сотни, если не тысячи свидетелей, которые могут подтвердить, что ты, Магдалена Вельзевул, по качающемуся канату взошла на одну из башен Майнцского собора, как и твой любовник, называвший себя Великим Рудольфо, которого Господь всемогущий, deus ***omnipotens,*** покарал за его гордыню.

— Его на это подвигла не гордыня, — спокойно возразила Магдалена, — а мастерство. А то, что вы называете Господней карой, было убийством, омерзительным убийством, которое, если бы речь шла не о бродячем артисте, было бы расследовано Святой матерью Церковью и светским судом.

— А ты, Магдалена Вельзевул, ты тоже владеешь этим... мастерством эквилибристики, как и Великий Рудольфо? Ведь ты знала канатоходца всего лишь несколько недель? Похоже, ты весьма способная ученица!

Судьи расплылись в самодовольных улыбках и обменялись многозначительными взглядами.

Магдалена ерзала на своем табурете, как на раскаленных углях. Откуда брат-доминиканец знал о ее прошлом? Что еще ему было известно? Может, даже все?

Следующий вопрос инквизитора подтвердил ее предположение.

— Магдалена Вельзевул, — доминиканец с видимым удовольствием произносил ее фамилию, — Магдалена Вельзевул, тогда ты, вероятно, изучала... искусство хождения по канату еще в юные годы?

— Нет, досточтимый господин инквизитор, это было бы совершенно невозможно в монастыре Зелигенпфортен!

— То есть ты беглая монахиня?

— Я была послушницей, и мне вскоре предстоял постриг,

когда я покинула монастырь. Тем самым я не нарушила ни одного закона Церкви, в том числе ни одного закона ордена цистерцианцев.

— Что ж, тогда объясни нам, как тебе удалось так быстро освоить искусство эквилибристики!

— Это просто дар, способность ходить по канату, как будто перед тобой узкая тропинка вдоль межи на лугу.

— Не вступая в сговор с дьяволом?

Магдалена пожала плечами.

Брат-доминиканец расценил ее реакцию как нежелание говорить правду. Его голос сорвался, и он завизжал:

— Признайся честно, что за деньги продала свою душу дьяволу!

— Мне не в чем сознаваться, досточтимый господин инквизитор, потому что это не соответствует истине! — Магдалена почувствовала себя загнанной в угол.

Инквизитор дал знак доминиканцу, сидевшему слева от него, и тот поспешно направился к двери и вышел. В мрачном помещении воцарилась жуткая тишина. Судьи неотрывно смотрели в потолок, словно избегая взгляда Магдалены.

Вскоре доминиканец вернулся в сопровождении одетого в черное мужчины, которого Магдалена узнала не сразу: это был зазывала Константин Форхенборн.

Форхенборн встал рядом с обвиняемой, не удостоив ее даже взглядом.

— Твое имя? — бойко спросил брат-доминиканец.

— Константин Форхенборн.

— Тебе знакома эта дева?

— Конечно, досточтимый господин инквизитор. Ее зовут Магдалена, она была женщиной Великого Рудольфо, канатоходца. Чтобы не погрешить против истины, скажу, что она

вовсе не была его женой, во всяком случае, с благословения Церкви. Рудольфо просто называл ее своей женой, поскольку она жила с ним, ну, вы понимаете...

— А ты, Форхенборн, тоже бродячий артист, как и этот Великий Рудольфо?

— Я зазывала труппы и принципал балагана, где демонстрируются всякого рода сенсации и нелепости, как, например, жонглер, который подбрасывает в воздух пять мячей и все их по очереди снова ловит, или женщина-змея из Польши, которая так выворачивает свои конечности, словно у нее под кожей костей и вовсе нет, и которая уже выступала перед королями Польши, Богемии и Венгрии, или...

— Ладно, ладно, — прервал зазывалу брат-доминиканец. — А

ты оказывал жене канатоходца знаки внимания?

— Да, вынужденно. Потому что поначалу Рудольфо хотел, чтобы Магдалена выступала в цирке. В качестве живого трупа!

— В качестве кого?

— В качестве живого трупа. Был такой случай, ставший известным во всех немецких землях. Одна якобы умершая женщина была заживо похоронена, и ей удалось только через неделю привлечь к себе внимание стуком и криками. Мы выкрасили Магдалену в пепельно-серый цвет и выставили как «живой труп».

— То есть сплошное надувательство!

Форхенборн прикрыл ладонью рот и произнес:

— Все, что бродячие артисты показывают на ярмарках, не что иное, как обман, досточтимый господин инквизитор. Но что касается Магдалены, она после первого же выступления бросила свою роль. Рудольфо, руководитель труппы, не хотел, чтобы женщина, с которой он делил ложе, выставляла себя напоказ.

— И тогда она занялась эквилибристикой...

Зазывала энергично затряс головой.

— Ни в коем случае. Пресвятой девой Марией клянусь, Магдалена до того дня, когда она поднялась на башню Майнцского собора, никогда не забиралась на канат.

— И что же ты тогда подумал?

— Что тут дело нечисто! Другого объяснения я не нахожу.

Судья справа усердно делал заметки на бумаге, и инквизитор помедлил, чтобы дать брату возможность записать все вопросы и ответы.

Магдалена тоже молчала. Кандалы на ее запястьях причиняли ей боль.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что дело было нечисто? — продолжил инквизитор. — Ты думаешь, это было колдовство?

Магдалена вздрогнула. Слово имело губительное значение, особенно в устах инквизитора. Она почувствовала, как кровь в ее жилах отстукивает странный ритм: ведьма, ведьма, ведьма...

Каждый знал, насколько быстро доминиканцы выносили свой приговор после того, как прозвучит слово «ведьма». И каждый знал, что означал этот приговор: смертная казнь путем сожжения на костре. Магдалена хватала ртом воздух, она тяжело дышала, уставившись глазами в пол.

— Я не ведьма, — беспомощно прошептала она себе под нос, — и с дьяволом и его темными делами не имею ничего общего.

— Почему же ты покинула монастырь, который бы обеспечил тебе место в раю? — раздался резкий голос инквизитора.

— Именно потому, что у меня сложилось впечатление, что в Зелигенпфортен бесчинствует дьявол! О благочестии или святости и смирении там даже речи не было, напротив, в монастыре царили ересь и безбожие, а законы религии так попирались, что можно было подумать, будто сам Люцифер там правит бал.

— То есть ты признаешь, что в монастыре встречалась с дьяволом!

— Не лицом к лицу, досточтимый господин инквизитор, если вы это имеете в виду. Мне не встречался мужчина с копытами, бычьим хвостом и рогами на голове. У меня лишь сложилось впечатление, что монастырская жизнь управляется не ангелами, а чертом.

— Тогда объясни мне, как ты можешь так подробно описать Люцифера, если никогда, как сама же утверждаешь, не встречалась с ним!

— Брат-доминиканец! — возмущенно воскликнула Магдалена. — Любой ребенок опишет вам черта, ведь согласно учению Святой матери Церкви он выглядит именно так.

Коварно ухмыляясь, инквизитор подвинул по столу корень мандрагоры, напоминающий человеческую фигуру, и с той же ухмылкой задал вопрос:

— А как, дева, к тебе попал этот дьявольский амулет? Кто-то же должен был тебе его подсунуть.

— Я обнаружила его только вчера в кайме моего платья и не могу сказать, как он туда попал.

— Вероятно, тем же образом, что и золото, которое ты в один прекрасный день извлекла из подкладки своего платья!

Инквизитор и в самом деле был хорошо информирован. Откуда он мог все это знать?

— Циркачей она уверяла, — вмешался зазывала, — что платье с вшитым золотом принадлежало не ей. Она его прихватила в гардеробной монастыря, когда удирала, а сокровище нашла потом, совершенно случайно. Только ей никто не поверил.

Магдалена смерила зазывалу долгим взглядом, но он не повернулся в ее сторону.

— За что ты меня так, Форхенборн? — тихо спросила она.

— Я говорю только правду, — не моргнув глазом, заявил вполголоса зазывала, по-прежнему не глядя на нее. — Ни одному человеку, если только он не продал душу дьяволу, не дано ни с того ни с сего разгуливать по тонкому тросу, тем более закрепленному на башне Майнцского собора.

— Но Рудольфо ведь тоже делал это, — попыталась

оправдаться Магдалена.

Форхенборн отрезал, повысив голос:

— Это отнюдь не доказывает, что у него все было чисто.

С наигранным недоумением Магдалена покачала головой.

На самом деле она в душе боролась с искушением открыться инквизитору и признаться, что она, как и Великий Рудольфо, лишь с помощью таинственного эликсира была в состоянии противостоять силам природы. Но кто поверит ее словам, что один из Девяти Незримых где-то в тайнике прятал девять книг с научными открытиями, накопленными человечеством за тысячелетнюю историю? И среди прочего там был рецепт эликсира, наделяющий человека сверхчеловеческими способностями.

Инквизитор бдительно наблюдал за перебранкой Магдалены и зазывалы Форхенборна. В конце концов он огласил следующее решение:

— ***In nomine domini,*** во имя Господа: обвиняемая в колдовстве дева Магдалена Вельзевул, поступки которой дают основание предполагать ее сговор с дьяволом и использование черной магии для восхождения по тонкому канату на башни, при том что никто ее этому мастерству не обучал, должна в присутствии святой инквизиции, равно как и других свидетелей, выслушать приговор, если отсутствуют ***evidentia facti,*** признание или иные содержащие доказательства свидетельские показания. ***Sit nomen Domini benedictum.***

Магдалене не удалась попытка подняться с низкого табурета, слишком тяжелыми были оковы на ее руках. Поэтому она сидя бросила в лицо инквизитору:

— Досточтимый господин инквизитор, вам лучше, чем мне, известно, что любой вид Божьего суда вот уже триста лет, со времени Латеранского собора, запрещен духовенству!

— Вот именно, — парировал брат-доминиканец, — это давно было, а времена с тех пор изменились. В судебных процессах святой инквизиции над ведьмами Божий суд давно уже снова практикуется. Лишь светские суды еще подлежат запрету. — И с наглой ухмылкой добавил: — Или ты видишь здесь светского крючкотвора в мантии и берете, извращающего законы?

Магдалена прекрасно знала, что так называемый Божий суд вершился отнюдь не по Божьему указанию, вопрос о жизни и смерти отдавался на волю случая. К примеру, судьба осужденного решалась с помощью испытания куском хлеба, когда он должен был проглотить кусок отравленного хлеба. Если он, давясь, выплевывал его, то считался виновным. Или испытания водой, когда связанного обвиняемого кидали в воду. Если он не тонул и

всплывал, то считался виновным, ибо, так гласил Божий приговор, чистая вода не принимала его. Или же обвиняемый должен был выловить руками какой-нибудь предмет из котла с кипятком. Если он оставался невредимым после процедуры, его оправдывали. При этом право решать, насколько глубоким будет котел и маленьким предмет, брали себе на откуп сами судьи. У Бога же при этом мнимом суде оставались другие жестокие возможности.

Магдалена сидела ни жива ни мертва от страха, сдавившего ей горло. Цепи на руках доставляли страдания. Откуда-то издалека до нее донесся фальцет инквизитора, приказывавший подручным натянуть канат, о предназначении которого Магдалена гадала еще во время допроса, между лестницей на башню библиотеки и башней над венцом монастырской церкви. До нее доходили лишь обрывки слов доминиканца: Магдалена Вельзевул... по канату... с одной башни на другую. .. такова Божья воля...

Лишь только охранники отправились выполнять полученный приказ, в помещение вошел гонец и что-то прошептал на ухо инквизитору. Брат-доминиканец поднялся и без всяких объяснений вышел с ним наружу.

По щекам Магдалены струились беспомощные слезы. У нее не было никакого выхода. Даже признание в истинных причинах, по которым она смогла совершить этот трюк, вызвавший такое восхищение у всех, не избавило бы ее от приговора инквизитора. «Ты слишком много счастья вырвала у судьбы», — подумалось ей.

Через несколько минут вернулся инквизитор.

Неспешно и без видимых причин, словно желая выиграть время, он перекладывал орудия пытки на столе. Потом поднял глаза и, не глядя на Магдалену, провозгласил с кислой миной:

— Вопреки всем сомнениям обвиняемая в колдовстве дева Магдалена Вельзевул признается невиновной в вышеназванном преступлении. ***Sit nomen Domini benedictum!***

Последние слова доминиканец проговорил так быстро, что Магдалена с трудом поняла их смысл. Он кивнул охраннику, и тот так же быстро подошел к ней и освободил от оков. Остальные торопливо собрали орудия пыток, и не успела она оглянуться, как всех — доминиканцев, каноников и охранников — словно ветром сдуло. Магдалена осталась в полном недоумении.

Тянулись тягостные минуты, на нее опустилась зловещая тишина. Наконец Магдалена поняла, что произошло. Ей был неясен смысл случившегося, но она поняла главное: инквизиция ее оправдала. Она была свободна! Какие обстоятельства могли повлиять на такую резкую перемену в настроении инквизиторов,

осталось для нее загадкой.

Магдалена встала и, пошатываясь, побрела к полуоткрытой двери. Через щелку выглянула в длинный коридор хранилища. В самом конце, там, где с левой стороны начиналась лестница в спальню для мирян, она увидела темную фигуру.

При скудном освещении невозможно было различить, кто ее поджидал. О бегстве не могло быть и речи. Ей пришлось собрать все свое мужество и, глядя прямо перед собой, зашагать по длинному коридору к ожидавшей ее таинственной фигуре.

— Вы, конечно, Магдалена, жена канатоходца, — заговорил с ней незнакомец и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я Иоанн Патричи, дворцовый прелат и апостольский секретарь его высокопреосвященства кардинала Джустиниани и — без лишней скромности — титулярный епископ Монте-Пелосо. — Произнося все это, он слегка склонил голову набок, словно желая подчеркнуть, что сам тяготится перечислением своих должностей и званий.

Его благородное одеяние, бархатный малиновый камзол и укороченная зеленая накидка с отделкой из светлой золотой парчи выдавали в нем не столько лицо духовного звания, сколько дворянина с высоким достатком.

— Представляю, какой ужас вы пережили за последние часы, — продолжил он. — К сожалению, кардинал Джустиниани слишком поздно узнал о намерении доминиканцев подвергнуть вас суду инквизиции, иначе до этого никогда бы не дошло. Произошла досадная ошибка.

— Ошибка? — Слова прелата подогрели обуревавшую ее ярость и отчасти вернули Магдалене гордость и чувство собственного достоинства. — Обвинение было тщательно и заблаговременно подготовлено. Доминиканцы никак не могли за один день выдвинуть против меня обвинение и выставить свидетелем зазывалу Форхенборна, это коварное чудовище! Кто вообще позвал доминиканцев?

Секретарь легата смиренно скрестил руки на груди и ответил:

— Чтобы не возводить напраслину ни на кого из ближних моих, речь может идти лишь об одном.

— Вы меня заинтриговали, господин дворцовый прелат!

— Я, конечно, не могу представить доказательства, но досточтимому господину Альбрехту Бранденбургскому пришлось бы весьма кстати, если бы святая инквизиция приговорила вас к сожжению на костре.

— Вы хотите сказать, что его курфюрстшеская милость принадлежит к тому сорту людей, которые испытывают

наслаждение, когда другие гибнут в огне?

— Быть может, и это тоже, дева Магдалена. Греховному князю-епископу приписывают самые разные ***навязчивые идеи,*** и его дурная слава уже докатилась до Рима. Впрочем, мне представляется, что Альбрехт всего лишь воспользовался услугами доминиканцев, чтобы шантажировать вас.

— Это попрошу разъяснить мне поподробнее, господин дворцовый прелат! — Обращение Магдалены было не лишено известной иронии, причем вполне осознанной, уж она-то знала, что, хотя занимаемая им должность прельщала многих, сами слова «дворцовый прелат» ни в коем случае не являлись особой формой обращения, как было бы невозможно обратиться к великому понтифику «господин Папа».

Патричи пропустил мимо ушей ее сознательную оплошность и ответил:

— Это был бы не первый случай, когда во время процесса над ведьмами под пыткой или угрозами отправить на костер вырывались признания, которые обвиняемый никогда бы иначе не сделал.

— То есть, я бы призналась, что делила ложе с чертом. Могу вас успокоить, от одной мысли, что я могла бы связаться с мужчиной с копытами и бычьим хвостом, меня бросает в дрожь.

— Охотно верю, дева, и Альбрехт Бранденбургский наверняка тоже. Его скорее интересуют некоторые секреты, которые уже давно возбуждают любопытство и его святейшества Папы Климента VII. Однако прошу прощения, кажется, я уже рассказал вам больше, чем имел на то право. Меня послал папский легат, кардинал курии Джустиниани. Он просит вас о беседе.

«Кардинал папской курии Джустиниани приглашает меня, Магдалену Вельзевул, только что избегнувшую Божьего суда инквизиции, на беседу?» — Магдалена не понимала, что происходит в этом мире.

— Соблаговолите последовать за мной! — Патричи сделал приглашающий жест рукой.

— И куда же? — растерянно поинтересовалась Магдалена.

— Его высокопреосвященство ожидает вас в приемной монастыря, за галереей.

— Как? Он здесь?

Секретарь кивнул.

— Пойдемте! С вами не случится ничего дурного.

Магдалена последовала за секретарем на подобающем расстоянии, они прошли по закрытой галерее, миновали дом с минеральным источником и оказались у каменных ступеней, которые вели прямо в приемную. В вытянутом узком зале аббат

Эбербаха имел обыкновение принимать неприятных или непрошеных гостей. Единственный предмет мебели, бракованный стол из трапезной, был шириной в три локтя, в то время как длина его составляла тридцать локтей, что позволяло создать ощутимую дистанцию между аббатом и посетителем, когда они садились с противоположных сторон.

Сейчас, однако, дело обстояло совершенно иначе: кардинал Джустиниани с распростертыми объятиями нагнулся над столом и, лицемерно осклабившись, приветствовал Магдалену хриплым голосом, словно страшные страдания сдавили ему горло:

— ***Primo dicendum,*** его святейшество Божьей милостью Папа Климент VII посылает вам свое папское благословение.

— Мне? — Магдалена, только что усевшаяся на расстоянии тридцати локтей от папского легата, вскочила. — Почему именно мне? Ведь его святейшество вовсе не знает меня!

Патричи, стоявший за спиной у кардинала со сплетенными на животе руками, дал Магдалене знак успокоиться.

— Не лично, дева, — мягко ответил Джустиниани, — но слава ваша уже достигла стен Ватикана. — Произнося эти слова, он вытащил из ризы свиток и положил рядом с собой на стол.

— Какая слава, ваше высокопреосвященство? Я простая женщина со скромным образованием, по собственному почину приобретенным мною в бытность послушницей у цистерцианок Зелигенпфортен. Нет у меня ни пророческого, ни целительского дара бенедиктинки Хильдегард фон Бинген. Нет и обворожительности и плодовитости монахини Катарины фон Бора, вскружившей голову Мартину Лютеру при первой же встрече. Уж не говоря о смелости Орлеанской девы, выступившей в поход против англичан. Нет, ваше высокопреосвященство, это, должно быть, ошибка. Ума не приложу, чему могла бы быть обязана такой чрезмерной славой.

— Ваша скромность делает вам честь, дева, но она совершенно неуместна в свете ваших умений. Ведь вы единственная женщина на земле, которая восходит на башни по канату.

— Это, пожалуй, правда, — согласилась Магдалена, — но отнюдь не заслуживает особого упоминания. Это не более чем цирковой трюк, который бродячие артисты показывают на ярмарках.

Папский легат недовольно поморщился.

— Не следует держать свой талант под спудом, дева. И уж тем более не следует водить меня за нос. И ***вы,*** и ***мы*** знаем, что вы обладаете исключительными, я бы даже сказал, сверхъестественными способностями, не имевшими места с тех

самых пор, как Христос бродил по земле.

— И откуда же это вам известно, досточтимый господин кардинал? — Магдалена решила притвориться дурочкой и сделала вид, будто не понимает, куда клонит Джустиниани.

Тот закатил глаза и обернулся к секретарю, призывая его на помощь. Тогда заговорил Патричи:

— В середине прошлого века Папа Николай, пятый по счету, начал создавать в Ватикане библиотеку с целью сохранить по одному экземпляру каждой напечатанной или рукописной книги. Практически безнадежная задача, которую он пытался осуществить, требуя от каждого монастыря десятую часть их библиотек. Так в Риме возникла самая большая библиотека на нашей обширной земле.

— Благородный способ завладеть книгами, — насмешливо хмыкнула Магдалена.

Однако Патричи не дал сбить себя с толку и продолжил:

— Среди бесчисленных книг, попадавших в Рим чаще всего упакованными в бочки, были также рукописи, которым в библиотеке не могли найти применения. Ибо они были либо оккультного, распутного и еретического содержания, либо были зашифрованы тайнописью. Среди этих рукописей и книг оказалось необозримое количество таинственных экземпляров из аббатства Святого Иакова в Вюрцбурге. Все они вышли из-под пера некоего Иоганна Тритемия. Библиотекари Ватикана поначалу полагали, что это псевдоним. Однако название его родного города Триттенхайм под Триром дало в итоге основание полагать, что действительно существовал некий Иоганн Тритемий, оккультист духовного звания, дослужившийся до сана аббата Вюрцбургского монастыря бенедиктинцев Святого Иакова.

Магдалена догадалась, куда клонил папский прелат. Тритемий был одним из Девяти Незримых. Но что было известно кардиналу и его секретарю о тайном союзе? Знали ли они, что Рудольфо при загадочных обстоятельствах стал наследником бенедиктинца?

Несмотря на то что рассказ Патричи привел Магдалену в крайнее волнение, она, не подавая вида, с наигранным безразличием спросила:

— Все это звучит весьма интересно, но почему я удостоилась такой чести? — При этом от нее не укрылись рассерженные взгляды, которыми обменялись мужчины.

— Отдельные записи этого Тритемия, — продолжил рассказ Патричи, — были набросаны второпях, другие же весьма сложно зашифрованы и снабжены перекрестными ссылками, что папские библиотекари восприняли как вызов. Больше дюжины

опытнейших ученых с обширными познаниями в алхимии, черной магии, колдовстве, оккультизме и кабале, тайном учении иудаизма целый год пытались расшифровать загадочные рукописи Иоганна Тритемия.

— И что, им сопутствовал успех? — Магдалена с трудом сохраняла самообладание.

Дворцовый прелат, он же апостольский секретарь, покачал головой, ничего не отвечая. И лишь когда кардинал Джустиниани кивком дал понять ему, что можно продолжать, Патричи поборол себя и ответил:

— Если вы так ставите вопрос, я могу сказать: и да, и нет. Тритемий писал, что знает о некоей алхимической субстанции под названием «алкагест», с помощью которой живая материя, в том числе и человек, могут быть сделаны прозрачными или невидимыми без разрушения тела. Кроме того он сообщал, что ему известно местонахождение грибов, светящихся в темноте, как яркие фонари. Между прочим, он утверждал, что может предсказать Страшный суд, иными словами конец света, с точностью до дня и часа. Но не благодаря собственному пророческому дару, а основываясь на рукописи одного из учеников Иисуса, которому Господь доверил дату. Где сокрыты все эти криптограммы, об этом Тритемий не распространялся. Он лишь сообщил, что все эти записи содержатся в девяти «Книгах Премудрости», но где находятся эти книги, он умалчивает, во всяком случае этих сведений нет в тех текстах, которые пока удалось расшифровать стеганографам.

Магдалена глубоко вздохнула. Ей было ясно, что то немногое, о чем Рудольфо поведал ей в связи с Девяти Незримыми, впутало ее в тайную сеть, заинтересовавшую самые высокие круги. Однако она продолжала изображать полное неведение.

— Вы по-прежнему не ответили на мой вопрос: какое я ко всему этому имею отношение? — обратилась Магдалена к папскому легату.

— Ведь это же вы спали с королем канатоходцев! — взорвался Джустиниани.

— Этого я не отрицаю, досточтимый господин кардинал. Хотя наша связь и не была освящена Церковью. Ведь даже священники, монахини и монахи — его курфюрстшескую милость кардинала Альбрехта Бранденбургского, я думаю, можно не поминать, — и все эти высокие господа духовного звания живут в свободном браке, как это нынче называют.

— Об этом речь не идет! — с горячностью возразил кардинал папской курии. — Еще римляне говорили: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». В одной из криптограмм Тритемия

упоминался некий эликсир, от которого у человека словно крылья вырастали, как у птицы. С помощью этого эликсира он якобы мог стоять на ветке или идти по натянутому канату, невзирая на законы природы. На сегодняшний день на это были способны лишь два человека, созданных Богом: Великий Рудольфо, как он сам себя называл, и вы, дева Магдалена Вельзевул!

Магдалена молчала. Загнанная в угол, она не мигая смотрела на ничем не прикрытый стол, судорожно обдумывая, как ей реагировать на слова папского посланника.

— Вы молчите, дева? — спросил Джустиниани, прищурившись. — Значит, я могу сделать вывод, что мои утверждения верны?

Молчание. Бесконечные секунды, превратившиеся для Магдалены в пытку.

— А если это и так, как вы говорите, — наконец пробормотала она, только чтобы выиграть время.

— Хотелось бы напомнить, что вы нам кое-чем обязаны, — перебил ее Джустиниани, — как-никак мы спасли вас от пыток, а может и от сожжения на костре!

— Я вам весьма признательна за это, ваше высокопреосвященство. Только не знаю, как могу выразить свою благодарность.

— Раскройте мне, где Рудольфо спрятал «Книги Премудрости»!

Магдалена покачала головой.

— Я не знаю этого, досточтимый господин кардинал. Поверьте мне! Во всем, что касалось Девяти Незримых, Рудольфо был очень скрытен. Вы правы, Тритемий назначил Рудольфо своим преемником. В это он меня посвятил. Но о том, как он использовал свое необычное наследство, Рудольфо никогда не рассказывал. Как и о том, где хранятся девять книг с самыми таинственными научными познаниями человечества.

— И мы должны этому верить, дева Магдалена? — Кардинал с сомнением взглянул на своего секретаря.

— Вы ***должны*** мне верить, ваше высокопреосвященство, — сказала Магдалена. — Допустим, Великий Рудольфо действительно намеревался посвятить меня в тайны Девяти Незримых. Словно предчувствуя свою раннюю смерть, возможно, даже хотел видеть меня своей преемницей, но, как вам известно, стал жертвой покушения и не успел этого сделать.

Магдалена вновь взяла себя в руки и задала папскому легату вопрос:

— А какую цель вы, собственно, преследуете своими исследованиями «Книг Премудрости»? — Не дождавшись ответа

от смутившегося Джустиниани, она продолжила: — Я хочу сказать, что не ради же эликсира. С трудом могу себе представить вас или его святейшество Папу Климента в роли канатоходцев... — Она испуганно осеклась.

Климент! Последнее слово, произнесенное умирающим Рудольфо! Магдалена надолго погрузилась в раздумья, пока хриплый голос Джустиниани не вернул ее к реальности:

— Мы откроем вам правду, дева. Стеганографы ватиканской библиотеки расшифровали в криптограммах Тритемия слова «сокровища храма царя Соломона». Криптологи все еще продолжают работу, но, к сожалению, пока безрезультатно... — Кардинал запнулся.

— Как вам известно, — подхватил Иоанн Патричи, — Папа Юлий своей страстью к строительству опустошил казну Ватикана. Более того, его преемники Лев и Адриан наделали кучу долгов, поставивших папство в зависимость от Борджиа, Фуггеров и других кредиторов. Обнаружение храмового сокровища царя Соломона спасло бы его святейшество от крайней нужды.

В голове у Магдалены проносились мириады мыслей, не желавшие складываться в целостную картину.

— И все же я не понимаю, — пробормотала она наконец себе под нос и тем самым привлекла особое внимание папского легата, — почему именно через меня вы пытаетесь выйти на «Книги Премудрости»? Ведь существуют еще восемь Незримых!

— Дева Магдалена! — возмущенно воскликнул Джустиниани. — Так назовите мне хотя бы одного из них. Безусловно, существуют предположения, но каждый, с которым мы заговорим об этом, будет гневно отрицать свою принадлежность к Незримым. Тритемий же сам признался в этом в своих криптограммах. Почему — сие нам неведомо. Он и его преемник Рудольфо — единственные Незримые, которые невольно, в силу несчастливых обстоятельств выдали себя. Я бы хотел сделать вам одно предложение, дева...

Магдалена вопросительно посмотрела сначала на кардинала, потом на дворцового прелата.

Кардинал, который все переговоры вел, опершись локтями на стол и подавшись вперед, выпрямился в своем кресле и положил ладони на стол, словно собираясь провозгласить нечто крайне важное.

— Если вы откроете нам место, где хранятся «Книги Премудрости», это не причинит вам никакого вреда. Его святейшество Папа Климент VII, по приказу которого мы находимся здесь, ни в коей мере не интересуется наукой, светящимися грибами, людьми-невидимками и эликсиром,

позволяющим преодолевать силу притяжения. Болтовня о конце света, который человечеству пророчили уже не единожды — кстати, последнее предсказание относится к нынешнему году, — также едва ли найдет у него отклик. Его святейшество интересуется исключительно сокровищами царя Соломона. Его святейшеству нужны деньги, больше, чем в состоянии принести все индульгенции в мире. Это означает, что Папа Климент уступил бы вам все научные открытия из «Книг Премудрости».

Магдалена в растерянности закрыла лицо руками. Даже если бы она была готова совершить предательство, она не смогла бы это сделать, поскольку тайник был неизвестен ей самой.

Убежденный в обратном, Джустиниани растолковал ее колебания как желание хорошенько продумать чреватое последствиями решение.

— Мы даем вам сутки, чтобы принять решение, — бросил он довольно раздраженно. — Завтра в это же время, в приемной!

Не отнимая рук от лица, Магдалена всхлипнула:

— Я не могу... даже если бы хотела... я не могу...

Кардинал вскочил, с грохотом опрокинув кресло.

— Пошли! — прошипел он дворцовому прелату. Тот в ярости распахнул дверь. На ходу кардинал еще раз обернулся и выкрикнул, громко и угрожающе: — Одни сутки! И хорошенько подумайте, стоит ли вам и дальше отмалчиваться. Инквизиторы-доминиканцы все еще в монастыре!

Дверь с треском захлопнулась.

Глава 17

В полном отчаянии Магдалена отправилась в свою келью. Ей казалось, что доминиканцы преследуют ее по пятам и могут снова обвинить ее. Охваченная страхом, она, не раздеваясь, рухнула на кровать.

Магдалена лихорадочно размышляла. Кому она еще могла доверять?

Сомнительному кардиналу Джустиниани? Маттеусу Шварцу, бывалому путешественнику, которому взбрело в голову ухаживать за ней, циркачкой? Или Свинопасу, библиотекарю? Скорее последнему.

Возвращаться к бродячим артистам было бессмысленно. Наверняка труппу возглавил Форхенборн, и своими показаниями доминиканцам он явно преследовал цель коварным способом избавиться от Магдалены. Недаром она с самого начала воспринимала зазывалу как опасного интригана.

В памяти часто всплывала нежданная встреча с внезапно ожившей Ксерантой. В такие моменты она ловила себя на мысли, что все это ей приснилось. Ненависть обеих друг к другу была безгранична. Уже дважды гадалка покушалась на ее жизнь, а значит, она попытается сделать это и в третий раз.

Магдалена вспомнила о защищенной жизни в монастыре Зелигенпфортен, где ей никогда не приходилось беспокоиться о своей безопасности, и она с ностальгией подумала о том созерцательном времени. Такова уж особенность нашей памяти — хранить лишь приятное, а все скверное забывать.

Ад, которым ей тогда казалась монастырская жизнь, теперь виделся вполне безобидным чистилищем. Но возврат все равно был невозможен, ибо по неписаному закону послушница, которая однажды покинула монастырь, не имела права туда возвращаться.

В своем смятении Магдалена дошла до того, что была готова проклинать Рудольфо, втравившего ее во все эти несчастья. Мысленно оглядываясь назад, она все четче осознавала, что никогда по-настоящему не любила канатоходца. Лишь любопытство неискушенной девы толкнуло ее в его объятия.

Единственный, кто мог бы помочь ей выбраться из этой практически безвыходной ситуации, был Маттеус Шварц, посланник имперского графа Фуггера. Никогда раньше Магдалене не встречался такой красивый, обаятельный и в то же время столь противоречивый мужчина, с одной стороны расчетливый и холодный, а с другой — чувствительный и

чистосердечный, как мальчишка. Она просто не могла поверить, что он и был тем самым беспощадным, не знающим снисхождения заимодавцем, перед которым трепетали даже Папа и император.

Ведь именно этот человек предложил ей, молоденькой послушнице из Зелигенпфортен, место в банкирском доме Фуггеров, осыпал ее лестью и обещал розовое будущее. Внутренний голос подсказывал Магдалене: держись подальше от этого человека. Счастье часто приходит в красивых одеждах, а под ними скрываются нищенские лохмотья.

Пока Магдалена лежала на кровати, сплетя руки на затылке и уставившись в потолок, наступил вечер. Мелодичный звон вечернего колокола позвал на ужин, но у Магдалены не было аппетита. Неожиданно отворилась дверь.

Без стука, как это было принято в монастыре, в келью вошел Венделин Свинопас с котомкой в руках. Магдалена выпрямилась.

— Что вам надо? — негодующе выпалила она. — Я вас не звала.

— Хотел справиться о вашем самочувствии! Как вижу, доминиканцы-инквизиторы отпустили вас. Я опасался самого плохого.

— Дело еще окончательно не решено, — сухо ответила Магдалена. — Но вам не стоит обо мне беспокоиться!

— Простите, дева, — смущенно ответил библиотекарь, — я не хотел вас напугать. Мне было важно попрощаться с вами. Завтра на рассвете я покидаю монастырь. Знакомство с вами доставило мне радость. — Он озабоченно добавил: — Могу я оставить у вас свои пожитки? В моей келье упакованные вещи привлекли бы к себе ненужное внимание.

С этими словами он повернулся и уже был готов выйти из кельи, но тут Магдалена окликнула его:

— Эй, Свинопас, а вы не хотите объясниться? Вы же не можете исчезнуть просто так. В чем причина такого скоропалительного решения?

Свинопас обернулся и с угрюмым видом подошел к Магдалене.

— Это решение не было скоропалительным, дева Магдалена, я давно уже подумывал о том, чтобы покинуть Эбербах. Во-первых, потому что я не любитель долго сидеть на одном месте, а во-вторых, еще и потому, что я уже полтора года ничего не получаю за свою работу. Аббат Николаус положил мне жалованье двенадцать крейцеров в неделю, то есть два гульдена в месяц или тридцать шесть за полтора года, но когда я на днях напомнил ему об этом, он швырнул мне под ноги пять гульденов и заявил, что

большего моя работа не стоит. Сказал, что, в конце концов, у меня была крыша над головой и от истощения я не умираю.

— Так вот откуда ваше дурное настроение, — тихо проговорила Магдалена. — А мне уж подумалось, что я тому причиной!

— Ну что вы! — Венделин грустно покачал головой. — Просто трудно сохранять хорошее настроение, когда твоя честная работа ни в грош не ставится.

— Почему же вы не сказали об этом его преподобию?

— Это лишь усугубило бы мое положение. Нет, ответ его преподобие получит завтра, когда меня уже не будет. Вот тогда пусть господа отцы и братья попробуют искать свои книги сами, что им, впрочем, едва ли удастся или же будет стоить больших усилий...

И, отвечая на немой вопрос, который он прочитал на лице Магдалены, шепотом пояснил:

— Дело в том, что я спутал всю разработанную мною каталогизацию и подборку цитат, нарушив алфавитный порядок. Теперь все находится в том же состоянии, в каком я застал библиотеку, когда приступил к работе.

Магдалена звонко расхохоталась, и смех ее был заразителен, поскольку, как известно, злорадство, то есть злобная радость, есть чистейшая радость.

Когда же оба вернулись к серьезному разговору, Магдалена поинтересовалась:

— И куда же вы направитесь?

Венделин Свинопас помедлил с ответом, словно сомневаясь, может ли он довериться жене канатоходца.

— Извините, — опередила его Магдалена, — это действительно меня совершенно не касается. Я не хотела смутить вас. В любом случае примите мои самые искренние пожелания!

— Нет-нет, — возразил библиотекарь, — вы вполне имеете право узнать, куда я собираюсь. Быть может, мы еще повстречаемся с вами. Сейчас полмира странствует. Слушайте: на подворье, у стен монастыря, ждет повозка, груженная четырьмя бочками с вином для епископа Конрада Вюрцбургского. Его милость поддерживал союзных князей, когда крестьяне восстали против властей. Чтобы отомстить виноделам, он сжег все виноградники. Большинство виноградников принадлежало ему самому, однако в своем безумии он, похоже, забыл об этом. Так или иначе, но его виноградари останутся без урожая и в этом году, и в последующие годы. Не за горами то время, когда винные запасы епископа иссякнут. Одна эта мысль заставляет страдать старого пьяницу, и он закупает вино впрок повсюду, где только

можно его раздобыть. Кучер, такой же, кстати, пропойца, как его духовный господин, вызвался взять меня с собой в Вюрцбург за один гульден. Там я попробую начать новую жизнь.

— Новую жизнь... — задумчиво повторила Магдалена.

— Да, я перепробовал уже столько занятий в своей жизни, наверняка и в Вюрцбурге для меня найдется какое-нибудь дело, с голоду не умру. Быть может, епископ Конрад умеет читать и писать, что в его кругах отнюдь не само собой разумеющееся, и владеет собранием ценных книг, нуждающихся в каталогизации. Если же понадобится, я готов сажать в епископских виноградниках новые лозы или же воспитывать его незаконных детей. За свое будущее я не беспокоюсь.

— Как я вам завидую, — с горечью заметила Магдалена. — С каким бы удовольствием я, как и вы, бросила все и начала жизнь с чистого листа.

— Так почему же вы этого не делаете? Или вы связаны какими-то обязательствами?

— Нет, не это, — ответила Магдалена. Хотя она и рассказывала Свинопасу о своей связи с Рудольфо и его принадлежности к некоему тайному союзу, благодаря чему он владел своим необычным мастерством, но о том, что и сама также приобщилась к тайным знаниям, ее новый знакомый не знал.

— Так что же мешает вам отправиться вместе со мной? — обрадовался Свинопас. — Кучер наверняка не будет иметь ничего против еще одного гульдена! Я ему обязательно скажу.

— Вы же не знаете, что сегодня произошло.

Лицо Свинопаса помрачнело.

Магдалена, сбиваясь, начала рассказывать, как доминиканцы привели ее на допрос, обвинили в колдовстве и предоставили Божьему суду. Дрожащим голосом она поведала, как неожиданно, словно с неба, свалились кардинал папской курии Джустиниани и его секретарь Патричи, чтобы освободить ее из лап Псов Господних — ***domini canes.*** Правда, на том условии, что она выдаст папскому легату место хранения «Книг Премудрости».

— «Книги Премудрости»? — Библиотекарь пришел в замешательство.

— Это огромная тайна, — пояснила Магдалена. — Без преувеличений могу сказать, что они содержат величайшие секреты человечества. А их хранители — Девять Незримых, девять избранных.

Свинопас потерял дар речи, во всяком случае, потребовалось достаточно времени, прежде чем он задал следующий вопрос:

— А что связывает вас с кардиналом Джустиниани?

— Можете мне верить или нет, но я сама была бы рада это

узнать. Ясно одно: Джустиниани считает, что канатоходец Рудольфо перед смертью посвятил меня в научные открытия Девяти Незримых.

— Ну и?.. — Сдержанность Магдалены нервировала библиотекаря. — Так вы одна из Девяти Незримых или нет?

— Ничуть не бывало. Хотя кое-что о Девяти Незримых мне известно, но я не знаю ни их имен, ни местонахождения книг.

— А вы уверены, что вас не надули? — недоверчиво спросил Свинопас.

— Надули? — Магдалена возмутилась. — Почему же, по вашему мнению, господин кардинал вытащил меня из когтей инквизиции? С какой это стати? В ответ Джустиниани ожидает, что я укажу ему, где хранятся книги, что, в свою очередь, освободит Папу Климента VII от его денежных забот.

— Я полагал, что в книгах описаны величайшие научные открытия, а не даны указания, где находятся клады!

— Насколько я поняла, в том числе и такие открытия, которые должны держаться в секрете. К примеру, тайна сокровищ царя Соломона, которые якобы содержат больше золота и драгоценных камней, чем любой другой клад на земле. Впрочем, их не могут найти вот уже две с половиной тысячи лет.

— А в «Книгах Премудрости» сказано, где их можно найти?

Магдалена молча пожала плечами.

— Все это достаточно веская причина, чтобы покинуть Эбербах. Оставаться здесь в вашем положении, мне кажется, крайне опасно. Соберите ваши вещи, и завтра еще до восхода солнца мы уедем из монастыря.

Будет ли это спасением из ее безвыходной ситуации? Одна, без мужской поддержки, она едва ли далеко ушла бы. В этом Магдалена не сомневалась. А от посланника Фуггера она уже много дней ничего не слышала. Вероятно, его симпатия была не более чем мимолетной вспышкой, заставившей его осыпать ее обещаниями.

Недолго раздумывая, она приняла решение еще до рассвета бежать вместе с Венделином Свинопасом.

— Но ворота в это время еще заперты, — напомнила она Венделину. — Кстати, я уверена, что доминиканцы отдали привратникам приказ ни под каким предлогом не выпускать меня из монастыря.

Свинопас хитро ухмыльнулся:

— В любом монастыре есть так называемый «проход грешника». Но кому я это говорю?

— «Проход грешника»?

— Как, вы не знаете, что это такое?

— Впервые слышу!

— Быть может, эта уловка существует только в мужских монастырях. Речь идет об узком лазе в монастырской стене, как раз в ширину плеч, и таком низком, что монаху приходится сильно нагибаться и принимать униженную позу, чтобы протиснуться, если он ночью греховодничал за стенами монастыря.

— И такой проход есть и в Эбербахе?

— До вчерашней ночи он, во всяком случае, пользовался большим спросом. — Венделин весело подмигнул ей. — Только багаж ваш должен быть поскромнее, он ведь должен протиснуться через лаз.

— Не беспокойтесь, — ответила Магдалена, — мой узелок с пожитками будет не больше вашей котомки.

— Ну тогда, — неуклюже поклонился Свинопас, — я еще до рассвета постучу в вашу дверь: три быстрых удара и три медленных. Ответьте на мой стук, когда проснетесь.

— Так тому и быть, — вздохнула Магдалена ему вслед.

О сне в эту ночь нечего было и думать. Скорее Магдалена пыталась привести в порядок свои мысли. Что касается Свинопаса, то на его счет она колебалась между благодарностью и подозрением, что он мог действовать не совсем бескорыстно. И все же совместное бегство представлялось ей единственным шансом уйти от инквизиции и легата.

Когда Венделин ранним утром постучал в ее дверь, Магдалена была уже одета и узелок с ее пожитками лежал рядом с его котомкой. Чтобы вместе не бросаться в глаза, Свинопас рассказал, как пройти мимо дома управляющего к садоводческому хозяйству и оттуда до места, где ручей Киссельбах протекал под монастырской стеной и покидал огороженную территорию. Там она должна была его ждать.

Под покровом темноты Магдалена незамеченной добралась до условленного места, и вскоре появился Венделин. Там, где ручей исчезал под стеной, и был «проход грешника», закрытый деревянной решеткой; добраться до него можно было, лишь сделав несколько шагов по воде.

Венделин пошел вперед, открыл решетку, которая была лишь прислонена, и пролез через проем в стене. Затем тихонько позвал Магдалену последовать его примеру. Подобрав юбки левой рукой, а правой зажав узелок, она прошла по воде и, повторив движения Свинопаса, тоже пролезла через стену. Они были на свободе.

За подворьем, всего в нескольких шагах, их уже поджидал перевозчик вина Рихвин со своей повозкой. С трудом ворочая языком, что было следствием либо вчерашних возлияний, либо

выпитой уже сегодня ни свет ни заря щедрой порции, он осведомился, ткнув пальцем в Магдалену:

— А это кто такая?

— Это Магдалена, о которой я тебе вчера говорил, — пояснил Венделин. — У тебя ведь найдется еще одно свободное место на одной из твоих бочек?

Пробормотав что-то о поганых бабах, тот протянул ей раскрытую левую ладонь. Магдалена правильно поняла намек и положила гульден в его мозолистую лапу, после чего угрюмая физиономия кучера заметно посветлела, насколько можно было различить в свете фонаря, укрепленного на повозке.

— Вюрцбург? — спросил он, не столько из незнания конечной цели пути, сколько из желания сказать что-то приветливое.

— Мне бы подошло! — ответила Магдалена, взглянув в его изрытое морщинами лицо с правым веком, свисавшим, словно мокрая тряпка.

С неожиданной обходительностью он помог Магдалене взобраться на повозку, и она уселась на первую же бочку, стоявшую сразу за кучерскими козлами. Свинопас убрал багаж и занял место рядом с Рихвином. Тот огрел кнутом жеребцов, и повозка покатилась в южном направлении.

Первые несколько миль они преодолели в полном молчании, ибо оба пассажира опасались, как бы резвый кучер, увлекшись разговором, не опрокинул свою тяжелую колымагу или не направил ее в ближайшую канаву.

Выехав в долину Рейна, где дорога была равнинной и прямой, Рихвин перевел своих лошадей на более медленную рысь. На востоке занималось утро, и озаренный первыми солнечными лучами горизонт сулил прекрасный летний день.

Повозка скрипела и трещала под тяжелым грузом, и под бульканье вина в не заполненных доверху бочках Магдалена пыталась представить себе, как будут развиваться события, когда через несколько дней они доберутся до Вюрцбурга. Чем дольше она размышляла, тем больше впадала в уныние. Ее мучили тягостные предчувствия, что со своей внешностью она может в итоге оказаться в какой-нибудь купальне и растрачивать себя, оказывая услуги омерзительным мужчинам.

Из этого мучительного сумеречного состояния ее вывел вопрос Венделина, который он задал громким голосом, чтобы перекричать встречный ветер:

— Дева Магдалена, а как вы думаете, не заняться ли нам с вами вдвоем поисками мудрых книг?

Магдалена испугалась до смерти, ткнула Свинопаса в бок и закатила глаза, показывая в сторону Рихвина. Тот, казалось,

вообще не замечал их, цокал языком, отчего лошади пускались рысью, время от времени у него вырывался смешок, словно ему кто-то нашептывал в ухо непристойную историю.

— Он лыка не вяжет, — просветил Свинопас Магдалену. — Пока доедем до Вюрцбурга, он половину груза опорожнит. Ну, так как вам мое предложение?

— Думаю, вам надо немедленно выбросить это из головы! Слишком многие мечтают найти «Книги Премудрости», причем по самым разным соображениям. Мы бы вмиг обрели массу врагов — от чернокнижников и магов, циркачей и его курфюрстшеской милости до папского легата и его светлости. Что бы мы могли противопоставить всем этим людям?

— Дева Магдалена, у вас есть огромное преимущество перед всеми вашими противниками. Вы знаете гораздо больше, чем они. Иначе бы они не охотились за вами так упорно.

Приблизившись к Франкфурту, кучер сделал большой крюк, оставив город с правой стороны. Магдалена со Свинопасом долгое время ехали молча, каждый предавался своим мыслям, а пьяный возничий так был занят самим собой, что не обращал на пассажиров ни малейшего внимания.

В безымянной деревушке на речке Кинциг, южнее впадавшей в Рейн, кучер сделал вечером привал, распряг лошадей и наполнил глиняную кружку вином из той бочки, что стояла последней. Второй кружкой он зачерпнул воды из реки, чтобы восполнить взятый объем вина. Магдалена и Венделин с ухмылками наблюдали за чудесным прибавлением.

Опрокинув залпом кружку вина, Рихвин вытер рукавом губы и только теперь заметил удивленный взгляд Магдалены. Он громко и беззастенчиво расхохотался, словно высмеивая самого себя, а потом без лишних слов исчез в ивовых кустах, обрамлявших речушку.

— Пожалуй, я видала более вежливых кучеров, — заметила со вздохом Магдалена, усаживаясь в траве. — Но, — тут же поспешила добавить она, — я очень рада, что Эбербах остался позади.

— А как все-таки получилось, что инквизиция обвинила вас? — снова начал допытываться Свинопас. — Я хочу сказать, ведь так просто, за здорово живешь не будут обвинять женщину в колдовстве. Или эта тема вам неприятна?

Магдалена смотрела прямо перед собой на заходящее солнце и молчала. Потом вдруг вскочила и побежала к речке. Зачерпнула пригоршню воды и поднесла ко рту.

Библиотекарь наблюдал за каждым ее движением и тоже не выдержал, побежал за ней и, окунув голову в чистую воду, стал

отфыркиваться.

— Я далеко не обо всем вам рассказала, — услышал он рядом голос Магдалены. — За покушением на Рудольфо стояла некая женщина из нашей цирковой труппы, по имени Ксеранта.

Ошарашенный, Свинопас убрал мокрые пряди с лица и посмотрел на Магдалену.

Та продолжала:

— До этого она пыталась убить ***меня.*** Когда ей это не удалось, она взялась за канатоходца. Потом призналась мне, что ею двигало, и заявила: «Пусть уж лучше он не достанется никому, если я его не заполучу». Это она подожгла канат, на котором балансировал Великий Рудольфо.

— Вы все еще горюете по канатоходцу, не так ли?

Магдалена медленно покачала головой.

— Честно говоря, поначалу горевала больше. Я была так сбита с толку, что решила на следующий день после его смерти сама подняться по канату, хотя до этого и шагу не сделала на натянутом пеньковом канате.

— Но вы ведь живы, дева. — Свинопас смотрел на нее с недоумением.

Магдалена рассмеялась:

— Я воспользовалась последними каплями эликсира, который был у Рудольфо, — чудодейственной жидкостью, преодолевающей законы природы, пять капель которой достаточно, чтобы почувствовать себя птицей на качающейся ветке.

— И вы в самом деле взошли на башню и не упали с каната?

— Вы когда-нибудь видели птицу, падающую с ветки, если только ее не пронзила стрела или пуля охотника? Надеюсь, я ответила на ваш вопрос?

Потрясенный Свинопас согласно кивнул.

— А что же это за эликсир? Я имею в виду, знаете ли вы его состав?

— К сожалению, нет, — вздохнула Магдалена, следя взглядом за волнами с матовым отливом, в густеющих сумерках накатывавших на берег. — Могу лишь предположить, что рецепт содержится в одной из девяти «Книг Премудрости».

— Но доподлинно это вам неизвестно!

— Да что вообще человек знает доподлинно, кроме того, что рано или поздно он умрет? — рассердилась Магдалена. — Главное в том, что Рудольфо признался мне, что он пользовался эликсиром. А затем в одной из бесед он открыл мне, что рецепт этого и других чудодейственных средств можно найти в «Книгах Премудрости». При этом речь идет вовсе не о волшебстве, а о

научных открытиях, применение которых способно изменить все мироздание.

— Эта картина действительно завораживает, — задумчиво произнес Венделин и опустил руку в воду. Затем, проведя мокрой ладонью по лицу, добавил: — Если бы сбылись все наши сказочные мечты, если бы мы умели становиться невидимками, способны были проспать сто или тысячу лет и проснуться в другом времени, если бы наши повозки тащили за собой не лошади, а кобольд, который вместо овса и сена питался бы простым эликсиром, если бы мы, подобно Моисею в Ветхом Завете, могли сделать море сушею или, как Иисус Христос в Новом Завете, научились взлетать на небо, если бы можно было наполнять бутылки нашими словами, как ценным вином, а хоралы Генриха Исаака положить на тарелку, а потом, когда захочется, снова заставить звучать их, тогда...

— И что тогда? — перебила его Магдалена. — Что было бы тогда?

Венделин пожал плечами:

— Тогда ни вам, ни мне не надо было бы волноваться за свое будущее.

— Вы только о деньгах думаете!

— Не только о деньгах, дева Магдалена, хотя в моих размышлениях они играют не последнюю роль. А вы не задумывались, что ваше бегство от инквизиции доминиканцы расценили как признание вины? Это значит, что до конца своих дней вам придется вести подпольное существование, никто не должен узнать, что вы и есть та самая дева Магдалена, которую святая инквизиция приговорила к Божьему суду и которая спаслась бегством от обвинительного приговора.

Сидя в траве на корточках, Магдалена положила голову на колени, обвив их руками. В суете последних часов она совсем не думала об этом. Венделин, безусловно, прав. Бегство из монастыря Эбербах, конечно, спасло ее на первое время от худшего, но доминиканцы пустят в ход все средства, лишь бы выследить ее.

— Мне не пристало давать вам советы, — нарушил Свинопас затянувшееся молчание, — но есть только ***один*** шанс выручить вас из этой гиблой ситуации.

Магдалена вскинула на него глаза.

— И какой же?

— Вы же сказали, что, приняв последние капли эликсира, сами взобрались на канат и с легкостью взошли на соборную башню.

— Сказала, и это истинная правда!

— Следовательно, вы могли бы повторить этот трюк и на глазах у публики пройти испытание Божьим судом, наложенное доминиканцами. Таким образом, ваша невиновность была бы доказана раз и навсегда.

— Вы забываете одну вещь, — вымученно улыбнулась Магдалена, — последние капли эликсира выпиты, а без чудодейственного средства я через пару шагов камнем упаду на землю.

— Тогда есть лишь одно решение! Нам надо найти «Книги Премудрости», в которых записан рецепт!

Магдалена в отчаянии покачала головой, беспомощные слезы покатились по ее щекам.

— Легче найти иголку в сене, чем выполнить эту затею, — всхлипнула она. — К тому же на нашем пути встали бы могущественные противники, желающие того же. Вспомните алчного Папу или этого таинственного доктора Фауста, искавшего «Книги Премудрости» в монастырской библиотеке.

— Почему вы так думаете, дева Магдалена?

— Перестаньте называть меня девой Магдаленой. — Магдалена поморщилась. — Я ведь не какая-нибудь знатная женщина, тем более дворянка, а обычная простая баба, циркачка к тому же. Называйте меня просто Магдалена, как положено. А я, вероятно, могу называть вас Венделин, как принято среди друзей!

Свинопас, примостившийся рядом с ней на траве, кивнул с довольным видом, взял ее левую руку, поднес ее к губам и поцеловал. Для Магдалены это было не лишено некоторой неловкости, но она не возражала.

— Это не просто мое предположение, — ответила она наконец на вопрос Венделина, — мне с самого начала показался подозрительным человек, столь ревностно изучающий книги в монастырской библиотеке. Дело в том, что я уже встречалась с ним раньше. Я своими ушами слышала, как он произносил пароль Девяти Незримых: Сатан... Адама... Дальше уже не помню.

— А ты уверена, что это был пароль Девяти Незримых?

— Абсолютно уверена. Ведь чернокнижник назвал зашифрованные слова, чтобы попасть в фургон к Рудольфо.

— Тогда доктор Фауст сам один из них!

— В том-то и дело, что нет!

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он предлагал Рудольфо тысячу золотых дукатов за то, чтобы тот сделал его своим преемником. Фауст был готов выложить кучу денег за этот секрет.

— Но откуда же ему была известна секретная формула?

Магдалена воздела к небу сложенные руки.

— Одному Богу известно! Доктор Фауст — великий ученый и дотошный исследователь. Работа в библиотеке — тому подтверждение. У меня сложилось впечатление, что в его голове мозгов на девятерых. Он даже знал, что Рудольфо среди Девяти Незримых был Квартусом, четвертым.

Венделину Свинопасу было нелегко поверить во все это. Но чем больше он размышлял, тем достовернее начинали казаться ему объяснения Магдалены. Он ведь тоже с самого начала с недоверием отнесся к этому доктору Фаусту. От других исследователей, которые пользовались монастырской библиотекой, тот в первую очередь отличался молчаливостью. Ученые чаще бывают общительными. То, что чернокнижник охотился за чем-то таинственным, не смущало Венделина, а вот то, что речь шла о величайших сокровищах человеческого ума, уже выходило за пределы его воображения.

— Ты сказала, что раньше уже встречалась с доктором Фаустом, но в библиотеке не обменялась с ним ни единым словом!

— Верно. Насколько помню, ты за все эти дни тоже ни разу с ним не разговаривал!

Венделину нечего было возразить.

— Вот видишь. Я не хотела попадаться ему на глаза. Хотя в то время я всегда носила пышный чепец, под которым прятала свою обритую голову. К тому же я встречалась с ним ночью.

— Почему же, — покачал головой библиотекарь, — почему ты мне ничего не рассказала о путанице, которая разыгралась в библиотеке на моих глазах?

— Я не была уверена, что могу положиться на тебя. К тому же сомневалась, что ты поверишь мне. Ты, вообще-то, веришь мне?

Венделин взял Магдалену за руку и посмотрел на нее так, как никогда еще не смотрел. В глазах его была мольба, словно он выпрашивал ее доверие. При этом она ожидала, что он возмутится и с негодованием воскликнет: «Если ты мне не доверяешь, иди одна своей дорогой! Ты для меня и так сплошная обуза». Но ничего подобного не произошло. Венделин упрямо молчал, и через какое-то время разочарованно повесил голову.

Магдалена высвободила свою руку и прервала неловкое молчание:

— Ночью, еще до того как доктор Фауст исчез из монастыря, у нас произошла неожиданная встреча. Я пришла в библиотеку, чтобы выяснить, какие книги чернокнижник штудировал в этот день. Мои наблюдения подсказывали мне, что использованные книги он складывал стопкой, которую ты на следующий день вновь расставлял по своим местам.

— Так оно и есть, — подтвердил Свинопас. — Так заведено во всех библиотеках.

— Однако, войдя в библиотеку, я обнаружила доктора в неподвижности, его голова и руки лежали на пульте, как будто он был мертв. Перед ним трепетал огонь свечи. Под головой у него лежал раскрытый атлас «Русло Майна» с картой. Фауст заснул, изучая ее. Было такое впечатление, что он бесконечно долго разглядывал карту. Разумеется, это разбудило мое любопытство, и я попыталась вытащить атлас из-под его головы.

— Рассказывай дальше! — возбужденно воскликнул Венделин.

Магдалена наслаждалась любопытством, которое она вызвала у своего товарища, и, выдержав паузу, продолжила шепотом:

— Поскольку я не была уверена, что мне удастся это, не разбудив спящего чернокнижника, я сначала долго разглядывала

карту, которая так занимала Фауста. При этом я совершила одно открытие, от которого у меня захватило дух и которое повергло меня в полную растерянность. Мне бы догадаться, что доктор Фауст неминуемо проснется, когда я начну вытаскивать атлас из-под его головы. Но я никак не могла предположить, во что это выльется: якобы спящий чернокнижник молниеносно вцепился в мое запястье и сжал его с такой силой, словно это была по меньшей мере лапа льва. Я хотела закричать, но от ужаса у меня пропал голос. Не глядя мне в лицо, он оттолкнул мою руку, словно ядовитую змею, и выбежал из библиотеки.

— И ты думаешь, доктор Фауст не узнал тебя?

— Он вообще не взглянул на меня! У меня было впечатление, что чернокнижник скорее боялся, что я узнаю ***его.*** Вероятно, у него на это были свои причины.

Тем временем окончательно стемнело, и с северной стороны они увидели подпрыгивающий свет фонаря, который медленно приближался к ним. Кучер возвращался, размахивая фонарем, снятым с повозки. Как и в течение всего дня, он был неразговорчив, едва ли замечал своих пассажиров и лишь одарил их проникновенной улыбкой. Вскочив одним махом на козлы, он намотал поводья на специально предусмотренный крюк, снял фуфайку и скатал ее в некое подобие подушки. Затем улегся спать на козлах, почти мгновенно огласив округу мощным храпом, который заглушал даше лягушачий концерт.

— Ты сказала, что увидела на карте, над которой заснул доктор Фауст, что-то, потрясшее тебя, — напомнил Венделин, — чему ты до сих пор не находишь объяснения.

Словно желая стереть воспоминания из памяти, Магдалена провела руками по лицу. Потом сказала:

— Я впервые увидела карту русла Майна, который, как ни одна другая река, описывает сначала треугольник, потом четырехугольник, прежде чем впадает в Рейн. К тому же в своих верховьях на несколько миль вокруг Майн подпиты-

вают притоки, два из которых, Регниц и Баунах, выглядят на карте как многохвостая змея.

— Ну хорошо, конечно, это необычно для течения реки, но я не вижу тут причины для беспокойства.

Магдалена оставила без внимания его замечание.

— А ты бы увидел в очертаниях русла Майна, не беря во внимание расположенные на его берегах города, дороги вдоль речных долин, холмы и леса с обеих сторон, многохвостую змею?

Венделин был поражен, однако по-прежнему не мог понять, что так взволновало Магдалену.

— А если я тебе скажу, — продолжила она, — что у Великого Рудольфо была на теле татуировка, изображающая именно эту многохвостую змею, описывающую треугольник и четырехугольник, это оправдало бы в твоих глазах мое волнение?

— Татуировка змеи? — выговорил ошарашенный Венделин.

— Или русло Майна.

— И какой же вывод ты из этого делаешь?

— Конечно, неосведомленный человек увидел в татуировке змею. Посвященный же распознал в ней русло Майна. Рудольфо однажды упомянул, что истинный обладатель секрета Девяти Незримых якобы держит местонахождение «Книг Премудрости» в памяти. Но на тот случай, если память изменит ему, тайна наносится на кожу.

Потребовалось немало времени, прежде чем Венделин Свинопас осознал всю значимость объяснения Магдалены. Качая головой, он пробормотал:

— От истока до устья длина Майна больше трехсот миль. Не самый точный ориентир для тайника.

Магдалена обиженно возразила:

— Ты всерьез думаешь, что Девять Незримых взяли бы и просто написали на теле, где находятся книги, хранящие тайны человечества?

— Ну конечно нет, — пошел на попятную Свинопас.

— Кстати, — заметила Магдалена, наморщив лоб, — под змеей на коже Рудольфо еще было вытатуировано странное слово: HICIACCOD. Это тебе что-нибудь говорит?

Венделин отрицательно покачал головой.

— HICIACCOD — звучит как какое-то понятие из кабалы, тайного еврейского учения. Ни в одном другом языке нет такого количества слов, оканчивающихся на — od или — ot, как в

иврите. Кстати сказать, кабалисты, то есть адепты этого мистико-теософского учения, называют себя «знатоками тайной мудрости» или «мастерами тайны». Канатоходец никогда не говорил тебе, что был приверженцем иудейской веры?

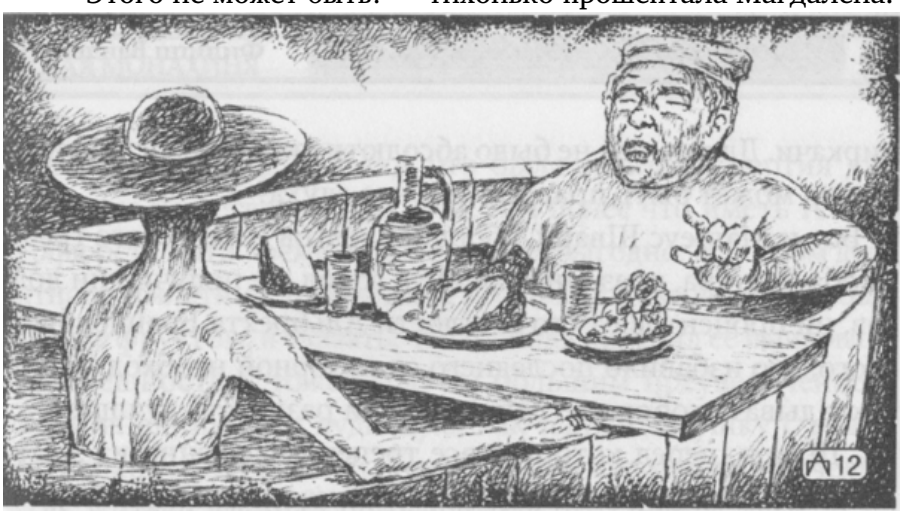
— Нет, никогда! Великий Рудольфо верил только в самого себя. И, честно говоря, я порой нахожу это вполне разумным.

Давно миновала полночь, когда Магдалена и Венделин вернулись к повозке и улеглись спать на траве между колесами.

На рассвете Магдалену разбудило довольное похрюкивание Рихвина. Голый кучер стоял по пояс в воде и периодически уходил под воду, чтобы вскоре снова всплыть, отфыркиваясь и сопя, как морж.

Рихвин отдавался утреннему купанию с таким сладострастием, что Магдалене захотелось последовать его примеру. О сне уже нечего было и думать, поэтому она сняла платье и собралась перекинуть его через козлы, как вдруг ее взгляд неожиданно упал на обтянутую грубой кожей дорожную котомку Венделина, стоявшую открытой. Словно в нее вселился бес, она начала рыться в его пожитках, поначалу скорее робко, а потом все лихорадочнее, как будто подчиняясь дурному предчувствию. Неожиданно она наткнулась на какой-то красный, на первый взгляд, безобидный предмет, имевший, однако, для нее огромное значение: это была пурпурная перчатка.

— Этого не может быть! — тихонько прошептала Магдалена.



Глава 18

После погребения Рудольфо жизнь в Майнце пошла своим чередом. Циркачей раскидало на все четыре стороны. Без Великого Рудольфо они не представляли для себя общего будущего, а потому поделили поровну наследство. Каждый получил повозку, запряженную лошадьми, и необходимую утварь для выживания. Остаток имущества был продан. И лишь Константин Форхенборн, который никогда не мог пожаловаться на недостаток идей, скооперировался с двумя прежними артистами: лекарем Мегистосом и польской женщиной-змеей Ядвигой, поскольку не оставлял мысли основать новую труппу бродячих артистов.

Их отъезд был ускорен великим рыбьим мором в Майне. Волной прибивало к берегу груды вкусной рыбы, и самые нищие жители, которых в Майнце было полным-полно, набросились на добычу. Когда же сапожник Квирин, которого Господь наградил девятью малыми детишками, отведав сдохнувшего угря, в одночасье отправился в мир иной, по городу распространился слух, что воду в Майне отравили

циркачи. Для молвы не было абсолютно никаких оснований, но что может быть правдоподобнее слуха?

Вот и Маттеус Шварц, сборщик долгов имперского графа Якоба Фуггера, внезапно покинул город, не получив ни долгов, ни процентов от его светлости Альбрехта Бранденбургского, что избавило последнего от позорной необходимости закладывать соборные ценности или раздавать лучшие куски. Шварц, перед которым все трепетали именно из-за его знаменитой суровости и умения выбивать долги, поступил отнюдь не из человеколюбия, уехав ни с чем. Пустые обещания его курфюрстшеской милости также не смогли бы переубедить его. Причиной его скоропалительного отъезда стала новость, которую доставил конный отряд из далекого Аугсбурга: богач Фуггер почил в возрасте шестидесяти шести лет.

Смерть патрона требовала присутствия Шварца, ибо у имперского графа не было прямого наследника, лишь два племянника, тридцати шести и тридцати двух лет, и они еще при живом дяде спорили о том, кому какой кусок от пирога перепадет. Маттеуса Шварца, которого хозяин наделил значительными полномочиями, ожидали волнующие времена.

Майнцскому курфюрсту Альбрехту Бранденбургскому все это было глубоко безразлично. Он поблагодарил Господа за

неожиданное спасение от грозящего бесчестия и приказал благочинному Иоганну Шенебергу вместе с его канониками отслужить двенадцать благодарственных месс, а затем провести сорокавосьмичасовую вигилию. Сам он намеревался во время длящегося двое суток молебна собственноручно зажечь пожертвованную им свечу весом в четырнадцать фунтов из рейнского пчелиного воска и в конце исполнить «Тебя, Бога, хвалим».

После того как его милость предложил секретарю в жены свою внебрачную дочь Катарину, между Альбрехтом Бранденбургским и его секретарем Иоахимом Кирхнером установились натянутые отношения. Девочке было всего пятнадцать, и, на первый взгляд, это была завидная партия для мужчины на четвертом десятке, тем более что иметь тестем курфюрста в эти времена было весьма выгодно. На самом деле пятнадцатилетний внебрачный ребенок, как выяснилось, был тем еще фруктом, и сказать, что Господь наделил ее выигрышной внешностью, тоже было бы большим преувеличением. Глядя на длинную и худющую, как палка, девушку с вечно растрепанными рыжими волосами и тяжелой нижней челюстью, жители Майнца поговаривали, что при ее зачатии не обошлось без участия черта.

Вот мать Катарины, Лейс, Кирхнер взял бы в жены с огромным удовольствием. Несмотря на свой возраст, Элизабет Шюц была весьма привлекательной женщиной; но гражданская жена кардинала считалась неприкасаемой, хотя его курфюрстшеская милость давно уже переключился на вдовушку Агнес Плесс и отправка Лейс в монастырь была лишь вопросом времени.

Но главную роль в отрицательном отношении Кирхнера к неаппетитной кардинальской дочке, как это часто бывает в жизни, играли денежки. Вопреки своему прежнему обещанию дать за Катариной приличное приданое неплатежеспособный курфюрст не желал об этом даже слышать. Напротив, он требовал от Кирхнера весьма существенных отступных, которые, в случае, если он не заплатит их сразу, будут удерживаться из его жалованья, в результате чего секретарь лет пять ничего не будет получать.

Кирхнер остался при своем мнении. После рукоположения в сан он никак не мог связать себя с женщиной. Его не переубедил и довод Альбрехта, что сейчас иные времена и что даже епископы и кардиналы преклоняются перед женщиной.

Перед важными церковными праздниками Альбрехт Бранденбургский имел обыкновение принимать ванну, так было и этим утром. Предстояло Вознесение Девы Марии, и

кардинальские служанки уже с полуночи поставили бак на огонь, чтобы довести воду для купания до приятной температуры.

Деревянный чан, задрапированный белым холстом и такой большой, что в нем вполне могли уместиться двое, стоял наготове под сводами подвала.

Тщетно пытались служанки изгнать из подвала дурной запах, который, как всегда, воцарялся там, когда менялась погода. Дело в том, что его курфюрстшеская милость был очень чувствителен к зловонию. Не то чтобы Альбрехт был таким уж нежным, но дурные запахи считались у высшего духовенства дьявольскими испарениями и не имели права быть во дворце князя-епископа. В том числе и в подвале.

А потому с самого утра банщицы занялись тем, что с помощью ладана и тлеющих еловых ветвей пытались изгнать из-под сводов дыхание дьявола, тем более что ожидался высокий гость: легат его святейшества Папы Климента VII, кардинал папской курии Джустиниани.

Курфюрст Альбрехт Бранденбургский предпочел принять папского посланника в купальне, что никоим образом не воспринималось как оскорбление, совсем наоборот. В высших кругах встреча во время процедуры очищения рассматривалась как особо доверительный жест. И вот Альбрехт, на котором не было ничего, кроме шапочки с тремя складками, прикрывавшей его редкие волосы, уже сидел в овальном чане, от которого шел пар. Подобрав юбки, крепкие банщицы — их было не меньше полудюжины — подтаскивали деревянные ведра с горячей водой, чтобы подливать ее в чан. Тут в подвал вошел Джустиниани в пурпурной ризе и мозетте, короткой пелерине с капюшоном, голову его венчала галеро, красная широкополая кардинальская шляпа, украшенная колокольчиком. Его сопровождал апостольский секретарь Иоанн Патричи.

Обе стороны обменялись любезностями — на языке мед, а в сердце лед.

— Для меня было бы большой честью, — в конце концов произнес Альбрехт, — разделить воду с нашим братом во Христе.

Удивленный неожиданным приглашением, Джустиниани осекся, бросил вопрошающий взгляд на секретаря и, не дождавшись ответа от Патричи, который лишь молча таращился на него, принял чреватое последствиями решение, сказав:

— Почему бы и нет, если это вам важно. Даже Господь наш Иисус Христос, как пишет Матфей в четвертой главе, искушался дьяволом, а под конец ангелы приступили и служили Ему.

Разумеется, плескавшемуся в воде голому курфюрсту было ясно, что римский посланник провоцирует его. С другой стороны,

Джустиниани ожидал от своего визави того же. Альбрехт ни в коем случае не должен был предстать провинциальным мещанином-ханжой и, заломив руки, убежать из подвала. К тому же он не знал церковных законов, запрещающих двум кардиналам купаться в одной и той же воде, — кроме развратных устремлений, конечно. Но от этого оба кардинала были весьма далеки.

А потому Джустиниани быстро снял свою мозетту и ризу, под которыми оказались свежая рубашка и тесно облегающие панталоны, не слишком выгодно демонстрирующие его паучьи ножки.

Необычный облик папского кардинала в подштанниках бросил в пот стыдливых банщиц, а когда Джустиниани сбросил с себя и этот деликатный предмет, они, закрыв лица руками, выбежали вон вместе с Патричи. Папский легат оставил на себе лишь широкополую кардинальскую шляпу с колокольчиком, словно фиговый листок. В таком виде он забрался по приставной лесенке в овальный чан к Альбрехту Бранденбургскому.

Хотя сухощавый папский кардинал отнюдь не был корпулентным, вода в чане перелилась через край, и курфюрсту пришлось звать банщиц. Все еще в смущении от неловкого зрелища, они подтерли пол, а затем водрузили поперек чана решетку — не столько чтобы разграничить сферу влияния обоих кардиналов, сколько для того, чтобы соорудить столешницу для обильного завтрака, состоявшего из лепешек, яиц, сала и нарезанного холодного жареного мяса вместе с молодым грушевым вином.

— Брат во Христе, — начал Альбрехт Бранденбургский, смачно чавкая, — не могу себе представить, чтобы похороны канатоходца побудили вас проделать долгий путь из Рима в отдаленный Майнц. Не говоря уж о том, что время, прошедшее от прискорбной гибели Великого Рудольфо до его погребения, несравненно меньше того, которое потребовалось, чтобы новость достигла Рима и вы смогли добраться сюда.

— Тут вы не заблуждаетесь, — заметил Джустиниани с коварной ухмылкой и с наслаждением вытянул свои тощие ноги на половину хозяина. — Лошади из ватиканских конюшен, благословленные его святейшеством, считаются самыми быстрыми в мире. Только что с того проку, если вы вашего брата во Христе, прибывшего в город, полдня заставляете ждать у городских ворот, а потом оказываете ему отнюдь не подобающий прием! — Унизительное обращение по его прибытии в Майнц до сих пор не давало покоя папскому посланнику.

— Вам следовало выслать вперед гонцов, которые возвестили

бы ваш неожиданный визит, — небрежно заметил князь-епископ тоном, не содержащим и намека на извинения. — Вы не представляете, какие задачи должен ежедневно решать церковный ***и*** светский властитель. Кардинал папской курии живет в несравненно более благоприятных условиях.

— Покончим с взаимными обвинениями! — Джустиниани хлопнул ладонью по воде, обдав завтрак водой. — Не сомневаюсь, что вы догадываетесь, почему я решил составить вам нынче утром компанию.

Конечно, Альбрехт Бранденбургский догадывался об истинной цели визита, но предпочел оставить это при себе и разыграть полное неведение.

— Позвольте, я попробую отгадать, брат во Христе. Вероятно, в вашем багаже имеется ценная реликвия. Что же это такое и сколько вы за нее хотите?

Старшая из банщиц выпустила в чан ведерко мыльной пены, чтобы, с одной стороны, отмыть кардинальские телеса, а с другой — скрыть под пышной пеной благословенные причиндалы высоких духовных господ от взоров молодых купальщиц.

— Оставьте ваши реликвии! — рассердился папский легат. — В Риме никто больше не интересуется реликвиями, с тех пор как стало известно, что одних только препуциальных мешков маленького Иисусика существует не меньше дюжины, а также три савана Господа нашего, не говоря уж о бесчисленных наконечниках копий, с помощью которых делался надрез на теле Иисуса, снятого с креста. Нет, на этом теперь денег не заработаешь.

— А индульгенции? Я имею в виду настоящие, полновесные индульгенции. Как обстоят с ними дела? — живо поинтересовался князь-епископ.

— То же самое, — отмахнулся легат. — Прошли те времена, когда с помощью рукописных пергаментов и пяти «Аве Мария» можно было сколотить состояние. И в этом есть часть и вашей вины, жителей Майнца. Ведь это же один из вас изобрел искусство печатания. Разве нет?

— Надеюсь, его святейшество Папа Климент хотя бы не обвиняет нас в упадке римской курии.

Джустиниани пришел в ярость и так завопил, что его хрипловатый голос эхом отозвался под сводами, а банщицы попрятались за колоннами:

— Я запрещаю вам обсуждать в таком тоне финансовое состояние Ватикана! Да, с тех пор как Папой Юлием II овладела мысль, что ему под силу мечом восстановить церковное государство, и он отправился в поход против Бога и света, казна

его святейшества действительно опустошена, и ни для кого не секрет, что его преемники до сих пор остались должны живописцу Микеланджело и наследникам Рафаэля и Браманте. Собственно, это и есть причина моего приезда к вам.

В ответ Альбрехт разразился громким хохотом, что, по-видимому, должно было означать: «И с этим вы приезжаете именно ко мне?» Вслед за этим курфюрст тут же, набрав в грудь воздуха, ушел с головой под воду, оставив на поверхности лишь свою шапочку.

Джустиниани был в полном недоумении, не зная, как отнестись к этому спектаклю, если речь шла о таковом, и попытался руками нащупать под водой Альбрехта — из-за мыльной пены ничего нельзя было различить. Вскоре папский посланник действительно за что-то ухватился, отчего князь-епископ, отфыркиваясь, тут же всплыл.

— Я бы вас попросил, брат во Христе! — возмущенно воскликнул он.

Джустиниани не стал заострять внимание на неловкой ситуации, без обиняков задав своему визави вопрос:

— Не допускаете ли вы, что мы оба в поисках финансовых источников гоняемся за одним и тем же?

Альбрехт испугался. Он сразу понял, на что намекал Джустиниани, но предпочел пока разыгрывать из себя простачка.

— Не понимаю, о чем вы толкуете, брат во Христе.

— Тогда мне придется выразиться конкретнее, — вздохнул легат. — Есть предположение, что не все было чисто с этим канатоходцем, которого вы на днях похоронили...

— Вы хотите сказать, что Великий Рудольфо был в сговоре с дьяволом?

— Такое можно было бы предположить, если бы не присутствие на похоронах великих ученых мужей, что позволяет заключить, что Великий Рудольфо имел доступ к «Книгам Премудрости», ставящим под сомнение фундаментальные устои Церкви.

Возмущенный князь-епископ принялся грести руками в чане. Чтобы показать, что все это не имеет к нему никакого отношения, он в шутку спросил:

— Надеюсь, его святейшество Папа Климент не надумал проповедовать Евангелие с каната?

— Я бы вам порекомендовал отнестись с большей серьезностью к этому вопросу, — раздраженно заметил Джустиниани. — Ибо того, кто завладеет «Книгами премудрости», ждут не только величайшие открытия и изобретения, но еще и немыслимые сокровища. Впрочем, кому я это говорю!

— Брат во Христе, — пришел в крайнее волнение Альбрехт Бранденбургский, — вы сказали «сокровища»? Откуда вам это известно? Мы об этом не имели ни малейшего понятия!

— Почему же вы тогда приложили столько усилий, чтобы сорвать маску с одного из Девяти Незримых? — Джустиниани ехидно осклабился, сидя в воде.

— Вот дьявол, — продолжал горячиться князь-епископ, — вам известно больше, чем я предполагал.

Склонив голову набок, кардинал пожал плечами.

— Вы уже не в первый раз переоцениваете свои способности, уважаемый брат во Христе. Не забывайте, в распоряжении его святейшества Папы есть совсем другие возможности, чем у князя-епископа в римско-католической провинции. Взять хотя бы ватиканскую библиотеку, строительство которой еще не завершено, — в ней хранится больше книг, чем в любой другой библиотеке на христианской земле. К сожалению, «Книги Премудрости» туда пока не попали. Но стеганографы, более дюжины которых состоят на службе в Ватикане, уже на пути к разгадке тайны местонахождения этих книг.

— Вы дурачите меня!

— Ни в коем случае.

— Если вам уже так много известно, что же вы пытаетесь выведать у меня?

Джустиниани, тщательно продумывая свой ответ, выдержал паузу. Наконец он произнес:

— Если бы мы объединили наши усилия и наши сведения, это могло бы в значительной мере продвинуть нас вперед.

Альбрехт зачерпнул воды двумя руками и ополоснул лицо, будто пытаясь придать ясность своим мыслям.

— Предположим, — задумчиво начал он, — мы бы нашли «Книги Премудрости». А кто ж останется в барышах? Скорее всего, его святейшество Папа! Или я не прав?

Джустиниани в знак протеста поднял руки над водой.

— Я уполномочен сделать вам следующее предложение: в случае обнаружения «Книг Премудрости» вся прибыль от научных открытий и изысканий, запечатленных в них, достается вам. Его святейшество Папа Климент претендует только на сокровища, о которых там идет речь, и в первую очередь на сокровища царя Соломона.

— ...сокровища царя Соломона, — повторил Альбрехт, глубоко задумавшись. Затем ушел под воду, оставив на поверхности только лицо, чтобы дышать. В этом положении князь-епископ размышлял довольно долго. При этом он, будто гиппопотам, снизу, не мигая, испытующе смотрел на папского

легата.

Внезапно, словно следуя божественному озарению, он с резвостью, которую трудно было ожидать от человека со столь дородным телом, выскочил из воды и возопил:

— И вы думали, я не замечу, как вы пытаетесь меня надуть? Вы и ваш чрезвычайно сообразительный Папа гоняетесь лишь за сокровищами, чтобы избавиться от всех финансовых трудностей. А кто знает, что достанется мне? Может, умение взойти по канату на соборную башню? Нет уж, уважаемый брат во Христе, поищите другого дурака. А теперь убедительно прошу вас: немедленно покиньте мой чан!

Курфюрсту не пришлось повторять это дважды. Папский посланник поднялся и с ворчанием вылез из чана. Поспешно облачаясь в свою кардинальскую одежду, он пробурчал, не глядя на Альбрехта:

— Искренне надеюсь, что однажды вам не придется раскаяться в своем нелюбезном поведении! — Он кликнул своего дворцового прелата, наблюдавшего за перебранкой кардиналов из соседнего помещения.

В то время как папский легат не удостоил своего противника даже взглядом и удалился, не попрощавшись, Патричи на ходу обернулся, чуть поклонился и едва слышно выдохнул: «Хвала!»

Как только оба покинули подвал, там появился Иоахим Кирхнер. Он выглядел еще бледнее обычного и ошарашил Альбрехта Бранденбургского новостью:

— Жена канатоходца сбежала из монастыря Эбербах!

Князь-епископ завершил свой утренний туалет, не доставивший ему на этот раз ничего, кроме раздражения, и позволил банщицам одеть его. Пока они натягивали ему через голову пурпурную кардинальскую ризу, Альбрехт поинтересовался у своего секретаря:

— Как это могло случиться? Тут явно замешан фуггеровский посланник! При этом девица была единственной, кто мог бы помочь нам сдвинуться с мертвой точки. Кирхнер, снаряди два, нет, три вооруженных поисковых отряда. Пусть все прочешут, но найдут эту бабу. Еще надо немедленно разыскать алхимика и ученого-стеганографа Атанасиуса Гельмонта из Брабанта, он уже давно живет в переулке Назенгэсхен. Чем он вообще живет, ни одна душа не знает — может, и вовсе подаяниями или воровством.

— С вашего позволения, — вставил Кирхнер, — многовато всего сразу. Что касается посланника Фуггера, то у него, как вам известно, были веские причины для отъезда. Хозяин гостиницы «Двенадцать апостолов», где он останавливался, клянется и

божится, что тот отбыл в Аугсбург в полном одиночестве, без жены канатоходца.

— Единственная хорошая новость за это ужасное утро, — проворчал князь-епископ. — От Шварца мы так или иначе избавились.

Кирхнер помотал головой, что, вероятно, подразумевало: «Не будем торопиться с выводами. Рано или поздно он снова всплывет со своими процентами». Высказать это вслух он не осмелился, не желая приводить патрона в еще большее бешенство с самого утра. Вместо этого он поинтересовался:

— А ваша курфюрстшеская милость знали, что жену канатоходца доминиканцы обвинили в колдовстве и собирались подвергнуть Божьему суду? Она должна была пройти на глазах у инквизиторов по высоко натянутому канату. На этот раз в монастыре Эбербах.

— И своим побегом уклонилась от Божьего суда! В то же время это означает, что она не владеет знаниями Девяти Незримых.

— Не совсем так, ваша курфюрстшеская милость! Ибо еще до того как ей удалось бежать, из когтей инквизиции ее вырвало одно высокое духовное лицо!

— Папский кардинал Джустиниани!

— Именно так. Вероятно, папский легат пытался втереться в доверие к деве, чтобы побольше разузнать о «Книгах премудрости».

— Кирхнер, и тебе все это известно! — одобрительно воскликнул кардинал.

— Аббат Николаус из Эбербаха послал гонца, — объяснил секретарь. — Он решил, что вы должны быть в курсе. Теперь вы понимаете, почему я не пустил к вам гонца во время визита Джустиниани.

— Молодец, Кирхнер, — похвалил князь-епископ. — А что ты думаешь о брабантском специалисте по тайнописи?

— О нем рассказывают чудеса, — поделился секретарь. — Одни утверждают, что сам сатана помогает ему в работе, другие говорят, что он якобы работает над ***Magia naturalis universalis*** и пользуется старинными шрифтами, которые никто не может прочесть. А третьи вроде бы видели, что по ночам к нему ходят женщины с не самой лучшей репутацией.

— Ты имеешь в виду блудниц?

— И этих тоже, но в основном это рыжеволосые женщины, о которых говорят, что они владеют искусством заговора, уж простите за низменные выражения, предотвращающим при коитусе зачатие. Еще они якобы знают заклинания, позволяющие

наслать молнию на дом неугодных сограждан. Или же они склонны к видениям и предаются искусству гадания. Иными словами, они, похоже, занимаются весьма сомнительными вещами!

— Это не так уж и важно, если брабантский стеганограф окажется нам полезен. Ты ведь помнишь, у нас есть прямое указание на Девятерых Незримых, а именно криптограмма HICIACCOD, о которой, вероятно, не подозревает никто, кроме жены канатоходца.

— И еще не следует забывать змею, — угодливо напомнил Кирхнер.

— Н-да, змея... — задумчиво повторил князь-епископ, — не лучше ли было бы посетить нам стеганографа Атанасиуса Гельмонта еще сегодня? Ученый-криптограф во дворце курфюрста может вызвать кривотолки.

— Не могу с вами не согласиться, — поддакнул Кирхнер. — С вашего позволения, я извещу брабантского ученого о вашем визите.

С наступлением сумерек князь-епископ Альбрехт и его секретарь Кирхнер отправились в переулок Назенгэсхен. Как обычно, улицы Майнца были пустынны. Переулочек был таким узким, что карета или повозка нормальных размеров в нем бы застряли. И это была одна из причин, почему в узких домишках, почти робко прижимавшихся друг к другу, селился только простой люд, преимущественно прислуга, работавшая на каноников и не привыкшая разъезжать в каретах.

В отличие от своего привычного облика, когда князь-епископ пускался пешком в народные низы, сегодня Альбрехт не облачился в яркие пурпурные одеяния, обошелся и без головного убора, который бы сразу выдал его. Кардинал пошел с непокрытой головой и в черной сутане, в которой он нисколько не отличался от рядовых клириков, облепивших соборный город, как мухи падалицу.

Четырехэтажный домишко, в котором с недавних пор поселился алхимик-стеганограф, едва ли отличался бы от других строений переулочка, если бы не окна и входная дверь, еще меньше и уже, чем в остальных домах.

На стук, о котором Кирхнер условился с брабантским ученым, тот открыл дверь, и каждому входящему пришлось низко наклоняться, как при входе на заутреню.

Атанасиус Гельмонт, тщедушного телосложения и с необычно светлой, почти прозрачной кожей лица, оказался немногословным и сдержанным. Он молча провел посетителей на второй этаж, где имелось одно-единственное помещение с двумя малюсенькими

оконцами, выходившими на Назенгэсхен. Мебели, помимо стола посередине, не было, вся комната была уставлена деревянными ящиками, дорожными сундуками и штабелями книг, иные из которых доставали почти до самого потолка. Единственным источником света служил поблескивающий зеленоватый стеклянный шар в центре квадратного стола, назначение которого осталось непонятным князю-епископу, разве только это было новейшее изобретение алхимика.

— Я полагаю, — приступил к беседе Альбрехт Бранденбургский, усевшись возле стола на сундук, служивший сиденьем, — что мой секретарь Иоахим Кирхнер поставил вас в известность по поводу цели нашего визита.

— Исключительно намеками, — выдохнул Гельмонт, ухватившись за столешницу двумя руками, словно опасался потерять сознание. Вздохнув, он пододвинул кардиналу кусок плотной бумаги и перо с чернилами. — Соблаговолите написать загадочное слово, которое вас интересует, ваша курфюрстшеская милость!

Альбрехт стрельнул глазами в сторону Кирхнера. Не то чтобы его курфюрстшеская милость не владел грамотой, но определенных усилий ему это стоило. К тому же у него не было привычки самому браться за перо.

А посему Кирхнер взял перо и нацарапал на бумаге таинственное слово, врезавшееся в его память, как библейское мене, текел, упарсин[10]:

HICIACCOD

Затем придвинул лист князю-епископу. Тот проверил написанное слово, важно кивнул и передал дальше стеганографу, сидевшему напротив на ящике с книгами.

Поначалу могло показаться, что странное слово рассмешило Атанасиуса Гельмонта, потому что он скривил рот, словно собираясь засмеяться. Но затем стало ясно, что он всего лишь про себя произносит отдельные буквы.

Не поднимая глаз, криптограф заметил:

— Непростая задача, которую вы мне тут ставите. С позволения сказать, о моем гонораре в случае успеха вы еще и слова не проронили!

Кирхнер недовольно сморщил лоб, а кардинал громко втянул носом воздух, как обычно делал, демонстрируя свое раздражение.

Гельмонт, полностью поглощенный раздумьями над таинственным словом, сухо продолжил:

— Бесплатным ничего не бывает на нашей бренной земле, кроме смерти. А она стоит жизни. — После этого стеганограф, до того демонстрировавший глубокую одухотворенность и

невозмутимость, разразился булькающим хохотом, хватая ртом воздух, как собака после неудачной погони за зайцем. При этом глаза его выступили из орбит, словно спелые сливы. — Скажем, десятая часть от доходов, которые вы получите вследствие расшифровки этой тайнописи. — И срывающимся голосом, особенно угрожающе звучащим из уст этого человека, он добавил: — И не пытайтесь торговаться, ваша курфюрстшеская милость!

Князь-епископ нервно вскочил, и Кирхнер, опасаясь худшего, торопливо оттащил хозяина в сторону. В углу он принялся увещевать Альбрехта, тот злобно ему отвечал, но в итоге оба пришли к согласию и снова сели за стол.

— Почему вы вообще считаете, что это слово является ключом к деньгам и богатству? — решил схитрить Альбрехт. — Мы совершенно неожиданно наткнулись на эту магическую формулу в одном старинном фолианте и, поскольку она так странно выглядела и не имела ничего общего с латынью и немецким, заинтересовались ею.

— Ах, вот в чем дело, — отозвался стеганограф с разочарованным видом. — Тогда и срочности, видимо, особой нет, чтобы я сразу же занялся поисками решения. Пошлите мне вашего секретаря недельки через четыре или пять. Быть может, к тому времени я и найду решение.

— Нет, тут вы не правы, — перебил его князь-епископ. — Мы хотели лишь намекнуть, что за таинственным словом HICIACCOD может скрываться и вполне безобидная отгадка...

— ...но и указание на сокровища, допустим, тамплиеров или царя Соломона, способные даже князя-епископа освободить от всех денежных забот!

Альбрехт Бранденбургский побелел как полотно, Кирхнер же, демонстрируя полное безразличие, отвернулся и смотрел в сторону с независимым видом.

— Что вы хотите этим сказать? — смущенно пролепетал кардинал.

Атанасиус Гельмонт пожал плечами.

— Ничего, кроме одного: когда Папа Климент V в 1312 году из-за ереси и никчемности распустил Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, больше известный как орден тамплиеров, то богатейший во всем мире орден вдруг стал нищим. До этого бедные храмовники владели неслыханными богатствами, восходившими к легендарным сокровищам Храма Соломона. Все эти несметные сокровища, на которые якобы можно было бы купить Вселенную, бесследно исчезли и до сих пор не найдены. Поговаривают, что лишь единицы знают, где сокрыты эти богатства. Но они обязаны хранить эту тайну и под

страхом смерти не разглашать ее, передавая лишь по наследству достойному преемнику.

Потрясенный Кирхнер повторил:

— Купить Вселенную! Фантастическая картина. Вы не находите, ваша курфюрстшеская милость?

Альбрехт Бранденбургский сосредоточенно молчал, вытянув губы дудочкой. Мысленно он уже предвкушал, какие перспективы сулит расшифровка секретного слова.

— Разумеется, если вам угодно назвать книги Ветхого Завета фантастическими, — заметил Гельмонт, обращаясь к Кирхнеру. — Или вам не известны Первая и Вторая книги Паралипоменон Ветхого Завета? Там сказано: «И превзошел царь Соломон всех царей земли богатством. Он построил храм, стены и двери которого были из чистого золота, и пороги тоже. А в сокровищницах хранились произведения искусства, разная утварь и сосуды — тоже из чистого золота. И даже царица Савская, сама не обиженная Господом и не обойденная богатством, была поражена его богатством и заплакала — от зависти». А потом, так сказано в Библии, почил Соломон. С тех пор его золото исчезло. Ни один человек — пусть даже

целый народ — не мог за свою жизнь промотать такое богатство.

— А почему вы нам все это рассказываете? — послышался после долгой паузы голос курфюрста. — Что касается богатств царя Соломона, вы не открыли нам ничего нового. И позвольте спросить: какая связь между всем этим и тайным словом HICIACCOD? Или вы знаете больше? — Альбрехт окинул Гедьмонта сверлящим взглядом в надежде, что тот невольно выдаст себя.

— Я знаю меньше вас, ваша курфюрстшеская милость. Мне даже не известно название фолианта, не говоря уж о его авторе и подробностях его содержания. Так что вам надо бы, с позволения сказать, пойти мне навстречу. Надеюсь только, вы не попались на удочку какого-нибудь рабдоманта[11], ведь с тех самых времен, как было изобретено книгопечатание, они разглагольствуют в книгах о том, что прутья приводятся в движение металлическими испарениями, причем таким же таинственным образом, как стрелка компаса показывает на север. Но если последнее явление более-менее внятно объясняется естественными науками, то волшебная лоза, с помощью которой якобы можно определить подлинность святынь, изобличить вора или доказать развратные действия, не более чем плод человеческой фантазии. То же самое относится и к кладоискательству, даже если это противоречит убеждению великого Парацельса, который, как известно, является

горячим приверженцем рабдомантии, то бишь лозоходства.

Готовность, с которой Гельмонт делился информацией, скорее насторожила князя-епископа и его секретаря. Возникало подозрение, что криптограф пытается ввести их в заблужде-

ние и пустить по ложному следу. С особым недоверием слушал рассуждения ученого Кирхнер, который, прослышав, что Великий Рудольфо мог иметь доступ к «Книгам Премудрости», тут же обстоятельно начал изучать сей предмет.

— Надеюсь, вы не хотите нам внушить, — ехидно заметил он, — что сокровища Соломона сокрыты именно в Германии!

Прищурившись, стеганограф смерил Кирхнера пренебрежительным взглядом и проронил:

— Господин секретарь! — Сама интонация его обращения была оскорбительной. — Я был вправе ожидать от человека вашего сословия больших познаний. Предположим, тамплиеры в своих крестовых походах завладели Соломоновыми драгоценностями. Это вполне вероятно. Откуда-то же должно было взяться баснословное богатство ордена! После роспуска ордена имущество тамплиеров досталось во Франции королю, в Португалии — одному незначительному рыцарскому ордену, а в Германии — иоаннитам. Их приор вот уже сто лет как располагается в Хайтерсхайме, в двух днях езды верхом отсюда. Между прочим, многоуважаемый господин секретарь, я никогда не утверждал, что сокровища Соломона попали в Германию.

Кирхнер кипел от злости. Так опозорить его перед патроном было неслыханной дерзостью. С его языка уже готово было сорваться обвинение, что Гельмонт — коварный фальсификатор, но тут заговорил Альбрехт Бранденбургский:

— Если вы так хорошо осведомлены о сокровищах Соломона, почему же вы сами еще не отправились на поиски золота ветхозаветного царя?

— Потому что я... — Гельмонт смущенно ухмыльнулся и продолжил, запинаясь: — Потому что у меня не было таких подробностей, как, например, ваш секретный код... Как он звучит?

— HICIACCOD! — пришел ему на помощь Кирхнер.

— HICIACCOD, — повторил Атанасиус Гельмонт и еще раз четко выговорил каждый слог: HI — Cl — AC — COD.

Криптограф закрыл руками лицо, показывая, как напряженно он размышляет. Наконец он отвел руки и произнес:

— Несомненно, речь идет не об одном слове, к примеру, для описания местности, а о нотариконе, слоги или отдельные буквы которого скрывают целое предложение и тем самым содержат четкое указание!

— Потрудитесь объясниться подробнее! — раздраженно прикрикнул на стеганографа князь-епископ.

Тот вскочил так резко, что ящик с книгами под ним с грохотом опрокинулся, присел на корточки у стены напротив Альбрехта и принялся, склонив голову на левое плечо, изучать корешки сложенных там книг. Вскоре, найдя то, что искал, он вытащил из стопки переплетенную рукопись. Положив ее на стол, таинственным голосом произнес:

— Существует очень мало списков этого трактата. Он написан семьдесят лет тому назад и носит неуклюжее название «Книга всех запрещенных искусств, неверия и колдовства». Написано сие сочинение Иоганном Хартлибом, придворным врачом баварского герцога Альбрехта.

С любовью касаясь пальцами страниц, словно он сам был одним из создателей трактата, Гельмонт сообщил:

— Хартлиб использовал десять тайных рукописей и книг по колдовству, обнаруженных им в частных библиотеках. В своем трактате он подробно останавливается на кристалломантии и хиромантии, равно как и на стеганографии.

Он раскрыл рукописную книгу ближе к концу:

— Возьмем алхимический символ VITRIOL для обозначения превращения ртути или свинца в золото, что было древней мечтой человечества. Семь букв, из которых складывается слово VITRIOL, означают не что иное, как ***Visita Inferiora Terrae Recteficando Inverties Occultum Lapidem.*** В переводе это значит: «Посети недра земли, и, очистившись, ты найдешь сокровенный камень». Имеется в виду философский камень.

Или мнимая надпись на кресте Господа нашего Иисуса: ***INRI.*** Нотарикон, который примитивно расшифровывается как ***Jesus Nazarenus Rex Judaeorum***, то есть Иисус Назарянин, Царь Иудейский. Алхимики, однако, трактуют это иначе: ***Igne Natura Renovatur Integra***, то есть: «Огнем природа обновляется вся». А мудрецы утверждают, что надпись звучит по-другому: ***Insignia Naturae Ratio Illustrat,*** то есть «Разум освещает знаки природы».

Альбрехт Бранденбургский с сомнением покачал головой:

— Но какое же высказывание скрывается за нотариконом HICIACCOD? Быть может, в вашей хитрой книге есть и этому объяснение?

— Боюсь, что вынужден вас разочаровать, ваша курфюрстшеская милость. Но поверьте, рано или поздно я расшифрую нотарикон! Это всего лишь вопрос времени!

— Вопрос времени? — возмущенно воскликнул князь-епископ. — Если вам не по плечу эта задача, скажите прямо! Есть и другие стеганографы на христианском Западе.

— А также другие лица, заинтересованные в разгадке тайны! — добавил Кирхнер.

Ученый принялся лихорадочно листать свои фолианты, словно пытался отыскать определенное место. Не поднимая глаз, пробормотал себе под нос:

— От угроз в этом случае мало пользы. Искусство стеганографии требует терпения и еще раз терпения. Или удачи. Совсем недавно я занимался таинственным «А» доктора Парацельса, способного излечивать болезни, перед которыми капитулируют другие врачи и знахари.

Альбрехт Бранденбургский обменялся со своим секретарем многозначительным взглядом, и князь-епископ осведомился с подчеркнутым безразличием:

— Ну и как, нашли?

— Да, и гораздо быстрее, чем я думал. В сочинении английского естествоиспытателя Роджера Бэкона я в первый же день наткнулся на понятие «азот», сокращенно «А». На листовках, наподобие ваших индульгенций, доктор Парацельс весьма охотно изображает себя с мечом в руках, на рукоятке которого выгравировано «А» — символ азота.

— И что бы это значило? — удивился Кирхнер.

— Бэкон описывает азот как универсальное целебное средство с чудодейственным влиянием, благодаря чему он при жизни, двести пятьдесят лет тому назад, снискал славу ученого, принадлежащего к некоему тайному союзу, члены которого были наделены божественными способностями. Доктор Парацельс, пользующийся сегодня этим универсальным лекарством Роджера Бэкона, прославился как чудотворец. Втайне он смеется над этим, делая ссылку — в закодированном виде — на английского «удивительного доктора», доктора Мирабилиса, как называли Бэкона. Я это упоминаю лишь затем, чтобы показать, как тяжелы и в то же время случайны результаты исследований стеганографа.

— Ну хорошо, — заключил князь-епископ, — мы лишь хотели напомнить, что надо поторопиться, иначе мы рискуем быть обойденными другими лицами, заинтересованными в сокровищах Соломона. Мы нисколько не сомневаемся в ваших познаниях и умениях. Что касается вашего гонорара, в случае успеха вам причитается десятая часть. Бог мне свидетель!

Атанасиус Гельмонт огляделся по углам скудно освещенной комнаты, словно надеясь увидеть упомянутого свидетеля, потом захлопнул фолиант и поднялся.

Давно миновала полночь, когда Альбрехт Бранденбургский и Иоахим Кирхнер покинули узкий домик в переулке Назенгэсхен.

— Ну и что ты думаешь об этом парне? — поинтересовался

кардинал, когда они бодро зашагали по направлению к курфюрстшескому дворцу.

Кирхнер, заложив руки за спину и глядя себе под ноги, нерешительно произнес:

— Трудно сказать, ваша курфюрстшеская милость. Гельмонт — высокообразованный человек, и у меня сложилось впечатление, что он знает намного больше, чем кажется на первый взгляд.

— Ты хочешь сказать, что этот приблудный стеганограф хочет провести нас?

— Во всяком случае, вам не следует безоговорочно доверять ему. С вашего разрешения, я бы попытался пролить свет на его темное прошлое.

Альбрехт Бранденбургский согласно кивнул.

Ученый-криптограф Атанасиус Гельмонт все еще сидел за столом, подперев голову руками и устремив немигающий взор на колыхающееся пламя сальной свечи. С верхнего этажа послышались приближающиеся шаги, и в темноте раздался женский голос:

— Ушли наконец?

— Слава Богу! — пробурчал Гельмонт и обернулся. Перед ним стояла женщина с распущенными рыжими волосами. На ней был длинный шлафрок из белого атласа, рельефно подчеркивающий ее формы.

— Ксеранта, — заметил ученый, — мы не единственные, кто охотится за «Книгами Премудрости». Курфюрст Альбрехт Бранденбургский знает даже волшебное слово HICIACCOD. Спрашивается, откуда?

У Ксеранты был угрюмый вид.

— Вряд ли кардинал, как и я, спал с Рудольфо и обнаружил татуировку возле его детородного органа. Если верить слухам, Альбрехт Бранденбургский совершенно не интересуется мужчинами. Он полностью занят своими бабьими историями.

Гадалка опустилась рядом с Гельмонтом на сундук и положила голову ему на колени. Потом прошипела:

— Есть лишь ***одно*** объяснение: князь-епископ обделывает общие делишки с Магдаленой. А то, что Магдалена видела татуировку канатоходца, можно не сомневаться.

— Зачем же он прибегает к моей помощи?

Ксеранта задумчиво произнесла:

— Тот факт, что Магдалене известно секретное слово, еще не говорит, что она знает его значение. Великий Рудольфо был осторожен и выдал не так уж много. К тому же погиб он совершенно неожиданно. У него, скорее всего, просто не было

времени доверить свою тайну Магдалене.

— Это была твоя идея поджечь канат Рудольфо. У меня, если честно, на это никогда не хватило бы смелости.

— Но ты поддержал меня в моем намерении!

— Этого я не отрицаю, Ксеранта.

Гадалка выпрямилась и приблизилась к Гельмонту.

— С Магдаленой у меня свои счеты, — заявила она, и в ее глазах сверкнула ненависть. — Я хочу видеть, как она будет гореть на костре, эта ведьма.

Глава 19

Ни за что на свете Магдалена не могла предположить, что Венделин Свинопас был заодно с Ксерантой. Но как иначе объяснить присутствие пурпурной перчатки в его дорожной суме? Магдалена терялась в догадках, какую цель преследовала рыжая дьяволица на этот раз. Быть может, Ксеранта хотела помучить ее, держать в страхе, угрожать и таким образом дать ей почувствовать, что хозяйка положения она? Она уже дважды покушалась на ее жизнь и, конечно, сделает третью попытку.

Первой мыслью Магдалены после обнаружения красной перчатки было бежать прочь отсюда, подальше от Свинопаса, который затеял с ней злую игру. Разочарованная и подавленная, она была вынуждена признать, что ошиблась в Венделине. В итоге она пришла к выводу, что по отношению к ней он вел себя слишком уж порядочно, услужливо и бескорыстно. Нельзя было доверяться такому человеку. И как она могла быть такой простодушной, доверчивой и наивной! Уже не в первый раз Магдалена роптала на себя и свою судьбу.

Но вскоре Магдалена отказалась от своих планов бегства; ее одолели сомнения, стоит ли так просто оставлять поле боя Свинопасу, Ксеранте или их покровителям. Она знала о двойной игре, которую вел Венделин, но ведь он-то не догадывался, что ***она*** знает. Поэтому Магдалена решила и впредь изображать полное неведение и сбивать с толку Свинопаса.

До Вюрцбурга, конечной цели их путешествия, было еще два дня пути. Абсолютно пьяный Рихвин, размахивая кнутом, продвигался по Шпессарту, который в конце лета представал перед ними во всей своей красе. Ни о чем не подозревая, Венделин от всей души восторгался красотами ландшафта, однако его слова не находили отклика. Магдалена, сидевшая на винной бочке за его спиной, лишь молча сверлила глазами его спину. А когда Свинопас поворачивался, чтобы удостовериться, слышала ли она вообще его слова, которые он выкрикивал против ветра, Магдалена искусственно улыбалась и глядела в сторону. Похоже, Венделин ни о чем не догадывался.

Наконец, на третий день после отбытия из Эбербаха, они добрались до Вюрцбурга. Рихвин горланил песню, довольно неприличную, о продажных девчонках. Проехав через городские западные ворота, он напоследок хлестнул кнутом своих лошадей, и Магдалена со Свинопасом обрадовались, когда кучер остановил свою повозку в каком-то запущенном переулке, пропитанном

зловонием, как кладбище для животных.

Не произнеся ни слова, Рихвин спрыгнул с козел и исчез в фахверковом доме, знававшем лучшие времена. Окна дома были забраны решетками, чем он и отличался от других строений в переулке. Магдалена и Венделин молча ждали кучера, и тот вскоре действительно появился.

Пыхтя и изрыгая проклятья, особенно яростными ругательствами осыпая «поганых баб», он залез на козлы. Прежде чем тронуться, кучер с неожиданной вежливостью осве

домился у Магдалены, где она желает сойти. С былых времен ее странствий с циркачами ей запомнился в Вюрцбурге постоялый двор «У лебедя». Его она и назвала, чем вызвала у Рихвина горячее одобрение, поскольку ни в одном другом городском трактире не подавали такого вкусного и к тому же дешевого вина.

Прощание с Венделином Свинопасом перед постоялым двором «У лебедя» вышло крайне прохладным. Разумеется, от библиотекаря не укрылся перепад в настроении Магдалены. Особенно в тот момент, когда он протянул ей руку, а Магдалена отвела взгляд, будто из его глаз сыпались искры. Но тем не менее Венделин пообещал заглянуть через несколько дней и проведать ее.

В «Лебеде», хозяин которого из-за низенького роста и полноты сам был похож на винную бочку, она встретила обходительный прием, что было приятно и неожиданно по отношению к одинокой путешественнице. Близился вечер, а Магдалена за прошедшие три дня мало что ела. Поэтому поданный трактирщиком густой суп из репы, сухарей и остатков куриного мяса показался ей роскошной праздничной трапезой после завершенного поста.

Прежде чем отправиться в свою каморку под крышей и улечься на соломенный тюфяк, она позволила себе выпить кружечку вина. С одной стороны, чтобы смыть разочарование, которое доставил ей Венделин, а с другой — в надежде, что вино подстегнет ее мысли и укажет направление, в котором следует двигаться дальше.

Совершенно неожиданно в двери появился Рихвин, с улыбкой во все лицо. Он подошел к Магдалене, сидевшей в углу трактира, и вежливо спросил, словно желая показать свое хорошее воспитание:

— Дева позволит составить ей компанию?

Магдалена дружелюбно кивнула.

— Надеюсь, ты сдал свои бочки с вином епископу? До Бамберга уже никак нельзя было ехать, иначе ты привез бы одну воду.

На лице Рихвина гуляла лукавая ухмылка, пока тучный хозяин ставил перед ним кувшин с вином.

— Вам придется извинить меня, — усмехнулся Рихвин, заметив взгляд Магдалены, напрасно ищущий кружку. — Переливать вино в кружку невыгодно. — Сказал и поднес кувшин к губам.

Утолив первую жажду, Рихвин вытер губы рукавом своей кучерской куртки и произнес:

— Видите ли, дева, такой номер не с каждым бы прошел. Но епископ Конрад ничего не смыслит в вине. Для него важнее то, что выжжено на бочке, чем то, что внутри. Человек заслуживает сострадания... Вы меня понимаете, дева?

— Ну разумеется, Рихвин, конечно. Вино вполне способно окрылить человека, а лекари даже утверждают, что кружка вина в день полезна для здоровья.

— Кружка в день? — повторил кучер и задумался. Неожиданно повисла пауза, и Магдалена, чтобы прервать ее, а заодно удовлетворить свое любопытство, задала простой вопрос:

— А что Венделин Свинопас?

— Я его сдал вместе с вином в крепости Мариенберг. Он нашел пристанище в доме для прислуги. Его преосвященство епископ Конрад уже почивал и пообещал принять библиотекаря только утром. Вы, кажется, рассердились на своего спутника?

— Рассердилась, с чего ты взял?

— Ну как же, в последние дни вы все молчком ехали. Впрочем, это не моего ума дело.

Рихвин так резко поднес ко рту кувшин, что вино выплеснулось ему на лицо. Это страшно рассмешило кучера, он фыркнул, поперхнулся и полез в карман штанов за платком, чтобы вытереть лицо.

Смех Магдалены комом встал у нее в горле: Рихвин держал в руках не платок, а пурпурную перчатку — ту самую, которую она обнаружила в суме Венделина.

— Что с вами, дева? — воскликнул кучер; он уже отошел после своего приступа смеха и успокоился.

— Перчатка! — тихо проговорила Магдалена, показывая пальцем на красный предмет в его руках.

— Ах, не напоминайте мне об этом, — скривился Рихвин.

Магдалена строго наморщила лоб.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. — Кучер малодушно отвел глаза. — Так сказать, дополнительный заработок. Но в итоге вышла полная неудача.

— Я желаю знать, что за игры здесь происходят! — прикрикнула на него Магдалена.

Кучер-виновоз икнул.

— Такой извозчик, как я, чтобы вы знали, дева, зарабатывает мало, ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Но если он не хочет умереть от жажды, ему надо немного подработать, вы меня понимаете?

— Да, я тебя понимаю. И что дальше?

— В общем, иногда я беру пассажиров, вот как вас, и это приносит мне пару гульденов. Или выполняю поручения. История с красной перчаткой была совсем особым заданием.

Магдаленой овладело беспокойство, и она заерзала на своей лавке.

— Пока я ждал в монастыре Эбербах, со мной заговорила одна рыжая женщина, красивая баба! — Он показал руками очертания женской фигуры, явно ни в чем не обиженной природой. — Рыжеволосая спросила, куда я поеду и не могу ли я взять ее в восточном направлении. Я отказался, потому что был уже перегружен библиотекарем и вами.

— А потом? Да говори же наконец! — нетерпеливо воскликнула Магдалена.

— Да что говорить, — тянул с ответом кучер и выглядел при этом почему-то совершенно трезвым, — тогда рыжая баба сделала мне одно очень странное предложение. Я должен был подложить эту красную перчатку в дорожную суму библиотекаря. В качестве награды за мои услуги она посулила мне блестящий зеленый изумруд, который висел у нее на цепочке меж грудей. И хотя все это показалось мне каким-то необычным, я согласился. А когда сегодня, приехав в Вюрцбург, я хотел обменять у еврея блестящий камень на деньги, он обругал меня, назвав обманщиком, который пытается всучить ему зеленый осколок вместо драгоценного камня, и прогнал. Можете представить мою ярость. Рыжая тварь обманула меня! Поэтому я вытащил перчатку из его сумы, когда выгружал ваши пожитки. Как платок она мне в самый раз сгодится.

Кучер с отвращением сплюнул на перчатку и засунул ее обратно в карман.

Магдалена не знала, на каком она свете. Она долго не мигая смотрела на Рихвина. Тому это время показалось целой вечностью.

— Я знаю, — наконец робко подал он голос, — все это звучит не слишком правдоподобно. Но с чего бы мне вам лапшу на уши вешать...

— Я верю тебе, Рихвин, — перебила его Магдалена. — А ты называл рыжей дьяволице конечный пункт своей поездки?

— Конечно, мне пришлось сказать, когда она спросила меня

об этом!

Магдалена кивнула и снова задумалась. Прошло еще какое-то время, причем Рихвин никак не мог взять в толк, что ее смутило. Наконец Магдалена произнесла:

— В любом случае благодарю, что ты меня просветил. Ты и не подозреваешь, какую услугу оказал мне.

Кучер вежливо поклонился и не менее вежливо поинтересовался:

— Конечно, меня это не касается, но позвольте спросить: вы знаете рыжеволосую?

— Мимолетно, — ответила Магдалена, — мимолетно!

На следующее утро Магдалена отправилась в крепость Мариенберг на другом берегу реки, где вот уже не одну неделю, со времен окончания кровавого крестьянского восстания, окопался епископ Конрад. Он опасался мести горожан, которых подверг репрессиям после завершения распрей.

По этой причине Магдалену не пустили на территорию крепости, когда через обитое железом оконце в воротах она спросила, где находится Венделин Свинопас, который хотел поступить в услужение к его преосвященству библиотекарем.

Привратник по другую сторону ворот заверил ее, что в крепости вообще нет никакой библиотеки. С книгами у епископа Конрада нет ничего общего, следовательно, и библиотекарь ему ни к чему. Она должна немедленно исчезнуть. Он с грохотом захлопнул окошко перед ее носом.

— Эй! — закричала Магдалена и забарабанила в ворота, пока окошко не открылось снова. Теперь там появилось другое лицо.

Этот Свинопас, хихикая над фамилией, пояснил страж, утром покинул крепость, после того как его милость отказался от предложенных им услуг. На вопрос Магдалены, не упоминал ли библиотекарь, куда теперь направится, страж ответил, что тот справлялся о дороге в бенедиктинское аббатство Святого Якоба. Больше ему ничего не известно.

Аббатство Святого Якоба было расположено в стороне от западного берега реки, монахи-бенедиктинцы отгораживались там от мирских превратностей. Их аскетизм и тяга к таинственности вызывали недоверие у вюрцбургцев. К этому добавлялось то, что монахи, если они вдвоем или вчетвером покидали стены монастыря, общались друг с другом исключительно на латыни, чтобы никто их не понимал. А еще ходили слухи, будто своих собратьев, достигших преклонного возраста, они замуровывали в крипте, склепе под алтарем, чтобы, с одной стороны, освободить тех от мучений, а с другой — избавиться от лишнего едока. Дело в том, что аббатство Святого

Якоба было из числа бедных и дела его обстояли не лучшим образом. Во время крестьянского восстания оно пострадало больше других монастырей в округе.

Войдя ближе к полудню в монастырские ворота, Магдалена была встречена седовласым бенедиктинцем, который провел ее в свою скудно обставленную сторожку и спросил:

— ***Quod est nomen tuum***?

— Магдалена, — ответила она, — ***et nomen patri mei est Beelzebub.***[1]

Старик явно не ожидал, что дева поймет его, тем паче ответит на латыни, как на родном языке. Во всяком случае, он предпочел вести беседу на немецком.

Представившись братом Люциусом, монах поинтересовался, что привело ее в аббатство Святого Якоба и откуда она держит путь.

Магдалена честно призналась, что ищет некоего Венделина Свинопаса, библиотекаря, с которым вместе приехала из монастыря Эбербах в поисках новой работы.

Монах подтвердил, что человек с таким именем как раз недавно прибыл и предстал перед аббатом с той же просьбой. Далее брат Люциус осведомился, в каких отношениях она состоит с этим человеком.

Магдалена ответила, что ни в каких, если их что-то и связывает, так только совместная работа в библиотеке в монастыре цистерцианцев. Быть может, и для нее изыщется возможность следить за порядком в библиотеке аббатства, спросила она.

— Как тебя зовут? *(лат.)*

— Фамилия моего отца Вельзевул, *(дат.)*

Брат Люциус протер глаза и окинул Магдалену настороженным взглядом, словно не доверял деве, а потом спросил, понимает ли она вообще что-нибудь в книгах, знает ли, что такое фронтиспис и колофон, прописная буква и лигатура, формат ин-фолио и ин-кварто?

Магдалена рассмеялась и сказала, что фронтисписом называют украшение титула или лист, помещаемый слева от титульного листа, а колофон — это текст на последней странице книги с выходными сведениями, не что иное, как пометка наборщика или печатника. Прописными называют большие буквы алфавита, в то время как лигатура — это соединение двух букв в одну. И, между прочим, любой, кто хоть раз бывал в библиотеке, знает, что, если сложить пополам лист бумаги, получится формат в пол-листа, называемый ин-фолио, если сложить дважды — получится ин-ква-тро, вчетверо…

Монах умоляюще поднял руки, словно заклиная ее замолчать. Сам же, качая головой, молча вышел из привратницкой, оставив Магдалену одну. На самом деле она всего лишь хотела увидеться с Венделином и объяснить ему причину своей долгой неразговорчивости. Теперь же ее осенила новая идея: если бы ей удалось попасть в библиотеку, в которой работал Тритемий, она, возможно, сумела бы обнаружить там разгадку тайны девяти «Книг Премудрости». Надо было спешить, ведь рано или поздно здесь появится папский легат Джустиниани. Да и Ксеранта, эта дьяволица в юбке, тоже знает, что она бежала в Вюрцбург.

Из этих раздумий ее вывел не кто иной, как Венделин. Свинопас был удивлен, больше того, пришел в полное замешательство, когда, войдя в привратницкую, увидел там Магдалену.

— Ты... здесь? — смущенно пролепетал он. — Тебя я ожидал увидеть меньше всего, когда привратник сообщил, что кто-то желает со мной поговорить.

— Этот кто-то — я, — сказала Магдалена, подходя к Венделину. Несколько мгновений они стояли почти вплотную друг к другу.

— Что я такого сделал, — смущенно заговорил Венделин, — в чем провинился, что ты меня вдруг начала презирать, наказывая молчанием? Я не знаю за собой никакой вины.

— Нет-нет, — тихонько произнесла Магдалена и замотала головой. — Я во всем виновата. Мои мысли пошли по неверному руслу. Если я расскажу тебе о причине моих заблуждений, быть может, тогда ты поймешь и простишь меня.

Она взяла Свинопаса за руку и рассказала историю о том, как наткнулась в его багаже на перчатку Ксеранты и как ее охватила паника. Собственно, эту цель и преследовала дьяволица своим внезапным нападением. Кстати, Ксеранта обвела вокруг пальца не только ее, но и ничего не подозревавшего кучера, которому подсунула осколок стекла вместо драгоценного камня, лишив его заработка.

Венделин помолчал какое-то время, словно сомневаясь в правдивости ее слов. Но потом они бросились друг другу в объятия, и Свинопас поцеловал Магдалену в лоб.

За дверью привратницкой послышались чьи-то легкие шаги, и они отпрянули друг от друга. В помещение вошел седовласый привратник, огляделся по сторонам, будто что-то искал. Потом нерешительно заговорил:

— Я разговаривал с аббатом Матиасом. Если вам будет угодно, вы можете уже сегодня приступить к работе библиотекаря

аббатства Святого Якоба. — Он доброжелательно посмотрел при этом на Магдалену.

Она бросила растерянный взгляд на Венделина: почему я? Ведь это ***он*** беседовал с аббатом.

Она смущенно обратилась к брату Люциусу:

— Я благодарю вас за доверие, но нельзя ли, чтобы мы оба...

— Для вас, дева, я, к сожалению, не смог ничего сделать, как ни увещевал аббата. Женщине, сказал он, нечего делать в стенах аббатства, она способна внести лишь смуту в сердца монахов.

— Но вы ведь только что сказали, что я могу уже сегодня приступить к работе библиотекаря!

— Не вы, дева, а ваш спутник!

Момент общей растерянности брат Люциус использовал для объяснения:

— Возможно, мой взгляд ввел вас в заблуждение. Дело в том, что три месяца тому назад я в одночасье утратил зрение. Я слепой.

— Слепой?

Магдалена с ужасом взирала на мутные глаза седого старца. На его губах играла легкая усмешка. Вероятно, он не слишком трагически воспринимал свою беду.

— Да, слепой, — повторил он, отнюдь не рассчитывая на сострадание, — зато я вижу ушами. В вашем случае, дева, я, должно быть, «ослышался». Вы смутили мои уши. Вы, безусловно, достойная женщина!

— Но вы передвигаетесь, как зрячий! Я бы ни за что не догадалась, что вы потеряли зрение. Вы в самом деле вообще ничего не видите?

— Вокруг меня все погружено во тьму. Лишь вместе с часовыми молитвами по канонам Святого Бенедикта перед моими мутными глазами восходит и заходит солнце. Впрочем, чтобы ориентироваться в аббатстве, глаза не нужны. Я провел в этих стенах всю свою жизнь и знаю здесь каждый угол и каждую стену.

Завороженная невозмутимостью монаха, Магдалена заметила:

— Наверняка вы слишком много читали при плохом освещении!

— Слишком много? — Старик рассмеялся. — Слишком много читать вообще невозможно, скорее слишком мало. Нет, уж если моя потеря зрения и имеет какую-нибудь причину, то лишь ту, что я читал вещи, читать которые благочестивому христианину не положено. Но мое любопытство и желание заглянуть в прошлое и будущее оказались сильнее, чем моя вера в современные догматы Церкви. А они запрещают знакомиться с подобными записями. К

стыду своему, должен признаться, я не сжег эти произведения, после того как прочитал их и признал вредными для христианского вероучения. Я считаю, что сжигание книг есть не что иное, как признание собственной слабости.

Брат Люциус безошибочно повернулся к Венделину Свинопасу:

— Итак, вы беретесь за это благородное дело? Книги аббатства жаждут, чтобы кто-то зрячий начал ухаживать за ними!

Заметив, что Свинопас отрицательно покачал головой, Магдалена тут же дала ему знак соглашаться и указала пальцем на окно, что должно было означать: подробности потом!

Монах почувствовал эти, казалось бы, бесшумные знаки и со смехом заметил:

— И в самом деле, мелочи вы можете обсудить на улице.

Магдалена и Венделин сошлись на том, что для начала библиотекарю следует разузнать, какие рукописные и печатные книги хранятся в аббатстве. Сама Магдалена останется жить в «Лебеде», в то время как Свинопас будет исполнять свою работу библиотекаря. Если во всей этой путанице вокруг «Книг Премудрости» и было место, где они могли бы обнаружить новые подсказки, то только в библиотеке брата Люциуса. Ведь именно здесь служил аббатом Тритемий, священник-оккультист, единственный, кто признал себя членом союза Девяти Незримых, тот самый Тритемий, который на смертном одре определил Рудольфо в свои преемники.

Чтобы не подвергать риску их затею, Магдалена избегала появляться в монастыре в течение нескольких следующих дней. Венделину было непросто составить представление обо всех имевшихся в библиотеке книгах. К счастью, слепой брат Люциус, истый книголюб, охотно помогал ему, и Свинопасу было чему у него поучиться.

Чтобы не пренебрегать своими обязанностями привратника аббатства Святого Якоба, брат Люциус натянул пеньковый шнур от колокольчика у ворот до открытого окна библиотеки, расположенной неподалеку. Как только кто-то чужой дергал за веревку колокольчика, окно захлопывалось. Тогда старик быстро, насколько позволяли его изъеденные подагрой ноги, ковылял вниз по узкой каменной лестнице, пересекал по диагонали небольшой крестный ход и спрашивал посетителя о цели его визита.

Через три дня, в которые Свинопас усердно делал вид, что занимается сортировкой книг по разделам, он между делом заметил брату Люциусу, что трактаты Иоганна Тритемия, вероятно, занимают в библиотеке особое место.

Брат нахмурил свои кустистые брови над мертвыми глазами, всем видом показывая, что находит вопрос неподобающим, и погрузился в молчание. По воле случая именно в этот момент с громким хлопком закрылось окошко, соединенное с входным колокольчиком, и Люциус заторопился прочь.

Венделин Свинопас нашел пристанище в каморке, расположенной, как и библиотека, на верхнем этаже над крестным ходом. Белец[12] приносил ему скудную еду и следил за чистотой в его отсутствие. Единственным утешением в этой мрачной темноте были два малюсеньких оконца, позволявших заглянуть за монастырские стены.

По вечерам, когда Венделин после выполненной работы удалялся в свою комнатушку, он всегда подходил к окну и выглядывал наружу. С Магдаленой они условились, что она будет навещать его, когда монахи отправляются на молитву в монастырскую церковь. Тогда монастырские ворота на полчаса оставались без присмотра.

Подойдя этим вечером к окну, Свинопас увидел Магдалену, махавшую ему рукой. Несмотря на поданный ему ужин, состоявший из большого куска сала и кружки водянистого пива, Венделин бросился вниз, оставив приоткрытой входную дверь, и крепко обнял Магдалену.

Та, вероятно, заметила отчаяние на лице Свинопаса, потому что тут же поинтересовалась:

— Особых успехов, видно, нет?

— Во всяком случае, я все это представлял себе гораздо проще, — вздохнул Венделин. — Никаких следов Тритемия!

Магдалена нежно провела рукой по его волосам.

— Тебе придется запастись терпением. Ты же не думаешь, что Тритемий повесил на стену рисунок и написал: «Вот здесь вы найдете “Книги Премудрости”»?

— Нет, не думаю, но когда я спросил слепого библиотекаря о книгах Тритемия, ведь он написал их больше дюжины, то наткнулся на ледяное молчание, словно Люциус не слепой, а глухой и не слышал моего вопроса.

— Может, и вправду не слышал?

— Как же, он скривил лицо и испарился!

Магдалена задумалась.

— Но ведь это верный признак, что ему есть что скрывать. И что мы на правильном пути!

— Наверное, ты права, — согласился Свинопас, но в его словах звучали разочарование и усталость.

Не успел Свинопас на следующее утро начать свою работу, как послышались неуверенные шаги Люциуса.

— Я подумал, — заговорил старый монах без лишних слов и, не дав Венделину времени сообразить, о чем речь, продолжил: — вы справлялись вчера о наследии нашего аббата Тритемия.

— О, вы запомнили это, брат Люциус!

— Я хотя и стар, слеп и немного дряхл, но слабоумием не страдаю.

— Извините, я не это имел в виду!

— Оставьте при себе вашу ложь. Я именно так понял ваши слова. А теперь послушайте... Когда Папа Римский разослал своих книжных воров по всем странам христианского мира, чтобы они бесплатно присваивали из каждой библиотеки десятую часть, то все монастыри от Кордовы до Кенигсберга облетела весть: прячьте ваши ценные книги, папские ищейки идут. Самыми ценными в этой библиотеке были рукописные книги и манускрипты Тритемия, такие, как написанный в 1503 году от Рождества Христова трактат De requisites et effectu verae magiae, его Tractatus chymicus, книга Liber octo questiorum, его Polygraphia, ну и, конечно, Steganographia, в которой он подробно останавливается на разных видах тайнописи, с помощью которой записаны некоторые из его произведений[13].

— Не сомневаюсь, что вы хорошо спрятали эти ценные книги!

Уверенным жестом Люциус снял со стены мерцающий фонарь, освещавший заднюю часть библиотеки, и безошибочно привел Свинопаса к вделанной в стену книжной полке с пятью рядами фолиантов в кожаных переплетах. С ловкостью нащупал корешок нужной книги, нажал на него, и книги разделились, как створки двери, распахнулись, словно по мановению волшебной палочки.

Венделин с удивлением увидел, что мнимая настенная полка состояла лишь из старых корешков, наклеенных на двустворчатую дверь.

— Неплохой тайник, — одобрительно заметил Свинопас. — В нем может храниться только тайное собрание рукописных книг Тритемия.

— Вот и я так думал, — ответил брат Люциус, протягивая Венделину фонарь, чтобы тот мог осветить тайник изнутри.

С мерцающим огоньком в руке Свинопас вошел в помещение без окон. В нос ему ударил затхлый запах, и потребовалось какое-то время, прежде чем глаза привыкли к темноте.

— Тут ничего нет, — воскликнул библиотекарь, — вообще ничего! Тайник пуст.

— Знаю, — отозвался брат Люциус, который предпочел не переступать порог тайной комнаты. — Похитители книг его святейшества имели богатый опыт обращения с монастырскими

библиотеками. Они сразу обнаружили и очистили тайник, о котором никто, кроме меня, не знал, погрузили содержимое в бочки и отправили. Правда, они не знали, что именно похитили, но полагали, что все спрятанное обладает особой ценностью.

— И были не так уж неправы.

Монах и библиотекарь долго стояли друг против друга и молчали. И хотя этого не могло быть, Венделин чувствовал на себе испытующий взгляд бенедиктинца.

— Ценность, — наконец произнес старик, — понятие условное. Камень, ничего не стоящий для любого другого человека, может обладать огромной ценностью для тебя, потому что напоминает об особом месте, необыкновенном событии или ставшем тебе дорогим человеке, которому этот камень когда-то принадлежал. Боюсь, что в данном случае высокие господа из Ватикана не получили особой радости от книг, ведь многие рукописи зашифрованы или так напечатаны, что прочесть их могут только посвященные, те, кто владеет необходимым ключом.

Свинопас вдруг встрепенулся. Как жаль, что Магдалена не присутствует при этом разговоре! Что было известно брату Люциусу?

— А если высокие господа в Ватикане с помощью образованных стеганографов нашли бы доступ к тайным книгам и зашифрованным рукописям?

На губах слепого заиграла та же улыбка превосходства, которая с самого начала сбивала с толку Свинопаса. Старик ответил:

— Во-первых, я сомневаюсь, что в Ватикане, где процветают скорее порок и разврат, чем наука, найдутся такие ученые мужи. Во-вторых, его святейшество меньше всего был бы обрадован заключениям аббата Тритемия.

— Вы говорите так, словно знакомы с содержанием тайных сочинений, — вставил Свинопас. — Или, может, вы и сами стеганограф?

— Стеганограф? Нет, к моему прискорбию, я не являюсь им. Но в течение десяти лет я архивировал рукописи Тритемия. Тут волей-неволей познаешь вещи, о которых посторонний и не догадывается, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Мне очень жаль, брат Люциус, но я действительно не знаю, что вы хотите этим сказать.

Свинопас и впрямь был плохим актером. Во всяком случае, слепой монах отреагировал на его слова очень бурно, таким Венделин его еще не видел.

— Не притворяйтесь глупее, чем вы есть на самом деле, — прошипел старик. — Вы прекрасно знаете, что Тритемий был не

только аббатом монастыря Святого Якоба, а еще и человеком высочайшей образованности и обширных знаний, который общался с умнейшими головами Европы на равных. Я также убежден, что вам небезызвестен тот факт, что он был членом некоей тайной ложи. Так что не зарывайте свою осведомленность в землю и не прикидывайтесь, будто не имеете обо всем этом никакого понятия. Мне действительно противно, когда меня считают старым слепым простофилей.

— То есть вы... вы знали, что Тритемий был одним из Девяти Незримых? — Свинопас даже начал заикаться, настолько взволновал его неожиданный поворот беседы.

— Я уже говорил, — ответил брат Люциус, — что десять лет был для Тритемия чем-то вроде секретаря. Тогда я и узнал, что чудеса, сотворенные нашим Господом Иисусом Христом и проникновенно описанные в Новом Завете, вовсе таковыми не являются.

— А чем же?

— Порождениями человеческого стремления к познанию. Тысячелетиями человечество занимается вещами, которые вполне возможны. Лучше бы оно занималось тем, что должно было бы остаться невозможным. Тритемий посвятил себя исключительно таким вещам. Идея сделать невозможное возможным доставляла ему огромную радость. Он с наслаждением читал книги языческих авторов, книги порочного содержания. Когда я однажды призвал его к ответу, то услышал резкую отповедь, что это не моего ума дело и мне не следует совать свой нос в благородные идеи великих мужей, понять которые мне все равно не дано.

— Жестокие слова для аббата и Христова адепта!

— Пожалуй. Если вас интересует мое мнение, то в последние годы Тритемий был больше адептом оккультизма, чем Христа. Я далек от ханжества, но уверен, что бенедиктинец, к тому же аббат, должен жить по правилам святого Бенедикта, а не выстраивать свою жизнь по книгам сомнительных нигромантов и оккультистов.

— Понятно, что вы спорили с Тритемием на эти темы.

— Спорили? — Брат Люциус горько рассмеялся. — Тритемий пригрозил выставить меня из аббатства и неожиданно перестал доверять мне. Чтоб вы знали, до этого я был посвящен во все его дела. Я читал все его книги и сочинения и знал о его принадлежности к тайному союзу, оценить который вы при всем желании пока не сможете. Тритемий выбрал меня на роль преемника его духовного наследия. После его смерти я должен был стать Квартусом в тайном братстве, которое во все времена

состояло из девяти мужчин или женщин.

— А что вам известно о братстве «девяти»? — взволнованно спросил Свинопас.

— Кое-что, но далеко не все. Может, это и к лучшему.

— А об остальных восьми вы что-нибудь знаете? Вам известны их имена?

Брат Люциус затряс головой, так что его белая борода вздулась парусом.

— Когда я об этом спрашивал Тритемия, он имел обыкновение отвечать, что это величайшая тайна. Итогом наших разногласий стало то, что незадолго до своей кончины Тритемий передал наследие какому-то заезжему канатоходцу. В Вюрцбурге в это время как раз выступала бродячая цирковая труппа. Среди них был фокусник и канатоходец, который исполнял разные куншткюки. Тритемий объявил, что с помощью своего тайного наследия хочет сделать его величайшим канатоходцем в мире. Хотя бы одно это показывает, какие абсурдные цели преследовал тогда Тритемий.

Свинопас, разыграв неведение, осведомился:

— И что стало с тем канатоходцем?

Монах скривился, словно съел лимон.

— Он действительно стал самым знаменитым канатоходцем в мире и объездил со своей труппой все города и веси. Ни за что не поверю, что тут обошлось без нечистой силы.

— Что вы хотите этим сказать, брат Люциус?

— Видите ли, трудно себе представить, что посредственный циркач вдруг становится самым искусным канатоходцем в мире. Это было не так давно, крестьянские восстания только что завершились кровавой развязкой, и вдруг этот

Великий Рудольфо», как он сам себя величал, отплясывает на одной из городских соборных башен, словно это самое обычное дело.

— Но ведь канатоходец сорвался и погиб, вы знаете об этом?

— Новость долетела и до Вюрцбурга, она глубоко потрясла всех. Известие о смерти Папы Климента вряд ли произвело бы такой эффект.

— А его смерть не противоречит вашему предположению, что канатоходец прибегал к сверхъестественным средствам?

— Напротив! — Брат Люциус замахал руками. — Каждый член тайного союза дает священную клятву не разглашать секреты братства и своей принадлежности к нему. Если он нарушает клятву, остальные члены обязаны его убить. Что касается Рудольфо, говорят, он погиб вследствие покушения.

— Тогда действительно все сходится, — задумчиво произнес

Свинопас. — А как умер ваш аббат Тритемий?

Монах несколько раз мотнул головой, словно подыскивал верный ответ. Наконец заговорил:

— Тритемий не дожил даже до пятидесяти лет. Это не возраст для бенедиктинца, члены нашего ордена благодаря благоразумному образу жизни легко доживают до восьмого десятка. Взгляните на ***меня!*** Тритемий был полон сил и здоровья. Но приблизительно девять лет тому назад он вдруг заговорил о смерти. Позвал к себе Тильмана Рименшнайдера и заказал ему надгробие с эпитафией. Выбрал в крипте аббатства место, где хотел бы обрести последний покой. Даже свою похоронную процессию продумал до мельчайших деталей. Когда все было готово, он слег и через неделю почил. Подробности и загадочную встречу с канатоходцем я вам уже описал.

— И все было сделано так, как он хотел?

— У нас не было причин нарушать его последнюю волю. Похоронная процессия была организована согласно желанию Тритемия, похоронили его в предусмотренном месте, а надгробие, по поводу которого он горячо спорил с Рименшнайдером, помещено в галерее крестного хода. Эпитафию, правда, изменили.

В этот момент зазвонил колокол к вечерне, и брат Люциус удалился, не сказав больше ни слова.

Венделин Свинопас горел желанием сообщить Магдалене все, что поведал ему слепой библиотекарь. Конечно, кое-что ей было уже известно, но обстоятельства, при которых Тритемий избрал своим преемником незнакомого ему прежде Рудольфо, были важной новостью. Как и то, что Тритемий заказал Рименшнайдеру высечь себе надгробие с эпитафией, по поводу которого бурно спорил с художником.

Венделин с нетерпением ждал у окна своей каморки появления Магдалены. Наконец она пришла, даже не подозревая, какие новости ее ожидают, и Свинопас сделал ей знак ждать его.

Как всегда, во время литургии аббатство словно вымирало. Лишь из церкви доносились монотонные распевы монахов.

Скупыми словами библиотекарь передал Магдалене все услышанное от брата Люциуса. Детали сложились, будто камни мозаики, в целостную картину, но для поисков «Книг Премудрости» это ничего не давало.

Словно подгоняемая вышней силой, Магдалена настояла на том, чтобы своими глазами увидеть надгробие Тритемия. Времени было в обрез, поскольку вечерня уже наполовину прошла.

Светя себе фонарем, Магдалена и Венделин прокрались на

галерею. Когда мерцающий свет упал на одно из надгробий аббатов, череда которых была вмурована в стену, каменные лица будто на мгновение ожили: первый аббат монастыря Святого Якоба Макарий с осоловелым взглядом; шотландец Мэтью с грубыми чертами лица; Килиан Криспус, предшественник Тритемия, будто с удивлением взиравший в будущее; в самом конце галереи, словно его хотели спрятать и лишь по принуждению выполняли свой христианский долг, — Иоганн Тритемий.

На надгробии из красноватого песчаника был изображен аббат — в полный рост, в скромном облачении, с митрой на голове и с аббатским жезлом в левой руке. Правой рукой он прижимал к груди раскрытую книгу. Самым завораживающим в облике Тритемия было его лицо. Оно казалось невыразительным и невозмутимо-непреклонным, вовсе не одухотворенным, как каменные лица других аббатов. Но чем дольше ты смотрел ему в глаза — взгляд Тритемия был устремлен прямо на тебя, — тем больше казалось, что на его лице появилась улыбка, всезнающая, ироничная, даже циничная.

Магдалена спросила шепотом, испытывает ли Венделин то же самое, и он смущенно кивнул:

— Как такое возможно?

Магдалена взяла из рук Свинопаса фонарь.

— Чем дольше я всматриваюсь в открытую книгу, которую Тритемий прижимает к груди, тем больше мне кажется, что он хотел бы скрыть от нас содержание этой книги, хотел бы унести его с собой. В любом случае это не Библия, не Евангелие.

— Да, уголки оклада явно светские! — согласился Свинопас. — И на переплете не видно креста, как на других благочестивых книгах.

Магдалена осветила фонарем каждый уголок надгробия. При этом она сделала странное открытие: оно было высечено не из ***одного*** камня. Полукружие с надписью над головой Тритемия было надставлено.

— Необычно, ты не находишь? — спросила Магдалена и добавила: — Трудно поверить, что такой известный художник, как Тильман Рименшнайдер, мог сделать надгробие из кусков!

Магдалена застыла. Складки одеяния Тритемия отбрасывали косые тени.

— Венделин, — воскликнула Магдалена, не веря своим глазам, — ты только посмотри!

И когда Венделин не сразу сообразил, что она имеет в виду, она встревоженно пролепетала:

— Складки в точности повторяют изображение треххвостой

змеи, которая все время попадается на моем пути.

Свинопас вопросительно уставился на Магдалену.

— В последний раз это было в твоей библиотеке в Эбербахе, когда доктор Фауст заснул над картой.

В этот момент коротким славословием закончилась вечерня, и Магдалена заторопилась, чтобы покинуть аббатство.

На ходу Свинопас произнес:

— По мере общения с тобой мне становится как-то не по себе. Ты, безусловно, права. Треххвостая змея и в этом случае — зашифрованное указание на то, что «Книги Премудрости» спрятаны где-то по течению Майна. Ничего больше мы опять не узнали. Майн длинный, и легче искать иголку в стоге сена, по крайней мере, тогда известно, где находится сено.

Магдалена ничего не возразила на замечание Венделина. Как у человека, дни и ночи напролет занятого одним делом, у нее возникло предчувствие. Поэтому на следующий день она отправилась к дому Тильмана Рименшнайдера в переулке Франциscанергассе.

Глава 20

Внушительное здание в переулке Францисканергассе города Вюрцбурга производило впечатление вымершего. Когда Магдалена постучала в красивую резную дверь, поначалу никакого отклика не было вообще. Она уже собиралась повернуть назад, чтобы зайти еще раз попозже, когда с левой стороны от двери открылось небольшое оконце и в нем появилось удрученное женское лицо.

— Меня зовут Магдалена Вельзевул, и я хотела бы поговорить с господином Тильманом Рименшнайдером, если можно, — произнесла Магдалена.

— Мастер Рименшнайдер больше не живет, — буркнула женщина и захлопнула окошко.

Магдалена будто окаменела. Ей понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя и отправиться восвояси. Сделав несколько шагов, она услышала, как кто-то позвал ее по имени. Она оглянулась: это был Йорг, сын Рименшнайдера.

— Простите! — крикнул он еще издалека. — С тех пор как люди епископа раздробили отцу руки и он не может держать

долото, он сидит целыми днями, смотрит в одну точку и произносит не больше пяти фраз за день.

— То есть Тильман Рименшнайдер вовсе не умер?

— Умер? Нет, он жив. Но порой кажется, что жизнь ушла из него. А потом вдруг его охватывает ярость, он страшно ругается и жалуется на немоту в суставах и пожар в пальцах. Разве это можно назвать жизнью?

Молодой Рименшнайдер протянул Магдалене руку и вежливо поклонился.

— Он наверняка будет рад, если вы нанесете ему визит.

— Вы думаете, он меня узнает?

Йорг вскинул руки.

— Мы не раз говорили о вас и вашей готовности помочь. В те дни, когда отец, разбитый морально и физически, вдруг оказался на свободе, он только благодаря вам получил врачебную помощь. Пойдемте, он будет рад видеть вас!

Поколебавшись, Магдалена последовала за молодым Рименшнайдером. Она не знала, как больной художник встретит ее. Но все же в ее душе теплилась надежда, что Рименшнайдер что-нибудь расскажет ей о Тритемии и это поможет в их поисках «Книг Премудрости».

С чувством тревоги она вошла в дом. Йорг проводил ее в

мрачную комнату на верхнем этаже. В кресле неподвижно сидел, словно олицетворение страдания, небрежно одетый Тильман Рименшнайдер. Было трудно поверить, что этот человек, постаревший, казалось, на годы со дня их встречи, несколько недель назад был творцом выдающихся произведений искусства — алтарей, надгробий и скульптур. Но именно так все и было.

Когда они вошли, мастер Рименшнайдер не проявил никакого интереса к визиту посторонней дамы. Но потом он узнал Магдалену и на его скорбном лице промелькнула робкая улыбка. Беспомощно, почти как малое дитя, Рименшнайдер протянул ей свои руки с наложенными шинами и повязками из грубого холста. Движение явно причиняло ему боль.

— Мастер Рименшнайдер, — обратилась к нему Магдалена, — я так надеялась застать вас в лучшем состоянии!

— Я хорошо себя чувствую, — с горечью произнес скульптор.

— Как вы можете так говорить? — удивилась Магдалена. — Вам ведь не под силу держать в руках резец, и о хорошем самочувствии нет и речи.

Рименшнайдер повысил голос:

— Даже если бы я был в состоянии держать резец, поверьте мне, дева, я никогда больше не стал бы создавать произведения искусства. Ни для Папы Римского, ни для архиепископа Альбрехта в Майнце и уж тем более для епископа Конрада, окопавшегося наверху, в крепости Мариенберг. Творить искусство может лишь тот, кто любит людей. Я их могу только ненавидеть.

Откровенные слова художника испугали Магдалену. Однако, вспомнив о том, что с ним сделали, она не могла не согласиться.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — попытался разрядить обстановку старик. — И на вашу долю выпали несчастья...

— Вы знаете?..

— Все говорят о смерти канатоходца, о том, что он стал жертвой покушения. Кто способен на такие вещи?

— Да, кто способен на такие вещи? — задумчиво повторила Магдалена и неожиданно добавила: — Мастер Рименшнайдер, это не вы высекали надгробие для аббата Тритемия?

Похоже, этот вопрос был неприятен Рименшнайдеру. Он упорно хранил молчание, пока наконец не вмешался его сын Йорг:

— Отец, ты не слышал, о чем спросила Магдалена?

— Не глухой же я! — обиженно буркнул Рименшнайдер. Потом произнес, обращаясь к Магдалене: — Уже почти десять лет минуло, как аббат Тритемий призвал меня в аббатство Святого Якоба и заказал себе надгробие с эпитафией. Я очень удивился,

потому что аббат имел цветущий, здоровый вид. Зачем, подумал я, ему надгробие? Но он хорошо заплатил вперед, и я приступил к своей работе. Я и представить себе не мог, сколько неприятностей доставит мне этот заказ.

— Надгробие, приносящее неприятности? — Магдалена с нетерпением уставилась на старика.

— Тритемий все время вмешивался в мою работу. Он хотел, чтобы я изобразил его с книгой в правой руке. Я сделал ему эскиз. Но он настаивал на том, чтобы книга была открытой. Мое возражение, что это противоречит иконографии, он отверг, высокомерно заметив: что такое иконография — решает ***он,*** и никто другой. Хорошо, я изобразил его на надгробии с открытой книгой, которую он прижимает к груди. Но если вы думаете, что Тритемий на этом успокоился, вы глубоко ошибаетесь. Только я закончил его портрет — аббат был облачен в скромную разглаженную ризу, — как он вытащил листок, на котором начертал странные, неестественные линии, и заявил, что я должен высечь складки на его одеянии, причем именно такие, как изображено на его рисунке. Разозлившись, я схватил свой самый тяжелый молоток и размахнулся, чтобы сильным ударом разнести надгробие на сотню осколков. Мне бы это, без сомнения, удалось, если бы Йорг в последний момент не остановил меня. Поэтому мне пришлось задним числом высекать на песчанике складки одежды досточтимого господина аббата, хотя, признаюсь, это недостойно Тильмана Рименшнайдера.

— Недостойно? Отчего же недостойно? — удивилась Магдалена, придя в страшное возбуждение.

— Они выглядят абсолютно неестественными! — выкрикнул мастер. — Таких складок вообще не бывает. Это самые дурные складки с Рождества Христова!

— Но мастер Рименшнайдер! — попыталась успокоить разбушевавшегося старика Магдалена. — Я нахожу складки на ризе Тритемия очень интересными.

— Интересными? Я не желаю, чтобы через сто лет говорили, что Рименшнайдер высек в песчанике интересные складки. Нет, потомки должны говорить: «Этот Рименшнайдер изваял в камне такие складки на одеянии, что можно подумать, будто они из тончайшего полотна».

Магдалена с сочувствием кивнула.

— Этот аббат Тритемий, по-видимому, был странным человеком, — наконец произнесла она в надежде выудить еще что-нибудь из Рименшнайдера.

Но тут вмешался Йорг:

— Простите, что прерываю вашу беседу, но отец быстро

устает. Он уже давно не разговаривал так долго. Давайте ограничимся этим!

Магдалена сразу же вняла просьбе и удалилась. Она вовсе не хотела казаться назойливой. И в особенности не следовало создавать впечатление, что она преследует важную цель.

Сидя за скудной трапезой в гостинице «У лебедя», Магдалена попробовала встроить те детали, которые упомянул Рименшнайдер, в уже существующую в ее голове картину. Вяло и без всякого аппетита она ковыряла ложкой в густом супе из капусты, зелени и пережаренных свиных шкварок, когда открылась дверь и в мрачный трактир, где яблоку негде было упасть, вошел Тильман Рименшнайдер.

Он молча опустился рядом с Магдаленой, подозвал хозяина и заказал себе кружку его лучшего красного вина, а для Магдалены — не спросив ее — кружку белого.

— Надеюсь, вы не откажетесь выпить со мной по кружке. — Он повернулся к Магдалене.

— Конечно, не откажусь, — приняла она неожиданное приглашение.

Какое-то время они обменивались незначительными фразами, не обращая внимания на беззастенчивые взгляды, которыми сверлили их многочисленные посетители трактира. Среди них был любопытный зевака, пышная черная борода которого никак не сочеталась ни с его худым лицом, ни с седыми волосами на голове.

— Мне нужно непременно сказать вам еще одну вещь, — вдруг медленно произнес Рименшнайдер. — Я не хотел, чтобы мой сын Йорг услышал об этом. У него язык как помело. Надеюсь, что, обратившись к вам, я передам мои сведения в более надежные руки.

— Вы говорите загадками, мастер Рименшнайдер!

— Не страшно! Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Все думают, что вюрцбургский епископ Конрад приказал раздробить мне руки, потому что я принимал участие в крестьянском восстании. Но это не так. Истинная причина того, что меня пытали, было мое молчание. Епископ Конрад действовал по приказу Альбрехта Бранденбургского, который пытался выбить из меня сведения о том, что скрывается за надгробием аббата Тритемия. Приспешник князя-епископа все еще думает, что Тритемий посвятил меня в свои сомнительные тайны.

— А он посвятил?..

— Я знаю только одно: Тритемий хотел, чтобы я спрятал зашифрованные послания в красный песчаник, вырезанный позднее в виде складок. Они сходятся в одной точке, и эта точка

маркирует особое место. Больше Тритемий ничего не сказал. Он вел себя крайне таинственно. О значении этой точки я бы так ничего и не узнал, если бы не было второй подсказки, каким-то образом связанной с первой. Хотя я располагал достаточным временем, чтобы подумать над этим, я, честно говоря, так ни к чему и не пришел.

Магдалена залпом осушила свою кружку, чем весьма удивила Рименшнайдера.

— Вы, конечно, уже видели надгробие в монастырской галерее, — продолжил он. — Это все что угодно, только не шедевр. Между прочим, оно скрывает больше, чем одну тайну. Секрет не только в складках одежды и раскрытой книге. При ближайшем рассмотрении вам не могло не броситься в глаза, что надгробие Тритемия в верхней части имеет явственную трещину.

— ***Явственную*** трещину? Что вы хотите этим сказать, мастер Рименшнайдер?

Двумя непослушными руками скульптор взялся за кружку, сделал большой глоток и поставил на место, при этом блаженно рыгнув, что должно было означать, что вино его устраивает.

— В общем, — наконец негромко произнес он, — первоначально в полукружии была высечена другая эпитафия. Она была написана на латыни и давала повод для некоторых спекуляций. После смерти Тритемия епископ Конрад распорядился заменить эту надпись на другую. Приказ, по его словам, исходил от курфюрста Альбрехта Бранденбургского.

— Это крайне странно, вы не находите, мастер Рименшнайдер? Что ни говори, но высеченную в камне надпись не так легко стереть, как написанную чернилами на пергаменте!

— Это говорите ***вы***, поскольку вы — умная женщина. Чего нельзя сказать о нашей курфюрстшеской милости и его наместнике епископе Конраде. Я смирился и выразил готовность перебить эпитафию. Но за это я потребовал удвоить гонорар — в конце концов, мне пришлось бы делать свою работу снова.

— Мне это кажется справедливым, хотя намерение и не соответствовало воле аббата Тритемия. И чем же закончился торг?

Мастер Рименшнайдер горько рассмеялся:

— Высокие господа отказались оплачивать мне вторую эпитафию. Я разозлился и заявил им, что в таком случае мне ничего другого не остается, кроме как отбить верхнюю часть надгробия с сомнительной эпитафией. То, что я подразумевал как дурную шутку, епископ Конрад нашел вполне приемлемым. Он решил, что я должен отбить верхнюю часть и на ее место поставить новое полукружие с надписью на латыни: «Достойный

почитания святой отец и господин Иоганн Тритемий». Старую я должен был разбить. Так оно и произошло.

Магдалена покачала головой.

— И как звучала эпитафия, которая так взбудоражила Альбрехта Бранденбургского и епископа Конрада, что они потребовали ее уничтожить?

Скульптор пожал плечами. Он уже в достаточной мере воздал должное майнскому вину, а потому его голос звучал слабо.

— Я этого не знаю, — ответил он, с трудом ворочая языком. — И никогда не знал. Тритемий называл мне по одной букве каждый день моей работы. И я выбивал ее в камне. Когда я закончил и увидел, что череда букв не имеет никакого смысла, я задал аббату вопрос, что все это значит. Тритемий рассвирепел и крикнул, чтобы я занимался своим делом и не совал нос в чужие дела. Я готов был швырнуть ему под ноги свое зубило.

— И вы не помните ни одного слова из той надписи? — не сдавалась Магдалена.

— Как же я мог запомнить? — слегка занервничал скульптор. — Надпись состояла из сумбурного набора букв, так что нельзя было составить ни одного нормального слова. Первые шесть букв засели у меня в голове: I.aet.ta. Попробуй разберись в них!

— Но майнцский архиепископ и его вюрцбургский собрат явно знали, что с этим делать, иначе они не стали бы требовать разрушения прежней надписи.

— Тут вы, скорее всего, правы, — согласился Рименшнайдер. Потом подумал и добавил: — Надо бы сложить обломки и перенести эпитафию на бумагу. Ученый-стеганограф мог бы, наверное, ее расшифровать.

— Вы хотите сказать, что сохранили обломки? Ведь прошло почти десять лет!

Старый Рименшнайдер скривил лицо, показывая напряженную работу мысли.

— Если не ошибаюсь, те осколки лежат в моей мастерской в куче вместе с другими обломками, как у любого каменотеса.

Было уже поздно, и Магдалена, не привыкшая к таким возлияниям, с трудом боролась с усталостью. Однако надежда, что надпись, которая считалась утраченной, все же могла быть восстановлена, вдохнула в нее силы и заставила взять со скульптора обещание помочь ей в поиске фрагментов.

Ранним утром на следующий день — над Майном появился первый туман, провозвестник осени, — Магдалена постучалась в монастырские ворота к брату Люциусу и попросила слепого монаха передать Венделину Свинопасу, что она хотела бы срочно с ним переговорить.

Ее краткий рассказ об исчезнувшей надписи на надгробии аббата Тритемия вызвал у Венделина самый горячий интерес. Свинопас предположил, что если высеченная надпись так обеспокоила Альбрехта Бранденбургского, что он приказал разбить ее, то она, безусловно, представляет значительный интерес. Вероятно, она даже позволила ему серьезно продвинуться в поисках «Книг Премудрости». В любом случае им надо попытаться разыскать и составить каменные обломки.

Они вместе отправились к дому Тильмана Рименшнайдера на Франциscанергассе.

Йорг, сын скульптора, открыл дверь с окаменевшим лицом.

— И вы еще осмеливаетесь приходить в этот дом? — набросился он на ранних визитеров и хотел было уже захлопнуть дверь. Свинопас успел вставить ногу в проем двери, и Магдалена ошеломленно спросила:

— Что случилось? Я не знаю за собой никакой вины!

— Отец умирает. У него врач. Говорит, что отца отравили. Его видели вместе с вами в трактире «У лебедя». Как вы могли это сделать?

Лоб Магдалены прорезала гневная складка.

— Вы же не думаете, что я... — Голос ее сорвался.

— У кого же еще была возможность насыпать ему в вино яд, если не у вас? Отец пробормотал что-то вроде того, что он «пьянствовал с девой Магдаленой». Потом он потерял сознание. Врач то и дело засовывает ему палец в глотку, чтобы его вырвало. Пока все напрасно.

— И доктор уверен, что виной всему яд?

— Совершенно точно. У отца бледные губы, а это, как говорит врач, верный признак отравления. Скажите, по крайней мере, чем вы его отравили!

— Это не я! — ошеломленно повторяла Магдалена. — Это не я! Зачем бы мне делать это? Я даже не знала, что Рименшнайдер придет ко мне в гостиный двор «У лебедя». Он появился совершенно неожиданно, чтобы рассказать подробности про аббата Тритемия.

— И когда он вам это доверил, вы насыпали ему в кружку яд!

Тут Магдалена развернулась и залепила Йоргу пощечину.

Потрясенный, но отнюдь не помышлявший о мести, тот удрученно посмотрел на Магдалену и извинился:

— Мне очень жаль. Но у кого могла подняться рука?

— Пропустите меня к нему! — выпалила Магдалена, оттолкнула в сторону молодого Рименшнайдера и бросилась вверх по лестнице.

Свинопас встревоженно наблюдал за перепалкой и уже

подумывал о бегстве, когда Йорг подозвал его.

— Вы должны меня понять, — начал он, когда входная дверь захлопнулась, — это уже второе покушение на жизнь моего отца.

— Что касается Магдалены, — вставил Свинопас, — поверьте мне, она никому не способна причинить зла.

— Тогда скажите, что вам надо от Тильмана Рименшнайдера?

Свинопас секунду помедлил, решая, стоит ли говорить молодому Рименшнайдеру правду, потом тихо ответил:

— Ваш отец сказал, что обломки эпитафии аббата Тритемия до сих пор лежат где-то у вас в мастерской. Они могли бы быть полезны нам.

Йорг прищурился и недоверчиво оглядел Свинопаса.

— Вы не первые, кто этим интересуется. Пару недель назад в моей мастерской вдруг появился хорошо одетый мужчина и осведомился насчет этих же фрагментов. Он пообещал мне два гульдена, если я передам их ему...

С верхнего этажа вдруг раздался громкий голос Магдалены, просившей Свинопаса немедленно бежать к аптекарю и как можно быстрее раздобыть белены.

Венделин тут же поспешил прочь, а молодой Рименшнайдер побежал за ним.

— Магдалена знает много целебных средств! — на ходу крикнул Свинопас. — Она очень начитанна, изучала произведения Хильдегарды фон Бинген[14] о лекарственных растениях и их действии. Она знает побольше иного медикуса.

Тяжело дыша, подгоняемый надеждой вернуть с помощью целебного средства отца к жизни, Йорг перевел дыхание и выпалил:

— Я хочу сказать вам правду: обломки я через два дня продал благородному господину за пять гульденов. Отчего не заработать деньги, не прилагая никаких усилий, за несколько кусков камня, вряд ли кому-нибудь нужных.

Венделин остановился и, хватая ртом воздух, повторил:

— ...вряд ли кому-нибудь нужных!

Молодой Рименшнайдер схватил Свинопаса за рукав.

— Пойдемте, умоляю вас, речь идет о жизни моего отца. Пойдемте, я вас отблагодарю!

Получив у аптекаря желаемую белену, они побежали назад, к дому скульптора. Магдалена уже ждала их с тиглем кипящей воды, в котором плавали разные ингредиенты, придавшие воде красновато-коричневый оттенок.

Ловко растерев сушеную белену между ладоней, она помешала поварешкой дымившееся варево, распространявшее адский запах, и понеслась наверх.

Йорг и Венделин стояли друг против друга и молчали, в конце концов Рименшнайдер неторопливо произнес:

— Что касается надписи на обломках, то я, конечно, насторожился, когда незнакомец предложил мне два гульдена, а затем и вовсе согласился заплатить запрошенные мною пять гульденов. Поэтому в тот же день я собрал разрозненные куски. Непростое это было дело, отец честно выполнил свою работу.

— Он знал о вашей сделке?

Йорг Рименшнайдер отрицательно покачал головой.

— Он никогда не должен был узнать.

— Ну и что, вам удалось прочесть надпись с надгробия?

— Прочесть-то удалось, — задумчиво протянул Йорг, — а вот понять из этой таинственной череды букв я не смог ничего.

— Вы хотя бы запомнили ее?

— Ни один человек на свете не в состоянии запомнить такую бессмыслицу. Впрочем, я до сих пор не знаю, было ли бессмыслицей написанное там. Однако Йорг Рименшнайдер, может, и не слишком образован, отец только и научил его, что читать, но дураком он никогда не был!

Заметив вопросительный взгляд Свинопаса, он продолжил:

— Пошли, я вам кое-что покажу.

Они покинули дом через заднюю дверь, пересекли внутренний двор, где громоздились мрамор, известняк, песчаник и стволовая древесина, и вошли в мастерскую, в которой когда-то создавал шедевры отец Йорга.

Повсюду стояли и лежали незаконченные работы, консоли колонн и фрагменты орнаментов. Побеленные стены были увешаны инструментами, обрывками бумаги и пергамента, испещренными эскизами и рисунками, а также снятыми мерками.

На высоте колен, почти незаметно для постороннего глаза, на стене вилась вереница строчных букв, набросанных сангиной.

— Вот, — Йорг энергично кивнул в сторону надписи, — это и есть эпитафия с надгробия Тритемия!

Свинопас в недоумении молча разглядывал полустершиеся буквы: Laet.ta.li.johannis.Trithemii.s.loc.dom.Cae.Hen.

Подобные сокращения в эпитафиях не были редкостью. В основном так поступали, чтобы вместить как можно больше слов. Но что заставило Альбрехта Бранденбургского уничтожить первоначальный дословный текст?

Раздумья Венделина были прерваны неожиданно донесшимися с другой стороны двора чудовищными звуками, сопровождавшими рвоту, как будто чья-то душа выворачивалась наизнанку.

— Он жив! — крикнул Йорг Рименшнайдер и как безумный

вылетел из мастерской. Свинопас в растерянности остался стоять у стены. Словно пытаясь запечатлеть в памяти строчку из букв, он неотрывно смотрел на каракули. Наконец оторвал кусок от запыленного пергамента и нацарапал буквы куском сангины. Потом поспешил за молодым Рименшнайдером в дом.

Травяное зелье Магдалены подействовало. Желудок старика очистился до последней капли, процедура вдохнула в него новую жизнь. Уверенно, не обращая внимания на то, что Рименшнайдер дрожал всем телом, как листья осины, Магдалена вставила ему в горло воронку и вылила туда большой кубок теплой воды, которую пациент фонтаном выпустил назад, после чего в изнеможении упал на подушки.

Врач, благородный мужчина, одетый в черное, с подчеркнуто изысканными манерами, удивленно поднял брови и заметил, обращаясь к Магдалене:

— Мое почтение, дева! Если бы вы не были женщиной, из вас получился бы прекрасный врач! Где вы черпали ваши знания?

— Уж точно не в университете, — хмыкнула Магдалена. — Существует масса хитроумных книг, которыми можно воспользоваться, сидя в тихой келье. Если ты, конечно, умеешь читать. Хотелось бы только спросить, какие физические или умственные качества могли бы помешать женщине стать врачом?

Словно внимая беседе, Рименшнайдер открыл глаза и сердито сказал медику:

— Благодарю вас, вы можете удалиться! С девой я в надежных руках.

Йорг, на расстоянии наблюдавший за происходящим, подошел и попытался успокоить врача, лицо которого омрачилось, как небосвод перед первым днем творения.

— Отец только что вырвался из лап смерти, — вполголоса заметил он, — и еще немного не в себе.

Обиженный медик с гордым видом удалился.

— Простите, что я заподозрил вас, — робко заговорил Йорг, когда они покинули комнату больного, — но я не мог иначе объяснить состояние отца. Приношу свои извинения!

— Ладно-ладно, вас можно понять, — отмахнулась Магдалена. — Без сомнения, кто-то поставил себе целью отравить вашего отца. Вчера в трактире я обратила внимание на одного незнакомого мужчину, который не спускал с нас глаз. Тогда я не придала этому значения, но теперь все выглядит иначе. Честно говоря, часть вины я за собой чувствую. Кому-то очень не хочется, чтобы я общалась с Тильманом Рименшнайдером.

К ним подошел Свинопас и вытащил из кармана куртки клочок пергамента, на котором он записал надпись Тритемия.

— Надеюсь, она вам пригодится, — заметил Йорг. И добавил, обращаясь к Магдалене: — Будем считать, что это моя благодарность за то, что вы вернули жизнь моему отцу. Мне лично эти буквы ничегошеньки не говорят.

Прищурившись, Магдалена разглядывала пергамент, который поднесла к скудному свету. Один раз, второй, снова и снова скользили ее глаза слева направо по надписи. Наконец она спросила Венделина:

— Ты что-нибудь понимаешь в этих буквах? Ты ведь встречался в книгах с такими сокращениями!

— Я же не ясновидец! — с сожалением воскликнул Свинопас. — А вас, Йорг, благодарю за отзывчивость и доверие.

Пообещав заглянуть и проведать хозяев через пару дней, они вышли из дома и направились в сторону монастыря Святого Якоба.

— Я не хотел, чтобы молодой Рименшнайдер что-нибудь понял в эпитафии, — заметил на ходу Свинопас. — Никогда не знаешь...

— Не хочешь ли ты этим сказать, что ты ее...

Свинопас огляделся по сторонам, чтобы удостовериться,

что за ними никто не следит. У колодца на Рыночной площади, где Магдалена когда-то впервые повстречалась с Тильманом Рименшнайдером, они остановились и присели на ступенях, обрамлявших фонтанирующее сооружение. Оба воззрились на пергамент.

I.aet.ta.li.Johannis. Trithemii.s.loc. dom. Cae.Hen.

Магдалена медленно, почти благоговейно прочитала вслух таинственную строку. Потом молча взглянула на Свинопаса.

Тот показал на последние буквы.

— ***Dominus Caesar Henricus,*** — неуверенно произнес он, — господин наш император Генрих.

— Император Генрих? — На лице Магдалены отразилось крайнее возбуждение. — Что общего у императора Генриха с Тритемием? Императора Генриха уж полвека не было в живых, когда почил Тритемий!

— Это и ***мне*** сразу пришло на ум, однако дело от этого легче не становится. Но тем не менее какая-то связь между ним и оккультистом Тритемием должна быть, иначе с чего бы он стал упоминать его в своей эпитафии.

Задумчиво вперив глаза в пергамент, оба замолчали, пока Магдалена вдруг взволнованно не воскликнула:

— Связь между императором Генрихом и аббатом Тритемием в самом деле есть: Тильман Рименшнайдер!

Свинопас недовольно затряс головой, после чего Магдалена

предпочла оставить свои мысли при себе. Вскоре они расстались: Магдалена пошла в свою гостиницу, а Венделин отправился в аббатство, где его ждал брат Люциус.

Почему он, собственно, должен утаивать от незрячего библиотекаря обнаруженные подробности? Поскольку старый монах лично знал окруженного ореолом таинственности аббата и не слишком благоволил к его памяти, он мог бы быть полезен при расшифровке надписи.

Поначалу старик даже отказывался верить, что Свинопас знает утраченный текст эпитафии, потом произнес:

— Прочтите мне строку, чтобы я мог видеть ее перед моим мысленным взором.

Свинопас выполнил его просьбу.

— А теперь назовите мне прописные и строчные буквы!

— Строка содержит пять больших букв, — перечислил Венделин, — I в начале, j и T от Иоганна Тритемия, C и ***H*** в двух последних сокращениях, здесь бесспорно речь идет об императоре Генрихе. Или вам приходит в голову что-то иное?

— Нет, вы совершенно правы. ***Cae. Hen.*** — часто встречающееся сокращение. Начало строки тоже не нуждается в особо долгой дискуссии. Раннехристианские отцы Церкви, такие как Исидор Севильский или Иоанн Дамаскин, часто его употребляли. ***I.aet*** означает in aeternum, то есть «навечно». Для экономии времени, места и чернил они пользовались этим сокращением. Но все остальное мне непонятно. ta.li. может означать и все, и ничего.

Свинопас провел рукой по лицу, как делал всегда, когда заходил в тупик. В порыве безропотного смирения он с печалью заметил:

— Если аббат Тритемий воспользовался при составлении этой надписи одним из своих криптологических открытий, тогда и вовсе нет никакой надежды разгадать тайну. Если только не…

— Если только не… что? — переспросил брат Люциус с самодовольной ухмылкой.

— Ну, я хотел сказать, что книга, которую ученый аббат написал о криптографии, возможно, приблизила бы нас к решению, но папские похитители книг наверняка и ее переправили в Рим. Кто знает, в какой библиотеке Запада хранится еще один экземпляр. Вы не могли бы сказать, брат Люциус, что вас так веселит в моих словах?

— Ах да. — Слепой библиотекарь глубоко вздохнул. — Папские ищейки действительно забрали все книги Тритемия, но, да будет замечено, книги, а не рукописи, по которым эти книги печатались!

— Вы хотите сказать, что эти манускрипты все еще находятся в аббатстве? — Свинопас напряженно уставился в мертвые глаза Люциуса.

Глаза старика, как обычно, смотрели немного мимо, что приводило в некоторое смущение каждого собеседника. Люциус ничего не ответил. Вместо этого он целенаправленно, словно зрячий, подошел к глиняному кувшину высотой в три сажени, какие стоят в любой библиотеке, наполненные водой, чтобы облагородить сухой пыльный воздух. Однако вместо воды в кувшине были спрятаны шесть свернутых в трубочку рукописей. Брат Люциус склонил голову и большим и указательным пальцами коснулся страниц, прислушиваясь к их шелесту.

Потом молча протянул одну из рукописей Венделину Свинопасу.

Тот, не переставая удивляться, прочел на титульном листе: ***Polygraphiae libri sex.***

— Шесть книг о полиграфии, — пробормотал он себе под нос, — посвящено императору Максимилиану. — Венделин помолчал. — Брат Люциус, а как вы распознали именно эту книгу? Или вы вовсе не утратили зрение, а просто вводите меня в заблуждение по каким-то причинам?

Люциус кивнул, что отнюдь не означало согласие. Напротив, в движении его головы сквозила грусть.

— Как бы я хотел, чтобы это было так, — вздохнул он. — Но, как я уже говорил, слепые видят иначе. Я узнаю бумагу по шуршанию, которое она производит. Между прочим, Тритемий уже не застал выход этой книги, она появилась лишь спустя два года после его смерти.

— Вы полагаете, это сочинение могло бы содержать ключ к эпитафии?

Брат Люциус пожал плечами.

— Во всяком случае в «Полиграфии» Тритемий приводит все известные шифры. В том числе и те, которые придумал сам, как, например, ***Tabula recta.***

— ***Tabula recta***? Квадратная доска?

— Совершенно верно. Вы об этом еще не слышали?

— Если честно, то нет.

Люциус вновь повернулся к глиняному кувшину и вытащил, предварительно ощупав содержимое, пятую часть «Полиграфии». Не без гордости протянул ее Свинопасу.

— Примерно посередине вы найдете ***Tabula recta,*** квадратную доску с написанными по горизонтали и по вертикали буквами алфавита. Каждая строка, следующая за первой, сдвинута на одну букву влево, так что во второй строке алфавит

начинается не с A, а с B, третья — с C и так далее. Если бы Иоганн Тритемий зашифровал мое имя Lucius, вышло бы Lvelyx.

— Мне очень жаль, — пробурчал Свинопас, — но я этого не понимаю!

— Все очень просто! — воскликнул брат Люциус, задрав голову и глядя на потолок, — L в первой строке остается без изменения. Под U, второй буквой моего имени в первой строке, во второй стоит V, вместо C в третьей строке стоит E, вместо I в четвертой строке стоит L, вместо U в пятой — Y, и S в конце моего имени в шестой строке превращается в X. Так из Lucius становится Lvelyx.

— Теперь понимаю! — возбужденно произнес Свинопас, скользнув глазами по мнимому буквенному хаосу в таблице.

Они начали вместе расшифровывать разрушенную надпись по системе ***Tabula recta*** Тритемия. При этом складывалось впечатление, что слепой брат Люциус держит запутанную таблицу со всеми буквами в голове.

Свинопасу с трудом удавалось поспевать за ним и записывать результат на листке бумаги. Получилось бессмысленное нагромождение букв. Свинопас в ярости швырнул сангину об стену и подпер голову руками.

— Попытка все же не была напрасной, — проворчал брат Люциус. Он был не менее разочарован. — А может быть, — заговорил он после долгой паузы, — может, мы все зря усложняем. А что, если Тритемий был настолько уверен в своем деле, что вовсе и не делал попыток зашифровать загадочную надпись на своем надгробии?

Свинопас взглянул на Люциуса. На губах слепца опять играла та же насмешливая улыбка, смысла которой Венделин не понимал.

— Вы верите, что Тритемий использовал самые обычные сокращения?

— Я верю только в Бога Всемогущего, и то с некоторыми ограничениями.

Ответ Люциуса давал пищу для размышлений, но в данный момент надпись на надгробии интересовала Венделина куда больше, чем сомнительное кредо бенедиктинца, и он отказался от расспросов.

— В пользу моего предположения, — продолжил Люциус, — говорит уже хотя бы выражение, которым начинается надпись: Laet. — навечно. Подумайте об этом. А я вынужден вас сейчас, к сожалению, покинуть и проверить, как обстоят дела на воротах. С Богом!

Венделин Свинопас провел весь день в размышлениях,

пытаясь связать в единое целое путаные мысли, но ни на шаг не приблизился хоть к какому-нибудь дельному результату. Втайне он проклинал разбитую эпитафию, так притягивавшую его к себе.

Как обычно, во время вечерни он встретился с Магдаленой, обескураженный и на грани отчаяния.

— Мне пришла в голову одна вещь, которую я чуть не забыла, — начала она. — Где тот клочок пергамента с надписью?

— В библиотеке, — ответил Венделин. — Я провел с братом Люциусом много времени, изучая литературу, которая могла бы помочь в расшифровке, но все впустую. У тебя появилась какая-то идея? Тогда пошли!

Через осиротевшие ворота они молча вошли на территорию аббатства и зашагали к библиотеке. Перед полкой с надписью ***Philosophia magica et occulta*** стоял обшарпанный пюпитр, на котором лежал клочок пергамента с текстом эпитафии из мастерской Рименшнайдера. Магдалена взяла обрывок и близко поднесла к глазам.

— Ты сказала, у тебя возникла идея!

— Да, — кивнула Магдалена. — Девять Незримых узнавали друг друга по приветственной формуле, которая звучит так: сатан адама табат амада натас. Если слова написать друг под другом, их можно читать слева направо, сверху вниз, снизу вверх и справа налево. Великий Рудольфо утверждал, что формула используется только как пароль и не имеет иного смысла.

— Это нам не поможет! — разочарованно протянул Свинопас.

— Между прочим, существует еще одна формула, которую Незримые используют в связи с «Книгами Премудрости».

— И как же она звучит?

— ***Tacent libri suo loco*** — «Книги молчат на своем месте».

Свинопас смерил Магдалену долгим и пронзительным взглядом, словно пытаясь подавить вспышку гнева.

— И ты говоришь это только сейчас? — угрожающе прошипел он, не отрывая глаз от строки на пергаменте.

Магдалена оторопела. Потом, заикаясь, прочла:

— ***In aeternum tacent libri Johannis Trithemii suo loco*** — навечно молчат книги Иоганна Тритемия на своем месте. Это «Книги Премудрости»! — разволновавшись, воскликнула она.

— Тут ты, пожалуй, права, — иронично бросил Свинопас. — Это, без сомнения, слова человека, который знает, где спрятаны книги. Скорее всего, Тритемий собственноручно перепрятал их на новом месте, и у меня такое впечатление, что он посмеялся над всеми, кто стремится их найти.

— И мне так кажется, — согласилась Магдалена. Осеклась и добавила: — Но при чем тут, ради всех святых, указание на

нашего государя императора Генриха — dominus Caesar Henricus?

— И я хотел бы это знать. От хитрого аббата можно было бы ожидать, что упоминанием императора Генриха он просто хотел пустить всех по ложному следу. Какая связь между Генрихом и «Книгами Премудрости»?

— А не мог император Генрих быть одним из Девяти Незримых? — высказала предположение Магдалена.

Свинопас скривил физиономию.

— В общем, это возможно. Но какую цель преследовал Тритемий, запечатлевая этот факт в своей эпитафии? К тому же в таинственно закодированном виде? Нет, мы, должно быть, что-то проглядели в наших расследованиях.

Из монастырской церкви донеслись заключительные звуки вечерни, и Свинопас напомнил Магдалене, что пора уходить. Ее присутствие могло привести к ненужным сложностям. Они условились встретиться завтра в то же время у монастырских ворот.

Было глубоко за полночь, а Венделин Свинопас все еще оставался в библиотеке, роясь в фолиантах в поисках сокращений, употребляемых в названиях книг. Но чем глубже он погружался в свои изыскания, тем недостижимее казалась ему разгадка.

Прежде чем отправиться в свою каморку, он снова пошел в заднюю часть галереи, к надгробию Тритемия, и направил луч света своего фонаря на эпитафию, выбитую в верхней, надставленной части.

Venerabilis.Patr.Dominus. Johannes.Trithemius.

Свинопас несколько раз повторил слова: «Достойный почитания святой отец и господин Иоганн Тритемий» — обычная вежливая формула, как тысячи других эпитафий.

— ***Dominus!*** — Его словно молнией поразило. Он лихорадочно вытащил клочок пергамента с первоначальной эпитафией:

I. aet. ta. li.Johannii. s. loc. dom. Cae. Hen.

— ***Dominus*** — господин, — пробормотал Свинопас и добавил: — Написано с большой буквы. — Затем поднес к свету пергамент: ***dom.*** — написано с маленькой, как ***domus!***

Свинопас как безумный помчался по крестному ходу к воротам и побежал в гостиницу «К лебедю». Входные ворота были на запоре, ведь дело близилось к рассвету. Венделин забарабанил кулаком в дверь, пока не появился толстяк хозяин в льняной ночной сорочке и с ночным колпаком на голове. Он ворчливо осведомился, какое срочное дело позволило вытащить его посреди ночи из постели.

— Дело не терпит отлагательства, — ответил Свинопас, — мне срочно нужно поговорить с Магдаленой.

Трактирщик отпустил непристойное замечание:

— Если уж так приспичило, мог бы сходить к красоткам в купальне. — Он показал, где находится комната Магдалены, — на втором этаже, по правую руку в конце коридора.

Магдалена до смерти испугалась, увидев около своей кровати Свинопаса с фонарем, отбрасывавшим длинную тень.

— Просыпайся! — тихонько позвал он приглушенным голосом. — Я знаю, где спрятаны «Книги Премудрости»!

Магдалена выпрямилась на кровати. Ей потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что это не сон.

— «Книги Премудрости»? — переспросила она заспанным голосом.

— Да просыпайся же наконец! — разозлился Венделин. Размахивая перед ее глазами куском пергамента, он начал

объяснять: — Вот, смотри: мы исходили из того, что ***dom. Cae.Hen.*** означает «наш государь, император Генрих».

— Это напрашивается само собой, — заметила Магдалена, постепенно приходя в себя.

— Напрашивается, вот именно. Вероятно, Тритемий потому-то и выбрал эту формулировку. Но ***dom.Cae.Hen.*** в действительности значит ***domus.Caesaris.Henrici,*** то есть «в соборе императора Генриха»!

— Собор, который император Генрих возвел в Бамберге, — почти благоговейно произнесла Магдалена.

Свинопас молча кивнул. Тут Магдалена бросилась ему на шею, поцеловала и прижала к своей груди.

Как часто Венделин мечтал об их близости, но не осмеливался сделать первый шаг. То, что инициатива исходила от нее, было приятно ему как мужчине.

Магдалена взяла из рук Венделина пергамент. Дрожащими пальцами провела по строке и промурлыкала:

— Навечно молчат книги Иоганна Тритемия на своем месте в соборе императора Генриха.

Окончательно проснувшись, она объявила:

— Сегодня же, как можно раньше, отправляемся в Бамберг!

12

Глава 21

Казалось, весь город высыпал на улицы, когда Магдалена и Венделин вошли с запада в Бамберг и устремились к ратуше, которую горожане, чтобы разрешить территориальный спор с князем-епископом, на скорую руку построили на реке Регниц, расколовшей город на две части.

На рынке, по ту сторону Регниц, где торговки в ранний час выставили на продажу плоды своих трудов, они были подхвачены людским потоком. Их несло в толпе, словно листья на осеннем ветру; они еще не представляли, где заночуют, и единственное, что им оставалось, — это прижать к себе покрепче свои пожитки, чтобы обезопасить их от воришек.

Шедшие с реки прачки с подоткнутыми юбками, которые повстречались им, неожиданно развернулись и устремились в сторону квартала Мюленфиртель, как только услышали, что произошло; при этом они верещали хриплыми голосами: «Чудо, чудо, чудо!»

Живя в вечной вражде с князем-епископом — этим они ничем не уступали вюрцбургцам, — жители Бамберга были

еще и весьма восприимчивы к чудесам. Это побудило хозяина собора на горе время от времени инсценировать какое-нибудь чудо, подобное торжественной мессе в день Богоявления. По библейскому образу и подобию, благодаря заступничеству его высокопреосвященства, в одночасье излечивались смертельно больные, слепые и паралитики. Огромное восхищение вызывали также левитирующие монахини, которые в экстазе от своей веры тут же поднимались над землей и парили на высоте трех саженей. Невероятный восторг выпадал на долю чудесного воскрешения мертвых, особенно в тех случаях, когда удавалось доказать, что до этого они уже один или несколько дней были погребены и провели под землей.

Этим утром прошел слух, что в плотине Регниц выше ратуши запуталась утопленница, которую несло по течению вверх головой, с привязанным к груди точильным камнем. Когда рыбаки баграми вытащили ее на берег и жена одного из них трижды перекрестилась, утопленница открыла глаза и с улыбкой заморгала на солнце.

В страстном желании увидеть необъяснимое, бамбергцы столпились вокруг плотины, чтобы засвидетельствовать чудо, и среди них были Магдалена и Венделин. Однако еще до того как они узрели мнимое чудо, вышла из-под контроля напирающая и

затягивающая благочестивые песни толпа пилигримов. Народ быстро облетела молва, что утопленница вовсе не была оживлена, скорее всего, она умерла с открытыми глазами, так что они не мигая продолжали таращиться в небо.

У столпившихся горожан это разоблачение вызвало огромное недовольство, в конце концов, они так рассчитывали на настоящее чудо! Особенно возмущались прачки, ведь у них отняли главную тему для пересудов на всю предстоящую неделю. Они ругались, визжали и орали, повторяя: «Черт бы побрал князя-епископа Вайганда за то, что так одурачил нас! Где же чудо?»

Чуда так и не произошло. Женщину с камнем на груди утопили — к такому выводу пришел врач, вызванный из городского квартала Занд, расположенного у подножия соборной горы. И поскольку никто не знал женщину в лицо и не было уверенности, что при жизни она была правоверной, кликнули могильщика, который должен был закопать ее за чертой города на специально отведенном для таких случаев участке.

Разочарованные зеваки разбрелись, а у Магдалены и Венделина появился шанс взглянуть на утопленницу. Покойница все еще смотрела раскрытыми глазами в небо. Ее длинные волосы издохшими змеями рассыпались по мостовой. Магдалена отметила про себя, что при жизни женщина должна была обладать неброской красотой.

К ним подошла пышная матрона; уперев руки в бока, она с отвращением склонилась над лицом покойницы.

— Да, это она, — произнесла она наконец. — Несколько дней назад она и ее спутник поселились у меня. Произвели неплохое впечатление, заплатили за две недели вперед, а вели себя при этом жутко таинственно, ни имени, ни цели своего приезда не назвали, видно, было что скрывать.

Тут к ним подошел Бальтазар Кляйнкнехт, смотритель церкви «Обере Пфарре», Святой Девы Марии, у которого была возможность во время своих обходов обозреть добрую половину города. Он также прибежал на представление и вмешался в разговор:

— Я каждое утро видел, как эта парочка шла к собору. Одному Богу ведомо, что они там искали. Вряд ли они молились, как ты думаешь, булочница?

— Уж точно нет, — блаженно заметила булочница, вдова Иоганна Булочника, оставившего ей в наследство узкий домишко в «Преисподней» — так звалась местность с нагромождением фахверковых домов, боязливо прижавшихся друг к другу. — Нет, благочестием они уж точно не отличались. Даже на воскресную мессу не ходили. Наверное, были лютеране-протестанты!

— Были? А где ж ее спутник? — поинтересовался смотритель, пренебрежительно кивнув в сторону трупа.

Булочница пожала плечами:

— А мне откуда знать? Это ты со своей башни все видишь! Я ученого мужа сегодня еще не видела.

— Ты сказала «ученого мужа»? — оживился Кляйнкнехт. — На меня он скорее производил впечатление ваганта, странствующего со своей любовницей по городам и весям. Кто знает, чем они себе на жизнь зарабатывали.

— А ты их хоть раз видел вблизи, смотритель?

— Нет, не видел, булочница, но и сверху можно составить впечатление о человеке, предположить, какой у него характер. Именно сверху все и видно! Тут тебе нечего возразить!

Магдалена довольно долго таращилась на вздувшийся труп, завороженная широко раскрытыми глазами утопленницы. И в самом деле, казалось, что покойница следит за ними с тупым выражением лица и вот-вот заговорит. Утреннее солнце уже высушило ее разметавшиеся темные змееподобные волосы и придало им красноватый оттенок. Магдалена схватила Венделина за руку и сжала ее. От Свинопаса не укрылось, что она вся дрожит. Он вопросительно посмотрел на нее.

Магдалена оттеснила Венделина в сторону и зашептала ему на ухо:

— Мне кажется, что это Ксеранта, женщина из цирковой труппы. На ее совести смерть Рудольфо... Она и меня хотела убить. То есть мне не кажется, я уверена в этом!

Свинопас едва заметно, с сомнением покачал головой.

— Ты точно уверена? — тихонько спросил он. — Смерть через утопление изменяет внешность человека страшным образом!

— Знаю, — дрожащим голосом ответила Магдалена, — лицо Ксеранты я видела во сне сотни раз, оно впечаталось в мою память. Поверь мне, это точно она!

Странное шушуканье чужаков не осталось незамеченным. Кляйнкнехт, у которого всегда было что на уме, то и на языке, не скрывая любопытства, подошел к ним и спросил:

— Вы знали эту женщину?

— Эту? — переспросила Магдалена ненатуральным голосом. — Нет, с чего вы взяли?

— Потому что вас явно волнует ее смерть. Во всяком случае, мне так показалось.

— Нет, вы ошибаетесь. Мы сюда вообще попали по чистой случайности.

Испугавшись, что Магдалена может проболтаться, Венделин

подключился к разговору:

— Мы как раз прибыли из Вюрцбурга и надеемся найти работу в одной из многочисленных монастырских библиотек вашего города.

— Значит, вы библиотекари и знаете грамоту, в том числе латынь?

— Именно так! — ответила Магдалена.

— И вы тоже? — удивился сторож.

— А что ж тут удивительного? — Магдалена пожала плечами.

— Ничего, конечно, ничего, — поторопился успокоить ее Кляйнкнехт. И смущенно добавил: — У вас уже есть где остановиться?

— Еще нет. Мы только что прибыли. Не подскажете подобающее место?

— Булочница из «Преисподней», честная вдова, хотя и болтливая, как все вдовушки, подрабатывает тем, что сдает верхние комнаты своего дома приезжим. Вон там, такая полненькая, это и есть булочница!

— Эй, что ты там плетешь про меня! — начала браниться матрона, подходя к ним. И, обращаясь к Магдалене и Венделину, спросила: — Вы приезжие и у вас еще нет пристанища?

— Нет, — ответила Магдалена. — Вы можете принять нас?

— Два крейцера в день за комнату под крышей, — быстро ответила булочница, интонацией давая понять, что цена не обсуждается. Магдалена и Венделин обменялись взглядами и согласно кивнули.

— Как долго собираетесь пробыть здесь? — поинтересовалась булочница, осмотрев новых жильцов с головы до ног.

— Сами еще не знаем, — честно признался Венделин. — Если повезет найти работу в монастырской библиотеке, как в Эбербахе или Вюрцбурге, то подольше останемся. Вы не будете возражать?

— Чего мне возражать, если деньги будете платить, — равнодушно ухмыльнулась булочница. — Так вы, стало быть, библиотекари?

— Именно так.

— Тогда я смогу быть вам полезна. Мой сват Леонхард — келарь у бенедиктинцев на горе Михельсберг. Он отвечает за управление монастырем, за посыльных и наемных работников.

— Звучит неплохо, — сухо заметил Свинопас.

Булочница вдруг наморщила лоб и произнесла:

— Надеюсь, я не ошибусь, если предположу, что вы богоугодная пара? Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

— Разумеется, вы не ошибаетесь в своем предположении, — подтвердил, не раздумывая, Венделин.

Матрона подошла еще ближе и затрясла головой.

— Не то чтобы я была уж очень чопорной или святее Папы Римского, но разврата в своем доме не потерплю. Епископ, чтоб вы знали, вечно враждует с бамбергцами и любым способом пытается выжать из нас деньги. Его ищейки повсюду рыскают и вынюхивают, не приютил ли владелец

постоялого двора или хозяйка, сдающая комнаты, парочку, живущую без церковного благословения. Если же найдут, то хозяин должен приобрести индульгенцию за десять гульденов и прочитать «Отче наш» сотни раз. При этом благочестивому господину важна вовсе не мораль, а только деньги!

После того как Венделин Свинопас клятвенно заверил хозяйку, что в этом отношении она может быть абсолютно спокойна, и в качестве доказательства смачно чмокнул Магдалену в щечку, булочница повела своих новых жильцов к себе в «Преисподнюю» и выдала им ключи.

Вечером Магдалена и Венделин сидели в комнате у хозяйки и беседовали, чтобы поближе познакомиться. Время от времени матрона поглядывала через окно на пятнадцать каменных ступеней, поднимавшихся вверх к верхнему пасторскому дому, а оттуда дальше — к собору. Заметив любопытный взгляд Магдалены, она пояснила:

— Я волнуюсь за Атанасиуса Гельмонта, ученого-книжника. Смерть его жены, честно говоря, меня меньше обеспокоила. Это была настоящая дьяволица, но Гельмонт ее боготворил. Трудно представить себе, что это ***он*** ее утопил.

Магдалена бросила на Венделина многозначительный взгляд и сказала:

— Но это, безусловно, было убийство. Или у вас есть другое объяснение, откуда взялся камень на шее у Ксеранты?

— А откуда вам известно, что ее звали Ксеранта? — перебила булочница Магдалену и подозрительно уставилась на нее.

Магдалена испугалась.

— Вы упомянули ее имя у плотины, там, где обнаружили труп, — соврала она, не раздумывая ни секунды. И, чтобы поменять тему, спросила: — Вы сказали, ее ухажер был ученый-книжник, как бишь его звали?

— Атанасиус Гельмонт. Так он во всяком случае назвал себя. Гельмонт уверял, что Альбрехт Бранденбургский, майнцский архиепископ, поручил ему переписать некоторые надписи на церквях. Ха, если бы они его хоть немного интересовали! Комната Гельмонта завалена бумагой и пергаментом с фразами на латинском языке и сокращениями, которые ни один человек не в состоянии понять. Вы вот как библиотекари можете мне сказать,

почему люди усложняют себе жизнь таким сумасбродством? Я так понимаю, уж если какая-то надпись должна что-то передать потомкам, то надо выражаться четко и ясно. А если от потомков хотят что-то утаить, тогда надо оставить все как есть и не уродовать надгробия и церковные стены загадками!

— И в самом деле, в этом что-то есть! — засмеялась Магдалена. — А этот Гельмонт занимается именно тем, что списывает надписи?

Булочница поднялась и, многообещающе кивнув, изрекла:

— Пошли!

Комната ученого-книжника располагалась на втором этаже, справа от лестницы. Каждая ступенька скрипела на свой лад, так что всякий, кто поднимался по лестнице, устраивал отвратительный концерт. Как и все комнаты в доме, комната ученого была не заперта, поскольку ни одна дверь, кроме входной, не имела замка. В помещении с тремя окнами, выходившими на «Преисподнюю», был такой низкий потолок, что статный мужчина мог перемещаться в нем, лишь пригнув голову.

Посреди комнаты стоял стол с ворохом рисунков, схем и бумагами, испещренными надписями. На кроватях, на единственном стуле, даже на обшитом планками полу были беспорядочно разбросаны листы. Когда Венделин занес ногу, чтобы войти в комнату, булочница распростерла руки и преградила ему путь, сказав, что ученому мужу наверняка было бы неприятно, если бы в его отсутствие в комнату заходили чужие.

Позже, устраиваясь на ночь в своей комнатенке под крышей, Магдалена спросила Венделина:

— Ты веришь, что Альбрехт Бранденбургский пользуется услугами стеганографа или криптолога, чтобы подобраться к «Книгам Премудрости»?

— Почему нет, — ответил Венделин, — от Майнцского князя-епископа можно ожидать чего угодно, а если речь идет о деньгах, то вообще всего. Но и за специалиста по шифрам Гельмонта я бы не поручился...

— Думаешь, он работает на себя? То есть в случае, если Гельмонт найдет «Книги Премудрости», он мог бы бросить своего заказчика и исчезнуть?

Свинопас наморщил лоб.

— Как знать? Насильственная смерть его любовницы наводит на некоторые мысли.

— Ну говори же, не томи загадками! — накинулась на него Магдалена.

— Понимаешь, — Венделин самодовольно ухмыльнулся, —

может, мы с тобой опоздали, Гельмонт уже нашел «Книги Премудрости» и пытался скрыться. Альбрехт Бранденбургский пронюхал про это и приказал убить Ксеранту, так сказать, для устрашения. Убивать самого Гельмонта нецелесообразно, ведь он, скорее всего, единственный, кто знает, где тайник.

— Какие еще варианты?

— Они нашли «Книги Премудрости» и поссорились, решая, кому предложить купить их. Или они нашли книги, а на них лежит смертоносное проклятие.

— Слушай, Венделин, ты мог бы стать неподражаемым рассказчиком, странствовать по городам и развлекать народ. Но почему ты каждый раз исходишь из того, что Гельмонт уже нашел книги? Кучи бумаг в его комнате еще ни о чем не говорят. Кому как не тебе знать: бумага все стерпит!

Свинопас кивнул, словно Магдалена вернула его в реальность.

— Давай завтра пораньше начнем поиски, — шепотом, но с нажимом предложила она, — в конце концов, мы знаем

больше, чем все другие охотники за «Книгами Премудрости».

Этой ночью, первой на незнакомом месте, в чужом окружении, Магдалену одолевали тысячи мыслей. Если насильственная смерть Ксеранты у жителей Бамберга не вызвала особого интереса, то Магдалене она не давала покоя.

У кого были основания убить гадалку? Или она сама покончила с собой? Но какие у нее могли быть мотивы? Какую роль сыграл в ее смерти ученый-стеганограф?

Разумеется, Магдалена неоднократно желала смерти этому дьяволу в юбке, и теперь, когда, похоже, сбылось проклятие, она почувствовала свою вину; печальное событие тяготило ее сверх всякой меры.

Поглощенная своими думами, она поначалу не обратила внимания на жалобный скрип ступеней лестницы, с большими интервалами доносившийся до нее. Потом все смолкло. «Может, — подумала она, — ученый вернулся?» Неожиданно мучительный скрип деревянных ступеней послышался вновь.

— Венделин! — зашептала Магдалена и начала трясти Свинопаса. — Ты что, не слышишь? Шаги на лестнице!

Свинопас недовольно повернулся набок и, широко зевнув, сонно ответил:

— Наверное, булочница проверяет, все ли в порядке!

— А может, ученый?

— Может и он. — Венделин слишком устал, чтобы вдаваться в объяснения. — Спи, еще темно...

Наутро вдовица подозрительно посмотрела на них и

поинтересовалась, что это постояльцы искали посреди ночи. В таком старом доме, как этот, ни один шаг не останется незамеченным. «Благодаря привидениям, населяющим балочные перекрытия», — уточнила она.

Когда Магдалена и Венделин заверили ее, что не покидали своей комнаты и, наоборот, были уверены, что это она проверяла, все ли в порядке, булочница встрепенулась и, невзирая

на жуткий скрип, бросилась вверх по лестнице и распахнула дверь комнаты ученого-стеганографа. Потом долгое время все было тихо.

Наконец она медленно спустилась вниз. Магдалена кинулась к ней с немым вопросом на лице.

— Уехал, — произнесла вдова. И, разведя руками, добавила: — Вместе со всем своим имуществом. — Она разжала левый кулак. — На столе лежали четыре гульдена. А ведь он не должен мне ни одного крейцера. Наоборот, заплатил за две недели вперед.

— Хороший, видно, был человек, — произнес Свинопас с легкой иронией.

Булочница явно не заметила насмешки и сказала, гневно сверкая глазами:

— Тогда тем более непонятно, почему он исчез под покровом ночи.

По дороге к собору Венделин бормотал себе под нос надпись на разрушенном надгробии Тритемия. Она так врезалась в его память, что он мог бы произнести ее, даже если бы его разбудили посреди ночи: «Навечно молчат книги Иоганна Тритемия на своем месте, в соборе императора Генриха». Не глядя на Свинопаса, Магдалена бросила на ходу:

— Надеюсь только, что желание Тритемия не сбудется. Но, как показывает жизнь, умные мужи ошибаются даже чаще других.

Придя на Соборную площадь, они сначала решили насладиться импозантным архитектурным сооружением. Четыре филигранные башни, образованные восемью уровнями и увенчанные остроконечными вершинами, словно иглами, устремленными в небо, обрамляли восточные и западные хоры. Между ними находился неф, настолько высокий, что, казалось, он соперничал с башнями. Ко всему этому в соборе имелось четыре мощных портала, причем на местах, где их меньше всего можно было ожидать: Адамовы и Благодатные врата — сбоку,

со стороны восточных хоров; Княжеский портал, то есть главный вход, был расположен совершенно несимметрично и никоим образом не по центру нефа, а с северной стороны. Почти спрятанные, на северо-западном фасаде находились врата Фейта

Штосса, а напротив, в пристройке к западным хорам, находилась тайная решетчатая дверь. С южной стороны был пристроен крестный ход и зал для собраний. Все вместе напоминало запутанный лабиринт, непреклонный и строгий, способный навеять ужас на несведущего посетителя.

— Мне страшно, — призналась Магдалена после того, как они трижды обошли собор снаружи и тщательно осмотрели его.

— Это наверняка входило в намерение строителей, — пояснил Свинопас. — Было время, совсем недавно, когда папы, кардиналы, епископы и клир старались держать верующих в страхе и покорности. Проще всего этого можно было добиться возведением мощных устрашающих сверхъестественных домов Божьих. Маленькая церквушка скорее вызывает протест. А сооружение, подобное этому, стерпит лишь покорность и повиновение. Но кому я это говорю!

Магдалена задумчиво кивнула.

— Таким образом, — произнесла она, — собор императора Генриха — идеальное место для сокрытия сокровищ. Аббат Тритемий, наверное, точно знал, почему следовало спрятать «Книги Премудрости именно здесь, а не в другом месте. Трудно себе представить, что кто-то отважится хранить книги такого нечестивого, даже еретического содержания в священных стенах Божьего дома, — это все равно что, например, сделать золото или сварить чудодейственный эликсир.

Пока она говорила, устремив взгляд на острие северо-восточной башни, изнутри отворились Благодатные врата. Из них вышел старик в зелено-красной сутане и зажмурился на солнце, прорезавшем туман первыми робкими лучами. Поднимающаяся вверх Соборная площадь была пустынной.

Здесь пока еще царил мирный покой. Только со старого епископского двора доносился собачий лай.

— Вы приезжие? — крикнул с верхней площадки соборной лестницы облаченный в свою необычную униформу старик.

Венделин помотал головой, ничего не ответив.

— Если вам угодно, я могу провести вас по собору. Я для этого здесь и существую. Это будет стоить вам скромной лепты в кружку для пожертвований!

Магдалена бросила взгляд на Венделина. Проводник появился весьма кстати. Напрасно она задавалась вопросом, как именно им предстояло искать книги. Выстукивать стены в поисках полого помещения? Это представлялось столь же бессмысленным, как поиски жемчужины на дне Регниц. Свинопас высказывал предположение, что Тритемий мог выбрать тайник с символическим значением или закодировать каким-нибудь иным

способом. В этом смысле проводник мог оказать им неоценимую услугу.

После того как Венделин бросил монетку в кружку у входа в Благодатные врата, старик начал свои объяснения. При этом он перешел на своеобразный монотонный речитатив, по тональности мало чем отличавшийся от хоровых песнопений цистерцианцев Эбербаха.

Магдалена и Венделин с интересом приняли к сведению, что воздвигнутый пятьсот лет тому назад собор императора Генриха уже дважды сгорал и снова возводился, последний раз это случилось триста лет тому назад стараниями епископа Экберта. На протяжении строительных работ, длившихся столетиями, вкусы, образ мыслей и потребности строителей менялись. Возникшее в результате сооружение поражало совершенно разными архитектурными стилями и несло на себе печать таинственности. Таинственным собор был, потому что во время долгого строительства значение и символика многочисленных скульптур и рельефов утрачивались, что иногда было очень досадно. Так, например, никто не мог объяснить,

почему на Страшном суде над Княжеским порталом, где по правую руку Господа сидели блаженные, а по левую проклятые, среди проклятых явно находились король, епископ и — с нами Бог! — даже Папа, причем последнего благодаря тиаре ни с кем нельзя было спутать.

Самой большой загадкой, впрочем, был бамбергский всадник, конная статуя, вытесанная из камня приблизительно в натуральную величину. Вряд ли кто-нибудь из жителей знал, откуда взялась эта скульптура и кого она изображала. Ее происхождение и значение были просто-напросто забыты. Теперь каменный всадник стоял на консоли и спокойно, почти надменно взирал поверх голов прихожан.

Вне всяких сомнений, собор императора Генриха, которому выпало хранить одну из величайших тайн человечества, сам был сплошной загадкой.

— А вы знаете все или хотя бы основные тайны этого собора? — осторожно поинтересовалась Магдалена у проводника, после того как они услышали от него самое главное.

Старик усмехнулся, смиренно опустил глаза и ответил, покашливая:

— Человеческой жизни не хватит, чтобы познать все созданное человеческими руками в этих стенах. — И не преминул добавить: — Благодарение Богу!

Собор тем временем все больше наполнялся посетителями, это были люди, прибывшие издалека и желающие посмотреть на

чудо архитектуры, а также горожане, пришедшие чинно помолиться.

Когда путеводитель попрощался с ними, чтобы заняться другими посетителями, Магдалена схватила его за широкий рукав красно-зеленого одеяния.

— Вы разрешите напоследок задать вам один вопрос?

Свинопас невольно взмахнул рукой, призывая ее к сдержанности. Один неверный вопрос мог выдать их особый интерес к собору.

— Может ли быть так, — продолжила она, — что в этом загадочном строении еще скрыты тайны, о которых мы не имеем ни малейшего представления?

Старик высвободился из рук Магдалены и повернул к ним голову. Не останавливаясь, сказал приглушенным голосом, словно не желая быть услышанным:

— Это не только может быть, дева, это так и есть! И пусть так и будет.

Магдалена и Венделин обменялись долгими взглядами. Никто из них не понял, что имел в виду старик.

Пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на «Книги Премудрости», они целый день, до самого вечера, провели в соборе. Подробно осмотрели каждую усыпальницу, каждую скульптуру, каждое надгробие. Прошлое оживало и представало перед ними в своем запутанном многообразии.

Порой Магдалена чувствовала себя под прицелом глаз клириков соборного капитула, которые ходили за ними по пятам, пытаясь ухватить обрывки фраз. Стоило одному отойти, как на его месте тут же оказывался другой.

Поначалу Магдалена сомневалась, не плод ли это ее фантазии, но в течение дня все больше убеждалась, что слежка действительно велась. Она потянула Венделина за собой на улицу.

— Что с тобой? — удивился Свинопас, не заметивший тайных наблюдений в соборе.

— Ты что, не обратил внимания, что за нами постоянно следили и нас подслушивали? — с упреком спросила Магдалена.

Свинопас попробовал успокоить подругу:

— Я прекрасно понимаю твое смятение. Я бы покривил душой, если бы сказал, что поиски запрещенных книг оставляют меня равнодушным. Когда мы стояли около усыпальницы императора Генриха и его жены Кунигунды работы Тильмана Рименшнайдера, у меня сердце колотилось, как сумасшедшее. Я подумал: «Уж если Рименшнайдер умудрился запечатлеть в скромной эпитафии Тритемия такие секре-

ты, что он мог оставить в усыпальнице императора?» Почему же мы не спросили об этом Рименшнайдера?

Магдалена покачала головой.

— Не стоит сейчас впадать в заблуждение и предполагать, что Рименшнайдер зашифровал что-то в каждом своем творении.

Венделин кивнул.

Соборная площадь опустела. Наступила тишина. Пока Магдалена и Венделин с наслаждением втягивали в себя прохладный воздух, уже напоминавший о скорой осени, и почти шепотом обсуждали, как им действовать дальше, с лязгом захлопнулась металлическая дверь Благодатных врат.

— А что, если мы на следующую ночь останемся в соборе и дадим себя запереть? — спросила Магдалена, устремив взгляд на вход.

Свинопас задумался.

— Раз уж мы сегодня привлекли к себе внимание, — продолжила Магдалена, — то завтра и подавно все нас заметят. В крипте под собором в самом разгаре строительные работы. Там есть масса возможностей спрятаться.

— Смелая ты женщина! — восхитился Свинопас. — Одна — ночью! — в храме с мертвым императором, пятью дюжинами усопших епископов и соборных каноников, а еще в придачу груз пяти веков истории! Твое решение вызывает у меня уважение. Ты действительно хочешь это сделать?

— Иначе я бы этого не предлагала. Воскрешение из мертвых состоится лишь в день Страшного суда, и пока не наблюдается никаких признаков, что это грозит нам опасностью. — Магдалена не смогла сдержать усмешки.

Глава 22

На следующий день Магдалена и Венделин незадолго до закрытия собора юркнули в его недра. Незамеченными проникли в крипту, откуда уже ушли каменотесы, закончившие работу, и устроились за стеной из штабеля песчаника, который использовался для реставрации лестницы. Все помещение было погружено во мрак. Через высоко расположенные окна в форме полумесяца свет почти не просачивался. К тому же день был на исходе.

Прорезая мистическую тишину, до них донесся железный скрежет закрывающихся дверей. Вслед за этим на ступенях лестницы, ведущей в крипту, послышались шаги. Сидевшие на полу Магдалена и Венделин зарыли головы в колени, обхватив их руками, словно пытаясь стать невидимыми. Шаги быстро приблизились и так же быстро удалились. Магдалена не отваживалась даже дышать. Свинопас тер двумя руками глаза.

Этот эпизод так обессилил их, что они не осмеливались даже перешептываться. Никто из них не мог сказать, сколько они просидели молча, словно в трансе, — час или два.

— Тсс! — Венделин приложил палец к губам. Сверху из нефа к ним донеслись странные звуки: стон, глухие удары о камень.

— Нам надо выбраться отсюда! — прошептала Магдалена.

— Тсс! — повторил Свинопас и попытался притянуть Магдалену к себе. Но га оттолкнула его, как будто он совершил что-то безнравственное. Потом все снова стихло.

Тем временем собор полностью погрузился в темноту. В их укрытии под нефом нельзя уже было различить собственную руку. Но Магдалена позаботилась об этом и прихватила с собой фонарь из их комнаты у булочницы. Чтобы его зажечь, им пришлось осторожно прокрасться наверх, где у алтаря Марии и усыпальницы императора Генриха и днем, и ночью теплились бесчисленные огоньки.

— Как будем действовать? — спросила Магдалена, когда они зажгли фонарь. — Было бы бессмысленно обстукивать собор локоть за локтем в поисках полого пространства. Нам надо выработать систему и начать там, где вероятность наткнуться на тайник наибольшая.

— И где же, позволь спросить, эта наибольшая вероятность? — раздраженно поинтересовался Свинопас.

Хорошо, что фонарь и огоньки у гробницы императора Генриха и его жены Кунигунды давали мало света, иначе бы

Венделин увидел, как сверкают гневом глаза Магдалены. Оба молчали и в то же время, осторожно переступая, приближались в темноте к западным хорам, где во время мессы сидели каноники.

Если бы их спросили, почему их тянуло именно туда, никто из них не смог бы внятно объяснить, но тем не менее они целенаправленно двигались именно в эту сторону.

Держа в поднятой руке фонарь, Магдалена вдруг обмерла.

— Венделин! — прошептала она. — Венделин, смотри! — Другой рукой она показала на хоры.

Свинопас прищурился и проследил взглядом за ее рукой. В темноте ничего не было видно.

— Смотри, там, на хорах, в первом ряду! Не видишь, что ли? — напустилась на него Магдалена.

Свинопас вздрогнул: в самом деле, на хорах, сидя на стуле и свесив голову на грудь, спал какой-то мужчина в широком темном плаще. Похоже, он не замечал их. Сторожа, должно быть, проглядели его, когда закрывали двери.

Неожиданное зрелище испугало обоих, однако вопреки здравому смыслу они приблизились к спящему. С небольшого расстояния можно было различить его субтильную фигуру, а когда Магдалена поднесла фонарь к его необычно бледному лицу, она тут же отпрянула назад. Мужчина вовсе не спал. Его открытые глаза не мигая смотрели прямо перед собой на пол.

— Эй, вы! — Свинопас положил ему руку на плечо и потряс его.

Незнакомец медленно склонился вперед и осел, вытянув руки по швам, на пол, где и остался лежать, скорченный, лицом вниз.

— О Господи! — пролепетала Магдалена. Застывшим взглядом она наблюдала, как Свинопас присел на корточки и попытался перевернуть мужчину на спину.

Это получалось с трудом, потому что скрюченное тело с согнутыми в коленях ногами было застывшим и непослушным, словно замороженное. В конце концов незнакомец остался лежать на боку.

— Он мертв, — безучастно констатировал Свинопас.

Магдалена собиралась проверить пульс на сонной артерии, но испуганно отдернула руку, увидев темный, налитый кровью след вокруг шеи.

— Его задушили, — прошептала она, — петлей задушили, видишь?

Свинопас все прекрасно видел.

— Видимо, это случилось совсем недавно, во всяком случае после закрытия дверей собора. Помнишь эти странные звуки, которые мы слышали в крипте? — Венделин взял из рук

Магдалены фонарь и поднял его. Дрожащей рукой он осветил пространство вокруг хоров.

— Думаешь, убийца еще сидит где-то здесь? — спросила Магдалена, сделав слабую попытку пошутить. Она взяла из рук Венделина фонарь и поставила его возле трупа.

— Гляди! — Магдалена показала на что-то белое, торчавшее из плаща мужчины.

Свинопас с опаской вытащил сложенный в несколько раз листок и протянул его Магдалене.

— Это важный документ, — взволнованно прошептала она, разворачивая бумагу. — Письмо, написанное от руки, с гербом Альбрехта Бранденбургского!

Они обменялись вопрошающими взглядами.

Наконец Магдалена начала, запинаясь, читать:

— Мы, Божьей милостью архиепископ и курфюрст Майнцский, клятвенно обещаем высокообразованному стеганографу Атанасиусу Гельмонту из Брабанта, ныне проживающему в переулке Назенгэсхен в Майнце, десятину от всех доходов, которые будут иметь место вследствие высоконаучной расшифровки надписи HICIACCOD, которую нижеподписавшийся его курфюрстшеская милость Альбрехт Бранденбургский вместе со своим секретарем Иоахимом Кирхнером собственными глазами лицезрели на теле покойного Рудольфа Реттенбека, прозванного Великим Рудольфо, царство ему небесное. Подписано: Альбрехт, записано Иоахимом Кирхнером.

Внизу стояла беглая запись:

HIC IACENT CODICES

— Здесь лежат книги! — пробормотала себе под нос Магдалена. — Тогда, значит, убитый — стеганограф Атанасиус Гельмонт, еще совсем недавно живший в «Преисподней» у булочницы.

Она протянула пергамент Свинопасу. Тот взял его, сложил и засунул на прежнее место в плаще трупа.

После нескольких минут напряженного молчания Магдалена произнесла:

— Наверное, я должна тебе кое-что пояснить. У Великого Рудольфо в области пахового сгиба была татуировка, изображавшая треххвостую змею, а под ней ряд букв: HICIACCOD. Смысл татуировки Рудольфо тщательно скрывал. Рано или поздно он наверняка бы раскрыл мне эту тайну, но смерть опередила его. Теперь для меня большая загадка, каким образом о татуировке узнал Альбрехт Бранденбургский.

— Я был бы крайне удивлен, если бы утонченный господин

архиепископ не был замешан в этом грязном деле! — заметил Свинопас. — Жалко только, что сведения, почерпнутые из этого письма, нам не слишком помогают продвинуться в поисках.

— Но кто скрывается за убийствами? Сначала Ксеранта, с которой Атанасиус Гельмонт состоял в связи. Теперь он сам... — Магдалена села на стул на хорах. Она как завороженная, не отрываясь, смотрела на фонарь, стоявший на полу возле мертвого стеганографа и отбрасывавший матовый отблеск на почти невзрачный, безыскусный серый саркофаг. По сравнению с другими гробницами в соборе эта смотрелась настолько скромно, что ее почти не замечали или обходили вниманием. Боковые рельефы были малохудожественны и сильно отличались от императорской усыпальницы, выполненной Рименшнайдером.

Взгляд Магдалены остановился на одном из рельефов. Он был, как и остальные изображения, загадочен: обнаженный юноша, а за ним — Магдалена не поверила своим глазам — трехвостая змея или же три реки, соединявшиеся в одну.

— Кто здесь погребен? — взволнованно спросила Магдалена.

— Это гробница Бамбергского епископа Суитгера Морслебен-Гомбурга, вошедшего в историю как Папа Климент II...

— Скажи это еще раз! — перебила его Магдалена.

— В году 1046 от Рождества Христова Суитгер был избран Папой и получил имя Климент.

У Магдалены комок застрял в горле, словно ей было трудно переварить услышанное.

— ***Климент,*** говоришь... — Она не сводила глаз с саркофага. — ***Климент*** было последним словом, слетевшим с уст умирающего Рудольфо на соборной площади Майнца.

Свинопас переводил взгляд поочередно с Магдалены на невзрачный саркофаг и обратно.

— ***Климент***! Ты уверена?

Магдалена раздраженно сморщила лоб и промолчала.

— Ведь это бы означало, что «Книги Премудрости»...

— ...могли быть спрятаны здесь, в саркофаге Папы Климента! — Магдалена закрыла лицо руками.

С фонарем в руках она обошла невзрачную гробницу и осветила странные рельефы, два с правой стороны, три с левой и по одному с торцов.

Целые поколения толкователей символов ломали себе голову над этими изображениями, развивая самые разные теории. Что означал мужчина, сражающийся со львом? Или полуобнаженный воин, борющийся с драконом? Мужчина или женщина держит в руках весы? И кто смешивает содержимое двух кувшинов?

Перед сценой, представленной в изножье, Магдалена надолго

застыла: на рельефе был изображен смеющийся во весь рот мужчина в усеченной тиаре, который лежал на ложе. Сзади к нему приближался ангел со свернутым в трубочку свитком. Тиара, безусловно, указывала на Папу Климента. Ученые-умники неоднократно толковали сцену, получившую название «Климент на смертном одре». Это никак не вязалось с позой Климента, уютно опершегося на правый локоть. Уж не говоря о его смеющемся лице, которое меньше всего напоминало маску умирающего.

Венделин подошел к ней и долго разглядывал изображение Папы.

— Думаю, у нас с тобой одни и те же мысли, — тихонько проговорил он.

— Ты имеешь в виду... куда показывает Климент своим левым перстом? Сдается мне, что он хочет подсказать нам, что в этом месте в его саркофаге что-то спрятано, о чем известно лишь посвященным. Случайный посетитель едва ли догадается, что это значит.

— Тогда это значит, — задумчиво произнес Свинопас, — что не Тритемий принес сюда «Книги Премудрости», а они хранятся здесь уже 500 лет. И, стало быть, епископ Суитгер, ставший потом Папой Климентом, был одним из Девяти Незримых! Кстати, насколько мне известно, Климент пробыл Папой всего лишь десять месяцев. Он умер без каких-либо признаков болезни во время поездки в Рим. Но свой саркофаг с загадочными изображениями он, по-видимому, заказал заранее. И преемника, вероятно, успел избрать.

— ***Hic iacent codices,*** — промурлыкала Магдалена себе под нос, витая в своих мыслях. Ее интонации выдавали чрезвычайную растроганность. Неожиданно ее будто осенило, и, пораженная, она вскрикнула, так что ее голос эхом разнесся по храму: — Мы должны открыть саркофаг! Еще сегодня ночью, завтра уже может быть поздно.

Свинопас, заклиная, поднял руки.

— Я прекрасно понимаю твое волнение. Но как ты себе это представляешь?

— В крипте сложены необходимые инструменты каменотесов, зубила и ломы из твердого железа. Крышка, кстати, не такая уж тяжелая, чтобы два сильных человека не могли поднять ее с помощью рычага.

— Под двумя сильными людьми ты подразумеваешь себя и меня?

— Других в нашем распоряжении нет, — сухо ответила Магдалена. — А теперь пошли!

В крипте каменотесы аккуратно сложили свой инструмент по разным видам работ. Магдалене и Венделину оставалось лишь выбрать то, что нужно. Для начала они позаимствовали два крепких зубила, тяжелый молоток, два лома в человеческий рост и козлы высотой по колено.

Возвращаясь назад, Магдалена описала большую дугу вокруг мертвого стеганографа.

— Ничего не могу с собой поделать, — пожаловалась она, — так и кажется, что Гельмонт следит за нами. Нельзя его куда-нибудь оттащить?

Ничего не ответив, Венделин подошел к мертвецу, подхватил его под мышки и засунул под стулья на хорах.

Магдалена тем временем уже вовсю трудилась над крышкой саркофага. Чтобы избежать громких ударов молотком, она зубилом раскрошила тонкий слой гипса между крышкой и самим саркофагом. Вне всякого сомнения, кто-то не так давно уже преследовал ту же цель.

— Может, — пробормотала она, пыхтя, — нам удастся вставить лом в щель и рычагом приподнять крышку. Попробуй сделать то же самое с другой стороны.

— В тебе погиб каменотес, — одобрительно хмыкнул Свинопас. — Правда, ты была бы первой особой женского пола в объединении мастеров-каменщиков и высокие господа сочли бы твою работу богохульством.

Магдалена, не слишком вникая в смысл слов Свинопаса, напомнила, что надо поторапливаться.

— Еще немного, и наступит утро. Нам надо управиться до рассвета!

Восток уже слегка окрасился в нежные предрассветные тона, проникающие через высокие окна собора, а Магдалена и Венделин не выскоблили и половины гипсового слоя, удерживавшего крышку саркофага.

— Давай попробуем приподнять плиту ломом, — предложил Свинопас, не отрываясь от работы. — Гипс — хрупкий материал, может быть, нам повезет.

На стороне изножья, чуть выше рельефа с Папой Климентом, Магдалена пробила щель в гипсе, как раз достаточную, чтобы туда можно было просунуть руку или вставить лом.

Свинопас поставил рядом деревянные козлы, которые должны были служить опорой для лома, затем забил инструмент в щель и навалился всем своим телом на конец металлического стержня.

Либо надгробная плита была чересчур тяжелой, либо оставшийся гипсовый слой продолжал удерживать ее на саркофаге.

Магдалена и Венделин переглянулись. От напряженной работы лица обоих были покрыты потом. Никто не промолвил ни слова. Магдалена, кивнув, дала сигнал сделать еще одну попытку, и сама тоже навалилась на лом.

В следующее мгновение раздался грохот, сопровождаемый скрипом и скрежетом, и крышка саркофага, словно под-ятая изнутри чьей-то сильной рукой, приподнялась с одной стороны примерно на локоть.

Не растерявшись, Магдалена протиснула в образовавшийся люк ручку молотка. Потом Свинопас вытащил лом.

Магдалена посветила фонарем внутрь саркофага. Под тонким покрывалом, напоминавшим паутину, сплетенную тысячей пауков, она разглядела очертания человека. Он лежал на спине со сложенными на груди руками, без украшений, производя довольно жалкое впечатление. Разве так хоронят пап?

— Что ты там видишь? — нетерпеливо спросил Венделин.

— Ничего, — ответила Магдалена, — кроме папского трупа. На «Книги Премудрости» никакого намека. Она выпрямилась и передала фонарь Свинопасу.

Теперь в саркофаге исчезла вся верхняя часть туловища Свинопаса. Через несколько минут он вынырнул оттуда, держа в руке запыленную пачку волнообразных листов пергамента, скрепленных с одной стороны. Вслед за первой последовала вторая, потом третья... В итоге появились девять книг разной степени сохранности — девять «Книг Премудрости».

Магдалена благоговейно выложила их друг возле друга. Находясь в глубоком шоке и полной растерянности, она была не в силах произнести ни слова. Неожиданно она словно услышала внутренний голос: «Что ты здесь делаешь? “Книги Премудрости” не принесут тебе счастья».

Родной голос Свинопаса вывел ее из транса:

— Снаружи уже светло. Нам надо смываться!

— Да, — тихо ответила Магдалена.

Чтобы не осталось следов проникновения в гробницу, они закрыли саркофаг, прямо руками смели нападавший мусор и ссыпали его в чепец Магдалены. Потом оттащили куски гипса обратно в крипту, смешали мусор с кучей неотесанного камня и положили на прежнее место позаимствованные инструменты. Таким образом они надеялись, что их вторжение будет обнаружено не сразу, а через несколько дней, когда их уже и след простынет.

Вернувшись к западным хорам, Магдалена подняла с пола книги, отряхнула их от пыли и полистала пожелтевшие страницы. Непросто будет прочесть написанные на разных языках тексты.

Лишь немногие были на немецком, да и те на архаичном диалекте. Большинство писавших предпочитали латынь, итальянский, английский и французский. Попадались и целые страницы на церковном греческом, языке евангелий и арабском, буквы которого были столь же чужды ей, как открытый новый континент Америка.

Некоторые заголовки, за которые зацепился глаз при беглом перелистывании, привели Магдалену в крайнее возбуждение. Но теперь ее мучили угрызения совести: имела ли она право листать эти книги? Книги, содержание которых было способно изменить мир?

С удивлением, порой с испугом она прочла названия некоторых глав:

Человек учится летать, как ангелы небесные Где были найдены останки Господа нашего Иисуса Христа Истинная причина крестовых походов Животные и растения, которые светятся в темноте Как можно нарастить утраченные конечности Чудеса Ветхого Завета — вовсе не чудеса, а имевшие место события, причина которых забыта

Нам не нужно пропитание, мы питаемся из воздуха Как рассчитать день и час смерти каждого человека Где сокрыты сокровища тамплиеров Горящая вода Гефеста Как делать белое золото

Как предотвратить размножение человека, не отказываясь от вожделения

О других обитателях Вселенной

Как на века сохранить звуки, музыку и речь

Тайна строительства пирамид

Корабли, плавающие не по воде, а под водой

Где же был рецепт эликсира?

Магдалена витала в далеких сферах, в мире магии и колдовства, в мире чудес, когда Свинопас неожиданно коснулся ее плеча.

— Я как раз заглянула в другой мир, — благоговейно произнесла она, протягивая Венделину восьмую книгу, которую держала в руках.

— В лучший мир? — поинтересовался Венделин. Магдалена пожала плечами.

Во время своих вчерашних исследований они обнаружили у восточных хоров обитую железом дверь, первоначальное предназначение которой было, вероятно, забыто. Проход в каменной стене был таким узким, что едва ли туда смог бы протиснуться хоть один из толстяков-каноников, и как раз достаточно широким, чтобы сквозь него могли пройти боком

Магдалена и Венделин. К тому же дверь не запиралась на замок, а лишь закрывалась на задвижку изнутри.

Таким способом они выбрались наружу вместе с книгами, когда соборные колокола уже звонили к заутрене.

Подходя к дому, они увидели бдительно маячившую в окне булочницу. Магдалена опасалась, что хозяйка начнет выспрашивать, где они провели ночь и что притащили с собой. Но вопреки своим опасениям они благополучно добрались до своей комнатки под крышей.

Только куда же девать книги?

Прошло совсем мало времени со дня их приезда, и они никак не могли предположить, что уже на второй день найдут искомое, а потому не позаботились о надежном тайнике. Магдалена и Венделин едва не поссорились, обсуждая, как поступить дальше.

Магдалена предложила спрятать книги в соломенные тюфяки, которыми были покрыты их кровати. За это Венделин обозвал ее простофилей. Впрочем, не дожидаясь, когда разгневанная подруга набросится на него и выцарапает глаза, он извинился за свои необдуманные слова.

— Я слишком волнуюсь, чтобы здраво соображать, — добавил он.

Магдалена уселась на единственный стул, а Свинопас, сцепив руки за спиной, мерил шагами комнатку — семь шагов туда, семь шагов сюда. Он размышлял.

— Послушай, ты не можешь без этого? — раздраженно прошипела Магдалена, устав слушать, как одна и та же доска всякий раз истошно скрипела, когда Свинопас наступал на нее.

Свинопас остановился и внимательно посмотрел на Магдалену, словно она только что открыла ему глаза. Он вынул из своего дорожного мешка нож и несколькими ловкими движениями вытащил доску из пола. Под ней оказалось забитое пылью и мышиным пометом полое пространство, в котором легко могло поместиться вдвое больше книг.

— Пока мы не решили, как нам действовать дальше, лучшего тайника для книг не придумаешь, — объявил он.

Магдалена стала протягивать Венделину одну книгу за другой. Когда все были спрятаны, он водрузил доску на старое место, не оставив никаких следов.

Магдалена вздохнула с облегчением.

— Ты довольна? — поинтересовался Свинопас.

Магдалена ушла от ответа и сказала:

— Боюсь, книги доставят нам еще не одну бессонную ночь. Слишком многие заинтересованы в них: архиепископ Альбрехт Бранденбургский и папский легат Джустиниани. Оба надеются

разбогатеть с их помощью. Кроме них, таинственный доктор Фауст. И кто знает, сколько их еще? Нельзя сбрасывать со счетов и Девятерых Незримых! Я не верю, что все восемь оставшихся мужчин и впредь захотят держать в секрете содержание книг. Мне кажется, каждый в отдельности был бы не прочь извлечь личную выгоду из рукописей.

— Ты не слишком высокого мнения о лучших умах нашего времени, — заметил Свинопас.

— Тебя это удивляет? — Магдалена все больше горячилась. — Папы, которые распутничают направо и налево, как извозчики; император, насквозь продажный; ученые мужи, выставляющие свои знания на продажу на рынке, подобно странствующим циркачам, и художники, набивающиеся в друзья за деньги и зарывающие свой талант в землю, — почему я должна уважать этих людей?

Венделин молчал. Он не мог не согласиться с ней. Что за время! И это называется прорыв в новое столетие, о котором столько говорили? Тысяча золотых дукатов! Если бы они продали книги, то обеспечили бы себя на всю жизнь. Но тогда они нисколько не были бы лучше других.

Магдалена со стороны наблюдала за Свинопасом. Перехватив ее взгляд, он почувствовал себя пойманным с поличным и пристыженно уставился в пол.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — сказала Магдалена.

— Откуда ты можешь знать?

— Нетрудно догадаться, особенно теперь, когда мы нашли книги.

Свинопас разозлился:

— А тебя действительно ничего не интересует, кроме этого дурацкого эликсира, с которым ты можешь порхать, как птичка?

— Ничего! С помощью эликсира я могла бы проучить инквизиторов-доминиканцев. Они хотят Божьего суда, и эликсир поможет мне выдержать его. Я натяну трос между двумя соборными башнями и пройду от одной до другой — в том случае, конечно, если найду рецепт эликсира.

— И в том случае, если епископ Вейганд Редвиц разрешит тебе этот балаган.

— То, что ты изволишь называть балаганом, — парировала Магдалена, — святая инквизиция называет Божьим судом. Епископ Вейганд не осмелится противоречить великому инквизитору.

— Но ведь это надувательство! — рассердился Свинопас. — Без эликсира...

— Разумеется, надувательство, — все больше распалялась

Магдалена. — Если бы ты был поставлен перед выбором взойти на костер или решиться на небольшой обман, что бы ты предпочел? Ну конечно, благородный Венделин Свинопас, не раздумывая, выбрал бы костер, я знаю!

Венделин умолк и продолжал упорно молчать, чтобы наказать Магдалену.

На лестнице заскрипели старые ступени. Снизу поднимались несколько человек. Вскоре дверь их каморки распахнулась, и в тесное помещение ввалилась целая толпа: чиновник в черной форме, а с ним двое солдат, булочница и смотритель церкви Святой Девы Марии.

— Назовите свое имя! — потребовал чиновник у Магдалены.

— Магдалена Вельзевул, — ответила она.

Потом он повернулся к Венделину:

— Ваше имя?

— Венделин Свинопас.

Чиновник обратился к булочнице:

— Эти?

— Точно так, ваша честь! Они квартируют у меня два дня.

Потом он велел смотрителю:

— Расскажи, что ты видел!

— Что я видел? Ну, в общем, эта парочка попалась мне на глаза, когда я нынче утром выглянул из окна своей квартиры на башне вниз. Тут-то я и увидел, как они вышли из собора и быстрым шагом отправились в «Преисподнюю».

— Когда это было?

— На рассвете, как раз к заутрене звонили.

— А ты, булочница? Какие ты можешь дать показания?

Вдова скрестила руки на своей необъятной груди, смерила жильцов презрительным взглядом и с достоинством произнесла:

— Могу только сказать, что ночью их в комнате не было.

Чиновник язвительно ухмыльнулся:

— Сейчас вы нам, конечно, объясните, где вы провели эту ночь.

Магдалене вспомнился грубый допрос инквизиторов, когда любой ее ответ искажался и использовался против нее. Поэтому она предпочла молчать.

Свинопас также упорно хранил молчание.

Чиновник нетерпеливо шаркал ногой, словно упряжная лошадь, ждущая понукания, чтобы ринуться вперед.

В конце концов Свинопас вежливо осведомился:

— В каком преступлении мы, собственно говоря, обвиняемся?

Чиновник встал перед Магдаленой и Венделином в стойку и

торжественным голосом произнес:

— Магдалена Вельзевул и Венделин Свинопас, вы обвиняетесь в совместном убийстве ученого-стеганографа Атанасиуса Гельмонта и его возлюбленной Ксеранты. Приговор будет вынесен в пятнадцатый день первого осеннего месяца и объявлен согласно своду уголовных и уголовно-процессуальных законов anno 1516, предусматривающих за убийство казнь через повешение.

— Наденьте на них наручники и бросьте в темницу! — отдал он приказ солдатам.

Глава 23

В двух шагах от собора находилась резиденция князя-епископа Вейганда Редвица, низкорослого коренастого мужчины с широким крестьянским лицом и ровно по горизонтали подрезанной бородой. Преисполненный состраданием к своей особе, он называл себя самым одиноким епископом в мире, что в определенном смысле было не так уж далеко от истины. Его земля была окружена приверженцами лютеранского учения — в ясную погоду, когда была хорошая видимость во всех направлениях, можно было разглядеть протестантские деревни, — но бамбергцы отвернулись от своего епископа, после того как по его приказу тринадцать из них были публично казнены на рыночной площади за то, что они якобы были предводителями крестьянского восстания.

Теперь мессы в соборе проходили в пустом зале, и казна его преосвященства тоже была пуста, потому что горожане отказывались платить требуемую десятину, а многим это было действительно не под силу. Хватаясь в своем бедственном положении за любую возможность, Вейганд послал диакона из соборного капитула — каноники сами терпеть не могли епископа — в гостиницу «У бирюка» на том берегу Регниц, где проживал один астролог и составитель гороскопов.

Людская молва приписывала ему умение предсказывать будущее любого человека по расположению звезд. Помимо карт созвездий и астрономических таблиц он мог предъявить солидные рекомендации. Поговаривали, будто курфюрст Альбрехт Бранденбургский и даже император и Папа пользовались его услугами для предсказания своего будущего, и, похоже, он ошибался довольно редко.

Вейганд Редвиц признался рослому, по последней моде одетому составителю гороскопов, именовавшему себя доктором Иоганном Фаустом, что враждует с Богом и с миром, причем именно в этой последовательности, и что ему было бы приятно узнать, какую судьбу уготовил для него Господь.

Прорицатель потер руки, однако отнюдь не от радости, а от смущения, поскольку относился к той категории людей, которые обожали деньги, но весьма неохотно говорили о сумме. Для таких случаев он носил с собой черную дощечку и грифель, которым быстро нацарапал «Х», а затем показал Вейганду.

— Десять гульденов? — удивился князь-епископ. — За эти деньги я куплю себе чистокровного рысака!

— Что такое лошадь по сравнению с вашей судьбой?

Пока епископ Вейганд разглядывал деревянный потолок своего приемного покоя в надежде найти там подсказку и делая вид, что обдумывает предложение, доктор добавил:

— Деньги вперед, если будет позволено заметить! Десять рейнских гульденов наличными. — Он протянул епископу руку ладонью вверх.

Вейганд взял со стола, стоявшего у среднего окна, колокольчик и позвонил; вскоре появился диакон, которого он использовал как секретаря, хотя у того были сложности с писанием, но зато работал он бесплатно.

— Сходите к соборному служке, — приказал Вейганд, — пусть опорожнит церковные кружки. Мне срочно нужны десять гульденов. Если корыстолюбие и жадность бамбергских горожан помешали собрать такую сумму, сходите к служке кирхи Святой Девы Марии и попросите недостающее. Скажите, видит Бог, князь-епископ еще на этой неделе отдаст долг.

Диакон, поклонившись, удалился.

Фауст протянул епископу свою дощечку, предварительно стерев цифру носовым платком.

— Напишите мне день, месяц и год вашего рождения.

Вейганд написал: XII.V. MCCCCLXXVI.

Астролог прочитал:

— 12.05.1476. Плохой год, с вашего позволения. Год, в котором смерть жестоким образом унесла великих мужей и не появилось на свет ни одного значительного человека.

Князь-епископ чуть не поперхнулся.

— Я плачу вам деньги не ради того, чтобы вы в лицо говорили мне дерзости! — разгневанно воскликнул он.

Фауст приблизился к Вейганду и с достоинством произнес:

— Благородный господин князь-епископ, если вам не по вкусу правда, я могу умаслить вас и рассказать, что вы станете Папой Римским и ваше имя будет стоять в одном ряду с Юлием II. Но тем самым я бы обманул вас и не принес вам никакой пользы. Я бы забрал десять гульденов и радовался жизни, а вы бы с этого ничего не имели.

Пока Фауст и епископ живо дискутировали на тему рождения и смерти знаменитых людей, вернулся секретарь-диакон с десятью гульденами и с новостью, что убийцы ученого Гельмонта и его возлюбленной схвачены и сидят за решеткой.

Новость привела в сильное волнение прорицателя; он с тревогой поинтересовался, кто совершил преступление и каковы были низкие мотивы. Однако диакон ничего не смог ему ответить: подробностей он и сам не знал.

— Видимо, звезды ничего не открыли вам на этот счет, — съехидничал Вейганд Редвиц.

— Я не спрашивал их об этом, — быстро нашелся доктор Фауст, явно выведенный из себя.

Астролог забрал десять гульденов и пообещал составить правдивый гороскоп в течение трех дней. Он сделал ударение на слове ***«правдивый».*** И тут же торопливо удалился, оставив в недоумении недоверчивого князя-епископа.

В полночь того же дня все население маленького города пришло в еще большее возбуждение, чем оно уже было приведено двойным убийством ученого-стеганографа и его любовницы. Смотритель церкви Святой Девы Марии трубил в свой рог, выдувая сигнал «пожар»: три коротких высоких звука и один длинный, низкий. После троекратного повторения сигнала он поднес ко рту воронку и прокричал на все четыре стороны:

— Пожа-а-ар в «Преисподней», пожа-а-ар в «Преисподней»!

Крики смотрителя могли бы вызвать улыбку: еще бы —

пожар в преисподней, если бы не серьезность положения, ведь из дома булочницы вырывались языки пламени. Подручные, оснащенные кожаными ведрами, образовали цепочку до реки Регниц, а до этого они успели в последний момент спасти булочницу и вытащить ее из горящего дома. Теперь она, ошарашенная, стояла на коленях перед своим полыхающим жилищем, закрыв лицо руками, и громко рыдала:

— Господи всемогущий, за что?

Балки старого фахверкового дома были хорошей пищей для огня, и все попытки потушить огонь оказались бесполезными. Пожар бушевал целых два часа. Была велика опасность, что огонь перекинется на весь ряд домов в «Преисподней» и может вызвать пожар небывалого размаха во всем городе. Но тут пылающий остов здания рухнул, подняв огромное облако пыли и пепла. Каким-то чудесным образом это облако задушило огонь.

Со всех концов города стекались ротозеи, чтобы полюбоваться на сгоревший дом и горе владелицы. Вскоре было невозможно протолкнуться, и комментарии праздных зевак простирались от сочувствия до злорадства, поскольку болтливую вдовушку горожане недолюбливали.

Это был звездный час смотрителя башни: окруженный зеваками, он со знанием дела рассказывал, что до того, как вспыхнул пожар, видел на заднем дворе дома булочницы, как кто-то зажигал факел. Среди напряженно внимающих ему слушателей было одно незнакомое лицо, никому в общей суматохе не бросившееся в глаза, кроме смотрителя.

По требованию толпы смотрителю приходилось снова и снова

повторять рассказ о своих наблюдениях. При этом он не сводил глаз с чужака. Отвечая на сыпавшиеся на него вопросы, смотритель отвлекся. Когда он повернулся снова, незнакомца уже не было.

Поздний гость прибыл в крытой коляске новейшей конструкции, запряженной четверкой великолепных жеребцов, и имел на редкость знатный вид. Во всяком случае, хозяин гостиницы «У бирюка» раболепно приветствовал его и величал «вашей честью», как императорского посланника.

Для себя незнакомец заказал лучшую комнату, для кучера и лакея — приличное пристанище в надворном строении. В книгу для гостей хозяин должен был записать: Маттеус Шварц, посланник, сборщик долгов и главный бухгалтер банкирского дома Фуггеров в Аугсбурге, вместе с кучером и лакеем. Хозяину было также приказано позаботиться о лошадях.

Заплывший жиром хозяин поклонился так низко, что его безбрежное брюхо почти коснулось мостовой. При этом он не уставал повторять: «О, какая честь, ваша честь!»

Во время скромной трапезы толстый трактирщик собственноручно подавал гостю, жалуясь на безнравственность своего города, когда-то считавшегося образцом благочестия и богобоязненности во всей империи. А сегодня боязно выходить на улицу. Поджог и два убийства за два дня, при этом одно в соборе! Что за времена настали!

Маттеуса Шварца жалобы владельца гостиницы не слишком тронули. Он еще не пришел в себя от долгой поездки от самого Вюрцбурга, где крестьянские восстания оставили отчетливые следы, прежде всего на дорогах.

Как все трактирщики, хозяин «Бирюка» отличался крайним любопытством и бестактностью, хотя и утверждал обратное, говоря о себе. Поэтому между двумя чашами майнского вина он не преминул поинтересоваться, не собирается ли Шварц получить долги с князя-епископа Вейганда. А то воробьи чирикают на крышах, что его преосвященство уже опустошает церковные кружки и начал разбазаривать церковные сокровища.

У фуггеровского посланника вздулась на лбу голубая жилка, предвещавшая приступ гнева, и он поинтересовался у дородного трактирщика, как высока сумма его собственных задолженностей и когда он намеревается ее погасить.

Хозяин «Бирюка» сразу все понял и извинился за свою болтливость.

В зале трактира был занят лишь один из длинных столов, за которым с обеих сторон сидели восемь гуляк. Из вновь прибывших этим вечером были всего два путешественника. Сами

бамбергцы, теперь вынужденные считать каждую монету, сидели по домам. Двое мужчин в темных плащах с широкими воротниками шептались друг с другом. По виду это могли быть ученые или медики, подыскивающие хорошо оплачиваемую работу.

Фуггеровский посланник удивился, однако не стал расспрашивать, кто эти двое, и тем более вступать с ними

в беседу. Маттеус Шварц слушал вполуха болтовню, которой счел своим долгом развлекать его хозяин. Мысли его были далеко отсюда. Наконец он выпил залпом чашу, чтобы отделаться от назойливого трактирщика, и поднялся в свою комнату.

Шварц так устал с дороги, что сразу разделся и лег на кровать. Пять дней назад после пережитого бурного периода он выехал из Аугсбурга. После кончины Якоба Фуггера его наследство досталось племянникам Раймунду и Антону, которым торговля специями с Индией, медные рудники в Испании и Венгрии, равно как и европейская финансовая система были столь же безразличны, как сказки «Тысяча и одна ночь». Тем большая ответственность лежала на Шварце — бдительно следить за всей империей.

Но гораздо больше, чем деньги и товары, фуггеровского посланника занимала одна мысль, не дававшая ему покоя. Со времени его последней поездки в Майнц к курфюрсту Альбрехту Бранденбургскому из головы у него не шла Магдалена, жена канатоходца.

Внезапная смерть Якоба Фуггера заставила его тогда поспешно покинуть Майнц и вернуться в Аугсбург. Но как только Фуггера похоронили, он тут же снова примчался в Майнц. В монастыре Эбербах он наткнулся на пьяного кучера Рихвина, который рассказал ему, что доставил Магдалену и ее любовника в Вюрцбург. Женщина остановилась в гостинице «У лебедя», а ее спутник поселился в монастыре Святого Якоба. Шварц поехал туда, но никто не мог ему сказать, куда направилась Магдалена. И лишь слепой привратник монастыря Святого Якоба, напустивший на себя таинственность, намекнул ему, что на месте Шварца *он* искал бы ее в Бамберге. И вот наконец Маттеус прибыл в город, стоящий на реке Регниц.

Погруженный в свои мысли, Маттеус Шварц уже начал засыпать, когда из соседней комнаты неожиданно донесся чей-то оживленный разговор. Молодой человек встрепенулся.

— Вы не должны были убивать обоих! Об убийстве речи не было.

— Они слишком много знали. Поверьте мне, это был единственный выход! Иначе они опередили бы нас.

— Да ладно!

Молчание.

— К тому же они были неверующие. Она и вовсе слыла колдуньей. Рано или поздно все равно очутилась бы на костре.

— А пожар в «Преисподней»?

— Без этого нельзя было обойтись.

Молчание.

— Иоганн, вы наводите на меня ужас!

— Ну не будьте же святее Папы Римского! Вы непременно, во что бы то ни стало хотели завладеть книгами.

— Я говорил, что готов заплатить за них любую сумму, пусть даже тысячу гульденов. Но я не говорил, что вы должны душить или топить людей.

Молчание.

— Где книги?

— В соборе. Где именно, я не знаю. Пока не знаю. Потерпите еще пару дней. Или, может, пару недель.

— Пару недель? Вы с ума сошли. Даю вам пять дней...

Последующее течение разговора утонуло в грохоте опрокидываемых стульев, тяжелых шагов и пыхтения, словно там шел поединок.

Шварц безуспешно пытался что-нибудь понять из услышанного. Кто были эти мужчины? Он поднялся, накинул камзол и спустился вниз, где возле входа в стенной нише лежала открытая гостевая книга.

Последняя запись была о нем. Над нею были внесены еще двое: Эразм Роттердамский, доктор теологии и писатель, проездом; и доктор Иоганн Фауст, составитель гороскопов, чернокнижник и бывший учитель в Кройцнахе, проездом.

Фуггеровский посланник поспешно вернулся в свою комнату. Уснуть этой ночью он так и не смог.

Арест заезжего библиотекаря и его любовницы крайне взволновал жителей Бамберга по обе стороны реки Регниц. Толпы людей собрались перед домом местного старосты, облеченного князем-епископом Вейгандом полномочиями вершить правосудие. Жители скандировали и требовали незамедлительно осудить и казнить обоих убийц.

Как и было запланировано, процесс начался на пятнадцатый день первого осеннего месяца, что внесло приятное разнообразие в монотонную жизнь маленького города. Судебный зал был набит до отказа. Люди висли даже в оконных проемах и, предвкушая сенсацию, ждали начала слушания дела. В исходе никто не сомневался, суд представлялся чистой формальностью.

Перед домом, где заседал суд, плотники уже строили

виселицу. Вопреки обычаю казнить преступников у городских стен князь-епископ приказал покарать двойное убийство и поджог, который по закону наказывался не менее строго, на рыночной площади, на глазах у всех.

Из монастыря на горе Михельсберг донеслись восемь ударов колокола, когда староста вошел в судебный зал через дверь с фасадной стороны. В тот же момент четверо солдат приволокли через боковую дверь Магдалену и Венделина, скованных наручниками. Их лица были мертвенно-бледными, взгляды потухшими. Складывалось впечатление, что они смирились со своей судьбой.

Зеваки вытягивали шеи и, становясь на цыпочки, пытались увидеть преступников. Хотя не раздалось ни одного выкрика с призывом к возмездию, не слышно было и насмешливых куплетов, часто звучавших в подобных ситуациях; в зале царило беспокойство, то и дело слышались шепот, цыканье и шипение.

— Назови свое имя, происхождение и род занятий, — открыл заседание староста.

— Венделин Свинопас, — ответил Венделин, вызвав злобный смех в зале. — В последнее время служил библиотекарем в монастырях Эбербах и Святого Якоба в Вюрцбурге.

— А ты? — обратился староста к Магдалене.

— Магдалена Вельзевул. — Она обернулась в ожидании таких же злобных насмешек. Однако, к ее удивлению, их не последовало. Зеваки молча пялились на нее. Тогда она продолжила: — За исключением нескольких последних недель, была циркачкой в странствующей труппе Великого Рудольфо, без постоянного места жительства.

В зале снова стало неспокойно. Циркачка из труппы Великого Рудольфо? Это имя было хорошо известно в Бамберге, многие им восхищались. В квартале Занд, по ту сторону Регниц, его отец когда-то владел мастерской по ремонту обуви. Сын после смерти родителей исчез из города и примкнул к странствующей цирковой труппе. Никто и не подозревал, что однажды он станет знаменитым на весь мир.

Староста ударил деревянным молотком по столу и призвал к спокойствию. Потом торжественно провозгласил:

— Вы оба обвиняетесь в убийстве ученого-стеганографа Атанасиуса Гельмонта и его возлюбленной Ксеранты. Вы признаете себя виновными?

— Нет! — гневно воскликнула Магдалена. — Никогда в жизни я бы не убила человека. Я бы не смогла.

— Но ты помогала своему любовнику и одобрила убийство человека.

— Свинопас — не любовник мне, — внесла ясность Магдалена, — а верный спутник. В такие времена, как нынешние, женщина не может одна отправляться в путешествие.

— А что привело вас обоих в наш город? — осведомился староста с наигранным дружелюбием.

— Монастыри, — ответила Магдалена. — Свинопас и я надеялись найти в одном из ваших многочисленных монастырей работу библиотекаря. У цистерцианцев в Эбербахе наша работа была оценена по достоинству.

— Женщина-библиотекарь! — язвительно воскликнул староста. — Вы когда-нибудь слышали такое?

У Магдалены комок подступил к горлу. У нее был наготове подходящий ответ, но она предпочла промолчать.

— Ну а ты? — обратился староста к Свинопасу. — Ты признаешь себя виновным?

— Нет, досточтимый господин, — робко произнес Свинопас. — Я тоже не способен убить человека, уж поверьте мне. К тому же у меня не было никаких причин убивать ученого. Он ничего не сделал мне.

— Но если бы он что-то сделал, ты был бы в состоянии...

— Нет, и тогда не смог бы, — прервал Свинопас старосту.

Тот вызвал булочницу в качестве свидетельницы.

— Булочница, — начал он, — это те самые личности, которые квартировали у тебя в доме в «Преисподней»?

Вдова вдруг разразилась слезами и, всхлипнув, сказала:

— Сначала у меня безвременно умирает муж, потом поджигают мой дом. Ну что я такого сделала, что Господь так жестоко карает меня?

— Ваш дом... — пролепетала Магдалена, глядя на булочницу.

— Сгорел дотла. Если бы вы не находились в тюрьме, я бы заподозрила вас. Кто убивает, тот и дома поджигает!

У Магдалены потемнело в глазах. Еще немного, и она потеряла бы сознание, ей пришлось схватиться за перегородку. «Все напрасно, — стучало у нее в голове. — Этого не может быть. Неужели все в этом мире сговорились против меня?» И она беспомощно покачала головой.

— Ответь наконец на мой вопрос! — набросился староста на булочницу. — Это те личности?

— Да, это они.

— И ты можешь подтвердить, что той ночью, когда в соборе было совершено убийство, их не было в комнате?

— Я могу это подтвердить. Я своими глазами видела, как они на рассвете возвращались, спускаясь с соборной горы.

Староста удовлетворенно кивнул и вызвал смотрителя

Кляйнкнехта в качестве свидетеля.

— О тебе говорят, что все происходящее в городе не укрывается от твоих глаз, — попытался польстить свидетелю староста.

Смотритель радостно заулыбался:

— Я видел, как они выходили из собора, и еще подивился, что они могли потерять там в такой ранний час, когда еще даже двери закрыты.

С торжествующим видом староста повернулся к обвиняемым:

— Ну, что вы на это скажете?

Магдалена помотала головой и посмотрела на Венделина. Оба хранили молчание.

— И еще вот что, — заметил Кляйнкнехт. — Когда из плотины вытащили утопленницу, эта парочка вдруг появилась там, они шушукались друг с другом и очень нервничали, а когда я их потом спросил, знали ли они покойницу, они стали рьяно отрицать.

Тут опять подала голос булочница:

— А еще эта девица вдруг назвала в разговоре имя Ксеранта. Я удивилась и спрашиваю, откуда же ей известно имя утопленницы, а она и говорит, что я вроде как сама его называла. Только я что-то такого не припомню.

Из судебного зала кто-то вдруг выкрикнул слабым голосом:

— Убийцы! Повесить их обоих!

— Повесить! — подхватили другие голоса.

Магдалена почувствовала, как железная рука сдавила ей

горло. Задыхаясь, она начала хватать ртом воздух и закрыла глаза.

Неожиданно она услышала знакомый голос. Ей показалось, что она грезит.

— Мое имя Маттеус Шварц, посланник банкирского дома Фуггеров в Аугсбурге. Я хочу дать показания по делу, которое здесь рассматривается.

Мужчина благородной внешности протиснулся сквозь плотную толпу. Одетый по последней испанской моде, с наброшенной на плечи голубой накидкой, он любого кардинала мог заткнуть за пояс.

— Вы действительно наместник Фуггера? — растерянно спросил староста.

— Да, именно так. — Как всегда, Шварц демонстрировал удивительное хладнокровие.

— И что привело вас в наш город? Что вы имеете дополнить по этому судебному разбирательству?

— Что касается вашего первого вопроса, господин староста, я

вынужден воздержаться. Фуггеры всегда отличались сдержанностью. Что же касается второго вопроса, позвольте мне сообщить о том, чему я вчера явился свидетелем после своего прибытия в гостиницу «У бирюка».

— Тогда назовите свое имя, профессию и происхождение, лишь для того, чтобы соблюсти букву закона, и говорите.

Не удостоив Магдалену и Свинопаса даже взглядом, посланник Фуггеров встал рядом с обвиняемыми и произнес:

— Меня зовут Маттеус Шварц, в качестве главного бухгалтера я отвечаю за финансы Раймунда и Антона Фуггеров, проживаю в Аугсбурге, однако часто вынужден разъезжать, чтобы собирать долги и проценты с долгов для моих хозяев.

По рядам слушателей пронесся шумок — кто-то прыснул, кто-то толкнул соседа в бок, ведь каждый знал, к кому явился фуггеровский посланник: к князю-епископу Вейганду Редвицу.

— Итак, что вы имеете сказать по интересующему нас делу? — напомнил староста.

Шварц начал излагать:

— Отправившись вчера вечером на покой в свою комнату в гостинице «У бирюка», я стал невольным свидетелем выяснения отношений в комнате по соседству. Вершиной стычки были упреки, которые один мужчина делал другому, в том, что он убил двоих, и тот этого не отрицал. Он обозвал убитую женщину ведьмой, а мужчину неверующим. В конце концов убийца сознался и в том, что поджег «Преисподнюю», уж не знаю, что он имел в виду.

— Вы знаете имена злодеев?

Шварц кивнул.

— Один небезызвестен в кругу благочестивых ученых. Зовут его Эразм Роттердамский, доктор теологии и один из немногих теологов, не имеющих долгов перед Фуггерами. Другой, которого первый обвинял в убийствах, называет себя доктором Иоганном Фаустом, он чернокнижник и составитель гороскопов из Кройцнаха.

Шварц словно разворошил осиное гнездо, в зале тут же поднялся шум, сладить с которым были не в состоянии даже увещевания старосты. Поэтому большинство присутствующих даже пропустили момент, когда он приказал своим солдатам арестовать Иоганна Фауста и Эразма Роттердамского в гостинице «У бирюка» и немедленно доставить их в зал заседаний. На время рассмотрение дела было прервано.

Магдалена тщетно бросала взгляды, полные мольбы, в сторону Маттеуса Шварца, заклиная его повернуться к ней и перемолвиться хотя бы словом. Но тот упорно продолжал

смотреть перед собой.

«Почему он наказывает меня? — мысленно вопрошала Магдалена. — Ведь это именно ***он*** оставил меня в Эбербахе».

Едва заметно она приблизилась к посланнику и, не глядя на него, прошептала:

— Это правда?

Шварц ответил, не поворачиваясь в ее сторону:

— Дело слишком серьезное, чтобы распространять вымысел.

От Свинопаса не укрылось, что Магдалена и посланник переговариваются. Однако шум в зале не позволил ему разобрать ни слова. Свинопаса тоже терзали сомнения, что показания Шварца соответствовали действительности. Но разве он уже однажды не спас Магдалену, вырвав ее из когтей инквизиции?

Прошел почти час томительного ожидания, прежде чем вернулись солдаты из гостинцы «У бирюка». Однако вместо Эразма Роттердамского и доктора Фауста они привели с собой владельца гостиницы.

Оказавшись перед судебным старостой, тот начал причитать: о, если бы он знал, каким подлым людям предоставил крышу над головой, он давно бы прогнал их! А так подонки опередили его. Поспешно и незаметно они покинули гостиницу, даже все свои вещи побросали.

Пока толстяк держал ответ, солдаты выложили на судейский стол петлю из проволоки, растрепанные бумаги, бутылку с таинственным содержимым и зловонную одежду. Зрители изо всех сил тянули шеи.

Рыночные торговки, у которых процесс вызывал особый интерес и которые привыкли к дурным запахам, заткнули себе носы. А аптекарь из квартала Занд, худой, как щепка, человечек со стеклами для глаз на носу, пискнул:

— Осветительное масло из источника святого Квирина в монастыре Тегернзее! Я прекрасно помню! Какой-то незнакомец купил его у меня пару дней тому назад. Легко воспламеняется, очень, между прочим, дорогое и, в отличие от сальной свечи, воняет так, что хоть святых выноси.

— То есть вполне сгодится, чтобы поджечь дом? — уточнил староста.

— Лучше ничего не придумаешь, ваша честь! — Ответ аптекаря вызвал возмущение публики, раздались крики, тре-

бующие запретить торговлю таким дьявольским средством, иначе весь мир рано или поздно вспыхнет.

Староста раздраженно отмахнулся и углубился в бумаги, найденные солдатами в комнате доктора Фауста, которые были одна загадочнее другой.

На одном листе была записана формула: Satan Adama Tabat Amada Natas. На другом можно было прочесть: HICIACCOD.

— Странный, похоже, тип, этот доктор Фауст, — пробормотал себе под нос староста, но так, чтобы это услышал каждый в зале. — На все у него наготове волшебная формула. Наверное, наколдовал и испарился из города вместе со своим спутником.

Неразборчивые записи относились к Мильтенбергу, Майнцу и Вюрцбургу и, очевидно, содержали только географические приметы. Староста оторопел: на одном пергаменте Фауст записал:

Осведомленные:

Атанасиус Гельмонт +

Ксеранта +

Венделин Свинопас

Магдалена Вельзевул

Судья протянул Свинопасу пергамент:

— Не часто случается, что убийца составляет список своих жертв и после выполненного дела помечает крестом. Видимо, память его подводила.

Свинопас испугался и передал пергамент Магдалене.

— Боже мой, — прошептала она и покачала головой, словно стараясь стереть из памяти строчки.

— Если нужно доказательство вашей невиновности, то оно на этом пергаменте, — объявил староста. — Вы свободны!

Публика в зале разразилась криками радости, однако раздавалась и похабная брань тех, кто настроился увидеть

в этот пятнадцатый день первого осеннего месяца душераздирающее зрелище.

Магдалена слышала весь шум словно издалека. Она обернулась и, рыдая, бросилась на шею Маттеусу.

— Не надо плакать, — произнес Маттеус Шварц и ласково погладил ее по волосам, ставшим за время их разлуки более длинными и волнистыми.

— Я не плачу, — по-детски попыталась оправдаться Магдалена. При этом по ее щекам катились крупные слезы. — А если и плачу, то только от радости.

— Что ты свободна?

— И это тоже. Но главное то, что ты приехал.

Посланник Фуггеров вытер ей слезы изящным носовым платком.

— Ты задала мне нелегкую задачу. Найти тебя было совсем не просто. Иногда я сам себе казался охотником в зимнем лесу. Следов было сколько угодно, но когда я думал, что уже у цели, ты опять пропадала.

Венделин Свинопас деликатно держался в стороне. Магдалена подошла к нему и, не говоря ни слова, обняла. Это объятие вызывало в ней совсем другие чувства, чем те, что дарил ей Маттеус.

— Вы спасли нам жизнь, — слабо улыбнулся Свинопас посланнику.

Шварц махнул рукой и посмотрел на Магдалену.

— Это был перст судьбы. Я ведь понятия не имел, где вы находитесь. Когда я нанес визит епископу Вейганду, чтобы напомнить ему о его долгах, я спросил, не может ли он помочь мне в поисках близкого человека, и назвал твое имя. Епископ сразу стал серьезным и сообщил мне, что тебя обвиняют в убийстве и завтра, скорее всего, ты будешь приговорена к казни через повешение. Я ведь не знал, что случилось, и планировал простить князю-епископу его долги, если он посодействует побегу — твоему и твоего спутника. Я не сомневался, что Вей-ганд Редвиц пойдет на это, потому что он в отчаянном положении. Но потом все произошло с неожиданной быстротой.

Судебный зал тем временем опустел.

— Ты выглядишь на редкость спокойной, — заметил Маттеус, выглянув в окно, где на рыночной площади плотники начали разбирать виселицу. — А ведь тебе пришлось приготовиться к худшему. Как-никак вас обвиняли в убийстве, даже в двойном убийстве!

— Нет, — возразила Магдалена, — мне не было страшно. Я с самого начала верила в справедливость. Наверное, я очень наивна. А ты? — спросила она Венделина.

Венделин все еще был белым как мел.

— Если честно, я давно уже простился с жизнью, — признался он. — В последние дни я все время восхищался твоим мужеством, твоей верой в Бога — или же в саму себя. Лично я не верю в справедливость. Справедливость — это для сильных мира сего.

— Кстати, хотел бы спросить, — вмешался Маттеус, пытливо взглянув на Магдалену, — а что побуждало тебя паломничать то вверх по течению Майна, то вниз, словно в поисках вечного блаженства?

— Может, я нашла его, — пошутила Магдалена. — Оставим это. Придет время, и я расскажу тебе о своих истинных мотивах. Надеюсь, ты поймешь меня.

Таинственные намеки Магдалены заинтриговали Шварца, но он предпочел не развивать эту тему.

С горы Михельсберг зазвонили к «Ангелусу», благодарственной молитве «Ангел Господень». В пустом зале

судебных заседаний все еще резко пахло осветительным маслом.

— Мы все потеряли, — сказал Свинопас, когда они вышли на улицу.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Шварц.

— Дом, который поджег Фауст, принадлежал булочнице. А ведь мы у нее квартировали.

— Тогда, значит, поджог был направлен против вас!

— Думаю, в этом нет никакого сомнения.

Маттеус Шварц притянул к себе Магдалену. Она не противилась, однако не ответила на его ласку.

— Имуществу и деньгам можно найти замену, — шепнул он ей.

— Если бы только это... — начала она, но осеклась на полуслове.

Шварц счел целесообразным не задавать лишних вопросов. Он чувствовал, насколько близко к сердцу она принимает все события.

Вместе они направились в «Преисподнюю», прошли по мосту через реку, и в нос им ударил едкий запах. От дома булочницы осталась куча пепла, из которой торчали обугленные балки.

— А может, так оно и лучше, — прошептала Магдалена себе под нос. Венделин понял, что она имела в виду. Лишь Шварц терялся в догадках.

В гостинице «У бирюка» тучный хозяин принял их с подчеркнутой любезностью. Маттеус Шварц послал его к торговцу одеждой в квартал Занд, дав наказ заново экипировать женщину и мужчину среднего роста, причем сделать это еще сегодня.

Трактирщик поинтересовался, что делать с багажом улизнувших постояльцев. Едва ли можно было рассчитывать на возвращение Фауста и Эразма.

Шварц заметил, что с удовольствием взглянул бы на оставленные беглецами вещи. Вместе с Магдаленой они зашли сначала в комнату, где квартировал Эразм Роттердамский.

Дорожный багаж ученого был крайне скромен: пара панталон и черные чулки, присборенная на груди рубаха, складной пюпитр со всеми принадлежностями и стопка книг, перевязанная ремешком, которую венчало его собственное

произведение ***Colloquia familiaria,*** то есть «Разговоры запросто». В комнате царил беспорядок, свойственный многим холостяцким жилищам.

Зато в комнате Фауста они столкнулись с идеальным порядком. Тюфяк был тщательно разглажен, одежда висела на крючке у двери и была аккуратно перекинута через спинку стула. В дорожном кофре, помимо белья, находились географическая

карта, бумага и письменные принадлежности. Был еще сундук, обращавший на себя внимание прежде всего своим изрядным весом и тем, что его крышка была прибита гвоздями.

Шварц приподнял с помощью кочерги крышку и разразился хохотом:

— Честно говоря, я думал, что этот Фауст таскает с собой сокровища. И что я вижу? Камни, обломки — и все! Ты можешь мне это объяснить?

Магдалена пожала плечами.

— Смотри, — сказал Шварц и показал на внутреннюю сторону деревянной крышки. Там красовалась бегло сделанная сангиной запись: ***In aeternum tacent libri Johannis Trithemii suo loco domo Caesaris Henrici.***

— Навечно молчат книги Иоганна Тритемия на своем месте в соборе императора Генриха. — Перевод с легкостью слетел с языка Магдалены.

Маттеус Шварц в восхищении склонил голову набок и удивленно поднял брови. Потом произнес:

— Странные люди эти чернокнижники. Всему предпочитают загадки и с легкостью усложняют простейшие вещи.

За вечерней трапезой, проходившей в зале трактира и состоявшей из вина, хлеба и сала, Магдалена постепенно снова пришла в себя. Венделин попрощался, сославшись на усталость и душевное смятение, которые делали его неспособным к беседе, и поднялся в отведенную комнату.

После третьей кружки Шварц осмелился задать вопрос:

— Ты помнишь нашу первую встречу в гостинице «Двенадцать апостолов» в Майнце?

— Когда ты посвящал меня в тайны денежных операций?

— Не только.

— Да, ты хотел взять меня на службу к Фуггеру. Я должна была развернуть торговлю тканями с Индией.

— От этого предложения я и сегодня не отказываюсь. Так каков твой ответ? У тебя было достаточно времени подумать.

Магдалена улыбнулась. Она посчитала слова Маттеуса предлогом.

— Там было еще кое-что. — Маттеус серьезно посмотрел на нее. — С самого первого мига, как только я тебя увидел, я почувствовал к тебе такую глубокую симпатию, которую до того никогда не испытывал. И эта симпатия росла день ото дня. Скажу тебе больше, она сводила меня с ума.

Какая женщина не растаяла бы от таких слов! Однако Магдалена лишь взглянула на Маттеуса и спросила:

— И как часто ты уже шептал женщинам на ушко эти слова?

Ее глаза лучились той прелестной гордостью, которая с самого начала очаровала его. Это была отнюдь не надменность, Магдалена прекрасно осознавала, что действует на мужчин неотразимо, и не скрывала этого.

— Еще ни разу! — ответил он на ее вопрос, предоставляя решить самой, верить ему или нет. И добавил почти робко: — Я две недели ездил по стране; забыв о долгах и процентах, я гонялся за своим счастьем.

Высокопарные слова Маттеуса поразили Магдалену в самое сердце. «Почему, — пронеслось у нее в голове, — ты противишься объяснению в любви мужчины, который мог бы иметь любую женщину, стоит ему только захотеть? Или именно это и есть причина?»

— Счастье, — задумчиво произнесла Магдалена. — А что ты понимаешь под счастьем?

Шварц на минуту задумался и ответил:

— Счастье — это когда ты полностью удовлетворен настоящим мигом, не больше. Но и не меньше!

— Это ты хорошо сказал. Ты доволен этим мигом?

Маттеус кивнул, нагнулся над столом и взял ее руку в свои.

— Не надо думать, что я чурался женщин, как монах-бенедиктинец. Мужчина, которому сопутствует слава и которого преследует молва, что он распоряжается большими деньгами, чем есть в казне у императора, нравится женщинам всех сословий. Иногда, признаюсь, мне было нелегко отказываться от даров, которые преподносились мне стройными красотками, говорящими двусмысленности.

— И ты всегда оставался непреклонен?

— Не всегда. Зачем я буду лгать?

Его искренность и честность нравились Магдалене. Помимо подкупающей внешности и безупречных манер в нем было много других достоинств. «Ты должна блюсти себя», — строго сказала себе Магдалена, сбитая с толку его попытками сближения.

— Ты дважды спас мне жизнь, — сказала она без всякой связи с предыдущим. — Я не знаю, как тебя благодарить.

— Ты же меня об этом не просила, так что нет нужды и благодарить. Я делал это добровольно и из лучших побуждений. Надеюсь, я тебе угодил. Только глупцы и святоши охотно расстаются с жизнью.

Магдалена была уже готова встать и пойти в свою комнату, ведь у нее был такой тяжелый день, как вдруг заметила, что он все еще держит ее руку, и не осмелилась, нет, ***не захотела*** забирать свою руку.

Они сидели молча, и вдруг их взгляды встретились. Маттеус

будто прочел ее мысли:

— Ты устала и должна хорошенько выспаться. Пошли.

Они отправились вверх по лестнице, трактир к тому времени давно опустел. Хозяин отвел каждому — Магдалене,

Венделину Свинопасу и Маттеусу Шварцу — отдельную комнату, как полагалось знатным господам.

Перед дверью в комнату Магдалены Маттеус спросил, можно ли ее поцеловать. Вспомнив его слова про счастье, она ответила положительно, ехидно добавив: «Если твоя удовлетворенность моментом от этого возрастет». Когда он приблизил к ней свои губы, она повернула голову и подставила ему щеку.

Позже, оставшись одна, Магдалена пожалела о своем поведении и необдуманном, заносчивом замечании. Кто ее вечно за язык тянет? Она решила утром попросить у Маттеуса прощения. Лежа в нижней рубашке на кровати, она стала считать в сумеречном свете деревянные балки на потолке. Наконец глаза ее сомкнулись.

Поднялся сильный ветер. Первая осенняя буря пронеслась вверх по реке, покрытые свинцом стекла в окнах содрогнулись, и холодный запах гари просочился сквозь щели. Ее мысли вновь и вновь возвращались к «Книгам Премудрости», теперь уже утраченным безвозвратно. По ее вине. Что это, несчастье или удача?

Без эликсира она никогда теперь не отважится взойти по канату. Неужели ей придется всю свою жизнь бояться преследования инквизиции?

Ветер хлестал по окнам крупными каплями дождя, словно задавшись целью расколоть их. Ей стало холодно. Отвлеченная безумствующей бурей, она не заметила, как отворилась дверь ее комнаты. В полузабытьи ей вдруг почудилось, что кто-то стоит рядом с кроватью. Магдалена открыла глаза.

Маттеус! На нем была длинная белая рубаха.

Она подумала, что он пришел за вознаграждением, и подвинулась, освобождая ему место. Но Маттеус опустился на колени и покачал головой.

— Я подумал, что ты можешь испугаться, — успокаивающе произнес он.

Но Магдалена уже не контролировала свои эмоции.

Молния рассекла темноту и на доли секунды осветила их лица. На Магдалену словно нашло озарение — она вдруг поняла, что хочет провести с Маттеусом всю свою жизнь.

Притянула его к себе, и они с бешеной страстью предались любви. Так, будто наверстывали все, что было упущено ими раньше. Наконец в полном изнеможении они упали на простыню.

Когда они проснулись, на шелковистом голубом осеннем небосводе уже сияло солнце.

Спустившись вниз, они узнали от хозяина, что библиотекарь Венделин Свинопас покинул гостиницу ранним утром. Он передал, что благодарен за новую изысканную одежду, и попросил оплатить его счет. А им обоим пожелал самого большого счастья на этой земле.

Еще в тот же день Маттеус Шварц приказал запрягать лошадей и грузить багаж. Когда тяжелый фургон с грохотом выехал из города через южные ворота, Маттеус взял Магдалену за руку. Кучер залихватски щелкнул кнутом, и лошади пустились рысью. Магдалена и Маттеус ехали в новую жизнь.

Эпилог

На следующий год, пережив холодную зиму, которую я при содействии булочницы провел в нетопленой библиотеке монастыря на горе Михельсберг, мне пришлось отказаться от своей профессии библиотекаря, как от старого изношенного пальто. С тех пор я с огромным удовольствием посвятил себя рассказу историй. Теперь я странствую из города в город, из крепости в крепость, с ярмарки на ярмарку, и частенько слушатели бросают мне в шляпу лишь пару крейцеров.

Ну и, конечно, вы давно это заметили, что я не только сменил род занятий, но и собственное имя. Не может странствующий рассказчик зваться Венделином, тем более Свинопасом, а потому я нарек себя Гильдебрандом фон Альдерслебеном, по названию деревушки, где я родился.

Скажете, что это слишком напоминает Вольфрама фон Эшенбаха[15] или Генриха фон Фельдеке, которые своими любовными песнями заставляли рыдать даже прачек и горничных?

В качестве Гильдебранда фон Альдерслебена я, урожденный Венделин Свинопас, странствую по стране уже не один год, рассказывая истории, отчасти всамделишные, свидетелем и участником которых был сам, а отчасти вымышленные, мною сочиненные. Но та история, которую я записал и которую вы сейчас прочли, самая что ни на есть правдивая, ведь большую ее часть я сам пережил.

Сегодня события того далекого 1525-го года кажутся мне наиболее волнующими и диковинными во всей моей жизни. Конечно, воспоминания многое преображают, красивое и доброе перевешивает, но перед моими глазами так до сих пор и стоит жуткая картина, когда плотники на рыночной площади Бамберга начали устанавливать виселицу, на которой палач должен был лишить меня жизни.

Я часто задумывался о том, явилось ли уничтожение «Книг Премудрости» огромной потерей для человечества. Не пошло ли это скорее на пользу, если вспомнить, какие средства и пути изыскивали некоторые личности, чтобы завладеть ими? И я даже не Магдалену имею тут в виду, чьим единственным интересом был эликсир, с помощью которого она надеялась освободиться от обвинений в колдовстве со стороны инквизиции.

Если бы Папа и его алчный легат Джустиниани нашли сокровища тамплиеров, кто знает, что бы они сделали с этим

несметным богатством. Бедные — тут уж я нисколько не сомневаюсь — остались бы ни с чем, несмотря на слова Господа в Библии: «Так, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

А Альбрехт Бранденбургский, этот сердцеед? Он бы вел еще более расточительный и распутный образ жизни, пьянствовал бы и скупал не имеющие никакой ценности косточки мнимых «святых», бывших при жизни не святее свиньи, предназначенной на убой.

Еще остаются чернокнижник Иоганн Фауст и его заказчик Эразм Роттердамский. Когда Фауст, этот шарлатан, сочинявший гороскопы, несколько лет назад отправился в мир иной, никто и слезинки не пролил по нему. И даже Эразму, сиятельнейшему ученому, его собственная смерть спустя всего несколько дней помешала скорбеть по ушедшему. Кстати, я вовсе не уверен, что Фауст, который был ближе к дьяволу, чем любой человек в этом мире, отдал бы «Книги Премудрости» своему заказчику. Если бы книги нашел Фауст, он сам бы воспользовался их содержанием и посмеялся над Девятью Незримыми, поскольку один из них поручил это дело именно ему, величайшему шарлатану и обманщику.

Девять Незримых больше не давали о себе знать. Хотя каждый из них достиг славы и почета на своем поприще, их сообщество утратило свой смысл. Если же проследить судьбу тех трех Незримых, принадлежность которых к союзу не вызывает сомнения, то они лишь подтверждают мои мысли о том, что «Книги Премудрости» должны быть навсегда стерты из памяти человечества. Великий Рудольфо стал жертвой покушения. Отличавшегося крепким здоровьем аббата Тритемия за несколько дней скрутил странный недуг. А Папа Климент после десятимесячного пребывания на посту понтифика ушел из жизни на пути в Рим. Такое впечатление, что над тайными книгами тяготело проклятие и они скорее были способны разрушить мир, чем подарить нам, людям, лучшие времена.

Что же до жены канатоходца, то не стану скрывать, я боготворил Магдалену, втайне любил ее. Но я, увы, не был знаменитым канатоходцем, как Великий Рудольфо. Не было у меня и предприимчивости, которой обладал посланник дома Фуггеров Маттеус Шварц.

То, что моя внешность уступала обоим, не подлежит сомнению, хотя опыт учит, что самые красивые женщины чувствуют симпатию как раз к мужчинам, обделенным природой, а не наоборот.

Причина, скорее всего, заключается в законе природы, по

которому, к примеру, одинаковые полюсы отторгают друг друга, а разные притягивают. В моем случае этот закон, к сожалению, не сработал. Но кто знает правду о любви? Давать свои толкования так же бессмысленно, как исследовать мотивы, побуждающие человека действовать так, а не иначе.

Моя страсть к сочинению историй берет, наверное, начало в том магическом воздействии, которое на меня оказывают странствующие шуты и ярмарки. Так было не всегда. Может, меня не оставляет безумная надежда, что в один прекрасный день из циркового фургончика выйдет женщина в зеленом платье, грациозная и самоуверенная, — Магдалена.

Исторические факты

События романа «Беглая монахиня» разворачиваются в 1525 году, в период с мая по сентябрь. Это время заката Средневековья и начала Ренессанса. А еще время Реформации и кровавых крестьянских войн.

Как свидетельствуют старые летописи, в эти времена по стране разъезжали многочисленные странствующие цирковые труппы, чтобы снова выманить на площади запуганный народ, попрятавшийся по своим домам. Особенно много бродячих артистов было по берегам Майна и его притоков — там, где прошли самые суровые и жестокие бои.

И в монастырях, которых как нигде много между Бамбергом и Майнцем, царили неспокойные времена. Монахи и монахини, зачастую против своей воли проводившие жизнь за монастырскими стенами, восставали против настоятелей орденских обителей. Папа Римский, кардиналы и князья-епископы были чем угодно, только не образцами христианской жизни в смирении и целомудрии. Они, не стесняясь, вели праздную и распутную жизнь.

МАГДАЛЕНА, главная героиня романа, — вымышленный персонаж. Вымышлен и монастырь Зелигенпфортен. Иначе обстоит дело с монастырями Эбербах и Святого Якоба в Вюрцбурге. Последний, однако, был разрушен во время Второй мировой войны.

ВЕЛИКИЙ РУДОЛЬФО, как и все артисты его труппы, — тоже плод авторской фантазии. Однако все они действуют в историческом контексте и пересекаются с известными реальными персонажами того времени.

К примеру, это скульптор и художник ТИЛЬМАН РИМЕНШНАЙДЕР, которого Магдалена встречает в Вюрцбурге. С 1520 по 1521 год он был даже бургомистром своего родного города, однако судьба его после крестьянского восстания была плачевна. Вюрцбургский князь-епископ подверг его пыткам как сторонника повстанцев, и ему перебили кисти рук. После 1525 года Рименшнайдер уже не смог взять резец в руки и умер в 1531 году в горечи и озлоблении.

«Его курфюрстшеская милость» АЛЬБРЕХТ БРАНДЕНБУРГСКИЙ (1490—1545) — также историческая фигура, тут и сочинять ничего не надо. С 1514 года архиепископ и курфюрст Майнца, с 1518 года — кардинал. Свою должность и сан он купил на деньги, взятые взаймы у Фуггера. Сверх этого

курфюрст Альбрехт отличался дорогостоящими увлечениями: коллекционировал, как многие его современники, ценные реликвии, любил красивых женщин и изящные искусства.

Подробнее о его женщинах. Он жил с ЭЛИЗАБЕТ ШЮЦ, которую называл «Лейс», в гражданском браке, и у них была дочь, которую он выдал замуж за своего секретаря ИОАХИМА КИРХНЕРА. Когда «святейший князь» пресытился Лейс, он обратил свои взоры на богатую франкфуртскую вдовушку АГНЕС ПЛЕСС, урожденную Штраус. Через пару лет он сделал ее аббатисой монастыря, который построил для нее в окрестностях Ашаффенбурга, в лесопарке Шенталь.

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР и МАТИАС ГРЮНЕВАЛЬД, а в первую очередь ЛУКАС КРАНАХ СТАРШИЙ были завалены заказами от курфюрста Альбрехта. Портреты кисти Кранаха изображают Альбрехта в образе святого Иеронима или же вместе с возлюбленной в образах святого Мартина и святой Урсулы. На другом кранаховском портрете Лейс представлена в образе прелюбодейки из Евангелия от Иоанна.

Не подлежит сомнению и то, что МАТТЕУС ШВАРЦ (1497—1574), главный бухгалтер аугсбургских Фуггеров, взимал долги с Альбрехта Бранденбургского. Впрочем, подробности того, насколько ему это удалось, не сохранились. Любовная связь, подобная той, что была у него якобы с «женой канатоходца», вполне возможна.

Жизнь чернокнижника и составителя гороскопов ДОКТОРА ИОГАННА ФАУСТА (около 1480 — около 1536) так же загадочна, как даты его жизни. Даже его имя Иоганн, вероятно, ненастоящее, скорее всего, Фауста звали Георг. Гете, посвятивший ему величайшую поэму на немецком языке, и вовсе назвал его Генрихом. Кстати, Гете был не первым и не последним, кто использовал образ Фауста как литературный персонаж. Первые литературные попытки относятся к 1575 году. Вот и в этой книге Фауст оказывается воплощением зла.

Доказанным считается, что после 1520 года Фауст пребывал в Бамберге и составлял для епископа ВЕЙГАНДА РЕДНИЦА, имевшего резиденцию на соборной горе в Бамберге с 1522 по 1556 годы, гороскоп за десять гульденов. Затем его следы теряются, и он всплывает только в 1528 году в Ингольштадте, а позже в 1532-м в Нюрнберге.

В неменьшей степени окутана легендами фигура ИОГАННА ТРИТЕМИЯ (1462—1516). Ученый монах-бенедиктинец и оккультист, он снискал известность не столько как аббат монастыря Святого Якоба, сколько своими многочисленными трактатами по черной магии, нигромантии (колдовство при

помощи злых духов) и стеганографии (искусство тайнописи). Уж очень охотно он окружал себя зловещим ореолом, чем заслужил признание даже в высших кругах. Якобы он инсценировал для императора Максимилиана в 1482 году

жуткий спектакль, во время которого появлялся дух покойной супруги императора Марии Бургундской — предположительно посредством камеры-обскуры.

Его сочинения об искусстве тайнописи на латыни пользовались большой популярностью далеко за пределами Германии. Тритемий считался изобретателем *Tabula recta* (лат.: квадратная доска), шифровального метода, который, несмотря на поразительную простоту, остается загадкой для несведущего.

Приведенная здесь *Tabula recta* — это шифровальная таблица в современном варианте, которая может соблазнить иного чита-

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z
B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A
C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B
D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C
E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D
F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E
G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F
H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G
I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H
J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I
K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J
L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M
O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N
P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O
Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P
R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q
S	T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R
T	U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S
U	V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T
V	W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U
W	X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V
X	Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W
Y	Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X
Z	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y

Квадратная таблица по Иоганну Тритемию

теля на ее практическое применение. Это «прогрессивное шифрование» использовалось еще во времена Второй мировой войны. При этом надо иметь в виду, что средневековый алфавит имел не 26, а только 24 буквы. J и V совпадали с I и U. Кроме

того, ранний алфавит заканчивался не U-V-W-X-Y-Z, а U-X-Y-Z-W.

В *Tabula recta* самым простым способом зашифровано слово BROT:

Из первой горизонтальной строки берется B, из второй — R, над которой, однако, сверху стоит Q, из третьей строки берется O, над которой в первой строке стоит M, из четвертой — T, над которой в первой строке сверху стоит Q. Из BROT получается BQMQ.

Вследствие смещения алфавита в каждой строке на одну букву в шифре одна и та же буква (в данном случае Q) может передавать то R, то T. При дешифровке действуют в обратной последовательности (ср. иллюстрацию).

Поиски следов Иоганна Тритемия проходили крайне сложно, поскольку Вюрцбургского монастыря бенедиктинцев больше не существует. Он был распущен в 1803 году, и с тех пор его история складывалась весьма причудливо: он служил гарнизонным лазаретом, военным складом, а с 1804 года — гарнизонной церковью. Бомбы Второй мировой войны полностью разрушили его.

Спасено было надгробие, созданное Тильманом Рименшнайдером для аббата Иоганна Тритемия. Ныне оно находится в Ноймюнстере, возле собора, и скрывает больше чем одну тайну. Благодаря этому надгробию возникла идея создания книги «Беглая монахиня».

От внимательного зрителя не укроется отделенное от основного массива верхнее полукружие. Симметрично расположенная по кругу, вырванная из контекста эпитафия «Достойный почитания святой отец и господин Иоганн Тритемий» кажется надставленной на месте более раннего полукружия. А как же выглядела предыдущая эпитафия? И почему ее удалили?

Кроме того, бросаются в глаза странные, неестественные складки на груди одеяния Тритемия, не достойные резца такого именитого скульптора, как Рименшнайдер. Складывается впечатление, будто художник или же его заказчик, то есть сам аббат, необычным расположением линий хотели нам на что-то указать. Быть может, на слияние трех рек?

А еще там есть раскрытая книга, которую Тритемий прижимает к своей груди, словно не желая, чтобы кто-нибудь узнал о ее содержании. На переплетах светских книг не бывает христианских символов, как на библиях, евангелиях или требниках. Так что же хочет утаить аббат?

Случайно это или нет? На расстоянии одного дня пути от Вюрцбурга, в кафедральном соборе Бамберга, в укромном месте мы находим такое же художественное указание на слияние трех

рек на саркофаге ПАПЫ КЛИМЕНТА II (1046/1047). Выходец из саксонского дворянства, Папа был по его завещанию погребен как единственный преемник апостола Петра севернее Альп в Бамберге. Последним местом своего упокоения он выбрал Бамбергский собор, поскольку под именем Суитгер был возведен здесь в сан епископа.

Скорее невзрачный, не достойный Папы саркофаг в настоящее время по непонятным причинам скрыт за пышной епископской кафедрой на западных хорах собора и практически не доступен для публики. Расположенные по бокам рельефы задают не меньше загадок, чем надгробие Тритемия.

До сегодняшнего времени два из этих рельефов так и остались нерасшифрованными: обнаженный юноша, сидя на корточках, показывает на три ручья, реки или потока, соединяющихся воедино. Тот же это намек, что на надгробии Тритемия?

В Германии есть лишь два города, в окрестностях которых сливаются три реки: Пассау и Бамберг. С Пассау ни Папа Климент II, ни аббат Тритемий не имели ничего общего. Тогда остается Бамберг. Тем более что третий рельеф на папском саркофаге, неоднократно толковавшийся как «Климент на смертном одре», должен заставить усомниться здравомыслящих людей. На рельефе виден смеющийся Климент, которого нельзя не опознать по папской тиаре; он лежит на простой кровати, небрежно подперев голову правой рукой и показывая указательным пальцем левой руки под кровать. За ним изображен смеющийся ангел, размахивающий правой рукой. Оба явно радуются, что никто не добрался до их тайника.

Так что же прятал Папа Климент II в своем саркофаге? Может, «Книги Премудрости» с научными познаниями, насчитывающими тысячелетия?

В старинных летописях и инкунабулах, прежде всего имевших дело с оккультизмом и черной магией, всплывают указания на рукописи и книги подобного содержания; однако ни одна из этих книг до сих пор не найдена. Нет ни одного достоверного указания и на хранителей таких сочинений, что, впрочем, отнюдь не доказывает, что их никогда не существовало.

А что, если давным-давно, на закате Средневековья, они были обнаружены по счастливой или несчастливой случайности? Что, если Эразм Роттердамский (1466—1536), Пьетро Аретино (1492—1556), Николай Коперник (1473—1543), Никколо Макиавелли (1469— 1527), Агриппа из Неттесгейма (1486—1535), Парацельс (1493— 1541), Нострадамус (1503—1566) и Матиас Грюневальд (1470—1528) взяли на себя миссию хранить эти книги? И именно

странствующий циркач, к тому же канатоходец, влюбившийся в послушницу, оказался единственным, кто знал, где находится тайник?

Эта мысль не давала покоя Филиппу Ванденбергу, и он приступил к долгим изысканиям. Перед вами плод его фантазии.

notes

1

Миннезингер — средневековый поэт, певец, автор и исполнитель рыцарской («любовной») лирики: немецкое Minnesinger — певец любви. Во Франции таких музыкантов называли трубадурами. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

2

Миннезанг — жанр немецкой средневековой рыцарской поэзии, являвшийся ведущим жанром куртуазной литературы на протяжении последней трети XII и всего XIII веков.

3

Цистерцианцы *(лат. Ordo Cisterciensis, OCist),* белые монахи, бернардинцы — католический монашеский орден, ответвившийся в XI веке от бенедиктинского ордена. Выдающуюся роль в становлении ордена сыграл святой Бернард.

4

Ян ван Эйк (ок. 1385 или 1390—1441) — фламандский живописец раннего Возрождения, мастер портрета, автор более ста композиций на религиозные сюжеты, один из первых художников, освоивших технику живописи масляными красками.

5

Лукас Кранах Старший (1472—1553) — немецкий живописец и график эпохи Ренессанса, мастер живописных и графических портретов, жанровых и библейских.

6

От слова «нигромантия» *(лат. niger — черный и греч. mantenia — гадание)*. Чернокнижие, черная магия, колдовство при помощи злых духов.

7

Альбертус Магнус (1193/1207—1280) — немецкий философ, доминиканский теолог, один из крупнейших умов Средневековья, снискавший благоговейное почтение как в религиозных кругах, так и среди ученых.

8

Иоганн Тецель, также Тетцель — саксонский монах, настоятель доминиканского монастыря, получил известность распространением индульгенций, которые он продавал самым беззастенчивым образом, вымогая за них деньги и утверждая, что значение индульгенции превышает значение крещения.

9

Альберт Великий или Св. Альберт, Альберт Кельнский, Альберт фон Больштедт *(лат. Albertus Magnus, около 1200—15 ноября 1280)* — философ, теолог, ученый. Видный представитель средневековой схоластики.

10

Мене, текел, упарсин — согласно библейскому преданию, слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона.

11

От слова «рабдомантия» (*греч.*) — устаревшее название искусства (и до сих пор не объясненного явления) лозоходства, биолокационного способа гадания.

12

Лицо, готовящееся к пострижению в монахи.

13

Перевод латинских названий: «О реквизитах и воздействии настоящей магии», «Трактат об алхимии», «Книга восьми вопросов», «Полиграфия», «Стеганография».

14

Св. Хильдегарда Бингенская — немецкая монахиня, настоятельница монастыря в долине Рейна. Автор мистических трудов, религиозных песнопений и музыки к ним, а также трудов по естествознанию и медицине.

15

Вольфрам фон Эшенбах — один из крупнейших эпических поэтов немецкого Средневековья.